

801-18
2684

ХРИСТИАНСКІЕ УРОКИ.

2 ¹⁰/₁₆₉

ПРОПОИЕРЕН

Василія Нечаева.

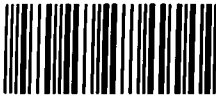
МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ (КАТКОВЪ И К'),
на Страстномъ бульварѣ.

1875.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Къ читателямъ.		
1. Страхъ Господень.		III.
2. Хула на Святаго Духа.		13—19
3. О чтеніи слова Вожіа.		20—26
4. Предсмертна страхованія.		25—30
5. Дѣла благотворительности на странномъ судѣ Христовомъ.		30—36
6. Кому уготованы горнія селенія?		37—43
7. Слово о содѣйствіи православному миссіонерскому обществу		43—49
8. Нѣсколько словъ по поводу старокатолическаго движенія.		49—56
9. Неизглаголанна въздыханія Святаго Духа.		57—61
10. О святыхъ мѣстахъ и о народномъ театрѣ. Слово въ праздникъ Воздвиженія.		61—70
11. Рѣчь при отпѣваніи въ Чудовѣ монастырѣ профессора семинаріи Капштона Ив. Невоструева.		70—75
12. Слово въ день торжественнаго открытія въ Московск. Златоустовскомъ монастырѣ Братства св. Петра митр.		75—85
13. Чудо на брактѣ въ Канѣ Галилейской.		85—92
14. Рѣчи живой воды.		92—100
15. Памятованіе о скоротечности жизни.		100—106
16. О плотоугодіи.		106—115
17. Слово на Преображеніе Господне		115—123
18. Бесѣдовательное изъясненіе церковнаго стиха: <i>Преблословенна еси Богородице Дѣво</i>		123—134
19. Нѣчто объ Адамовой главѣ и о московскихъ спектакляхъ подъ праздникъ Воздвиженія. Слово въ день Воздвиженія.		134—142
20. Бесѣдовательное толкованіе церковнаго стиха: „Богородице, Ты еси Доза истинная“		142—149
21. Нѣчто въ защиту духовенства. Слово въ день празднованія 8-й годовщины Братства святителя Николая.		149—160
22. Самохвальство		161—167

2007077898

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ, Москва, Ноября 28 дня 1874 года.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

II.

23. Рѣчь въ честь юбиляра.	167—169
24. По поводу ъдствій отъ неурожаа въ Самарской губерніи въ 1873—1874 гг.	170—177
25. Толки ревнителѣй полнѣйшей свободы раск'а. Слово въ день празднованія 1-й годовщины Братства св. Петра митрополита.	178—138
26. Въ память свѣщ. Ивану Дмитріевичу Владиславлѣу.	189—191
27. Въ память профессору московск. университета Ивану Дмитріевичу Вѣялеву.	192—196
28. О судебныхъ приговорахъ.	196—206
29. Отвѣтъ глаголемому старообрядцу по поводу проповѣди, сказанной въ 1-ую годовщину Братства св. Петра митрополита.	206—214
30. О грѣхахъ чувствъ.	214—229
31. Нѣсколько словъ къ новобратнымъ послѣ вѣщанія.	230—232
32. Святый Духъ—обличитель невѣрія во Христа.	233—242
33. Отвѣтъ Современнымъ Извѣстіямъ.	242—251
34. Опытъ злоупотребленія словами св. Писанія.	251—257
35. О молитвѣ предъ ночнымъ сномъ.	257—265
36. Сходство смерти съ рожденіемъ. Слово въ день Рождества Богородицы, предъ отгѣваніемъ покойника.	266—272
37. Требаженное древо.	273—280
38. Наказуемый Богомъ народъ. Слово въ Богородичный праздникъ.	281—289
39. О самолюбіи. Слово въ день празднованія девятилѣтія Братства святителя Николая.	290—298
40. О неблагодарности къ благодѣтелямъ.	299—304
41. Жезлъ отъ корня Иессеева.	305—312

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Въ составъ книги, подъ названіемъ: „Христіанскіе уроки“ предлагаемой благосклонному вниманію читателя, входятъ статьи разнообразнаго содержанія. Въ ней читатель найдетъ и духовно-нравственныя наставленія и вразумленія, и объясненіе мудреныхъ текстовъ св. Писанія, и толкованіе на церковныя пѣснопѣнія, и Рѣчи на разные случаи. Но о чемъ бы авторъ ни разсуждалъ, онъ всячески избѣгалъ отвлеченности въ своихъ разсужденіяхъ, старался каждую мысль выразить наглядно и общепонятно, безъ ущерба впрочемъ для ея внутренней силы и глубины,—изложеніе оживлялъ чертами, взятыми прямо изъ дѣйствительной жизни, и въ каждой почти статьѣ давалъ не мало мѣста оцѣнкѣ современныхъ неутѣшительныхъ въ нравственномъ отношеніи явленій частной и общественной жизни,—несогласныхъ съ ученіемъ и установленіями православной Церкви возрѣвніи и обычаевъ.

Книга наша составилаь изъ статей, первоначально помѣщенныхъ въ издаваемомъ нами ежемѣсячномъ журналѣ *Душеполезное Чтеніе* за 1872, 1873 и 1874 годы. Издавая ихъ отдѣльною книгою, мы имѣли въ виду читателей, незнакомыхъ съ этимъ журналомъ.

Прот. В. Пискаревъ.

СТРАХЪ ГОСПОДЕНЬ.

«Начало премудрости страхъ Господень».
Прит. 9, 10. Иов. 28, 8. Псал. 110, 10.

Что такое вообще страхъ Господень? Не должно думать, что онъ есть только страхъ наказанія за грѣхи, или грознаго, неумитнаго суда Божія. Чтущему Бога свойственъ и этотъ страхъ и даже святые люди, преуспѣвшіе въ любви къ Богу, въ подвигахъ благоугожденія Ему по любви къ Нему, старались возбуждать въ себѣ страхъ суда Божія. Но въ ихъ душахъ этотъ страхъ не былъ господствующимъ чувствомъ, иначе не могъ бы ужиться съ наполнявшею ихъ сердце любовью къ Господу, которая вонъ изгоняетъ сей страхъ (1 Иоан. 4, 18). Въ нихъ онъ возбуждался только по временамъ, какъ врачество противъ угрожающихъ или уже одолавающихъ грѣховныхъ искушеній. Господствующимъ чувствомъ онъ бываетъ только у рабовъ, знающихъ одно рабское, а не сыновнее отношеніе къ Богу, видящихъ въ Немъ только грознаго Господина и Судю, и служащихъ Ему не по любви, а только по чувству самосохраненія. Но есть видъ страха Господня, совмѣстнаго съ любовью къ Господу; такой страхъ возбуждается сознаниемъ не правосудія только Господа, но вообще величія Его и нашего предъ Нимъ ничтожества, безпредѣльныхъ совершенствъ Его и нашихъ несовершенствъ, недостатковъ и грѣховъ.—сознаниемъ безконечнаго разстоянія, отдѣляющаго насъ, ограниченныхъ и грѣшныхъ тварей, отъ Него, но въѣсть близости Его, какъ вездѣсущаго и все исполняющаго, къ намъ и зависимости нашей отъ

Него во всемъ. Сей страхъ иначе называется благоговѣніемъ къ Богу, какъ существу Высочайшему и всеовершенному, и вообще благочестіемъ. Въ этомъ видѣ страхъ Господень не только не исключаетъ любви къ Господу, но предполагаетъ ее, ибо любовь наша къ Богу должна быть благоговѣйная. Любя Его какъ Отца нашего, мы должны помнить, что Отецъ сей при всей близости къ намъ, какъ чадамъ своимъ, есть вмѣстѣ Господь нашъ и Владыка всего міра, существо, предъ безпредѣльнымъ величіемъ Котораго не только мы, но и вся вселенная—ничто, и сею памятію нашу любовь къ Нему удерживаетъ отъ несправильныхъ движеній,—отъ искушеній гордости и дерзости. Въ этомъ преимущественно смыслъ должно разумѣть страхъ Божій, какъ начало премудрости.

Премудрость, началомъ которой служатъ страхъ Божій, это въ обширномъ смыслѣ есть просвѣщеніе, или обогащеніе ума всякаго рода познаніями. Когда страхъ Божій называется началомъ премудрости, это значитъ, что въ основаніи просвѣщенія должно лежать благочестіе, что въ дѣлѣ просвѣщенія главная забота должна быть обращена на обученіе страху Божию, что безъ него не можетъ быть полно какое просвѣщеніе, что безъ благочестія человѣкъ не можетъ быть истинно просвѣщеннымъ, что только въ соединеніи съ благочестіемъ можетъ быть полезно просвѣщеніе.

Ничъ много говорятъ о необходимости повсемѣтнаго распространенія просвѣщенія, образованія, и по крайней мѣрѣ грамотности, утверждая, что безъ этого не можетъ быть достигнуто ни улучшеніе вѣшняго нашего быта, ни нравственное преуспѣваніе. Идетъ ли рѣчь о бѣдности народа, о неприглядности его вѣшняго быта,—это, говорятъ, есть слѣдствіе невѣжества; просвѣщеніе, знакомство съ науками научило бы простолюдина устроить вѣдшее свое благосостояніе. Зайдетъ ли рѣчь о нравственной распущенности въ народѣ, о господствующахъ въ немъ порокахъ: пьянства, обмана, воровства, о суевѣріяхъ и расколахъ,—виною всему, говорятъ, есть опять невѣжество, съ просвѣщеніемъ ничего этого не могло бы быть; чѣмъ человѣкъ просвѣщеннѣе, чѣмъ онъ развитѣе въ умственномъ отношеніи, тѣмъ онъ благороднѣе, правдѣнѣе, вообще нравственнѣе.

Нѣтъ спора, что вѣдшее благосостояніе зависитъ отъ успѣховъ просвѣщенія: человѣкъ мало-мальски грамотный и развитый гораздо искуснѣе въ дѣлахъ хозяйства человѣка неграмотнаго, неразвитаго, вообще чуждаго просвѣщенія. Сравните бытъ дикаря, едва витающаго себя насущнымъ хлѣбомъ, живущаго въ дынной землянкѣ или шалашѣ, съ бытомъ человѣка, впускающаго плоды гражданственности, и вы увидите, какая великая между ними разность. Вообще человѣкъ чему-нибудь учившійся скорѣе найдетъ себѣ средства для устройства своего благосостоянія, чѣмъ ничему не учившійся: первому открыто самое обширное поприще для прибыльныхъ занятій, тогда какъ послѣдній обыкновенно употребляется на одинъ черный трудъ, скудно вознаграждаемый. Но нужно ли, чтобы просвѣщеніе и въ семь случаевъ было соединено съ страхомъ Божиимъ? Безъ сомнѣнія нужно, Страхъ Божій удерживаетъ отъ употребленія беззачетныхъ средствъ къ обогащенію. Страхъ Божій привлекаетъ благословеніе Божіе на наши труды и предпріятія и дѣлаетъ удачу предохраняетъ отъ унынія, отъ лопота на Бога, на людей, на обстоятельство, и отъ отчаянія. При страхѣ Божіемъ бѣдность переносится благодушно, тогда какъ удовольствіе обладанія богатствомъ, которое нажато съ подавленіемъ въ душѣ страха Божія и безсовѣстными средствами, отражается воспоминаніемъ о неправдахъ и обидѣхъ ближнему и обличеніями совѣсти, по временамъ беспокоящей людей, поступающихъ вопреки ея внушеніямъ.

Что касается до нравственнаго преуспѣванія, то оно еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ вѣдшее благосостояніе, зависитъ отъ страха Божія. Страхъ Божій въ семь случаевъ никоимъ образомъ не можетъ быть замѣненъ однимъ умственнымъ образованіемъ. Последнее, говорятъ, смягчаетъ, облагораживаетъ нравы, но смягчаетъ и облагораживаетъ ихъ только съ вѣдшей стороны, даетъ благовидность только вѣдшему поведенію, да и это не всегда. Послѣдователи новомоднаго ученія — *борьбы за существованіе*, современные материалисты и нигилисты—все это люди, повидимому образованные, но вмѣстѣ болѣею частью самые грубые, дерзкіе и грубые, дерзость, цинизмъ даже поставляютъ себѣ въ похвалу. Они

такъ проникнуты мыслию о человѣческомъ своемъ достоинствѣ, что не считаютъ себя обязанными уважать его въ другихъ; такъ высоко смотрятъ на личныя свои права, что презираютъ обязанности почтенія къ старшимъ, даже къ отцу и матери, какъ дѣло предрасудка. И могутъ ли иначе поступать люди, въ которыхъ совѣтъ нѣтъ страха Божія, въ которыхъ подавлено всякое движеніе благочестиваго чувства невѣріемъ въ Бога, въ Его святое промышленіе о мірѣ, въ Его вѣчный судъ?—Чуждые страха сего суда, они способны даже на открытыя злодѣянія, считаютъ для себя все позволительнымъ для того, чтобы отстоять (какъ они выражаются) свое существованіе; и зная одинъ законъ, законъ самосохраненія. Вотъ еще примѣры въ доказательство, что просвѣщеніе, безъ страха Божія, не можетъ вести къ улучшенію нравовъ. Римское общество предъ временемъ Рождества Христова было самое образованное въ мірѣ, но видѣтъ самое безнравственное, и это оттого, что въ немъ господствовала эпикурейская философія, своимъ ученіемъ о невѣмѣтельности боговъ въ дѣла человѣческія и о смертности души подрывавшая начала нравственности; хотя и хвалившая добродѣтель. Философія энциклопедистовъ, господствовавшая въ XVIII вѣкѣ и проповѣдывавшая неуваженіе къ религіи и божественному откровенію, какъ неблагопріятна была успѣхамъ нравственной жизни, видно изъ слѣдующаго случая. Фридрихъ Великій самъ былъ последователемъ этой философіи и окружалъ себя любителями ея. Однажды онъ сказалъ имъ: еслибы я захотѣлъ наказать какую-нибудь провинцію, я послалъ бы въ нее губернаторомъ одного изъ васъ. Это значило, что ученики Волтера и энциклопедистовъ были бы самыми тяжкими бичемъ для провинившихся—по своей жестокости, корыстолюбію и нравственной распущенности. Для кого нѣтъ ничего святаго, тотъ не стѣсняется въ обнаруженіи своихъ дурныхъ склонностей. Есть даже примѣры, что отсутствіе страха Божія и сердечнаго благочестія не спасаетъ отъ тяжкихъ преступленій такихъ людей, отъ которыхъ повидимому никакъ нельзя ожидать этого, судя по ихъ просвѣщенію съ духовнымъ и христіанскимъ характеромъ. Вагонъ былъ великій философъ; онъ положилъ основаніе новой философской школы

(эмпирической) и сочувственно относился къ религіи, говоря: «только поверхностное знакомство съ философіею приводитъ къ безбожію, но глубокое и основательное—къ религіи». Но этотъ великій и благобренный по убѣжденіямъ философъ опозорилъ себя взяточничествомъ и крайнимъ корыстолюбіемъ,—и это потому, что въ сердцѣ его не было страха Божія.—Недавно, въ 1871 мѣ году, осужденъ былъ за воровство и сосланъ въ Сибирь докторъ богословія дѣмецъ Пихлеръ, прославившійся капитальными научными твореніями по церковной исторіи Допущенный въ Императорскую публичную бібліотеку для исправленія какой-то должности, онъ воспользовался своимъ положеніемъ для того, чтобы въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ перенести воровски изъ этого мѣста къ себѣ на квартиру нижняго скровища. Какой разительный примѣръ того, что и богословское образованіе и ученость не спасутъ человѣка отъ уголовного преступленія, если нѣтъ при этомъ страха Божія въ сердцѣ! Само по себѣ богословское образованіе, даже православное, какъ и всякое образованіе, можетъ быть дѣломъ одной памяти, историческаго изученія предмета, безъ всякаго сердечнаго сочувствія къ нему, даже безъ убѣжденія въ богословскихъ истинахъ. Кто-то сказалъ, что и дьяволъ можетъ написать отличную богословскую диссертацию, потому что онъ знаетъ всѣ ученые приемы и не уступитъ любому богослову въ подборѣ текстовъ Св. Писанія въ доказательство богословскихъ истинъ, какъ видно изъ разговора дьявола съ Иисусомъ Христомъ во время сорокодневнаго пребыванія Его въ пустынь. Но и бѣсы все-же трепещутъ Бога, ибо вѣруютъ въ Его бытіе и власть. Но человѣкъ можетъ обходиться безъ этого трепета, если при всемъ своемъ образованіи остается невѣрующимъ божественному откровенію. И если трепеть бѣсовъ не удерживаетъ ихъ отъ зла, отъ вражды противъ Бога и людей, потому что соединяется съ отчаяніемъ и жестокостію: то чего добраго ожидать отъ человѣка, въ которомъ совѣтъ нѣтъ трепета предъ Богомъ, нѣтъ страха Божія, въ которомъ страхъ Божій заглушенъ или невѣріемъ, или легкомысленнымъ служеніемъ суетѣ и страстямъ? И такъ, если образованіе безъ страха Божія бесполезно, даже вредно

въ нравственномъ отношеніи, то напрасно радѣтели о благѣ народа мечтають облагородить его нравственно ученіемъ неоснованнымъ на страхѣ Божиимъ, на благочестіи. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ была сдѣлана попытка достигнуть сей цѣли посредствомъ воскресныхъ школъ; но воскресныя школы, въ сожалѣнію, попали въ руки людей съ нетерпимымъ въ благоустроенномъ государствѣ образомъ мыслей. Они шли наперекоръ законоучителямъ и заражали учащахся ядомъ лжеученій, внушали имъ невѣріе, вооружали ихъ противъ Церкви и ея учрежденій, противъ власти родителей и т. п. О страхѣ Божиимъ говорилъ только законоучитель, но голосъ его былъ заглушаемъ внушеніями учителей невѣрія, на сторонѣ которыхъ было преимущество популярнаго и увеселительнаго преподаванія. Воскресныя школы, благодаренію Богу, вѣдвремя были закрыты. Онѣ могли приготовить только грамотныхъ, а отнюдь не благонадежныхъ въ нравственномъ отношеніи людей^(а). Какая можетъ быть нравственность, честность тамъ, гдѣ нѣтъ страха Божія, гдѣ не знаютъ или не хотятъ знать о Богѣ вездѣущемъ, всевѣдущемъ, всевятомъ, праведномъ судіи и мздовоздатель? Лѣтописи нашего публичнаго судопроизводства представляютъ изумительныя примѣры того, какъ шатки въ нашемъ обществѣ понятія о чести. Нерѣдко присяжные оправдываютъ воровъ не потому только, что находятъ наказаніе несообразнымъ съ преступленіемъ, а потому, что не считаютъ и преступленіемъ воровство, когда къ нему прибѣгаютъ въ нуждѣ и бѣдности, какъ будто нужда и бѣдность даютъ полное право посягать на чужую собственность, и какъ будто въ нуждѣ и бѣдности честиѣ украсть чѣмъ попроситъ помощи у ближняго. Въ основаніи такого слишкомъ снисходительнаго сужденія о воровствѣ лежитъ нехристіанскій образъ мыслей, ибо только нехристіански разсуждающему свойственно черное называть бѣлымъ, тьму свѣтомъ, тяжкую вину противъ закона Божія и гражданскаго

(а) Образецъ таковыхъ служить молодой мѣщанинъ Николаевъ, въ 1871-мъ году обвиненный въ участіи въ заговорѣ противъ правительства: онъ получилъ свое образованіе отъ нигилистовъ и благодаря имъ сдѣлался злодѣемъ (участвовалъ въ умерщвленіи студента Петровской Земледѣльческой Академіи Иванова).

невинностию; а отъ чего происходитъ такое возмутительное разсужденіе? Отъ недостатка въ разсуждающихъ страха Божія, благоговѣнія къ заповѣдямъ закона Божія, хотя въ нихъ нѣтъ недостатка во вѣншемъ образованіи. Отъ образованныхъ-то и идутъ оправдательные приговоры вѣдвмомъ виновнымъ подсудимымъ, ибо присяжные всегда выбираютъ своимъ старшиною образованнаго и подъ вліяніемъ его составляютъ мнѣніе о виновности или невинности подсудимаго. Говорятъ, что общественный, гласный судъ, подробнымъ изложеніемъ судимыхъ преступленій и обещаніемъ обстоятельности, служащихъ къ оправданію или обвиненію подсудимыхъ, значительно содѣйствуетъ утвержденію въ обществѣ здравыхъ понятій о добрѣ и злѣ; въ возвышенію общественной совѣсти. Но такихъ плодовъ можно ожидать отъ суда только въ томъ случаѣ, если судьи будутъ руководствоваться закономъ Божиимъ и страхомъ Божиимъ, если будутъ помнить, что они, творя судъ, творятъ дѣло Божіе. Въ противномъ случаѣ гласный судъ можетъ даже быть вреденъ для общества, служа проводникомъ въ общество самыхъ легкихъ, нехристіанскихъ воззрѣній на преступленія, и способствуя къ разноможію преступленій возбужденіемъ надежды на ненаказаніе ихъ. Несомнѣнно, что судьи должны быть не только образованными, но вмѣстѣ благочестивыми, чтобы могли быть органами правды и добра.—Отъ распространенія грамотности и образованія многіе ожидаютъ исцѣленія другаго зла, господствующаго въ народѣ—пьянства. Но безъ страха Божія образованіе или совѣсьмъ не отучитъ человѣка отъ кабака или приведетъ его къ другому, горшему злу. Говорятъ: въ кабацѣхъ адетъ человѣкъ потому, что въ праздникъ не знаетъ, куда идти дѣвать. Будь онъ умственно развитъ, умѣй читать ~~книжки~~ онъ съ удовольствіемъ употребилъ бы это время на чтеніе книгъ. Но на какія книги бросится простолудинъ, необученный страху Божію? На книги для одного легкаго чтенія, на сказки, на блазнительныя повѣсти, на потѣшныя газетныя листки. Какую пользу извлечетъ народъ изъ такого чтенія? Оно еще больше развратитъ читателя,—развратитъ умъ и сердце, осквернитъ воображеніе. Теперь простой русский человѣкъ если предается пьянству и разврату, онъ рѣдко

предается имъ до забвенія, что онъ тяжко грѣшитъ. Сознаніе грѣха особенно пробуждается въ немъ по содѣланіи его. Но когда легкимъ и невраственнымъ чтеніемъ голова его будетъ засорена, тогда это сознаніе въ немъ ослабѣетъ, совѣсть рѣже и рѣже будетъ поднимать свой обличительный голосъ. Описаніе напримѣръ въ прелепительныхъ чертахъ, въ томъ или другомъ романѣ, незакононыхъ отношеній между дѣвцею и юношею, нарушенія супружеской вѣрности, сопровождаемое во обличеніемъ, а сочувствіемъ автора этому грѣху, — легко можетъ приучить читателя, не огражденнаго страхомъ Божиимъ, къ легкому взгляду на отношенія обоихъ половъ, презрѣніе къ браку и семейной жизни. — Образование, говорятъ, есть врагъ раскола; расколъ держится невѣжествомъ; съ искорененіемъ невѣжества посредствомъ образованія, онъ само собою исчезаетъ. Дай Богъ; но трудно ожидать этого отъ образованія, не основаннаго на страхѣ Божиимъ. Расколъ великое зло, но раскольники все-же человѣкъ вѣрующій. Образование, сообщенное ему безъ воспитанія въ страхѣ Божиимъ, сдѣлаетъ его равнодушнымъ къ вѣрѣ, и по равнодушію къ вѣрѣ онъ не найдетъ причины мѣнять расколъ на православіе, ибо для него всѣ вѣры одинаковы. Но еслибы и перешелъ онъ въ православіе, — не велико было бы приобрѣтеніе для православной церкви, — ибо вступилъ бы въ нее не по внутреннему убѣжденію, а всего скорѣе по житейскимъ расчетамъ. — Итакъ страхъ Божій долженъ быть началомъ премудрости, если хотятъ, чтобы она была благотворна въ нравственномъ отношеніи. Но гдѣ можно и должно учиться страху Божию? Если онъ есть плодъ истинныхъ понятій о Богѣ и нашихъ отношеній къ Нему, то конечно школа есть лучшее мѣсто для наученія страху Божию, ибо гдѣ какъ не въ ней преподаватели сообщаются болѣе здравыя понятія о Богѣ, чѣмъ въ отношеніяхъ къ Нему? Къ сожалѣнію, дѣло преподаванія закона Божія не во всѣхъ нашихъ школахъ поставлено такъ, какъ слѣдовало бы. Законоучители болѣею частью заботятся только о сообщеніи дѣтямъ познаній о вѣрѣ, о наполненіи этими познаніями ихъ ума и памяти, но не наблюдаютъ, дѣйствуютъ ли и какъ дѣйствуютъ на сердце дѣтей сообщаемыя имъ познанія. Равно и дѣти заботятся только о внѣшней исправности въ при-

готовленіи уроковъ по закону Божию, о томъ, чтобы по закону Божию, какъ и по другимъ предметамъ, получить удовлетворительную отбѣтку и сдать съ успѣхомъ экзаменъ. Оттого и во видю добрыхъ плодовъ въ жизни отъ знанія закона Божія, не видно, чтобы оно насаждало въ сердцахъ страхъ Божій или благочестіе. Между тѣмъ отъ законоучителя зависитъ самымъ преподаваніемъ закона Божія способствовать благочестивому настроенію дѣтскихъ сердець. Для достиженія сей цѣли онъ паче всего долженъ приучать дѣтей къ чтенію слова Божія. Сердца ихъ, подвергаемая непосредственному дѣйствию слова Божія, живаго и дѣйствительнаго по самой природѣ своей, по присущей ему благодати, — могутъ трогаться его наставленіями живѣе, чѣмъ человѣческими уроками, особенно, если чтеніе его производится съ благоговѣніемъ и молитвою. Потомъ изложеніе христіанскаго вѣрованія и нравоченія должно быть оживляемо противопоставленіемъ того и другаго ходячимъ живымъ и суевѣрнымъ понятіямъ, нехорошимъ житейскимъ обычаямъ и правилами, указаніемъ на примѣры благотворнаго дѣйствія христіанскаго вѣрованія и нравоченія и на примѣры пагубныхъ послѣдствій уклоненія отъ того и другаго. Наконецъ на развитіе духа благочестія въ дѣтяхъ не можетъ не вліять съ особливою силою личное убѣжденіе въ святыхъ истиннахъ и строгая христіанская жизнь преподавателя ихъ. Въ достиженіи той же цѣли должны помогать законоучителю преподаватели прочихъ предметовъ въ школѣ. Никто изъ нихъ не въ правѣ думать, что все дѣло его ограничивается ознакомленіемъ дѣтей съ разными свѣдѣніями. Нѣтъ, свѣдѣнія эти должны быть сообщаемы не съ образовательною только, но вмѣстѣ съ воспитательною цѣлію. Каждый учитель долженъ быть вмѣстѣ воспитателемъ своихъ учениковъ, и потому долженъ непрестанно преподавать свою науку въ христіанскомъ духѣ. За исключеніемъ развѣ математики, каждая наука можетъ быть преподаваема въ христіанскомъ духѣ. Напримѣръ при сообщеніи свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ, могутъ быть указываемы въ природѣ слѣды премудрости и благодати Божіей. При изложеніи историческихъ свѣдѣній можно обращать вниманіе на пути промысла Божія въ судьбахъ на-

родовъ. Христіанскій духъ ученія незамѣтно будетъ питать благочестивыя расположенія въ сердцахъ учащихся, особенно въ соединеніи съ христіанскимъ обращеніемъ съ ними, въ основаніи котораго лежитъ христіанская любовь къ нимъ, какъ особенно любимымъ чадамъ Отца небеснаго, и опасеніе соблазнить ихъ празднымъ словомъ, нетерпчивостію, несправедливостію. — Такъ и школа можетъ способствовать воспитанію дѣтей въ страхѣ Божіемъ, или благочестіи, но преимущественно благопріятная для сего среда есть семейство. Еще прежде чѣмъ ребенокъ поступитъ въ школу, онъ уже долженъ быть обученъ страху Божію. Школьное воспитаніе должно быть продолженіемъ семейнаго, и сѣмена страха Божія, не посѣяныя въ сердцахъ дитяти въ семействѣ, съ трудомъ могутъ быть насаждены въ немъ въ послѣдствіи. А главное участіе въ семейномъ воспитаніи должна принимать мать, какъ постоянная домохозяйка, ибо отецъ, отвлекаемый изъ дома дѣлами общественными и по вѣншему хозяйству, не можетъ имѣть постоянного надзора за дѣтьми. Св. Златоустъ, св. Василій великій, св. Григорій Богословъ, блаж. Августинъ, съ благодарностію говорятъ о своихъ матеряхъ (Анеусъ, Эмили, Нонія, Монія), что имъ обязаны воспитаніемъ въ духѣ христіанскаго благочестія. Сѣмена благочестія, посѣяныя въ нихъ матерями, такъ крѣпко укорѣнились въ ихъ сердцахъ, что одни изъ нихъ я по поступленіи въ языческія школы, не увлеклись соблазнами окружавшей ихъ среды и остались твердыми въ благочестіи; другіе (Августинъ) только на время могли поддаться мірскимъ искушеніямъ и потомъ восторжествовала надъ ними благодаря полученному въ дѣтствѣ христіанскому воспитанію. И въ наше время каждая мать христіанка должна употреблять всю силу своего вліянія на дѣтей, чтобы воспитать ихъ въ благочестіи. И благодареніе Богу, наши матери большею частью исполняютъ этотъ священный долгъ, пріучая дѣтей къ молитвѣ и показывая имъ въ томъ свой примѣръ. Къ сожалѣнію большая часть матерей по невѣжеству относительно вѣры и иногда суевѣрію поступаютъ въ этомъ случаѣ не какъ слѣдуетъ: онѣ учатъ дѣтей только вѣншей молитвѣ. Съ дѣтьми ранняго возраста иначе, правда, и нельзя поступать: но когда начинается раскры-

ваться въ нихъ смыслъ, этого весьма недостаточно, имъ нужно тогда разъяснять важность и смыслъ того, что они совершаютъ вѣншими образомъ. Матери благочестивыя и образованныя исполняютъ и этотъ долгъ, но матери не наставленныя въ законѣ Господнемъ, каковыхъ у насъ большая часть, или ничего не могутъ сказать своимъ дѣтямъ въ разъясненіе важности и силы молитвы и вообще дѣятвій благочестивыхъ, или вѣнш: аотъ имъ превратныя понятія о томъ. Такъ вѣншо того, чтобы возбудить въ дѣтскомъ сердцѣ любовь къ Богу, какъ Отцу нашему, онѣ только пугаютъ дѣтей Богомъ, какъ въприазненнымъ существомъ, говоря: «не дѣлай того-то, Богъ уберетъ». Вѣншо того, чтобы ввучать имъ понятіе о Богѣ, какъ о существѣ духовномъ, онѣ именуютъ Бога называютъ предъ дѣтьми изображеніе Его на иконѣ, даже вообще всякую икону, Господь ли Богъ на ней изображенъ, или святой угодникъ Божій. Рѣдная изъ матерей можетъ объяснить своимъ дѣтямъ значеніе самаго обыкновеннаго обряда—крестнаго знаменія, хотя въ этомъ обрядѣ, можно сказать, заключается сокращеніе всего христіанскаго богословія,—указаніе на существеннѣйшіе догматы христіанской вѣры о св. Троицѣ и объ искупленіи. Что мудренаго послѣ этого, если благочестіе, прививаемое къ дѣтскому сердцу рукою невѣжественной и часто суевѣрной матери, какъ не истинное благочестіе, не приноситъ истинныхъ плодовъ, не оказываетъ благотворнаго вліянія на нравственную жизнь человека, хотя бы онъ въ послѣдствіи сдѣлался самымъ образованнымъ человекомъ? — Но если вѣн въ этомъ падаетъ на матери, не умбющихъ надлежащимъ образомъ, въ духѣ благочестія, воспитывать дѣтей своихъ, то очевидно надобно желать, чтобы каждая мать, прежде чѣмъ сдѣлается воспитательницею своихъ дѣтей, была сама благовоспитанною христіанкою, чтобы была не только набожна и богомольна, но вмѣстѣ непримѣнно знакома по крайней мѣрѣ съ начатками христіанскаго ученія. Это требованіе, пока не распространено у насъ повсюду школьное ученіе, повидимому неудобноисполнимо, тѣмъ не менѣе оно обязательно, и къ выполненію его должны быть принимаемы даже принудительныя мѣры, ибо отъ неблаговоспитанныхъ матерей трудно ожидать благовоспитанныхъ

дѣтей. Одна изъ дѣйствительныхъ въ семь случаевъ мѣръ могла бы быть употреблена предъ вѣнчаніемъ браковъ. По древнему правилу вступающіе въ бракъ должны быть испытываемы священникомъ; знаютъ ли они молитву Господню и другія повседневныя молитвы (*Вогородице Дѣво, радуйся*). Символъ вѣры и заповѣди Десятословія, и если они окажутся незнающими, должно отложить браковѣнчаніе, доколѣ не изучать всего этого, ибо стыдно и грѣшно будущимъ главамъ семейства не знать того, въ чемъ они должны наставлять своихъ дѣтей. Могутъ ли воспитывать своихъ дѣтей въ повиновеніи закону Господню тѣ, которые сами не знаютъ, или смѣло мало знаютъ этотъ законъ? (О должностяхъ приходскихъ пресвитеровъ гл. 122. Кормч. гл. 50). Еслибы священники добросовѣстно наблюдали за исполненіемъ этого необходимаго условія къ вступленію въ бракъ, не ограничиваясь соблюденіемъ прочихъ формальныхъ условий безпрепятственности брака, — отцы семейства, готовясь женить своихъ сыновей и выдавать въ замужество дочерей, волей-неволей должны были бы напередъ заняться обученіемъ ихъ закону Господню и прежде чѣмъ обратиться къ священнику съ просьбою о повѣнчаніи ихъ, стали бы просить его о наставленіи ихъ въ начаткахъ христіанскаго ученія. Само собою разумѣется, что священники и сами собою, безъ посторонняго вызова, должны брать на себя этотъ трудъ, ибо должны помнить, что наставляя въ законѣ Господнемъ имѣющихъ быть родителями, приобѣщаютъ въ лицѣ ихъ благонадежныхъ себѣ сотрудниковъ въ христіанскомъ наставленіи дѣтей.

не
и
и
и

ХУЛА НА СВЯТАГО ДУХА.

„Всякъ грѣхъ и хула отпустятся человѣкомъ, а же на Духа хула не отпустится человѣкомъ. И же аще речетъ слово на Сына Человѣческаго, отпустится ему; а же речетъ на Духа Святаго, не отпустится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій.“ Матѳ. 12, 31. 32.

Господь Иисусъ Христосъ нѣкогда исцѣплялъ бѣсноватаго, который былъ отъ болѣзни и слѣпъ и немъ. Исцѣленный сталъ видѣть и говорить. Народъ съ удивленіемъ говорилъ: ужели это не Мессія, сынъ Давидовъ? Доброе впечатлѣніе, произведенное чудомъ на народъ, было непріятно врагамъ Иисуса, книжникамъ и фарисеямъ. Они, хотя сами были свидѣтелями чуда и знали, что оно могло быть совершенно только силою Божію, но злобъ на Чудотворца и по желанію уронить его въ мнѣніи народа, пустили въ ходъ молву, что въ Иисусѣ присутствуетъ вельзевулъ, и что при помощи сего-то князя бѣсовскаго Иисусъ изгоняетъ бѣсовъ. Нелѣпѣй этой молвы ничего не могло быть. Утверждать, что самъ сатана помогаетъ Иисусу изгонять бѣсовъ, значить утверждать, что самъ сатана старается разрушить свое царство, самъ врагъ себѣ. На эту именно нелѣпость и бессмыслицу указалъ Господь Иисусъ въ защитѣ Себя отъ клеветы и въ обличеніе клеветникамъ. Но клевета заслуживала тѣмъ сильнѣйшаго обличенія, что въ ней заключалась хула противъ Святаго Духа. Иисуса, какъ сына Человѣческаго, могли хулить по невѣдѣнію, что Онъ есть Сынъ Божій; укоризненныя разглашенія противъ Него, что Онъ ядца и пійца, другъ мытарей и грѣшниковъ, могли происходить отъ непониманія цѣли сближенія Его съ грѣшниками, и потому какъ ни оскорбительны эти хулы и

укоризны, все же въ нихъ меньше грѣха, чѣмъ въ хулѣ противъ Св. Духа, въ отрицаніи, что чудеса Христовы совершаются силою Святаго Духа. Почему меньше грѣха? «Потому, отвѣчаетъ св. Златоустъ, что Христа еще не знали, кто Онъ былъ, но о Духѣ получили уже достаточное познаніе, ибо что ни говорили Пророки, говорили по внушенію Духа, и въ Ветхомъ Заветѣ все имѣли о Духѣ очень ясное понятіе. Пусть въ соблазняетесь мною по плоти, въ которую Я облеченъ, — какъ бы такъ сказалъ Христосъ, — но можете ли вы сказать и о Духѣ, что Его не знаете? Духъ Святыи вамъ извѣстенъ, а вы не стыдитесь отвергать очевидную истину. Ибо если уже вы говорите, что Меня не знаете, то вѣрно знаете, что изгонять бѣсовъ и совершать исцѣленія есть дѣло Духа Святаго. И такъ не Меня только понесите, но Духа Святаго». — Тяжесть вины соответствуетъ тяжести наказанія: хула на Святаго Духа не отпустится человѣку ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, — и въ сей жизни тяготѣть на немъ осужденіе, и въ будущій оно перейдетъ съ нимъ. Это впрочемъ нельзя понимать безусловно. Низводящій въ адъ и возводящій, по молитвамъ церкви, и содержимыхъ въ адъ, если они перешли въ загробную жизнь съ начатками раскаянія, можетъ вывести на свободу и водворить въ рай; милосердіе Божіе безпредѣльно, и кровь Іисуса Христа очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (1 Іоан. 1, 7. Еф. 1, 7). Благодать Божія можетъ коснуться души самаго ожесточеннаго хулителя, возбудить въ ней раскаяніе и сдѣлать ее способною къ пріятію прощенія, подобно тому какъ она коснулась бывшаго говителя христіанства и хулителя Савла и переродила его въ великаго Апостола. Поэтому, повторяемъ, слова: хула на Духа Святаго не отпустится ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, не должны быть понимаемы въ строго безусловномъ смыслѣ. Въ Св. Писаніи встрѣчаются примѣры выраженій, повидимому безусловныхъ, которыя однако должно понимать съ ограниченіемъ. Такъ Іисусъ Христосъ, сказавъ о невозможности богатому войти въ царство небесное, потомъ, когда замѣтилъ, что ученики поняли Его слова въ безусловномъ смыслѣ, ограничилъ ихъ, — Онъ сказалъ: «у человѣковъ невозможно, но не у Бога: вся бо возможна суть у Бога» (Марк. 10, 24-27). Подобно сему и слова Хри-

стовы о непрощаемости хулы на Св. Духа допускаютъ ограниченіе въ своемъ смыслѣ, — именно: хулители Св. Духа подвергаютъ опасности вѣчнаго осужденія, ибо, возставая противъ Св. Духа, они удаляютъ отъ себя благодать Его, безъ которой могутъ закоснѣть въ своемъ грѣхѣ и умереть безъ раскаянія въ немъ. Съ ними въ нравственномъ отношеніи можетъ случиться тоже, что съ тѣми язычниками, о которыхъ въ Писаніи говорится, что «Богъ предалъ ихъ, по похотѣмъ сердца ихъ, нечистотѣ», или, «предалъ превратному уму дѣлать непотребства» (Рим. 1, 24, 28), т.-е. оставилъ ихъ безъ своей просвѣщающей благодати, вслѣдствіе чего они погрязли въ нечистотѣ и въ непотребствахъ; что Онъ «ихъ ожесточаетъ» (Рим. 9, 18), т.-е. лишаетъ ихъ своей благодати въ наказаніе за недостатокъ въ нихъ пріемлемости къ ней, вслѣдствіе чего они ожесточаются, утверждаютъ въ злѣ. Въ такомъ именно состояніи находился напримѣръ фараонъ, который хотя видѣлъ и признавалъ руку Божію въ поразительныхъ казняхъ, наведенныхъ Богомъ на Египтянъ, однакоже долгое время оставался непреклоннымъ на требованіе Моисея отпустить Израилитянъ. Онъ дошелъ до такого состоянія вслѣдствіе того, что Господь «ожесточилъ сердце его» (Исх. 9, 13), т.-е. усмотрѣвъ въ немъ отсутствіе пріемлемости къ дѣйствіямъ. Своей благодати, попустилъ ему поступать по его злой волѣ, отчего она больше и больше ожесточалась. Богъ и діаволъ, начальникъ всякаго зла въ мірѣ, представляетъ примѣръ того, чѣмъ можетъ сопровождаться отверженіе Богомъ. Діаволъ вѣруетъ въ силу Божію, но отверженный Богомъ онъ довелъ себя до невозможности обратиться на путь добра и сроднился со зломъ. По нравственному состоянію близки были къ фараону и діаволу хулители Св. Духа, современные Христу Спасителю. Называя, вопреки своему убѣжденію, дѣло Духа Божія дѣломъ сатаны, они чрезъ то показали себя безсовѣстными, слѣдственно далекими отъ раскаянія, потому что раскаяніе есть дѣйствіе совѣсти. Она знала, что изгонять бѣсовъ можно только силою Св. Духа, но имъ непріятно было, зачѣмъ Духъ Божій своимъ содѣйствіемъ поддерживаетъ неавнастнаго имъ Учителя истины къ подрыву ихъ вліянія на народъ. Злоба на Іисуса

Христа, зависть къ усѣхамъ Его ученія, сдѣлали ихъ врагами не только Іисуса Христа, но и Духа Божія, силою котораго Онъ совершалъ чудеса. А поставляющие себя въ такое отношеніе къ Духу благодати являются недостойными ея спасительныхъ дѣйствій на ихъ душу, и потому еще болѣе могутъ ожесточиться въ хулѣ на Св. Духа подобно діаволу, и съ діаволомъ раздѣлитъ вѣчное осужденіе. Отъ сего-то І. Христосъ предостерегаетъ своихъ недоброжелателей угрозою, что подобная вина ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій не отпустится тѣмъ, которые упорствомъ въ своемъ грѣхѣ сдѣлаютъ себя недостойными дѣйствій благодати Св. Духа.

Страшно нравственное состояніе худителей Св. Духа, вступающихъ противъ яснѣйшихъ откровеній Его силы; къ сожалѣнію оно не такое явленіе, которое свойственно было исключительно временамъ Христовымъ. Оно было всегда и повторяется до сихъ поръ въ разныхъ видахъ, болѣе или меньше сродныхъ съ хулою на Св. Духа современныхъ Христу Іудеевъ, — повторяется въ средѣ враговъ христіанской вѣры и православной церкви.

Такъ сему грѣху доселѣ повинны невѣрующіе Іудеи. Они и всегда, по слову обличителя ихъ, первомученика и архидіакона Стефана, противились Св. Духу (Дѣян. 8, 51), отступая отъ вѣры въ истиннаго Бога и возставая противъ ревнителей ея, хотя вся исторія ихъ есть исторія чудесныхъ проявленій всемогущества, благодати и правосудія единаго истиннаго Бога, избравшаго этотъ народъ изъ среды всѣхъ народовъ на служеніе Себѣ. Во время земной жизни Іисуса Христа это противленіе Св. Духу дошло до высочайшей степени и разрывавшись богоубійствомъ, продолжается до нашихъ дней. Ни разсѣяніе по всей вселенной, которымъ они на азаніи за отверженіе Христа, ни явное исполненіе пророчества, исполнившихся ко Христу и Его царству, ни развалины Иерусалимскаго храма, которыя они тщетно, при содѣйствіи императора Юліана богоотступника, пытались возстановить вопреки предсказанію Христову о конечномъ запустѣніи ихъ храма, ни другія многочисленныя знаменія явнаго промышленія Божія о ненавидимой ими христіанской вѣрѣ, — ничто не ослабляетъ ихъ вражды къ ней. Они вида не видятъ сихъ знаме-

ній, слыша не слышать о свидѣтельствахъ божественности ея, и употребляютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы воспрепятствовать ея распространенію между своими единоплеменниками.

Сему грѣху повинны тѣ изъ христіанъ, которые почитаютъ для себя унизительнымъ вѣрить въ чудеса, какія до сихъ поръ совершаются въ православной церкви для поддержанія вѣры въ слабыхъ, для возбужденія ея въ невѣрующихъ. Они не хотятъ признать въ нихъ ничего сверхъестественнаго. Они пожалуй соглашаются, что чудеса необъяснимы изъ законовъ природы, но необъяснимы только потому, что законы природы намъ не всѣ извѣстны; они не вѣрятъ самымъ свидѣтельствамъ о чудесахъ, утверждая, что свидѣтели или введены въ обманъ по невѣжеству и легковѣрью, или злонамѣренно выдаютъ за чудо собственный вымыселъ. Напрасно вы стали бы предлагать такимъ невѣрамъ, чтобы они повѣрили свидѣтельство о чудѣ личнымъ познаніемъ, личнымъ наблюденіемъ; напрасно вы стали бы отъ нихъ требовать этого во имя истины, взывать къ ихъ безпристрастію: они только на словахъ любятъ истину, а къ чудесамъ относятся съ однимъ предубѣжденіемъ. А такое отношеніе къ чудесамъ не есть ли хула на Св. Духа, силою котораго они совершаются?

Сему грѣху причастны раскольники, озлобленные противъ святой церкви и по злобѣ къ ней отвергающіе присутствіе въ ней благодати Божіей, не признающіе, вопреки обтованію Христову, вѣчности священства въ основанной Христомъ церкви, изрыгающіе хулу на таинства совершаемыя въ ней, дерзающіе утверждать, будто православные подъ именемъ Іисуса вѣрують въ антихриста, глумящіеся надъ святынею мощей, затыкающіе уши отъ свидѣтельствъ о чудесахъ, совершаемыхъ въ одной православной церкви, и не внимающіе никакимъ доказательствамъ чистоты содержимаго ею ученія.

Въ семъ грѣхѣ виновны люди, на самихъ себѣ испытавшіе дѣйствіе благодати Св. Духа, вкусившіе дара небеснаго въ общеніи таинствъ, въ чтеніи слова Божія, и потомъ не смотря на все сея сдѣлавшіе равнодушными и даже враждебными ко всему свяционному и церковному. Поразительный примѣръ таковой измѣны истинъ представляетъ намъ одинъ

изъ главныхъ проповѣдниковъ тлетворнаго ученія, распространяющагося въ молодомъ поколѣннѣ подл именемъ англизма, нашъ соотечественникъ (Герценъ), умершій два года тому назадъ во Франціи. Онъ въ своихъ воспоминаніяхъ о быломъ признавался, что въ молодости ни одна книга не доставляла ему такого высокаго удовольствія, какъ Евангеліе, что чтеніе Евангелія всегда проливалось въ его душу неизъяснимую отраду и миръ. Ясно, что онъ вкусилъ сладость общенія со св. Духомъ, дѣйствовавшимъ на него чрезъ святое Евангеліе. Что же наконецъ сталося съ этимъ любителемъ Евангелія? Увлеченный лжеученіями социализма и матеріализма, онъ сдѣлался заклятымъ врагомъ вѣры и церкви, великимъ кощуномъ и богохульникомъ, дѣтей своихъ, какъ говорятъ, не допустилъ до христіанскаго крещенія, воспитывалъ ихъ во враждѣ къ церкви, умеръ какъ язычникъ и погребенъ безъ христіанской молитвы.

Наконецъ вина въ хулѣ на Святаго Духа падаетъ на людей, которые пристрастіемъ къ земному убили въ себѣ пріемлемость къ дарамъ благодати Св. Духа и съ какимъ-то озлобленіемъ относятся къ напоминаніямъ о спасеніи ихъ души. Равнодушіе къ дѣлу спасенія своей души и къ голосу благодати, зовущей ихъ ко спасенію разнообразными путями, въ нихъ доходитъ до того, что даже въ предсмертной болѣзни съ трудомъ можно уговорить ихъ къ освященію себя благодатію таинствъ, и они соглашались наконецъ на сіе съ крайнимъ недовольствомъ и лишь для того, чтобы успокоить людей, принимающихъ въ нихъ участіе. Намъ рассказывали о поразительномъ случаѣ въ этомъ родѣ. Одинъ богачъ, всю жизнь служившій мамонѣ до забвенія Бога, приблизился наконецъ къ вратамъ смерти, но и на смертномъ одрѣ продолжалъ заниматься своими дѣлами, не заботясь о приготовленіи къ вѣчности. Наконецъ близкія къ нему лица уговорили его послать за священникомъ. Священникъ явился со св. Дарами, но не во время: больной получилъ передъ этимъ какую-то важную депешу по торговымъ дѣламъ, и не желая оторваться отъ чтенія ея приходомъ священника, отослалъ его назадъ, отговариваясь дѣлами не терпящими отлагательства. И священникъ, или лучше самъ Христосъ; пришед-

шій во святыхъ Дарахъ, отступилъ отъ ложа больного, который черезъ нѣсколько минутъ померъ безъ покаянія.

Вотъ до чего, христіанинъ, можетъ довести человѣкъ пристрастіе къ земнымъ благамъ, круженіе въ вихрѣ житейской суеты: до хулы на Св. Духа, ибо какъ иначе назвать непростительное упорство, съ какимъ человѣкъ отказывается отъ пріятія благодати Его? Не говорите, что такое явленіе чрезвычайное и съ вами случится не можетъ. Нѣтъ, все можетъ случиться, и предохранить себя отъ тяжкаго грѣха хулы на Св. Духа мы можемъ не самовольностью, а неуспынною бдительностію къ нашей душѣ, смиреннымъ сознаніемъ немощи въ борьбѣ съ искушеніями къ этому грѣху и усердною молитвою къ Господу, да не отниметъ отъ насъ Духа Святаго. Ибо благодать Святаго Духа, небереговая нами, можетъ наконецъ совѣмъ покинуть насъ, а безъ ней что ожидать насъ, какъ не вѣчная смерть, отъ которой да спасетъ всѣхъ насъ Духъ животворящій?

О ЧТЕНІИ СЛОВА БОЖІЯ.

„Измлада священнаа Писанія умѣта, муголая тѣ умудрети во спасеніе вѣров, аже о Христвъ Исусѣ“ (2 Тим. 3; 15).

Сія слова взяты изъ посланія Апостола Павла къ ученику его, ефесскому епископу Тимоею. Св. Апостолъ, поставивши на видъ ученику своему умноженіе въ будущемъ времени лжеученій и нечестія въ средѣ христіанскаго общества, увѣщаетъ его сохранять вѣрность преданной ему истинѣ и присовокупляетъ, что къ утвержденію себя въ ней могутъ служить лучшимъ средствомъ *Священнаа Писанія*, т.-е. ветхозавѣтныя книги Слова Божія, съ которыми Тимоею знакомъ измлада, и которыя могутъ *умудритъ его во спасеніе вѣрою о Христвъ Исусѣ*, т.-е. наставить его на путь спасенія при вѣрѣ во Христа Исуса, нашего Спасителя

Такъ, въ Св. Писаніи Вѣтхаго и особенно Новаго Завѣта содержится лучшее для вѣрующаго руководство къ познанію всего, что нужно для спасенія. «Все писаніе, — говоритъ далѣе въ томъ же посланіи Апостолъ, — богодухновенно и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности» (2 Тим. 3, 16). Посему чтеніе или слушаніе Св. Писанія есть неотложная обязанность всякаго христіанина, ревнующаго о своемъ спасеніи. Исполненіемъ сей обязанности мы должны заниматься во всякое время, но преимущественно во дни поста и покаянія. Во дни поста и покаянія святая церковь призываетъ чадъ своихъ къ подвигамъ самоиспытанія, возбужденія въ себѣ раскаянія во грѣхахъ съ вѣрою во Христа и надеждою на Его милосердіе, самоисправленія. Гдѣ же ближе, какъ не въ Божественномъ писаніи найдемъ руководство къ уращенію въ сихъ подвигахъ? Въ Писаніи увидимъ и обличеніе нашихъ грѣховъ, и образъ духовныхъ совершенствъ, къ которымъ должны стремиться, и угрозы нераскаяннымъ грѣшникамъ, и благодатныя обѣтованія кающимся, и присущую ему силу благодати во спасеніе всякому вѣрующему (Рим. 1, 16). Какія сильныя побужденія къ тому, чтобы привлечь насъ къ чтенію Св. Писанія! Но дѣло не въ томъ только, чтобы читать или слушать Слово Божіе, а въ томъ, какъ читать или слушать его съ пользою для души, ибо не всякій трудъ, употребленный на сіе занятіе, спасителенъ для души. Какъ же именно онъ долженъ быть исполняемъ, чтобы могъ быть спасительнымъ для души?

Приступая къ чтенію или слушанію Слова Божія, помни, что въ немъ глаголетъ къ тебѣ Самъ Богъ, что святые Божіи человѣки, написавшіе книги Св. Писанія, написали ихъ не сами отъ себя, но по вдохновенію отъ Духа Святаго, представлявшаго ихъ на всякую истину. Посему предъ чтеніемъ Слова Божія старайся возбудить и во время чтенія поддерживать въ себѣ благоговѣніе къ нему, какъ не къ обыкновенному человѣческому слову, а глаголаемъ Духа Божія. У древнихъ христіанъ благоговѣніе къ Слово Божію выражалось и вѣщными знаками. Книгу Слова Божія брали не иначе, какъ умовенными руками. Собравшіеся слушать Слово Божіе муж-

чины, если были съ покрытою головою, обажали ее, а женщины, если были не покрыты, брали покровъ. И все это бывало при домашнемъ чтеніи Слова Божія, а не при церковномъ только.

Приступай къ чтенію Слова Божія съ молитвою благодаренія Господу, даровавшему тебѣ въ Святомъ Слово Своемъ источникъ просвѣщенія для твоего ума, утѣшенія и радости для сердца, руководство для жизни, — и проси Господа, чтобы Онъ Своєю благодатію отверзъ твой умъ и сердце къ пріятію и плодотворному усвоенію сѣмени Слова Божія, чтобы никогда не попустилъ тебѣ впасть въ то пагубное состояніе духовной слѣпоты, въ которомъ при чтеніи Слова Божія види, предъ глазами имѣя ясную истину, въ немъ возвѣщаемую, не видятъ, слыша не слышатъ и не разумѣютъ. Въ семъ состояніи находились многіе изъ современныхъ Иисусу Христу слушателей Его, и доселѣ находятся Іудеи, ибо донныи, когда они читаютъ Моисея, покрывало предубѣжденія и вражды къ Евангелію лежитъ на сердцахъ ихъ (2 Кор. 4, 15); оттого они не замѣчаютъ, что Моисей писалъ о Христѣ.

Знай, что главная цѣль Писанія есть удовлетвореніе религиозныхъ и нравственныхъ потребностей, что оно дано намъ для того, чтобы, пользуясь его наставленіями, совершенъ былъ Божій человѣкъ; но всякому добродѣлю приготовленъ (2 Тим. 3, 17). Потому читай божественное Писаніе не изъ любознательности только, какъ сталъ бы читать его язычникъ, магометанинъ, вообще невѣрующій, не для обогащенія только ума разными свѣдѣніями, а для возбужденія и поддержанія въ себѣ духа благочестія, для того, чтобы почерпнуть въ немъ силы и средства къ борьбѣ со грѣхомъ, къ преддѣланію въ добродѣтели, къ освященію себя словомъ истины. Что ни читалъ бы ты въ книгахъ Слова Божія, знай, что все написанное въ нихъ написано намъ въ наставленіе (Рим. 15, 4). Потому, при чтеніи Писанія, не только прямая религиозная и нравственная наставленія его относи къ себѣ, но и все прочее, въ немъ содержащееся, старайся прилагать къ твоимъ духовнымъ нуждамъ и потребностямъ, изъ всего извлекай спасительный для тебя урокъ. Такъ описываются ли и обличаются въ Слово Божіемъ грѣхи людскіе, усматривай въ этомъ пред-

остереженіе отъ нихъ для себя. Изображаются ли въ Писаніи добродѣтели и духовныя совершенства святыхъ людей, — вздохни о своихъ духовныхъ несовершенствахъ и немощахъ и въ примѣръ подобострастнаго тебѣ чловѣка постарайся увидѣть стороны доступныя твоему подражанію, поощреніе къ самоисправленію и духовному преспѣванію. Читаешь ли въ Словѣ Божіемъ изображение чудесъ премудрости, благодети и всемогущества Божія въ дѣлахъ творенія и промышленности о міръ, — старайся возбудить въ себѣ чувство смиренія предъ Высочайшимъ Существомъ, Владыкою вселенной, и выметъ чувство благодарности къ Нему за то, что эти дѣла совершились и совершаются между прочимъ для тебя, ибо ты, какъ созданный по образу и подобию Божію, поставленъ во главѣ земныхъ тварей: Еще больше побужденій къ смиренію и благодарности представляютъ для тебя указанія Писанія: на дѣла безпредѣльнаго милосердія Божія къ искупленію падшаго чловѣка: — Читаешь ли ты Евангельскія сказанія объ исцѣленіяхъ, чудесно совершенныхъ Господомъ Иисусомъ надъ разными недужными, — слѣпыми, глухими, разслабленными, хромыми, бѣсноватыми: помысли о твоихъ духовныхъ недугахъ, — о твоей духовной слѣпотѣ, препятствующей тебѣ видѣть свѣтъ истины и твои грѣхи, — о твоей духовной глухотѣ къ внушеніямъ совѣсти и разнымъ разумленіямъ, посылаемымъ тебѣ свыше, и къ воплямъ нуждающихся въ твоей помощи, — о твоёмъ духовномъ разслабленіи и косности къ творенію добра при всемъ желаніи добра, — о твоей духовной хромотѣ или о недостаткѣ въ тебѣ твердой рѣшимости служить единому Богу и отказаться отъ земныхъ пристрастій, — о беспорядочныхъ проявленіяхъ въ тебѣ гнѣва и вражды, сходныхъ съ припадками бѣсноватыхъ, — помысли о всѣхъ этихъ духовныхъ въ тебѣ недугахъ и воззови къ единому Врачу душъ и тѣлесъ, да исцѣлитъ тебя отъ нихъ Своєю благодатію.

Въ Словѣ Божіемъ встрѣчаются трудныя для разумнія мѣста или по самому существу предлагаемыхъ въ нихъ истинъ, или по настоящему вашему состоянію въ земной жизни. Не смущайся сими трудностями и въ непостижимыхъ истиннахъ откровенія находи побужденіе смиренно прекло-

няться предъ Безпредѣльнымъ существомъ, которое не было бы безпредѣльнымъ, еслибы все въ немъ Самомъ и Его откровеніи было доступно нашему постиженію. Утѣшайся также надеждою въ жизни будущей увидѣть во всей ясности многое, что въ настоящей жизни представляется тебѣ какъ бы сквозь тусклое зеркало и гадательно. — Благодаря Бога за то, что въ святомъ Словѣ Его ясно открыто по крайней мѣрѣ все то, что нужно для нашего спасенія.

Въ книгѣ Псалмовъ, назначенной для молитвеннаго употребленія, найдешь многое, повидимому не приложимое къ тебѣ и потому неудобное къ употребленію. Такъ, напримѣръ, псалмопѣвецъ жалуется на множество враговъ, которыхъ у тебя нѣтъ, хотя ты выметъ съ намъ зываешь къ Богу: «Господи, что ся умножаша стужающіи мнѣ? Мнози востаютъ на мя» (Псал. 3, 2). Псалмопѣвецъ въ сихъ словахъ жалуется Богу на враговъ, отъѣвъ нападшихъ на него, грозившихъ его безопасности и чести. Пусть нѣтъ у тебя такихъ враговъ, за то ты не свободенъ отъ домашнихъ враговъ — отъ страстей, въ тебѣ воюющихъ, не свободенъ отъ врага спасенія — діавола съ его многообразными искушеніями. Посему словами псалмопѣвца проси у Бога помощи въ борьбѣ съ этими врагами, нерѣдко болѣе опасными нашей душѣ, чѣмъ вѣшніе недруги и гонители.

Читай или слушай, дома и въ церкви, Св. Писаніе съ полнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ. Самъ Господь Иисусъ требовалъ сего отъ Своихъ слушателей, часто повторяя: имѣй уши слышати да слышать. И въ церковномъ богослуженіи о семъ напоминаетъ словами: *првмудрость*, т. е. ведите себя при слушаніи Слова Божія, какъ свойственно мудрымъ, понимающимъ великую важность этого дѣла; *прости* — стойте прямо, т. е. самымъ тѣлеснымъ положеніемъ вашимъ, прямымъ и бодрымъ, свидѣтельствуйте о всецѣломъ устремленіи души вашей къ Богу, глаголющему вамъ въ святомъ Словѣ Своёмъ; *воименъ*, т. е. будемъ внимательны, не проронимъ ни одного слова въ предлагаемомъ намъ чтеніи изъ Писанія. Душа, разсѣянно внемлющая Слову Божію, не старающаяся усвоить его ученіе разумнѣемъ и сердцемъ, въ притчѣ Христа Спасителя

уподобляется придорожной землѣ, утопанной ногами прохожихъ. Зерна, посѣваемая на ней, не укореняются въ ней, а остаются на ея поверхности и поклевываются птицами. Подобно сему и сѣмя Слова Божія, падающее на душу невнимательную и разсѣянную, въ которой разные помыслы, словно прохожіе по дорогѣ, смѣняются одинъ другимъ, остается чуждымъ ей, только приражается къ ней, но не въбрывается въ ней и уносится ненавистникомъ всякаго добра—дьяволомъ.

Доброе впечатлѣніе, полученное отъ Слова Божія, старайся услужить размышленіемъ, такъ чтобы это впечатлѣніе навсегда удержалось въ твоей душѣ. Неуглубленное въ сердцѣ размышленіемъ, оно скоро забывается, и человекъ, съ радостію пріявшій ученіе Слова Божія, при первой встрѣчѣ съ искушениями и бѣдствіями, становится невѣренъ ему. Таковыхъ читателей или слушателей Слова Божія Господь Іисусъ сравниваетъ съ землею каменистою, на которой посѣянная сѣмена скоро всходятъ, но также скоро, отъ недостатка глубины, увядаютъ.

Заботы житейскія, поглощающія у многихъ все время, пристрастіе къ житейской суетѣ и удовольствіямъ, препятствуютъ благотворному дѣйствію на душу Слова Божія, заглушая сѣмя его въ душѣ подобно тому, какъ сорняки травы подавляютъ и глушатъ пшеницу. Посему, если хочешь испытать на себѣ спасительное дѣйствіе Слова Божія, очисти напередъ сердце твое отъ земныхъ пристрастій.

Приучай себя къ ежедневному поученію въ Слово Божіемъ. Оно есть насущный хлѣбъ для души. Дай Богъ, чтобы желаніе питаться симъ хлѣбомъ каждый день возвращалось къ намъ съ такою же силою, съ какою ежедневно мы чувствуемъ нужду въ тѣлесномъ насыщеніи. Лучшее время дня для питанія себя нетлѣнною пищею Слова Божія есть утро. Послѣ утренней молитвы примись за Евангеліе или Апостолъ и читай ихъ или въ томъ порядкѣ, какой самъ признаешь для себя удобнымъ, или сообразуйся съ церковнымъ указателемъ двонныхъ чтеній. День, начатый такимъ занятіемъ, есть благословенный день.

Православная церковь никогда никому не возбраняла поль-

зоваться Словомъ Божіимъ, никогда не отнимала его у мірянъ, какъ донныя дѣласть римская церковь. Но разрышавъ всѣмъ чтеніе Слова Божія, православная церковь требуетъ отъ своихъ чадъ въ разумнѣи его подчиняться ея руководству, съ благою цѣлію предохранить ихъ отъ заблужденій, порожденныхъ суемудреннымъ толкованіемъ Слова Божія. Слово Божіе есть море божественной премудрости: не дерзай пускаться въ него безъ опытнаго кормчаго. Кормчій сей есть святая церковь. Доступное каждому руководство къ разумнѣи Слова Божія по ея ука аніямъ заключается въ православномъ катихизисѣ, который есть не что иное, какъ сокращенно церковное изложеніе истинъ, разсѣянныхъ въ Слово Божіемъ. Кто читаетъ Слово Божіе съ катихизисомъ въ рукахъ, или съ твердою памятю всего, что въ немъ написано, тотъ хотя можетъ не точно, неправильно понять смыслъ того или другаго священнаго текста, за то никогда не составляетъ о немъ еретическаго мудрованія.

Напоишь съ ревностію къ чтенію слова Божія должно соединять ревностъ къ сообразному съ нимъ житію: Каканъ польза въ томъ, если съ вниманіемъ, сердечнымъ сочувствіемъ и размышленіемъ будемъ читать или слушать Слово Божіе, но не будемъ руководствоваться его ученіемъ въ жизни и дѣлахъ? — «Бывайте творцы слова, а не тоію слышатели, прельщающе себе самихъ», — говоритъ св. ап. Іаковъ (1, 21—24). «Не слышатели зкова праведни предъ Богомъ, но творцы закона, сіи оправдаются», говоритъ св. Ап. Павелъ (Рим. 2, 18). Чѣмъ больше кто знакомъ съ Словомъ Божіимъ, тѣмъ строже съ него възмещается за пренебреженіе его наставленій въ жизни, какъ за грѣхъ вѣдѣнія.

ПРЕДОМЕРТНЫЯ СТРАХОВАНІЯ.

„Господи, прими духъ мой съ миромъ.“

Каждый христіанинъ долженъ помнить, что отъ послѣднихъ минутъ его жизни можетъ зависѣть вѣчная его судьба. Ибо и великій грѣшникъ, если въ послѣдніе часы своей

жизни принести вешнее, христианское раскаяніе, будетъ помилованъ и въ обителяхъ райскихъ, подобно благуразумному разбойнику, водворенъ; и великій праведникъ, если при концѣ жизни утратить миръ съ Богомъ, можетъ погубить плоды трудовъ прежней неукоризненной и святой своей жизни. Зная сіе, каждый изъ насъ долженъ желать и просить себѣ у Господа, да приметъ духъ его съ миромъ, да сподобитъ его душу разлучиться отъ тѣла въ мирѣ съ Богомъ, съ ближними и съ своею совѣстію, такъ чтобы этого мира не могли нарушить ни страданія тѣлесныя, ни воспоминанія о прежнихъ грѣхахъ и о бѣ оставленныхъ радостяхъ жизни, ни преимущественно козни лукаваго:

Говоримъ преимущественно козни лукаваго. Злые духи преслѣдуютъ человека своими кознями въ продолженіе всей его жизни, или прямо возбуждая въ душѣ худыя мысли, расположенія и желанія, или усиливая ихъ, и тѣмъ старающъ отаратить насъ отъ Бога. Но никогда не бываютъ такъ настойчивы и страшны козни діавола противъ души человеческой, какъ предъ разлученіемъ ея съ тѣломъ. Во что бы ни стало ему хочется въ эти минуты сдѣлать ее своєю добычею, не допустить до нея добрыхъ ангеловъ, и предвосхитить ее у нихъ, отъ чего можетъ спасти ее только благодать Божія. Да позволено намъ будетъ привести нѣсколько случаевъ изъ памятниковъ христианской древности въ доказательство великой злобы діавола противъ умирающихъ и великаго милосердія къ нимъ Господа.

Преподобный Іоаннъ Лествичникъ рассказываетъ поразительное происшествіе съ однимъ подвижникомъ славянскимъ Стефаномъ, проводившимъ жизнь въ цѣлѣ, слезахъ и другихъ добродѣтеляхъ сначала въ сожительствѣ съ учениками, потомъ въ строгомъ отшельничествѣ. Не задолго до кончины Стефанъ возвратился въ прежнюю келью къ своимъ ученикамъ и за день до кончины впасть въ вступленіе; съ открытыми глазами озирался на правую и на лѣвую сторону цѣдра своего и какъ бы допрашиваемый къмъ вслухъ всѣхъ предстоящихъ говорилъ: «такъ, правда, но за это посланъ и столько-то лѣтъ», а потомъ опять: «вѣтъ, совершенно лжеть, не дѣлалъ я этого». И еще: «правда, точно такъ, но я

плакалъ и служилъ братьямъ». И еще: «вѣтъ, совершенно клеветаете на меня». Ивота же говорилъ: «точно такъ; не знаю, что и сказать противъ сего: но Богъ милостивъ». И подлинно, говоритъ преподобный Лествичникъ, ужасно было ардіице сіе невидимое и безопащное истязаніе. И что всего страшнѣе—обвиняли его и въ томъ, чего онъ не дѣлалъ. Не чудно ли? Безмолвникъ и отшельникъ о нѣкоторыхъ грѣхопаденіяхъ своихъ говорилъ: «не знаю, что и сказать на сіе»,—тогда какъ около сорока лѣтъ былъ монахомъ и имѣлъ мезы и живя въ пустынѣ кормилъ изъ своихъ рукъ леопарда. Такъ изстауемый разлучился съ тѣломъ, оставивъ насъ въ неизвѣстности, какой былъ судъ, какой приговоръ ему, или чѣмъ кончилось сіе истязаніе (Лѣст. Степ 7-ая).

Въ «Достопамятныхъ сказаніяхъ о подвижничествѣ святыхъ и блаженныхъ отцевъ» разсказывается слѣдующее о предсмертныхъ видѣніяхъ, бывшихъ преподобному Іосифу Панефосскому и аввѣ Сисое. Когда преподобный Іосифъ былъ при смерти и у него сидѣли старцы, то смотря на дверь, увидѣлъ сидѣвшаго у ней діавола. Подозвавъ ученика своего, препод. Іосифъ сказалъ: «подай мнѣ палку, онъ думаетъ, что я старъ и не могу одолѣть его». Какъ скоро преподобный взялъ палку, старцы увидѣли, что діаволъ какъ собака проврался въ дверь и исчезъ (стр. 139).—Объ аввѣ Сисое: когда онъ сдѣлался боленъ и сидѣлъ съ учениками въ кельѣ, послышался стукъ въ двери. Старецъ появивъ, въ чемъ дѣло, говоритъ ученику своему Аврааму: «скажи тому, кто стучитъ: Сисой на горѣ, Сисой и на рогожѣ» (т.-е. такъ жене боялся козней бѣсовскихъ на смертномъ одрѣ, какъ не боялся ихъ на горѣ, гдѣ почитался). Стучавшій, услышавъ сіе, исчезъ (стр. 308).

Святый Іоаннъ Златоустъ говоритъ: много услышишь разсказовъ объ ужасахъ при послѣднемъ концѣ и страшныхъ явленіяхъ, которыхъ самъ видъ нестерпимъ для умирающихъ, такъ что лежаніе на одрѣ съ великою силою потрясаютъ они и страшно озираются на предстоящихъ, тогда какъ душа силится удержаться въ тѣлѣ и не хочетъ разлучиться съ нимъ, ужасаясь видѣнія приближающихся ангеловъ. Ибо если мы, смотря на страшныхъ людей, трепещемъ, то каково будетъ наше мученіе, когда увидимъ приближающихся ангеловъ

грозныхъ и неуимлимыхъ силы, когда они душу нашу повлекутъ и будутъ отторгать отъ тѣла» (53 бес. на Матвея).

Все это галлюцинаціи, все это грезы разстроеннаго болзанію и страхомъ смерти воображенія, — скажутъ люди, которые не только искушеніямъ бѣсовскимъ не вѣрятъ, но и самое бытіе бѣсовъ отвергаютъ, которые искушеніе самого Господа Іисуса отъ діавола въ пустынѣ называютъ галлюцинаціею. Но для насъ православныхъ несомнѣны не только свидѣтельства Слова Божія о козняхъ бѣсовскихъ, но и свидѣтельства изъ исторіи христіанскаго подвига житчества. Мы могли бы еще усумниться въ истинѣ разсказовъ о зломъ бѣсовскомъ дѣйствованіи, идущихъ отъ людей невѣжественныхъ и по невѣжеству суевѣрныхъ; но съ такими разсказами ничего не имѣютъ общаго свидѣтельства о козняхъ бѣсовскихъ людей духовно-просвѣщенныхъ, продолжительными усиленными подвигами блѣдны надъ собою приобрѣтшихъ навыкъ различать не только порожденіи своего воображенія отъ дѣйствій міра духовнаго, но и между послѣдними дѣйствія благодати отъ ухищреній духа злобы, принимающаго иногда видъ свѣтлаго ангела. Не вѣрить такимъ свидѣтелямъ, о себѣ ли они свидѣтельствуютъ, или о другихъ, было бы крайне несправедливо, тѣмъ паче, что ихъ свидѣтельства подтверждаютъ Слово Божіе. Слово Божіе говоритъ не только вообще о козняхъ бѣсовскихъ противъ человѣка, указывая многочисленныя примѣры ихъ предостерегая отъ нихъ, общаго человѣку помощь въ борьбѣ съ ними, но въ частности оно удостовѣряетъ о зловторномъ присутствіи злыхъ духовъ при постелѣ умирающаго. Въ притчѣ о богатомъ и Лазарѣ говорится, что богатцу, мечтавшему по случаю обильнаго урожая о долговременной жизни, о построеніи болѣе пространныхъ житницъ, о плотскихъ наслажденіяхъ, сказано: «безумно, въ сію ночь истяжутъ душу твою отъ тебе, а яже уготовалъ еси, кому будутъ». (Лук. 12, 20). — *Истяжутъ*, по объясненію блаженнаго Теофилакта, значить то, что, немилостивые мытари-ангелы страшно и насильно исторгаютъ душу грѣшника: Душа праведника не исторгается изъ него: онъ, радуясь и веселясь, предаетъ духъ свой Богу.

Людямъ, отвергающимъ дѣйствіе злыхъ духовъ на умираю-

щихъ, не пришлось бы раскаяться въ своемъ невѣрїи, когда сами будутъ умирать и будутъ имѣть возможность удостовѣриться собственнымъ опытомъ въ томъ, чему не вѣрили прежде. Не лучше ли для нихъ не доводить себя до этого раскаянія, которое можетъ сдѣлаться для нихъ позднимъ въ минуты смерти, когда явленіе злыхъ духовъ будетъ для нихъ тѣмъ страшнѣе и пагубнѣе, чѣмъ для нихъ неожиданнѣе.

Св. Церковь, съ материнскою любовью заботящаяся о своихъ чадахъ во все продолженіе ихъ жизни, съ немаломою заботливостію пратоготвляетъ ихъ къ мирному исходу изъ сей жизни. Она знаетъ, съ какою львиною яростію и зминнымъ лукавствомъ духъ злобы готовъ нарушить миръ отходящей души, — а потому она научаетъ не только больныхъ, но и здоровыхъ ежедневно обращаться къ ангелу хранителю съ молитвою, «да покровитъ насъ своими крылами при разлученіи души съ тѣломъ, чтобы намъ не видѣть мерзкаго лица демоновъ (канонъ ангелу хранителю). Въ одной изъ молитвъ полунощницы св. Церковь научаетъ насъ умолять Владыку живота и смерти словами св. мученика Евстратія, да сподобитъ насъ той милости, чтобы душа наша, разрѣшаясь отъ узъ тѣла, не видѣла мрачнаго взора лукавыхъ демоновъ, но да примутъ ее ангелы свѣтлые (субботняя полунощница). О той же милостѣ св. Церковь научаетъ насъ еще съ болшею настойчивостію умолять Пресвятую Богородицу во время самаго исхода души. «Обыдоша мя мысленнѣи рыкающе сквины и ищуще восхитити и растерзати мя горѣ, иже зубы, Чистая, и челюсти сокруши и спаси мя» (канонъ на исходѣ души).

Нѣтъ, не отъ галлюцинаціи, не отъ пустыхъ призраковъ, а отъ дѣйствительныхъ нападеній злыхъ духовъ, св. Церковь хочетъ оградить чадъ своихъ, когда влагаетъ въ ихъ уста такія молитвы. Страшны будутъ нападенія бѣсовъ на душу во разлученіи ея съ тѣломъ, когда она будетъ проходить путь такъ называемыхъ мытарствъ; но на семъ пути судьба души уже не будетъ завистъ отъ нея, — она будетъ тогда безответною подсудимою, не будетъ въ состояніи сдѣлать свое положеніе болѣе благопріятнымъ. Это могло быть сдѣлано ею только въ здѣшней жизни, ибо только

дѣйствія жизни есть время подвиговъ и заслугъ. Знаетъ это духъ злобы и потому, если не успѣлъ во все продолженіе жизни человѣка удалить его отъ Бога, напрягаетъ все усилія къ тому въ послѣдніе его минуты, или же въ послѣдніе минуты старается лишить возможности раскаяться и примириться съ Богомъ—того, кто оскорблялъ Его грѣхами въ теченіе всей жизни. Въ этомъ обстоятельствѣ такое сильное заключается побужденіе для каждаго изъ насъ молить Бога всегда, особенно же въ послѣдніе часы жизни, да не предастъ насъ во власть діавола въ эти роковые для насъ часы, да сподобитъ насъ умереть безъ вреда отъ козней лукаваго, могущихъ смутить нашу душу и лишить ея мира съ Богомъ!

ДѢЛА БЛАГОТВОРЕНІЯ НА СТРАШНОМЪ СУДѢ ХРИСТОВОМЪ.

Благотворительность имѣетъ столь высокую цѣну въ очахъ Божиихъ, что на страшномъ судѣ Христовомъ въ числѣ благословенныхъ Отца небеснаго и призванныхъ къ вѣчному наслѣдію царства небеснаго будутъ упомянуты только люди благотворительные, только тѣ, которые питали алчущихъ, поили жаждущихъ, одѣвали нагихъ, принимали странниковъ, посѣщали больныхъ и заключенныхъ въ темницѣ (Мат. 25, 34—40). Что же однако это значить? Не значить ли, что для оправданія на судѣ Христовѣ, для полученія вѣчнаго спасенія, достаточно однихъ дѣлъ благотворенія, изъ какихъ бы побужденій они ни происходили, и притомъ дѣла благотворенія только вѣшняго, въ однихъ тѣлесныхъ нуждахъ ближняго, — что ради этихъ вѣшнихъ дѣлъ не будутъ съ насъ взмекивать за недостатокъ любви къ ближнимъ, за недостатокъ вѣры и благочестія, покаянія и самоотверженія, за грѣховную безпечность, — что человѣку малодѣльному и благотворительному можно, безъ вреда для спасенія души, не заботиться объ утвержденіи себя въ вѣрѣ и благочестіи, можно вести жизнь распущенную? Правда ли все это? Можно ли въ этомъ имѣнн смыслъ, безъ сомнѣнія пріятномъ для желав-

щихъ получить спасеніе легкимъ способомъ, понимать слова Христовы. на страшномъ судѣ, о дѣлахъ благотворенія?

Приговоръ на страшномъ судѣ о вѣчной нашей участи дѣйствительно утверждается на дѣлахъ благотворенія. Но нѣтъ сомнѣнія, что Господь Іисусъ, праведный Судія, призывая къ наслѣдію небеснаго царства благотворителей, будетъ имѣть въ виду не вѣшней только трудъ благотворенія, а вмѣстѣ доброе христіанское побужденіе къ нему, именно сердечное участіе въ положеніи ближняго, состраданіе къ нему, чувство любви къ нему, безъ мятѣйшей примѣси самолюбія и своекорыстія. Ибо только любовь даетъ цѣну дѣламъ благотворительности. Безъ любви благотворительность, самая широкая и самоотверженная, не принесетъ пользы душъ благотворителя на въ сей жизни, ни въ будущей. «Аще раздамъ вся имѣнія моя, любве же не имамъ, каа польза ми есть» (Кор. 13, 3), говорятъ апостолъ Павелъ. Слѣдственно и на страшномъ судѣ Христовомъ будутъ прославлены дѣла благотворенія въ соединеніи съ любовью, а не отдѣльно отъ нея, будетъ отдѣленъ не вѣшней только трудъ и жертва благотворенія, но вмѣстѣ доброе христіанское побужденіе къ нему, заключающееся въ душевномъ расположеніи къ ближнему. О людяхъ, благотворящихъ не по любви, а по своекорыстію и тщеславію, Христосъ Спаситель ясно сказалъ, что имъ не будетъ награды отъ Отца небеснаго, что они только здѣсь получаютъ награду свою (Мат. 6, 12).

Въ приговорѣ объ участи нашей, имѣющемъ быть на страшномъ судѣ, говорится повидимому о дѣлахъ только вѣшней милости, о благотвореніи ближнему въ однихъ его тѣлесныхъ нуждахъ и бѣдствіяхъ, а о дѣлахъ милости духовной ничего не сказано, хотя душа важнѣе тѣла и нужды духовныя важнѣе тѣлесныхъ, — не сказано о просвѣщеніи свѣтломъ истиннымъ невѣдущаго, ни о вразумленіи заблуждающаго, ни объ исправленіи порочнаго, ни объ утѣшеніи скорбящаго и унывающаго. Но при внимательномъ разсмотрѣніи словъ праведнаго Судіи оказывается, что въ нихъ вмѣются въ виду дѣла не одной милости тѣлесной, но вмѣстѣ духовной. Такъ посвященіе заключенныхъ въ темницѣ есть само по себѣ духовная милость. Ибо съ какою цѣлію оно предпринимается?

Не съ тою цѣлю, чтобы освободить ихъ изъ темницы, или облегчить тяжесть ихъ вѣшняго положенія, — что зависитъ не отъ поствителя, а отъ суда, — а съ тою, чтобы подать имъ духовную помощь. Духовная помощь въ атомъ случаѣ состоитъ въ томъ, чтобы участіемъ въ судьбѣ заключенныхъ въ темницѣ ободрить, утѣшить ихъ, чтобы расположить ихъ къ признанію виновности предъ Богомъ, передъ начальствомъ, и вообще передъ ближними, къ искренней покорности волѣ земной власти и судьбамъ провидѣнія Божія, чтобы указать имъ въ вѣрѣ, въ упованіи на Бога, въ молитвѣ, въ искреннемъ раскаяніи средство избавленія отъ вѣчнаго мученія, уготованнаго нераскаяннымъ грѣшникамъ. — Съ подобною же цѣлю должно посѣщать больныхъ. Не всякій изъ посѣщающихъ больного можетъ и имѣть право предложить ему вещественное врачевство, но всякій можетъ и долженъ ободрить его сердечнымъ участіемъ къ нему. Это участіе можетъ и не выражаться въ словахъ, можетъ быть безмолвнымъ, — одно уже присутствіе ваше при постелѣ больного, какъ свѣдѣтельство любви къ нему, можетъ утѣшить его; а это не есть ли духовная милость для него? И еще большую духовную милость вы окажете ему, если ваше участіе къ нему выразите словомъ духовнаго утѣшенія, если вмѣстѣ съ нимъ и за него помолитесь, и если наведете его на мысль позаботиться объ исцѣленіи его духовныхъ недуговъ чрезъ искреннее раскаяніе во грѣхахъ. И тѣмъ, какъ не этими дѣлами милости духовной всего лучше могутъ благотворить больнымъ, особенно безнадежнымъ, посѣщающіе ихъ? — Другія дѣла благотворенія, вчисляемая въ приговорѣ объ участи нашей на страшномъ судѣ, относятся собственно къ удовлетворенію тѣлесныхъ нуждъ ближняго, но и они предполагаютъ духовную милость. Помогая ближнимъ въ ихъ тѣлесныхъ и житейскихъ нуждахъ, — питая алчущихъ, напоая жаждущихъ, одѣвая нагихъ, призывая странствующихъ, — вы въ тоже время благотворите душѣмъ всѣхъ этихъ лицъ; вы своимъ участіемъ къ ихъ вѣшнему положенію спасаете ихъ отъ униженія, отъ ропота на Бога и на людей, располагаете ихъ къ благодарности предъ Богомъ, примиряете ихъ съ жизнью, подаете имъ отраду въ утѣренности, что и они не

исключены изъ братской семьи, что они полноправные ея члены, ибо ихъ не презираютъ, а принимаютъ въ нихъ безкорыстное участіе. Все это не есть ли духовная милость? Оказывая ближнему вѣншее благотвореніе, вы въ тоже время достигаете другой цѣли, которой, можетъ быть, и не имѣли въ виду, — вы душѣ ближняго оказываете милость.

Еще больше способствуетъ къ достиженію той же цѣли самый способъ вѣшняго благотворенія. Идѣ дѣло не въ томъ только, чтобы алчущаго накормить, жаждущаго напоить, прикрыть лаготу, усюкоть странника и т. п., а вмѣстѣ въ томъ, чтобы все это сдѣлать съ выраженіемъ сердечнаго состраданія къ нимъ, съ смиреніемъ, съ тактомъ, въ томъ, чтобы вашею помощію ближній не обидѣлся и принялъ ее какъ отъ брата во Христѣ Исусѣ, не стѣснялся чувствомъ зависимости отъ васъ, весьма тяжелымъ для многихъ, не утратившихъ, не смотря на житейскія невзгоды, чувства своего достоинства. Подобные люди, хотя находятся въ крайней нуждѣ, никому однако не говорятъ о ней, на у кого ни просятъ помощи, по непривычкѣ обращаться къ ней, если прежде жила достаточно, и по стыду. А иные удерживаются отъ прошенія помощи опасеніемъ обезпокоить васъ напоминаніемъ о своихъ нуждахъ, и безмолвно ихъ переносятъ. Долгъ христіанской любви требуетъ отъ васъ помогать всѣмъ таковымъ лицамъ не дожидаясь вызова съ ихъ стороны. Тѣ, которые любятъ, чтобы вызывали ихъ на благотвореніе мольбами и жалобами, обыкновенно говорятъ въ свое оправданіе: «дѣти не плачуть, мать не разубѣдетъ». Но что говорится о дѣтихъ, то не всегда можно сказать о вышедшихъ изъ дѣтскаго возраста. Дѣти не могутъ удержаться отъ плача и слезъ, когда чувствуютъ боль, голодъ и жажду; но взрослые могутъ; свѣршая сердце, переносить свое бѣдственное положеніе, не напоминая о немъ другимъ ни вздохами, ни слезами, ни жалобами, ни мольбами. Съ таковыми мы должны поступать такъ, какъ поступаетъ Господь съ грѣшниками. «Обрѣтохся, говорятъ Онъ, не ищущимъ мене, явленъ былъ не вопрошающимъ о Мя» (Иса. 65, 1). Правда, трудно благотворителю открывать людей, нуждающихся въ помощи, когда они сами не напоминаютъ о ней; но тѣмъ-то и отличается истинная хри-

стиаская любовь отъ любви естественной, языческой, что не боится борьбы съ трудностями и препятствіями. Только въ этой борьбѣ, только въ самоотверженіи для блага ближнихъ открывается ея достоинство, ея искренность. Но, что особенно важно, ваша предупредительность въ дѣлахъ благотворенія и вообще христіанскій способъ совершенія ихъ сообщаетъ вѣншему благотворительному поступку характеръ духовной милости: получившій отъ васъ вспоможеніе побуждается благодарить васъ сугубо, — и за вещественное одолженіе, и за то, что при этомъ вы пощадили въ немъ чувство его достоинства и чести, — за то, что вы избавили его не только отъ гнетущей нужды, но и отъ душевной пытки, какую онъ чувствовалъ, не зная какъ выйти изъ затруднительнаго положенія безъ униженія предъ людьми, — за то, что вы возвратили ему миръ душевный. Сего мало: если ваша услуга предупредительно оказана будетъ человѣку, который, стыдясь просить милости у людей, въ тоже время не скзалъ утѣшенія и помощи въ религіи, вы пробудите въ немъ любовь къ религіи, вы дадите ему возможность оцѣнить высокое достоинство той вѣры, которая научаетъ насъ соединять съ милостію тѣлесной милость духовную.

Перейдемъ къ другому вопросу: правда ли, будто на страшномъ судѣ Христовомъ будетъ объявлена награда людямъ за одинъ дѣла милосердія и не обращено будетъ вниманіе на другія добродѣтели — ни на истинную вѣру въ Бога, ни на любовь къ Нему и упованіе на Него, ни на ревность къ стяжанію сердечной чистоты и святости, ни на подвиги покаянія? — Нѣтъ, это неправда, судя потому, что въ евангельскомъ изображеніи страшнаго суда Христова награждаемые за благотвореніе именуются праведниками: *тогда, т.-е. по выслушаніи приговора о наследованіи царства небеснаго, отъицаютъ Ему—Судіи Христу—праведницы, глаголюще: Господи, когда ты видѣхомъ алчуща и т. д.* (Матѣ. 25, 37). Но праведность состоитъ не въ одной благотворительности. Праведностію вообще называется жизнь согласная съ закономъ Божиимъ, опредѣляющимъ наши отношенія къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ. Благотворительность есть только видъ праведности, — она входитъ въ составъ нашихъ

обязанностей въ отношеніи къ ближнимъ и составляетъ только часть этихъ обязанностей. Слѣдственно если имѣющие выслушать на страшномъ судѣ одобреніе благотворители именуется праведниками, это значитъ, что праведный Судія будетъ судить о нихъ не по одной благотворительности, а вмѣстѣ по другимъ нравственнымъ, соединеннымъ съ нею достоинствамъ, и именно прежде всего по вѣрѣ, ибо безъ вѣры невозможно угодить Богу (Евр. 11, 6) никакими добрыми дѣлами, слѣдственно и дѣлами благотворенія. Всѣ добродѣтели основываются на вѣрѣ въ Бога Законодателя и Судію и суть не что иное, какъ послушаніе Его святому закону. Особенно нельзя угодить Богу никакими подвигами праведности безъ вѣры въ Иисуса Христа, ибо вся наша правда предъ лицомъ правосудія Божія, по выраженію Церкви ⁽⁴⁾, тѣмъ куда негодная и на улицу выброшенная. Мы спасаемся не заслугами нашими, не правдою нашею а благодарію, приобретёнными заслугами Христовыми, а благодать сія привлекается вѣрою. Посему и сказано: «благодатію есте спасени чрезъ вѣру» (Еф. 2, 8); «мыслимъ вѣрою оправдаться человѣку безъ дѣла закона» (Рим. 3, 28). Это не то значитъ, что дѣла закона совсѣмъ не нужны для спасенія, а то, что они вполне зависятъ отъ вѣры. Вѣра низводитъ на насъ благодать св. Духа, чрезъ которую мы не только получаемъ прощеніе грѣховъ и оправданіе, но и освященіе; или силу творить дѣла закона. Посему и Апостолъ молить Господа, «да усовершитъ Онъ вѣрующихъ во всякомъ добромъ дѣлѣ къ исполненію воли Его, производя въ нихъ благоудное Ему чрезъ Иисуса Христа» (Евр. 13, 21). Это благодатное содѣйствіе Божіе нужно, безъ сомнѣнія, и для дѣла благотворенія И такъ какъ это содѣйствіе усволяется вѣрою, то само собою разумится, что одобрительный приговоръ благотворителямъ на страшномъ судѣ отнесется къ благотвореніямъ не въ отдѣльности, а въ соединеніи ихъ съ вѣрою, тѣмъ паче, что вѣра не только даетъ цѣну нашимъ благотвореніямъ, но и заключаетъ въ себѣ главное христіанское побужденіе къ нимъ. Христіанская добродѣтель благо-

(4) См. одну изъ молитвъ (5-ую) въ чинѣ есаосвященія.

творения есть именно плодъ вѣры въ искупленіе, плодъ сердечнаго убѣжденія, что всадствие искупленія все мы—братія во Христѣ Исусѣ, и потому должны принимать братское участіе въ нуждахъ ближняго. «Возлюбленія, говорятъ Ап-столъ, аще сице возлюбилъ есть насъ Богъ, и мы должны есмь другъ друга любить» (1 Иоан. 4, 11). Такому значенію вѣры въ отношеніи къ дѣламъ благотворенія соответствуетъ значеніе въ отисшеніи къ нимъ прочихъ добродѣтелей. Что на страшномъ судѣ Христовомъ тѣ и другія будутъ имѣться въ виду, это видно не только изъ того, что въ евангельскомъ изображеніи страшнаго суда, какъ мы видѣли, благотворители называются праведниками, но вообще изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ Слова Божія о будущемъ воздаяніи каждому по дѣламъ его. Итакъ пусть праведникъ Судія на всемірномъ судѣ назоветъ наследниками царства небеснаго только благотворителей; это не значить, что благотворители могутъ безопасно проводить свою жизнь во грѣхахъ, бросить всякую заботу о спасеніи въ вѣрѣ и благочестіи, но надеждъ, что благотворительность покроетъ все ихъ грѣхи, избавитъ ихъ отъ наказанія за опущеніе прочихъ добродѣтелей. При разсужденіи о грѣхахъ, дѣйствительно она будетъ имѣть такую силу предъ судомъ Бога; въ противномъ случаѣ никакая благотворительность не спасетъ насъ отъ гнѣва Божія. И Христосъ Спаситель училъ своихъ послѣдователей не одной благотворительности: въ ученіи о путяхъ къ блаженству, Онъ указываетъ не на одно милосердіе, во вмѣстѣ и на вышету духовную, чистоту сердечную, плачъ, кротость, терпѣніе, какъ необходимыя условія къ достиженію блаженства (Мт. 5, 1—12). Почему же однако на страшномъ судѣ блаженныи наречены будутъ одни благотворители? Потому, что лежащая въ основаніи благотворенія любовь къ ближнему есть, по ученію апостола, союзъ совершенства (Кол. 3, 14), вѣнецъ всехъ добродѣтелей, имѣеть первенствующее значеніе въ ряду ихъ, хотя безъ нихъ и она недостаточна для оправданія и спасенія.

КОМУ УГОТОВАНЫ ГОРНІЯ СЕЛЕНІЯ?

„Кто взидеть на гору Господню, или кто станетъ на мѣстѣ святыхъ Его? Не повиненъ рукама и чистъ сердцемъ, иже не пріяты всею душою своею, и не клатся лестию искреннему своему.“ Псал. 23, 4, 5.

Двадцать третій псаломъ, въ которомъ читаются сіи слова, написанъ Давидомъ по случаю перенесенія ковчега заѣта въ сквию на горѣ Сионѣ (2 Цар. 6, 12). Въ этомъ псалмѣ истинный Богъ, чтимый избраннымъ народомъ, прославляется какъ владѣльца всей земли и всего, что на ней существуетъ; потомъ описываются свойства истинныхъ читателей Его, или тѣхъ, которые достойно могутъ приближаться къ Нему на святой горѣ Его, т.-е. присутствовать при богослуженіи; на ней совершаемомъ въ сквию; наконецъ изображается торжественное вступленіе Его въ Кивотъ Заѣта во врата сквины, при пѣвѣ левитовъ, изъ которыхъ одни сопровождаютъ Кивотъ, другіе встрѣчаютъ его у вратъ сквины. Таково содержаніе псалма въ буквальномъ, ближайшемъ смыслѣ; во съ этимъ смысломъ соединяется прообразовательный. Подъ образомъ торжественнаго шествія въ новоустроенную Давидомъ на Сионѣ сквию предсказано для ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ шествіе Богочеловѣка съ прославленною воскресеніемъ плотію въ нерукотворенную сквию небесную, сопровождаемое отъ земли и срѣтаемое на небесахъ ангелами,—т.-е. вознесеніе Господне^(а). Вмѣстѣ съ симъ въ томъ же псалмѣ для ветхозавѣ-

(а) Въ этомъ именно смыслѣ въ службѣ на праздникъ Вознесенія приводится слова этого псалма объ открытіи входа въ сквию для ковчега заѣта: «вонмите врата, князя, ваша и видеть царь славы» (ст. 6—8). Такъ въ кивотѣ на сей праздникъ читаемъ: «евангельскія силы (милія) горѣйшимъ вопіаху: врата возьмите (поднимите) Христу нашему Царю» (капонъ 1-й, пѣснь 4-я). Въ этомъ же смыслѣ апостолъ Павелъ приводитъ слова другаго псалма о вносеніи ковчега въ сквию (псал. 67, 19), прилагая ихъ къ славному вознесенію Христову (Ев. 4, 8—10).

рующихся предугазано было и то, что Господь Иисусъ вознесъ съ тѣломъ на небеса не для прославленія только своего, въ Его божественную личность, воспрятаго челоѣчества, не для введенія только его въ участіе божеской славы, но также для того, чтобы намъ уготовать мѣсто на небесахъ, куда Онъ восшелъ предтечею о насъ, чтобы и намъ быть тамъ, гдѣ Онъ самъ (Евр. 6, 20. Іоан. 14, 2, 8), — подобно тому, какъ и гора Сіонская была мѣстомъ не одного только особеннаго присутствія на ней въ скинии Господа, но вмѣстѣ мѣстомъ собранія на ней вѣрующихъ для духовнаго, посредствомъ молитвъ и жертвъ, общенія съ Господомъ. Кому же именно уготованы горнія селенія, входъ въ которыя открыть намъ вознесемъ Христовымъ? Ибо недѣля же думать, что они уготованы для всѣхъ безъ различія — достойныхъ и недостойныхъ. *Кто же именно взыдетъ*, спросимъ словами псалма, *на сію гору Господню*, на сіе мѣсто особеннаго, славнаго обитанія Господа среди сонмовъ ангельскихъ, преобразованное горою Сіонскою, прославленною обитаніемъ на ней Господа въ снѣгнѣхъ? *Кто станетъ на мѣстѣ святыхъ Его* г. — е. кто, водворится въ обитателяхъ Отца небеснаго, для того, чтобы вмѣстѣ съ небесными силами предостоять престолу Его, вмѣстѣ съ ними славословить Его, вмѣстѣ съ ними озаряться свѣтомъ лица Его и въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Нимъ обрѣтать блаженство? Кто можетъ надѣяться достигнуть сего неизреченнаго блаженства?

Неповинныя руки, отвѣтствуетъ псалмопѣвецъ на сей вопросъ, имъ же самимъ предложенный. — Руки суть орудія тѣлесной дѣятельности, тѣлеснаго труда, и потому какъ въ другя мѣстахъ писанія (Іер. 4, 8. Псал. 25, 6; 17, 21), такъ и здѣсь, означаютъ вообще вѣншее поведеніе. *Неповинныя руки*, — это въ обширномъ смыслѣ челоѣвъ съ неукоризненнымъ вѣншимъ поведеніемъ, непорочный во всѣхъ заповѣдахъ и оправданійхъ Господнихъ, т. е. точный исполнитель предписаній заповѣднхъ, касавшихся вѣншей дѣятельности, челоѣвъ, который всѣми вѣншими дѣлами свидѣтельствуетъ, что онъ чтитъ Бога, почитаетъ родителей, справедливъ къ ближнимъ и строгъ къ самому себѣ. Въ частности для въ тѣсномъ смыслѣ *неповинныя руки* — это челоѣвъ,

который чуждъ грѣховъ, совершаемыхъ руками. Онъ не простираетъ рукъ на чужую собственность, довольствуясь тѣмъ, что имѣетъ; онъ не отдастъ сребра своего въ ростъ и если занимаетъ судейскую должность, не принимаетъ даровъ противъ виновнаго для его осужденія и для оправданія виновнаго (Ис. 14, 5); онъ не оскверняетъ рукъ своихъ нечистыми и любострастными прикосновеніями; онъ удерживаетъ свои руки отъ нанесенія побоевъ и ранъ ближнему, не обращаетъ ихъ въ орудіе гнѣва и злобы, не проливаетъ руками кровь ближняго; онъ не производитъ руками движеній съ цѣлюю подать другимъ знакъ къ началу и исполненію дѣйствій несправедливыхъ и вредныхъ для блага ближнихъ. Таковъ челоѣвъ неповинный руками.

Но одного вѣншаго, неукоризненнаго поведенія еще недостаточно къ тому, чтобы заслужить небесное блаженство, водвориться въ горняхъ обителяхъ; оно должно быть соединено съ чистотою сердца. Неповинный руками долженъ быть вмѣстѣ *чистъ сердцемъ*. Иной является похвально поступающимъ во всѣхъ отношеніяхъ и своею неукоризненною, честною жизнью возбуждаетъ всеобщее удивленіе и уваженіе къ себѣ; самый зоркій глазъ не откроетъ въ немъ ни одного пятна. Но сердце его полно нечистоты. Ее не примѣчаютъ люди, но зрѣтъ Богъ сердцеѣдлецъ и отвращаетъ отъ него Свое благоволеніе. Онъ веблаговоляетъ къ тому, кто хотя чистъ на руку, не присвоитъ чужой собственности незаконнымъ путемъ, за то въ сердцѣ свѣдается завистію и зложелательствомъ при видѣ чужаго благосостоянія и злорадствуетъ, когда ближній обнищаетъ. Господь не благоволяетъ къ тому, кто хотя не оскверняетъ своего гѣла любострастными дѣлами, но въ комъ воображеніе наполнено нечистыми образами, сердце волнуется плотскими вожелѣніями. Господь веблаговоляетъ къ тому, кто хотя не простираетъ рукъ; на пролатіе крови, но таитъ въ сердцѣ гнѣвъ и злобу на ближняго. Господь не благоволяетъ вообще къ людямъ неповиннымъ одними руками, къ чистымъ только по наружности, подобно гробамъ поваленнымъ, но, также какъ гробы поваленныя, внутри полныиъ всякой нечистоты, — и святость Его не допускать ихъ до ближайшаго общенія съ Нимъ на святой горѣ Его, въ гнѣвахъ

небесныхъ селеніяхъ,—здесь мѣсто только для чистыхъ сердецъ, и также для того, *иже не пріяты всуе душу свою и не клятыя лестию искреннему своему.*

Иже не пріяты всуе душу свою, т.-е. тотъ, въ чемъ привязанъ душою къ суетѣ. Суетою называется все, въ чемъ человѣкъ напрасно надѣется найти удовлетвореніе потребности счастья, или блаженства, что напрасно почитаетъ истиннымъ благомъ. Такъ напрасно человѣкъ почитаетъ истиннымъ благомъ обиліе земныхъ сокровищъ и заботами о стяжаніи, умноженіи и сохраненіи ихъ мучить себя до пренебреженія высшихъ духовныхъ потребностей. Самое это мученіе показываетъ, что въ нихъ нѣтъ истиннаго блага,—и отвращаетъ удовольствіе обладанія ими. Она только служатъ средствомъ къ достиженію блага, а не сами по себѣ блага. Потому заботы объ умноженіи ихъ могутъ быть оправданы только употребленіемъ ихъ на благую цѣль. Безъ отношенія къ этой цѣли не только умноженіе, но и самое употребленіе ихъ есть только зло, а отнюдь не благо, есть поистинѣ суета. Чувство этой суеты особенно будетъ горько человѣку въ послѣдніи минуты его жизни, ибо тогда неотступно будетъ преслѣдовать его вопросъ: зачѣмъ онъ убивалъ себя заботами о томъ, чего не возьметъ съ собою на тотъ свѣтъ? зачѣмъ онъ трудился надъ скопленіемъ земныхъ сокровищъ, когда плоды его трудовъ могутъ достаться нетрудищемуся, и безмысленно будутъ расточены?—Суетны, напрасны также усилія человѣка найти истинное благо въ земныхъ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ. Опытъ всѣхъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что на только неутомимое наслажденіе ни, но и утомленное, соединенное съ благоразуміемъ, съ умнѣемъ разнообразитъ ихъ, эстетически пользоваться ими, какъ умѣлъ премудрый Соломонъ, хотя онъ ни въ чемъ не отказывалъ своимъ глазамъ и сердцу,—оканчивается горькимъ самообличеніемъ Соломона: «Смѣху сказалъ я: безумный! и веселью: что ты дѣлаешь?» (Екл. 2, 2).—Суетна также надежда найти для себя счастье въ расширеніи власти надъ подобными себѣ существами. Чѣмъ сильнѣе жадна этой власти, тѣмъ она мучительнѣе. Однажды кто-то изъ друзей Александра Македонскаго засталъ его въ слезахъ и спросилъ, о чемъ онъ плачетъ. «Я плачу о томъ,

отвѣчать этотъ всевѣстный заволадель, что нѣтъ другата міра! который бы я, какъ землю, могъ докорить своей властью: а забота, удержать приобретенную власть, обездочить свое высшее пожеланіе, доставить себя выше проекоя отъ людей одинаково властолюбивыхъ и зложелательныхъ, еще болѣе дѣлаетъ мучительнымъ и слѣдственно суетнымъ обладаніе такими благами, какими пріятыя власть. Дачислѣ видн суеты, Соломонъ находитъ суетнымъ даже, такое повидимому, благороднѣйшее занятіе, какъ приобретеніе мудрости, обогащеніе себя всякаго рода познаніями,—до чего же? Потому, говоритъ онъ, наоснованіи собственнаго опыта, что чѣмъ болѣе мудрости, тѣмъ болѣе горести, и кто, приумножить въ днвнѣя тотъ приумножить страданіе. (Еккл. 1, 18). Горести и страданія испытывать мудрѣе вслѣдствіе сознанія, что количество его знаній ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, чего онъ не знаетъ, и это сознаніе не только не умнѣетъ, а возрастаетъ въ немъ до мѣры расщепленія его познаній. Вообще все земное и тѣлесное, даже мудрость, взятая сама по себѣ, безъ отношенія къ религии и нравственности, есть суета, тва можать удовлетворить человека, и горя тому, *иже пріяты всуе душу свою*, кто думаетъ привязанъ къ суетѣ! Она и въ настоящей жизни испытываетъ одиъ недостатокъ и страданіе, и въ будущей, не жадать ей добра, и бо, что посещетъ человека здесь, то дождетъ тамъ; если здѣсь онъ съелъ въ днвнѣя, заблудится и думаетъ, объ одномъ днвнѣемъ и вѣномъ; то и тамъ отъ пасти дождетъ и днвнѣемъ, и вѣномъ пагубу. Что же въ суета? Въ чемъ же заключается истинное благо? Оно заключается въ общеніи съ Богомъ. Онъ есть верховное добро и податель всякаго добра. А путь къ общенію съ Нимъ Соломонъ, проповѣдываетъ суетны, уважаетъ въ страхъ Божіемъ, въ соблюденіи заповѣдей Его: «Бога бойся и соблюдай заповѣди Его, ибо сіе есть весь человѣкъ» (12, 14), т.-е. въ этомъ заключается, все для человека. Помимо этого, пути нельзя достигнуть общенія съ Богомъ, и слѣдственно истиннаго счастья; но, идущій этимъ путемъ можеть и вѣнными благами пользоваться безъ горькаго чувства суеты, ибо не ки нимъ у него держитъ сердце, то сердце его, занято единнымъ на потребу, единымъ Господомъ. Но помышляю. Чемъ

Единомъ и стремясь къ общенію съ Нимъ на сей землѣ, онъ еще тѣснѣе соединится съ Нимъ въ горныхъ обителяхъ, — ибо тамъ между нимъ и Господомъ совсѣмъ не будетъ преграды, полагаемой на землѣ если не пристрастіемъ къ земному, то необходимыми, невинными заботами о немъ.

Наконецъ по слову псалмопѣвца, чтобы имѣть надежду на ближайшее общеніе съ Господомъ въ горныхъ обителяхъ, нужно избѣгать одного изъ самыхъ тяжкихъ грѣховъ слова, — именно ложной клятвы съ цѣлію ввести въ обманъ ближняго. Такъ божится торговецъ, увѣряя покупателя въ добротѣ своего гнилаго товара; божится злоумышляющій, что онъ правду говоритъ, распуская клеветы на ближняго; божится занимающій деньги, увѣряя заимодавца, что непременно въ срокъ возвратитъ ему занимаемая деньги, тогда какъ думаетъ только воспользоваться легковѣріемъ его. Люди, обманывающіе подобными себѣ божбою и привычку къ ней даже несчитающіе грѣховъ пусть подумаютъ о страшныхъ послѣдствіяхъ своего грѣха. Они легко могутъ избѣгать ответственности предъ людьми; которыхъ обманываютъ; но пусть побоятся Бога и Его суда. На Его судѣ неустойтъ клеветникъ лестію искреннему своему; вина его столь велика, что онъ находится въ опасности быть отлученнымъ отъ общенія съ Богомъ въ горныхъ обителяхъ. Сюда открытъ доступъ только тому, кто не клеветаетъ лестію искреннему своему. Кланущійся лестію для обмана ближняго въ двухъ грѣхахъ выношетъ одинъ другаго тяжчайшихъ: въ грѣхѣ обмана ближнихъ, которыхъ онъ долженъ любить, какъ самого себя, помни, что все мы члены единого тѣла; — и въ грѣхѣ непочтенія къ Богу, имя Котораго безстрашно произносить для того, чтобы одобрить вестя въ обманъ ближняго, — въ грѣхѣ кощунства и богохульства. Послову Христа Спасителя даже въ правдѣ, безъ особенной нужды не слѣдуетъ прибѣгать къ божбѣ, а довольствоваться однимъ простымъ утвержденіемъ чего-нибудь: да, — или простымъ отрицаніемъ: нѣтъ (Мат. 5, 34 37). Если слѣдственно не безгрѣшно вообще божиться безъ особенной нужды, то легко понять, какой тяжкій, непростительный грѣхъ божиться съ злымъ умысломъ обмануть ближняго, и какъ справедливъ приговоръ Божій, устами псалмопѣвца осуждающій на отлуче-

ніе отъ Бога въ горныхъ обителяхъ, и слѣдственно навѣвную погубелъ, людей кланущихся лестію искреннему своему.

С Л О В О

о содѣяніи православному миссіонерскому обществу

Православные христиане! Единородный Сынъ Божій, это рое лице Святыя Троицы, за 1874 годъ предъ нами, насъ ради человекъ и нашего рода спасенія содѣявшаго челоѣкомъ по тѣлу и душѣ, не переставая быть Богомъ, — жилъ среди людей, тридцать три съ половиною года, училъ ихъ тому, какъ можно спастися, и для нашего спасенія пострадалъ отъ неблагодарныхъ людей и умеръ на крестѣ мучительною смертію. За грѣхи все люди были подъ гнѣвомъ Божиимъ и все погибли бы, еслибы Сынъ Божій, содѣявшійся челоѣкомъ, не принялъ на Себя наши вины и одиавъ за всѣхъ не потер-

(а) Предсѣдатель Совета Православнаго Миссіонерскаго Общества, высокопреосвященный Инокентій митрополитъ Московскій, въ январѣ 1870 года представилъ свѣтѣйшему Синоду предложеніе Совета касательно распространенія въ народѣ, путемъ церковной проповѣди, свѣдѣній о миссіонерскомъ дѣлѣ въ нашемъ отечествѣ и возбужденія въ народѣ усердія къ сему святому дѣлу. Свѣтѣйшій Синодъ призналъ полезнымъ осужденіе такого предложенія, но нашелъ нужнымъ, чтобы Православное Миссіонерское Общество предварительно озабочилось составленіемъ чрезъ кого-либо изъ своихъ духовныхъ членовъ, образованныхъ, поученій, соотвѣствующихъ предположенной цѣли, съ тѣмъ чтобы таковыя поученія представлены были на разсмотрѣніе въ свѣтѣйшій Синодъ. Въздѣствіе сего Советъ Православнаго Миссіонерскаго Общества поручилъ духовнымъ членамъ общества, четыремъ московскимъ священникамъ, составить образованія поученія. Порученіе сие исполнено и составленные четыре поученія были рассмотрѣны св. Синодомъ и одобренны имъ къ предположенному употребленію. Одно изъ нихъ предлагаемъ вниманію нашихъ читателей.

а́тла нашь на крестъ. Овъ потеряль казнь не за Себя, по-
тому что Самъ ни въ чемъ не былъ виновенъ, былъ безгръ-
шенъ, — а за наши грѣхи, въ уилату за наши долги. И Его
страдания и смерть за насъ столь спасательны, что ради ихъ
не только прощаются наши грѣхи, но еще подается намъ
свыше помощь къ достиженю святости, и надежда на нескон-
чаемое блаженство. И эвъ не потому только, что потерявъ-
ши за насъ страдания и смерть Господь Иисусъ былъ Самъ
безгръшенъ, — а еще и потому, что Овъ есть истинный Богъ.
Ходатайство за кого-либо тѣмъ сильнѣе, тѣмъ важнѣе то ла-
це, отъ котораго оно идетъ. Какое же существо можетъ
быть выше Господа нашего Иисуса Христа, Который, будучи
Едиnorodимъ Сыномъ Божіимъ, равнымъ по Божескому до-
стоинству, Отцу и Св. Духу, принявъ на Себя ходатайство за
людей, предъ Богомъ. Отдемъ и для всего въ человѣческой
плоти подкралась и умерь за насъ? Или онъ не можетъ
Богъ что сдѣлать для насъ? Господь Иисусъ Людямъ ое-
тается, только воспользоваться тѣмъ, что Овъ сдѣлалъ для
насъ, принять удовлетвореніе для своихъ спасеніи и жить не
заслуженное, но въ тѣмъ предлагаемое. Что же нужнъ для себѣ?
Нужно сдѣлатьсь христианиномъ, т. е. нужно убить себя, что
мы своими силами не можемъ спасти съ, и отъ всей души
увѣрять во Спасителя и посредствомъ крещенія вступить
въ общество спасаемыхъ — въ святую Церковь. *Иже, отру-
шится и, хрестити, спасенъ будетъ, и оже не имать
отры, осужденъ будетъ.* А вступившіе въ Христову Цер-
ковь должны вести истинно Христовую жизнь, по заповѣ-
дамъ Христовымъ, а подъ руководствомъ Христовой Церкви,
при помощи благодати Божіей, которая обильно подается
христианину въ прочіихъ, сверхъ, крещенія, таинствахъ, и
всегда привлекается смиреніемъ и молитвою. Вотъ что нуж-
но православны, для того, чтобы спасти, чтобы воспользо-
ваться тѣмъ, что сдѣлалъ Иисусъ Христосъ, для нашего
спасенія. Будемъ, православны, отъ души благодарить Господа за
то, что мы не только Христіане, но еще православны, ани-
стіане, что святая Церковь, къ которой мы принадлежимъ,
есть единая истинная Церковь, единая христіанская тоя

вѣры, которая проповѣдана Апостолами, за которую проли-
вали кровь свѣтѣ мученики, которую защищали свѣтѣ отцы
словами и делами, которую утверждали на Вселенскихъ со-
борахъ. Видимъ благодаритъ Господи, что, правдива въ
себѣ Церковь, имъ обладаемъ всеми необходимыми средствами
спасенія, и что Самымъ таиннымъ грѣшниками, докѣмъ они
остаются въ обществѣ съ нею, дана возможность поберечься
покаяніи, возвратитъ душевую чистоту и благооблаженіе Вожіе.
Но чѣмъ лучше наше положеніе въ обществѣ, тѣмъ до-
стойнѣе сожалѣній, что не все люди вступитъ въ Христа и
принадлежатъ въ общество спасаемыхъ. Христовы умерь за
всѣхъ людей и основатель Церкони, въ которую по Его пово-
ленію, данному Апостоламъ, должны быть призваны все на-
роды. Но еще доселъ Христіанъ втрѣ меньше, чѣмъ всену-
шнихъ истиннаго Бога, и еще меньше православныхъ христіанъ.
Сему впрочемъ ни слѣдуетъ удивляться. Самъ Христосъ
Спаситель говорилъ, что Его духовное царство должеъ рас-
пространиться въ родъ человеческомъ, постоенно, подобно
тому, какъ изъ зерна горчичи не видръ, а постоенно вы-
растаетъ большое горчичное дерево. И событія подтвердили
истину того, чему вѣдѣждо быть по слову Христову. Дѣло
распространенія христіанства, начатое Апостолами, угласи-
вшимъ своею проповѣдью все концы современнаго имъ міра,
до сихъ поръ продолжается въ возрастающихъ успѣхахъ.
Великую ревность къ сему дѣлу показываютъ западныя хри-
стіане. Нѣтъ ни одного уголка на земномъ шарѣ, гдѣ бы не
побывалъ миссіонеръ, т. е. впроповѣдникъ, латинскій,
или другаго западнаго вроеповѣдника. Въ ревности къ рас-
пространенію Евангелія не уступитъ западнымъ христіанамъ
русская православная Церковь. Правда, ови не поимаетъ
своихъ впроповѣдниковъ за предвѣя русскихъ владѣній,
но это потому, что для ея впроповѣднической ревности
всѣмъ мнѣ дѣла въ предѣлахъ нашего обширнаго отечества,
або не только въ азиатскѣхъ нашихъ владѣніяхъ, но и въ во-
сточной окраинѣ Европейской Россіи весьма много инород-
цевъ, блуждающихъ во пракъ языческихъ и магическихъ
суетвѣй. И можно ли сказать, чтобы это дѣло было пренеб-
режено нашею Церковію, и не имъло успѣха? О! вѣтъ. Да

обращенія, инородцевъ къ Христовой вѣрѣ существуетъ у насъ не мало людей, называемыхъ миссіонерами, т. е. вѣро-проповѣдниками. Эти люди постепенно распространяютъ между ними свѣтъ истины и полагаютъ между ними начало благоустроенной гражданской жизни, неутомимо и съ самоотверженіемъ ведя борьбу съ нуждою, съ суровою природою, съ упорствомъ заблуждающихъ, съ кознями ихъ духовныхъ руководителей, иногда съ препятствіями со стороны даже православныхъ, почему-либо несочувствующихъ ихъ дѣятельности. Но, хотя при благословеніи Божіемъ не мало сдѣлано дріобрѣтеній для православной Христовой Церкви трудами нашихъ вѣропроповѣдниковъ, особенно знаменитѣйшаго между ними высокопросвѣщеннѣйшаго Иннокентія, нѣмъ митрополита московскаго, обратившаго къ вѣрѣ и утвердившаго въ ней, не одну, сотни тысячъ душъ въ Восточной Сибирѣ, въ Сѣверной Америкѣ и прилежащихъ къ нимъ островахъ, — еще многого остается ждать въ этомъ отношеніи, потому что въ одной Сибири едва ли не большая часть жителей предана идолопоклонству. Посему нельзя не радоваться, что для содѣйствія усвѣхамъ вѣропроповѣдической дѣятельности между инородцами, обитающими въ русскихъ владѣніяхъ, открыты у насъ два миссіонерскихъ общества, изъ которыхъ одно простираетъ свою дѣятельность на Кавказскій край, и Закавказье, другое — на азычниковъ и магометанъ по всему остальному пространству русскаго царства. Управленіе двами сего Общества, именуемаго Православнымъ Миссіонерскимъ, было прежде въ Петербургѣ, а за два года предъ симъ перенесено въ Москву, гдѣ предсѣдателемъ его состоитъ митрополитъ московскій. Наша рѣчь относится собственно къ этому последнему Обществу и касается къ тому, чтобы возбудить въ насъ, православные, участіе къ его дѣятельности и желаніе помогать ему въ достиженіи такой высокой дѣли, какъ обращеніе ко Христу невѣрныхъ. Нашего участія къ сему дѣлу требуютъ прежде всего ревность къ славу Божіей, ибо невѣдущіе истиннаго Бога, какъ азычники, славу и честь, подобающую Ему единому, воздаютъ тварямъ, даже злымъ духамъ. Не воздаютъ славы и чести истинному Богу также тѣ, которые, какъ нацимѣръ магометане, хотя

вѣрують въ единого Бога, но не вѣрують въ Единороднаго Сына Божія, Господа нашего Іисуса Христа, и не чтутъ Его, какъ Спасителя нашего, а кто не чтитъ Сына, тотъ не чтитъ и Отца пославшаго Его. Любовь и благодарность наша къ Богу, просвѣтившему насъ истинною вѣрой, требуетъ отъ насъ, православные, заботиться о томъ, чтобы не только мы сами прославляли Бога истинною вѣрою къ Нему, но и вѣстѣ чтобы и другіе, чуждые сей вѣрѣ, познали истиннаго Бога и научились прославлять Его. Кто не сталъ бы заботиться о семъ, хотя вѣстѣ къ тому обязанность и возможность, тотъ показалъ бы въ себѣ недостатокъ любви къ Богу и преступное равнодушіе къ славу имени Его. — Мы должны отнестись съ полнымъ участіемъ къ дѣлу обращенія невѣрныхъ также по долгу любви къ нимъ, ревнующей о душевномъ ихъ спасеніи. Ибо спастись можно только вѣрою во Христа Іисуса. Кромѣ имени Христова нѣтъ иного имени подъ небесемъ, даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастись» (Дѣян. 4, 12). Равнодушно смотрѣть, какъ ближніе наши погибаютъ въ невѣдѣніи истины и въ грубыхъ суевѣріяхъ, и не пользоваться благоприятными обстоятельствами къ ихъ духовному просвѣщенію, значить не имѣть любви къ ближнимъ, по которой узнается ученикъ Христовъ. — Кромѣ того, собственное наше благо требуетъ отъ насъ способствованіе Православному Миссіонерскому Обществу въ дѣлѣ обращенія невѣрныхъ, ибо ревнуя о спасеніи ихъ чрезъ вѣру во Христа, мы тѣмъ содѣваемъ свое спасеніе по слову Апостола: «обративъ грѣшника отъ заблужденія пути его, спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ» (Іак. 5, 20). — Содействовать обращенію невѣрныхъ мы должны наконецъ по любви къ отечеству и возлюбленному Царю нашему. Ибо ничто столько не способствуетъ къ слиянію инородцевъ съ нами нашимъ отечествомъ, къ утвержденію въ нихъ преданности вашему Государю, какъ единеніе ихъ съ нами въ вѣрѣ. Гдѣ крѣпокъ союзъ духовный, основанный на вѣрѣ, тамъ крѣпокъ союзъ государственный.

Въ чемъ же, спросимъ теперь, должно состоять наше участіе къ дѣятельности Общества, учрежденнаго для распространенія христіанства между невѣрными? Имѣте

въ виду православные что Общество сие нуждается въ денежных средствахъ для своихъ предприятий. У него много расходовъ на приготовленіе къ миссіонерскому служебную людей къ тому способныхъ, на содержаніе и награжденіе ихъ за труды на устройство миссіонерскихъ церквей, училищъ, больницъ, на изданіе и распространеніе между новообращенными книгъ, преимущественныхъ къ разумно и духовнымъ потребностямъ ихъ, на хозяйственныя ихъ нужды, потому что нередко бываетъ нужда отдалять новообращенныхъ отъ прежнихъ единоверцевъ ихъ, поселять на особыхъ мѣстахъ и обзаводить въ нихъ хозяйствами для того, чтобы прежніе ихъ единоверцы не притѣсняли ихъ, забывая и не совращали въ прежнее заблужденіе. На удовлетвореніе всѣхъ этихъ нуждъ Миссіонерское Общество собираетъ отъ части опредѣленные взносы отъ постоянныхъ своихъ членовъ, отчасти временныя пожертвованія; но и эти, и другія гдѣ, какъ бы значительны, покуда еще недостаточны на всѣ необходимые расходы. Миссіонерское Общество ожидаетъ отъ всѣхъ православныхъ русскихъ, послѣдней денежной помощи. Не откажите, братья, въ сей помощи, и не забывайте, что не въ состояніи оказать значительную помощь. Какъ бы ни были малы жертвы, являя святое дѣло, всегда полезны, въ совокупности оны составятъ значительную сумму изъ малыхъ потоковъ, образуютъ великія рѣки. Господь не естъ обещалъ награду тому, кто во имя Его выпьетъ чашечку холодной воды ученика Его (Мат. 10, 42). Оны не оставятъ безъ награды и насъ, если вы чрезъ Миссіонерское Общество будете вашими усердными, хотя бы, небольшими приношеніями помогать въ ропоповѣдываніи и обращаемымъ въ веру, къ верѣ. Но даже всего Православному Миссіонерскому Обществу мы должны посѣществовать, нашею молитвою, въ благословеніи Божіемъ, въ его дѣятельность, ибо Божіи благословенія видая дѣятельность, не можетъ быть утѣши на. Преимущественно мы должны молиться о томъ, чтобы не было недостатка въ способныхъ, ревностныхъ проповѣдникахъ, какъ Евангелія, готовыхъ на тяжкія труды для дѣла Божія, и чтобы не было напрасна ихъ труды. Никтоже, можетъ прийти ко мнѣ, аще не Отець пославый, Мы привлечетъ егоче.

(Иоан. 6, 44), сказалъ Христосъ Спаситель. Посему намъ должно молить Отца Небеснаго, чтобы Онъ Самъ Своєю благодатию отвѣръ сердца невѣрныхъ къ пріятію Слова Божія и привлекъ ихъ ко Христу, и чтобы содѣлалъ ихъ истинными христианами. Ибо дѣло не въ томъ, чтобы переимѣнить языческое имя на христіанское, а въ томъ, чтобы совѣтъ оставить языческую жизнь и жить согласно съ заповѣдями Евангелія. Успѣху евангеліской проповѣди между невѣрными не мало содѣйствуетъ безупречная жизнь самихъ христіанъ. Невѣрные, видя или слыша объ ихъ добрыхъ дѣлахъ, располагаются прославлять Отца Небеснаго и примѣромъ ихъ жизни убѣждаются въ истинѣ той вѣры, которую они исповѣдуютъ и плоды которой въ жизни своей показываютъ. Къ сожалѣнію, многіе изъ христіанъ поведеніемъ своимъ только соблазняютъ, а не назидаютъ невѣрныхъ. Не будемъ, православные, нехристіанскимъ поведеніемъ подавать поводъ къ ихъ соблазну. Горе намъ, если по дѣламъ нашимъ, не согласнымъ съ вѣрою Христовою, они будутъ судить о самой этой вѣрѣ, заключать о ея недостаточности. Такія дѣла могутъ быть известны по слуху даже отдаленнымъ отъ насъ язычникамъ, ибо худой слухъ скорѣе распространяется, чѣмъ добрая слава.

НѢКОЛЬКО СЛОВЪ ПО ПОВОДУ СТАРО - КАТОЛИЧЕСКАГО ДВИЖЕНІЯ.

Съ недавняго времени православная Церковь сдѣлалась предметомъ особеннаго вниманія западныхъ христіанъ. Между ними съ каждымъ годомъ все сильнѣе распространяется убѣжденіе въ неправоѣ своихъ вѣроисповѣданій, и сочувствіе къ Церкви, сохранившей въ неизмѣнной чистотѣ преданной ей Христомъ Спасителемъ, Его апостолами, духовными отцами и вселенскими соборами ученіе истины. И это убѣжденіе уже начинаеть приносить добрые плоды. Учащаются одиночныя обращенія къ православной церкви западныхъ

христианъ. Заявляется желаніе сближенія съ нею не только со стороны отдѣльных лицъ, но также со стороны образовавшихся съ этою цѣлю обществъ въ Англіи и въ Америкѣ изъ членовъ епископальной и римско-католической церкви. Надежда на болѣе значительные успѣхи православія въ средѣ западныхъ иновѣрцевъ усилилась особенно въ последнее время, послѣ провозглашенія на мѣсто-вселенскомъ соборѣ въ Римѣ ажедогмата о личной непогрѣшимости папы. Многіе изъ западныхъ христианъ латинскаго исповѣданія, возмущенные этимъ соборнымъ дѣяніемъ, уже расторгли церковное обществѣ съ римскимъ первосвященникомъ и съ духовенствомъ, принявшимъ новозысленный догматъ, и подъ именемъ старо-католиковъ образовали новое церковное общество, которое впрочемъ чувствуетъ, что оно не имѣетъ законнаго существованія, — и потому не чуждо желанія примкнуть къ православной Церкви. По крайней мѣрѣ главные виновники и предводители старо-католическаго движенія съ сочувствіемъ отзываются о православной Церкви, находя, что она гораздо ближе стоитъ къ характеру вселенской церкви, чѣмъ римско-католическая. Неизвѣстно, чѣмъ кончится это движеніе, какіе плоды оно принесетъ, и будутъ ли они соответствовать нашимъ ожиданіямъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не радоваться, что нашей церкви начинаютъ отдавать справедливость люди дотогѣ относившіеся къ ней съ однимъ предубѣжденіемъ, и можно надѣяться, что ближайшее ихъ знакомство съ ученіемъ, учрежденіями и законами нашей церкви окончательно разсѣетъ въ нихъ это предубѣжденіе и приведетъ ихъ къ соединенно съ нею. Мы, чада православной церкви, должны всею душею молить Господа, чтобы Онъ скорѣе приблизилъ это время, чтобы своею благодатію утѣдилъ раздоры церквей, просвѣтилъ свѣтомъ истины невѣдущихъ ее и разномыслящихъ съ нами въ вѣрѣ и правотѣ. Но ревность о православіи должна выражаться не въ одной молитвѣ о торжествѣ его, а вмѣстѣ въ дѣятельномъ соиспеществованіи этому торжеству. Есть люди, которые не изъ любви къ нему, а по ревности къ православію уже внимательно слѣдятъ за всѣми релігіозными движеніями на западѣ, входятъ въ личныя и пуб-

личныя сношенія съ ищущими истины западными христианами и стараются содѣйствовать ихъ сближенію съ православною церковію разъясненіемъ недоразумѣній, могущихъ препятствовать успѣхамъ этого дѣла, и тѣхъ условий, на которыхъ оно могло бы состояться. Недавно открытый въ Петербургѣ отдѣлъ общества любителей дух. просвѣщенія поставилъ себѣ одною изъ главныхъ задачъ своей дѣятельности содѣйствіе представителямъ старо-католическаго движенія въ исканіи истины. Хвала и честь людямъ, такъ близко принявшимъ къ сердцу дѣло православія. Дай только Богъ, чтобы оно ведено было правильно, безъ малѣйшихъ уступокъ старо-католикамъ во вредъ православію, подъ руководствомъ высшей церковной власти. Но содѣйствіе успѣхамъ православія предоставить только частнымъ лицамъ или отдѣльнымъ обществамъ недостаточно; въ этомъ святомъ дѣлѣ должны принимать участіе все православные. Частныя лица и общества могутъ и должны быть передовыми, а отнюдь не единственными дѣятелями по отношенію къ этому дѣлу. Каждый изъ насъ долженъ помнить, что сокровище православія дано намъ не для того, чтобы мы одни имъ пользовались, что свѣтильникъ истинны, озаряющій насъ своимъ животворнымъ свѣтомъ, предназначенъ къ тому, чтобы распространять свой свѣтъ на всю вселенную. Дѣлаетъ ли наше общество что-нибудь, ведущее къ этой цѣли? Дѣло не въ томъ, чтобы всеміи быть миссіонерами, всеміи принимать на себя обязанность проповѣдывать свою вѣру иновѣрцамъ, — къ этому немногіе призваны, — а въ томъ, чтобы все мы сами напередъ признали высокое достоинство той церкви, членами которой себя именуемъ, чтобы сами научились цѣнить то высокое благо, какое дано намъ въ православной вѣрѣ. Великое предубѣжденіе, господствующее доселѣ на западѣ противъ православной церкви вообще и русской въ частности, происходитъ не отъ одного незнакомства, или самаго поверхностнаго знакомства съ нею, непростительнаго особенно въ людяхъ науки, — но едва ли не болѣе всего отъ того, что сами православные подаютъ поводъ къ невыгодному мнѣнію о нашей церкви. Такъ могутъ ли внушить западнымъ христианамъ выгодное мнѣніе о нашей церкви тѣ

изъ нашихъ соотечественниковъ, изъ которыхъ одни являются предъ нами новѣждами въ дѣлѣ вѣры не смотря на свою образованность, другіе нисколько не убѣждены въ превосходствѣ православнаго вѣроисповѣданія въ отношеніи къ ученію, церковнымъ уставамъ и учрежденіямъ, предъ всеми другими вѣроисповѣданіями, и не только говорятъ, что хвалить свою вѣру свойственно лишь неразвитому человеку, но и готовы глумиться надъ проволса вѣрой? Могутъ ли такіе люди ослабить глубоко, закоренѣлое предубѣжденіе противъ нашей церкви въ западныхъ христіанахъ, съ которыми они сталкиваются преимущественно въ заграничныхъ путешествіяхъ? Конечно ошибочно судить о вѣрѣ по лицамъ, ея неуважающимъ, хотя въ ней родившимся и считающимся въ числѣ ея исповѣдниковъ; но кто предварительно не ознакомился съ вашею вѣрою, тому естественно впасть въ такую грубую ошибку и остаться на долгое время, если не навсегда, съ предубѣжденіемъ противъ нея, даже при искреннемъ желаніи узнать истину. — Далѣе не можетъ не поражать иновѣрцевъ грубое невѣжество значительной части нашего народа относительно исповѣдуемой имъ вѣры, незнакомство его или крайне скудное знакомство даже съ начатками христіанскаго ученія и происходящее отсюда множество грубѣйшихъ языческихъ суевѣрій, господствующихъ у насъ особенно въ низшемъ и среднемъ сословіяхъ, такъ что въ этомъ отношеніи иной по вѣнжности весьма порядочный, но богатству и общественному положенію занимающій видное мѣсто между согражданами, человекъ отнюдь не выше послѣдней своей прислуги. Конечно православная вѣра отнюдь въ этомъ не виновата, — она есть свѣтъ и ведетъ къ свѣту; но незнакомые съ православіемъ иновѣрные христіане думаютъ, что само православіе благоприятствуетъ суевѣрію и невѣжеству, и оттого еще пуще укрѣпляются въ предубѣжденіи противъ православной церкви. — Жизнь многихъ изъ православныхъ не мало также препятствуетъ успѣхамъ православія между иновѣрцами. Вѣра наша превосходна, какъ единая истинная вѣра, а живутъ многіе изъ насъ гораздо хуже не только неправовѣрующихъ христіанъ, но и магометанъ; такъ что многіе изъ насъ самихъ,

извѣрившись въ честности русскаго православнаго человека, по разнымъ дѣламъ охотнѣе вступаютъ въ сношеніе съ тѣми и другими, чѣмъ съ единовѣрцами. Нельзя не пожалѣть, что люди, справедливо заслужившіе наше уваженіе за честность и другія нравственныя качества, чужды истинной вѣры; но еще больше достойно сожалѣнія, что соединенію ихъ съ нами въ вѣрѣ препятствуетъ между прочимъ несоотвѣтствіе образа жизни православныхъ христіанъ ученію и уставамъ православной церкви; ово бросается въ гла и иновѣрцамъ и въ ихъ глазахъ бросаетъ тѣнь на самое православіе, вызывая обычный съ ихъ стороны упрекъ намъ: «хороша ли ваша вѣра сама по себѣ, или вѣтъ, мы не знаемъ, а знаемъ только то, что при вашей хваленной вѣрѣ вы не опускаете случая обмануть ближняго и изъ обмана извлекъ для себя какую-нибудь выгоду».

Западные христіане, предубѣжденные противъ православной церкви, упрекаютъ ее еще тѣмъ, что въ ней духовенство не имѣетъ вліянія на народъ, что оно составляетъ какою-то касту, рѣзко обособленную отъ народа и ничего неимѣющую съ нимъ общаго, что все отношенія его къ народу ограничиваются только исправленіемъ требъ. Конечно эти обвиненія превелики и, хотя они повторяются на всѣ лады русскими недоброжелателями духовенства. Строгаго, въ смыслѣ касты, обособленія духовенства отъ мірянъ, съ недопущеніемъ въ составъ его лицъ изъ другихъ сословій и съ возвращеніемъ перхода изъ него въ другія сословія, никогда не было на Руси, ни въ старину, ни въ послѣднее время. Наслѣдственность духовныхъ должностей возможна была только для людей съ личными достоинствами, соответствующими этимъ должностямъ, такъ что сынъ священника не могъ наследовать его савъ, если не былъ къ тому достаточно подготовленъ учивіемъ. Были правда исключенія вслѣдствіе злоупотребленій, но всегда признаваемы были незаконными. Вступленіе не только въ монашество, но и въ бѣлое духовенство изъ другихъ сословій никому не было возвращаемо, и особенно не возвращался въ послѣднее время. Законное участіе мірянъ совместно съ духовенствомъ въ церковныхъ дѣлахъ всегда было у насъ допускаемо, и въ послѣднее время оно еще болѣе

расширено уставомъ о почительствахъ. Упрекъ, будто отношенія духовенства къ обществу состояли и состоятъ въ одномъ исполненіи церковныхъ службъ и требъ по книгамъ, въ высшей степени несправедливъ. Онъ краснорѣчиво опровергается уваженіемъ большей части народа къ духовнымъ пастырямъ; оно было бы необъяснимо, если бы они умѣли только преподавать благословіе народу и совершать одни священнодѣйствія, а не вмѣстѣ назидать его въ духъ вѣры и благочестія. Въ отношеніяхъ русскихъ людей къ своимъ пастырямъ никогда не бывало ничего подобнаго тому, что извѣстно объ отношеніи единоземныхъ намъ болгаръ къ греческой части ихъ духовенства. Подходя къ благословію греческаго епископа, болгаринъ говорилъ ему: благословіе твое я принимаю, а тебя самого проклинаю. Во всякомъ случаѣ отношенія русскихъ пастырей къ народу всегда были неравномерно ближе и благотворнѣе, чѣмъ отношенія къ нему людей, обывающихъ духовенство настою, замкнутою и бесполезною. При всемъ томъ справедливость требуетъ сказать, что влияние нашего духовенства на народъ не такъ значительно, какъ слѣдовало бы ожидать. Оно или мало пользуется сподручными, свойственными ему средствами духовнаго дѣйствованія на народъ, каковы школа, исповѣдь, домашніе и церковныя бесѣды, — или пользуется этими средствами не довольно успѣшно. Но вина въ обоихъ случаяхъ падаетъ не на одно духовенство, на недостатокъ въ немъ ровности къ просвѣщенію народа и потребнаго къ тому искусства, а вмѣстѣ на общество, которое не поддерживаетъ его въ его усиліяхъ, направленныхъ къ этой цѣли. Возьмемъ, напримѣръ, церковную проповѣдь. Охотниковъ до проповѣданія Слова Божія между пастырями Церкви въ послѣднее время не мало и въ селахъ и въ городахъ. Въ сельскихъ приходахъ священники не могутъ пожаловаться на недостатокъ вниманія къ ихъ поученіямъ прихожанъ. Но въ городахъ обыкновенно случается, что одни отъ проповѣди толпами бѣгутъ изъ церкви, другіе хотя остаются въ церкви и слушаютъ проповѣдника, но съ чувствомъ нетерпѣнія и недовольства; тѣ и другіе такъ поступаютъ или потому, что не почитаютъ проповѣди необходимою принадлежностью богослуженія,

хотя бы она была хороша, или потому что наши проповѣди кажутся имъ скучными по ихъ отвлеченности или непрактичности. Но что проповѣдь необходимо должна входить въ составъ богослуженія, это видно изъ церковнаго устава, назначающаго для чтенія въ церковныхъ службахъ разныхъ отеческія творенія поучительнаго содержанія. Что же касается до пастырскихъ поученій скучныхъ по содержанію и по изложенію, то долгъ слушателей заявлять проповѣдникамъ, чтѣ и почему въ ихъ проповѣдяхъ скучно и неинтересно. Зная причины невниманія и холодности къ своимъ поученіямъ, они знали бы, что имъ должно дѣлать для избѣжанія приписываемыхъ имъ недостатковъ. Обмѣвъ сужденій объ этомъ предметѣ между проповѣдниками и слушателями непремѣнно оживилъ бы церковную проповѣдь: проповѣдникъ сталъ бы тогда давать отвѣты на вопросы, не имъ самимъ сочиненные, а идущіе отъ слушателей, говорить о предметахъ, не его только лично занимающихъ, а интересныхъ для слушателей. Къ сожалѣнію этого, столь желательнаго, обмѣна мыслей между пастырями и пасомыми не бываетъ. Гробовое молчаніе, или только голословное порицаніе, рѣдко одобреніе, также голословное, — вотъ отвѣтъ проповѣднику отъ слушателей. Говорятъ: у насъ потому не можетъ утвердиться привычка къ слушанію проповѣдей, что церковныя службы у насъ продолжительны безъ проповѣди и утомительны, а между тѣмъ сидѣть въ церкви у насъ не принято, какъ принято въ храмахъ протестантскихъ и римско-католическихъ, хотя въ тѣхъ и другихъ служба гораздо короче, чѣмъ у насъ. Но для немощныхъ и у насъ невозбранно садиться въ церкви ^(а); притомъ хотя чинъ церковныхъ службъ у насъ длиннѣе и обширнѣе, чѣмъ въ иновѣрческихъ костелахъ, за то проповѣди у католиковъ, особенно у протестантовъ, бывають несравненно длиннѣе, чѣмъ у насъ: у насъ проповѣдь сказывается въ пять, десять, много въ 15 и 20 минутъ, а тѣмъ около чаеу. Слѣдственно хотя тамъ слушаютъ ее сидяще,

(а) Блаженной памяти московскій митрополитъ Филаретъ по этому поводу въ одномъ изъ писемъ своихъ скавалъ: «лучше сидѣть и думать о Богѣ, нежели стоять и думать о ногахъ».

но требуя отъ нихъ вниманія, по своей продолжительности болѣе напряженнаго, чѣмъ наши коротенькія поученія, она скорѣе чѣмъ эти послѣднія можетъ утомить слушателей, — и однакожъ не слышно, чтобы она выгоняла ихъ изъ храмовъ, какъ это бываетъ у насъ, къ нарушенію благочинія. Такимъ образомъ, если наше духовенство не довольно успѣшно дѣйствуетъ на общество, вину тому не одно духовенство, но имѣетъ неправильное отношеніе къ нему общества, а это кладетъ покоръ на всю православную русскую церковь въ глазахъ западныхъ христіанъ и вообще иновѣрцевъ, и не мало препятствуетъ ей успѣхамъ между ними.

Не распространяясь о другихъ причинахъ предубѣжденій иновѣрцевъ противъ нашей церкви, замѣтимъ только, что если нѣкоторыя изъ этихъ причинъ заключаются въ насъ самихъ, въ нашемъ неправильномъ отношеніи къ православной церкви, то вина наша весьма велика, — она равна вину людей, которыхъ Христосъ являлъ въ томъ, что, они «затворяютъ царство небесное человѣкамъ, ибо сами не входятъ *(хотя располагаютъ необходимыми средствами ко спасенію)* и хотящихъ войти возбраняютъ» (МѠ. 23 13).

NB. Эта статья читана авторомъ 14 іюня 1872 г. въ торжественномъ засѣданіи Московскаго Общества любителей духовнаго просвѣщенія, происходившемъ въ Мурованной палатѣ въ присутствіи Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Константина Николаевича, Высочайше освященнаго митрополита Пинкостенскаго и пресвѣщеннаго епископа Дмитровскаго и Пингати, епископа Можайскаго.

НЕИЗГЛАГОЛАННЫЯ ВОЗДЫХАНІЯ СВ. ДУХА.

«Духъ способствуетъ намъ въ немощехъ нашихъ: о чемъ бо помолимся якоже подобаетъ, не вѣмы, но самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголаннѣмъ». Рим. 8, 26.

Безконечно милосердіе Божіе къ грѣшникамъ. Для нашего спасенія сходилъ съ неба на землю Единородный Сынъ Божій и въ нашей, человеческой плоти потерпѣлъ за насъ страданія и смерть. Для усвоенія намъ спасенія, пріобрѣтѣннаго Сыномъ Божіимъ, — для нашего освященія и облаженствованія посланъ Св. Духъ, который, по обѣтованію Христа Спасителя, во вѣки будетъ съ вѣрующими во Христа (Іоан. 14, 16). Дѣйствія Св. Духа, Его благодатныя дары, весьма разнообразны. Въ настоящемъ случаѣ мы обратимъ вниманіе на тѣ изъ нихъ, какія указаны въ приведенныхъ словахъ ап. Павла изъ славія къ Римлянамъ.

«Духъ способствуетъ намъ въ немощехъ нашихъ». Немощей у насъ безчисленное множество. Есть немощи душевныя, есть тѣлесныя. Тѣ и другія весьма разнообразны. Во всѣхъ немощахъ Духъ Святый, какъ Духъ крѣпости, является намъ сильнымъ помощникомъ, укрѣпляя насъ своею благодатію къ перенесенію и преодолѣнію ихъ. Но въ разсматриваемомъ мѣстѣ идетъ рѣчь не о всяческихъ немощахъ, а о немощи собственно въ отношеніи къ молитвѣ, — ибо сказано далѣе: «о чемъ бо помолимся якоже подобаетъ, не вѣмы», — т. е. мы не только лѣнны молиться, хотя по зависимости нашей во всемъ отъ Бога и по нуждѣ въ Его всемогущей помощи и благословеніи на каждомъ шагѣ, обязаны прибѣгать къ Нему съ молитвою непрестанно, — но еще не знаемъ, о чемъ и какъ должно молиться, чтобы наша молитва была угодна Богу. Указывая на нашу духовную немощъ въ этомъ отношеніи, ап. Павелъ, по словамъ толкователя его посланій св. Златоуста, имѣетъ въ виду то, что Римскіе христіане, къ которымъ онъ писалъ свое посланіе, подвергаясь гоненіямъ за вѣру, естественно желали покоя и просили о томъ Бога, не зная, полезно ли имъ это, или нѣтъ. И въ этой-то немощи, свойственной не

одним римским христианамъ, а и всякому изъ насъ, въ этомъ-то намъ не вѣдѣнн, о чемъ, и какъ молиться, помогаетъ намъ, говорить св. Павелъ, Святыи Духъ: Онъ «самъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными». Какъ понимать эти слова? Св. Златоустъ и за нимъ блаженный Феодоръ, при объясненіи ихъ обращаютъ вниманіе на особенное состояніе Христовой церкви во времена апостоловъ, именно: въ тѣ времена всякому, принимавшему крещеніе, Богъ сообщалъ какое-нибудь благодатное дарованіе, которое, какъ происходящее отъ Св. Духа, называлось духомъ: «духъ пророчества (т. е. способность по дару Святаго Духа пророчествовать) пророкамъ повидуются». (1 Кор. 14, 32). Такъ одинъ имѣлъ даръ пророчества и предсказывалъ будущее; другой—даръ мудрости и утѣлялъ народъ; иной—даръ врачеванія и исцѣлялъ больныхъ; другой—даръ силы и воскрешалъ мертвыхъ; иной—даръ языковъ и говорилъ на разныхъ языкахъ. Подобно сему Господь подавалъ иному даръ молитвы, который также назывался *дугомъ*. Такъ какъ не зная многого, полезнаго намъ, мы просимъ бесполезнаго, то во дни апостольской Церкви даръ молитвы нисходилъ свыше отъ Духа Святаго на кого-нибудь одного, и онъ впереди всего собранія вѣрующаго становился на молитву и въ молитвѣ отъ лица всѣхъ просилъ общепользнаго для всей Церкви, поучая и другихъ о томъ же молиться. Молитву свою онъ совершалъ съ великимъ сокрушеніемъ, съ сильными, изъ глубины души, подвинутой Духомъ Святымъ, воздыханіями. Нынѣ знаменіе этого, заключаетъ Златоустъ, видимъ въ діаконѣ, который приноситъ молитвы вмѣсто народа. И такъ вотъ, что значить выраженіе: «Самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ воздыханіи неизглаголанными»: это, по объясненію богомудрыхъ толкователей, значить то, что кто-либо изъ вѣрующихъ, сподобившійся дара молитвы, подъ напѣтомъ Святаго Духа одинъ, отъ лица всѣхъ, приноситъ моленіе о томъ, что для всѣхъ полезно и Богу угодно, сопровождая свою молитву невыразимо-сильными и умиятельными воздыханіями, исходящими изъ глубины души.

Такъ было во времена апостольскія, обильныя чрезвычайными дарами Святаго Духа. Чрезвычайныя дарованія, нужныя

на первыхъ порахъ Церкви для скорѣйшаго распространенія и утвержденія ея, прекратились вскоре послѣ апостоловъ; жизнь Церкви приняла обычное теченіе. Молитвы по вѣзвзанному вдохновенію свыше съ неизглаголанными воздыханіями Духа, замѣнились молитвами писанными преданными для вседневнаго не только церковнаго, но и домашняго употребленія. Но это не значить, чтобы Духъ Святыи пересталъ ходатайствовать за насъ въ молитвахъ. Нѣтъ, Духъ Святыи, согласно обѣтованію Спасителя, долженъ пребывать въ Его Церкви во вѣки, и Онъ до сихъ поръ дышетъ въ молитвахъ церковныхъ, ибо эти молитвы составлены духовосильными мужами, напримѣръ, Евреимъ Сиринимъ, Всеслаемъ Великимъ, Иоанномъ Златоустымъ, Макаріемъ Египетскимъ и другими. Преданныя имъ въ употребленіе молитвы благоухаютъ благодатнымъ помазаніемъ, потому что излились изъ сердецъ исполненныхъ благодати Св. Духа. Такимъ образомъ Духъ Святыи доселѣ въ молитвахъ способствуетъ въ немощахъ нашихъ, какъ Онъ способствовалъ христианамъ временъ апостольскихъ, — до сихъ поръ Онъ научаетъ насъ о чемъ и какъ молиться. И какъ нужно это наученіе для тѣхъ изъ насъ, которые по духовной немощи въ дѣлѣ молитвы, готовы, слушанъ голоса одного самолюбія, жаловаться въ молитвѣ на «своихъ» обидчиковъ и недоброжелателей и призывать на нихъ мщеніе Божіе, — забывая о пущахъ и благахъ духовныхъ, просить у Бога однихъ благъ тѣлесныхъ и видимыхъ — здоровья, богатства, почестей, мирскихъ удовольствій, — помня только о себѣ, забывать ближнихъ въ молитвахъ своихъ! Въ таковыя молитвы имѣютъ ту же цѣну предъ Богомъ, какъ и просьба предъ Господомъ Іисусомъ емоиъ Зеведѣ слыхъ о дарованіи имъ первыхъ имѣть въ Его царствѣ, и «заслуживаютъ такой же упрекъ, какой обращенъ былъ къ нимъ: «не вѣста чего просита». И вотъ отъ сихъ-то неразумныхъ молитвъ предохраняетъ насъ святая Церковь, предлагая намъ въ руководство молитвы, составленныя духовосильными мужами, которые по дару Святаго Духа, въ нихъ обитавшаго, не только сами умѣли молиться богоугодно и для себя спасительно, но вмѣстѣ обладали свѣтлымъ искусствомъ научать другихъ такой же богоугоднои и спасительной молитвѣ, какъ по

называют составленными ими молитвословия. Правда, Богъ не всегда исполняетъ, выраженныя и по руководству этихъ молитвословий наши желанія, отчасти по Своимъ премудрымъ, не всегда для насъ постижимымъ намѣреніямъ, отчасти потому, что мы или не готовы или не достойны получить испрашиваемое нами благо; тѣмъ не менѣе выраженіе нашихъ желаній въ формѣ церковныхъ молитвословій всегда богоугодно и спасительно для насъ, если мы возносимъ ихъ съ смиреніемъ предъ Богомъ и покорностію Его святой волѣ. Возбужденіе и поддержаніе чувствъ этого смиренія и этой покорности есть одна изъ цѣлей церковныхъ молитвословій и если такая цѣль достигается, то это во многихъ случаяхъ гораздо для насъ спасительнѣе, чѣмъ еслибы Богъ исполнилъ наше прошеніе о томъ или другомъ благѣ, ибо смиреніе предъ Богомъ и покорность волѣ Божіей, не ослабѣвающая и тогда, когда Онъ не все дѣлаетъ по нашему, свидѣтельствуютъ о нашей искренней, безкорыстной любви къ Богу, аще всего Ему угодной.

Церковныя молитвы не только правильны, какъ произведенія просвѣщенныхъ Св. Духомъ мужей, такъ что молящійся по руководству ихъ можетъ быть уврѣенъ по крайней мѣрѣ въ безгрѣшности своихъ молитвъ (ибо и молитва бываетъ иногда грѣхомъ), — но вмѣстѣ умирительны, проникнуты сердечностію и теплотою, ибо излились изъ сердецъ сокрушенныхъ и умирленныхъ Духомъ Святымъ, въ нихъ слышны воздыханія самого Духа Божія, ходатайствующаго за насъ. Онъ способенъ умилять, тронуть и потрясти сердце и тѣхъ, которые молятся по ихъ руководству; если же не умиляютъ и не трогаютъ многихъ изъ насъ, это зависитъ иногда отъ воли Божіей, по которой и святые люди нерѣдко испытывали духовную сухость и какъбы пустоту, чтобы тѣмъ сильнѣе чувствовали свою духовную немощь безъ благодати Божіей и утверждались въ смиреніи, — но большою частію отъ нашей вины, именно отъ того, что мы принимаемъ за чтеніе церковныхъ молитвъ безъ предварительнаго приготовленія къ тому, безъ предварительнаго настроенія души къ бесѣдѣ съ Богомъ, — отъ того, что читаемъ или слушаемъ ихъ безъ надлежащаго вниманія, — отъ того, что сердце наше наполнено пристрастіемъ къ суетѣ до забвенія истиннаго блага, состоящаго въ общеніи съ Богомъ, —

отъ недостатка въ насъ, наконецъ, смиренія или сердечнаго убѣжденія въ томъ, что мы «и жалки, и нищи, и слѣпы и ваги» (Апок. 3, 17). Отъ этихъ же самыхъ причинъ не дѣйствуетъ на многихъ изъ насъ и чтеніе Слова Божія, хотя оно по природѣ своей живо и дѣйствительно, ибо въ немъ дышетъ Духъ Святой, изглаголавшій его устами пророковъ и апостоловъ. Молитва, по слову отцевъ, есть дыханіе души. Въ томъ прекратилось дыханіе, въ томъ нѣтъ уже жизни. Въ этомъ безжизненномъ состояніи находится и душа, чуждая духа молитвы даже тогда, когда совершаетъ дѣйствіе молитвы по молитвеннику. Состояніе самое печальное! Выходъ изъ него должно начать молитвою къ Св. Духу, чтобы Онъ не оставилъ насъ въ этомъ духовно-бѣдственномъ состояніи, чтобы Своимъ благодатнымъ прикосновеніемъ къ нашему, зараженному суетою и самолюбіемъ сердцу пробудилъ насъ отъ духовнаго нечувствія и содѣлалъ насъ способными и готовыми не только прилежно внимать церковнымъ молитвамъ, но и слышать въ нихъ неизглаголанныя воздыханія Святаго Духа, чтобы ввелъ насъ въ то молитвенное состояніе, въ какомъ были души богомудрыхъ мужей, подъ вліяніемъ Его изложившихъ эти молитвы.

О СВЯТЫХЪ МѢСТАХЪ И О НАРОДНОМЪ ТЕАТРѢ.

СЛОВО ВЪ ПРАЗДНИКЪ ВОЗДВИЖЕНІЯ.

Событіе, сегодня празднуемое, совершилось въ Иерусалимѣ, въ IV столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ, при патріархѣ іерусалимскомъ Макаріи, въ присутствіи равноапостольной папцы Елены. Но удѣлялъ ли Честный Крестъ Христовъ, обрѣтенный близъ Голгофы благочестивымъ стараніемъ Елены и по обрѣтении воздвигнутый, поднятый на показъ всенародному множеству руками патріарха Макарія? Нѣтъ, Крестъ сей не сохранился въ своей цѣлости, а раздробился на множество частицъ, которыя разошлись по всему свѣту. Самыя большія изъ нихъ находятся доселѣ въ Иерусалимѣ, на Аео-

изъ въ Константинополь и въ Римъ. Изъ Иерусалима и Константинополя перешло не мало частицъ отъ древа Креста Христова въ Россію, Грецію и Сербію. Сіе доушено промисломъ Божиимъ для того, чтобы вбрующе во Христа и пилью повсюду удобство оживлять въ себѣ вбру въ спасительную силу Его крестныхъ страданій и смерти чрезъ благоговѣйное прикосновение къ этимъ драгоценнымъ памятникамъ Его страданій и смерти, или только чрезъ благоговѣйное воззрѣніе на нихъ. Къ достяженію этой же цѣли, и вообще оживленію духовнаго общенія со Христомъ, нашимъ Искупителемъ, Провѣтителемъ и Господомъ, не мало также способствуютъ многіе другіе вещественныя памятники не только послѣднихъ дней земной жизни Богочеловѣка, но и всего продолженія ея, сохранившіеся въ Святой землѣ. Такъ въ Иерусалимскомъ храмѣ гроба Господня сохранилась та священная ёнгла, въ которой стоялъ Крестъ Христовъ, сохранились самое углубленіе, въ которое былъ онъ воздвигнутъ, и разсѣлины, открывшіеся на этой скалѣ отъ землетрясенія въ минуту смерти Христовой. Тотъ же храмъ вмѣщаетъ въ себѣ доселѣ гробную пещеру, и въ ней ложе, на которомъ возлежало тѣло умершаго Іисуса. Тамъ же близъ этой пещеры показываютъ камень, отваленный отъ дверей ея по воскресеніи Спасителя, и камень, на которомъ помянуто было тѣло Его предъ погребеніемъ. Въ храме гроба Господня благочестивые поклонники для оживленія памяти о страданіяхъ Спасителя, могутъ проходить тѣми мѣстами, по которымъ пролегалъ страстной путь Господа Іисуса отъ геесимацкаго сада до Иерусалима, и по улицамъ его до Голговы. Въ Иерусалима не утратилась память о мѣстѣ Его геесимацкаго молешія, о мѣстѣ Его вознесенія на небеса, о мѣстѣ Его рожденія и ясляхъ въ Вифлемѣ; о мѣстѣ воспитанія въ Назаретѣ, о мѣстѣ Его учительства въ родокахъ по берегу Галилейскаго моря; о мѣстѣ Его преображенія и о многихъ другихъ мѣстахъ, о знаменованныхъ словомъ Его ученія и чудесъ. Вотъ причина, почему Святая земля съ первыхъ вѣковъ христіанства привлекла множество поклонниковъ разныхъ возрастовъ, званій и состояній: Вотъ почему доселѣ не только неослабываетъ, но

благодаря удобству путей сообщенія, еще усиливается ревность къ посѣщенію святыхъ палестинскихъ мѣстъ.

Но чѣмъ привлекательнѣе для всѣхъ Святая земля, тѣмъ достойнѣе сожалѣніи, что она до сихъ поръ находится во власти невѣрныхъ, что магометане распоряжаются въ ней, какъ полные хозяева. Въ ихъ рукахъ ключи отъ самаго важнаго во всемъ христіанскомъ мірѣ святилища, — отъ храма Гроба Господня; они открываютъ и запираютъ врата этого святилища. Турецкая стража располагается внутри его, къ огорченію не привыкшихъ къ сему зрѣлищу поклонниковъ. Ни одна торжественная церемонія въ семъ храмѣ не совершается безъ наблюденія за порядкомъ при ней турецкихъ воиновъ. Въ храмѣ Вифлемскомъ у самаго Вертепа, гдѣ родился Христосъ Спаситель, врядъ ли не до сихъ поръ ставятся турецкіе часовые въ полномъ вооруженіи, и не оставляютъ своего поста даже тогда, когда на семъ мѣстѣ приносится безкровная жертва. Конечно это заведено для того, чтобы кто-либо христіанъ не дерзнулъ взять себѣ что-нибудь на память изъ священнаго мѣста; но не можетъ не возмущать благочестивыхъ богомольцевъ, что охраненіе христіанской святыни поручается не поклонникамъ Христа, а поклонникамъ аде-пророка. Были неоднократно попытки освободить Святую землю отъ власти невѣрныхъ, но разъ предпринимавшія были для сей цѣли крестовые походы; но, какъ извѣстно, они или совсѣмъ были безуспѣшны, или сопровождалась тѣмъ, что крестоносцы только на краткое время овладѣвали Святою землею, и потомъ вытѣсняемы были изъ нея невѣрными. Безъ сомнѣнія все это прискорбно; но съ другой стороны въ безуспѣшности усилій западныхъ христіанъ утвердить свою власть надъ Святою землею недѣзя не видѣть особеннаго промышленія Божія о православной восточной Церкви. Въ настоящее время, несмотря на господство въ Святой землѣ Турокъ, православные Греки все-же преимуществуютъ передъ христіанами римскаго вѣроисповѣданія и всѣхъ прочихъ въ правахъ владѣнія и пользованія святыми мѣстами. Но если бы Святая земля была подъ властію западныхъ христіанъ, эти преимущества были бы отняты у православной Церкви, и сама она подверглась бы отъ нихъ крайнему стѣсненію, и

униженію, судя по тому, что она и теперь терпитъ здѣсь отъ ихъ притязаній. — Скорбь о продолжающемся владычествѣ невѣрныхъ надъ Святою землею смягчается еще тѣмъ, что царство Христово не отъ міра себѣ и потому не привязано къ извѣстному мѣсту, хотя бы это мѣсто было священнѣйшее на землѣ по воспоминаніямъ о земномъ житіи въ немъ Богочеловѣка,—что оно, какъ царство духовное, простирающееся на души, можетъ процвѣтать вездѣ, гдѣ есть вѣрующая душа, даже въ предѣлахъ враждебныхъ ему земныхъ царствъ,—что глава сего царства Господь Іисусъ, обитая на небесахъ, съ одинаковою любовію съ высоты святыхъ Своихъ промышляетъ о святой Своей церкви; гдѣ бы она ни находилась, въ Иерусалимѣ, или въ Камчаткѣ,—что христіанское поклоненіе Богу должно быть собственно духовное и потому во всякомъ христіанскомъ храмѣ, съ одинаковымъ удобствомъ и съ одинаковою духовною пользою можетъ быть совершаемо, какъ и въ храмахъ Иерусалимскомъ и Вилеємскомъ,—что ни въ Иерусалимѣ, ни въ Вилеємѣ нѣтъ ничего такого, изъ существенно и необходимо принадлежащаго христіанской вѣрѣ, чего нельзя было бы найти и въ другихъ мѣстахъ, ибо Богъ вездѣ, и Его храмы, олтари и таинства также вездѣ. Что же касается до тѣхъ святыхъ, которыя можно видѣть только въ Святой землѣ, то не имѣющія возможности, при всемъ желаніи, видѣть ихъ, можетъ утѣшать себя тѣмъ, что мѣсто, на которомъ въ каждомъ храмѣ приносится безкровная жертва, должно быть для насъ не мѣсто священно, какъ и Голгофа, на которой принесена крестная жертва; что святая таинства въ каждомъ христіанскомъ олтари правосланныхъ храмовъ имѣетъ значеніе Гроба Господня, сущаго въ Иерусалимѣ. Почему для многихъ изъ насъ желательно своими глазами видѣть, своими устами лобызать и руками осязать мѣста, освященныя рожденіемъ, страданіями и смертію Богочеловѣка, и прочими событіями изъ земной Его жизни? Потому, что впечатлѣнія, производимыя на душу вѣрующаго такими мѣстами, гораздо живѣе впечатлѣній, производимыхъ воспоминаніемъ о нихъ, вдали отъ нихъ. Правда, но не должно забывать, что книга святого Евангелія составляетъ болѣе драгоцѣнный памятникъ земной

жизни Христа Спасителя, чѣмъ всѣ другіе вѣщественныя о Немъ памятники въ Святой землѣ. Последніе, какъ и евѣнчоныи для насъ, все же суть безмолвные памятники, говорящіе одному воображенію и уже чрезъ воображеніе сердцу, и не вѣчны. Но въ Евангеліи Господь Іисусъ прямо открываетъ намъ себя и на всѣ времена присуѣтъ въ немъ для всѣхъ вѣрующихъ въ Него Свою благодать, просвѣщающую и освящающую; глаголы Его, содержащіеся въ Евангеліи, какъ во время Его земной жизни были, такъ и доселѣ суть духъ и жизнь, такъ что читающій или слушающій ихъ съ вѣрою, благоговѣніемъ, молитвою, смиреніемъ, прикасается прямо къ источнику Его животворящей силы. Но книга Евангелія вездѣ есть, слѣдственно вездѣ есть возможность вступить въ самое живое общеніе со Христомъ, живущимъ въ святомъ словѣ своемъ. Чтеніе и слушаніе сего святаго слова, или воспоминаніе того, что въ немъ содержится, такъ необходимо для каждого, желающаго насладиться радостію духовнаго общенія со Христомъ, что только въ соединеніи съ этимъ спасительнымъ занятіемъ можетъ быть животворно и спасительно самое совершеніе святыхъ Иерусалима и Вилеєма,—безъ него онѣ будутъ для насъ только мертвыя, ничего не говорящія камни.

И такъ, существенной утраты для христіанской вѣры нѣтъ въ томъ, что святые мѣста находятся во власти невѣрныхъ и что вслѣдствіе того, хотя мѣста эти доступны христіанскимъ поклонникамъ, благоговѣніе ихъ къ христіанской святинѣ оскорбляется и возмущается непрестанными встрѣчами ихъ съ невѣрными, какъ хозяевами Святой земли. Потому не столько объ этомъ должно скорбѣть намъ, сколько о томъ, что сами христіане ведутъ себя на святыхъ мѣстахъ не по христіански. Христосъ заповѣдалъ всѣмъ Своимъ послѣдователямъ миръ и любовь. Но сего-то мира и любви совсѣмъ нѣтъ между христіанами разныхъ исповѣданій, обитающихъ въ Иерусалимѣ и въ другихъ мѣстахъ Палестины, а господствуетъ между ними вражда, доходящая иногда до кровопролитія въ самомъ храмѣ Гроба Господня. И эту вражду, происходящую изъ совѣстнаго участія въ пользованіи святыми мѣстами, не гораздо ли болѣе святость ихъ оскорбляетъ, чѣмъ владычествомъ Турокъ? И не затѣмъ ли между

прочимъ промыслѣмъ Божиимъ попушено сіе владычество, чтобы внимательствомъ ихъ въ споры разновѣрныхъ христіанъ сдерживать ихъ взаимную неприязнь? Не будь этого внимательства, было бы еще хуже. Вражда разновѣрныхъ христіанъ, обитающихъ въ Иерусалимѣ, была причиною того, что до послѣдняго времени куполъ храма надъ пещерою Гроба Господня оставался полураскрытымъ и былъ близокъ къ паденію: ни одно вѣроисповѣданіе не уступало другому чести обновить обветшавшій куполъ, а для совокупнаго участія въ этомъ дѣлѣ не было у нихъ согласія. Къ счастью въ недавнее время вступились въ это дѣло правительствъ Россіи, Франціи и Турціи и устроили новый куполъ надъ величайшею въ мірѣ христіанскою святынею.

Но прекратимъ рѣчь объ Иерусалимѣ и другихъ святыхъ палестинскихъ мѣстахъ, поговоримъ о нашей родной Москвѣ. Намъ жалко, что вѣра Христова и особенно православная Христова Церковь терпятъ тамъ униженіе отъ преобладанія невѣрныхъ, отъ раздора между разновѣрными христіанами и, прибавимъ, отъ неблагоговѣйнаго поведенія многихъ изъ православныхъ поклонниковъ, предающихся пьянству въ виду святыхъ мѣстъ, къ соблазну туземцевъ, незнающихъ этого гнуснаго порока, свойственнаго русскимъ, — и прочихъ разновѣрныхъ поклонниковъ. Но не терпятъ ли униженія православная Христова вѣра среди насъ, именующихъ себя православными? Такъ, она терпитъ униженіе вообще отъ нехристіанскаго поведенія людей, забывшихъ объ вѣрности Христу, данный ими при крещеніи. Она терпитъ униженіе отъ презрѣнія къ заповѣдямъ святой Церкви со стороны лицъ, родившихся въ вѣдрахъ ея. Она терпитъ униженіе отъ нихъ не только въ частной жизни ихъ, но и публично. Какъ, напримеръ, иначе, какъ не публичнымъ униженіемъ, поруганіемъ православной Христовой вѣры и Церкви должно назвать то, что театральныя представленія даются въ первопрестольной столицѣ подъ воскресные и праздничные дни, и что въ этомъ отношеніи не сдѣлано исключенія для такою великаго праздника, какъ двенадцатый праздникъ Воздвиженія Креста Христова, соединенный притомъ съ постомъ? Вчера многие, вмѣсто того, чтобы быть за всеобщимъ бдѣніемъ и здѣсь

поклониться Кресту Христову, вмѣсто того, чтобы не только въ храмѣ Божиимъ, но и дома заняться размышленіемъ о страстяхъ Христовыхъ и чрезъ это размышленіе возбудить въ себѣ покаянное расположеніе духа, — устремились на лицедѣйскія представленія и здѣсь провели время въ суетѣ и разбѣганіи. И вообще театральныя представленія, въ какое бы время ни были допускаемы, не могутъ быть названы невинными; во допущеніе и посѣщеніе ихъ подъ христіанскіе праздники составляетъ верхъ нечестія, ибо свидѣтельствуется о безстрашномъ презрѣніи къ заповѣдямъ церковнымъ, запрещающимъ мірскія увеселенія въ праздники, и даже къ законамъ гражданскимъ, доселѣ не отиѣненнымъ, относительно уваженія къ праздникамъ. Къ несчастію, вчера во время всеобщаго бдѣнія открытъ былъ для публики не только театръ названный, но и такъ называемый народный. Народъ до сихъ поръ равнодушенъ былъ къ этимъ увеселеніямъ; теперь же, можно сказать, насильственно хотѣтъ пріучить его къ нимъ. Думаютъ, что этимъ оказываютъ великую услугу дѣлу народнаго образованія и воспитанія не можетъ быть съ успѣхомъ ведено безъ участія въ томъ Церкви. Народъ нашъ вообще предубѣжденъ противъ театральныхъ забавъ, почитая ихъ грѣхомъ, средствомъ празднаго и вреднаго для скромности и цѣломудрія препровожденія времени, и посѣщаетъ театръ отяуденъ для наученія истинѣ и добру, а для одного развлеченія и увеселенія. Простому русскому человѣку вы никакъ не растолкуете, что онъ можетъ научиться любить истину и добро шутя и забавляясь, — игру и шутку онъ считаетъ несомнѣнными съ достоинствомъ истины и добра; онъ никогда также не повѣритъ вамъ, когда вы будете увѣрять его, что напримѣръ вѣтъ никакого грѣха въ скопомъ шуткахъ надъ супружескою вѣрностію, составляющихъ обыкновенный предметъ легкаго сценическихъ представленій. Если же вы, радѣя о духовномъ благѣ народа, будете зазывать его въ театръ подъ воскресные и праздничные дни, онъ посмотритъ на это, какъ на злое бѣсовское искушеніе, и отвернется отъ васъ, какъ отъ нехристя. Но положимъ, простой русскій человѣкъ, земледѣлецъ ли, или

ремесленникъ и мастеровой, поддастся идущему отъ васъ искушенію и пойдетъ подъ праздникъ въ театръ въ то время, когда во всѣхъ церквахъ совершается служба Божія,—онъ пойдетъ въ театръ съ убѣжденіемъ, что идетъ на грѣхъ. Значить, завлекая его въ театръ, вы завлекаете его ко грѣху, и грѣху тѣмъ болѣе тяжкому, что это грѣхъ вѣдѣнія, совершаемый съ полнымъ сознаніемъ вины. Положимъ, для васъ нѣтъ грѣха въ томъ, что простой христіанинъ почитаетъ грѣхомъ; положимъ, вы такъ высоко стоите въ вашемъ мѣстѣ надъ образомъ мыслей вашего ближняго, что вамъ кажется жалкимъ предрасудкомъ его уваженіе къ церковнымъ праздникамъ, его опасеніе оскорбить ихъ святостью участіемъ подъ праздникъ въ театральныхъ забавахъ, какъ дѣломъ не христіанскимъ. Но вы должны принять во вниманіе, что это кажущееся вамъ предрасудкомъ уваженіе и это опасеніе коренится въ совѣсти нашего ближняго. Онъ почитаетъ противнымъ своей совѣсти то, съ чѣмъ совѣсть ваша, подъ вліяніемъ вашего личнаго убѣжденія въ неважности церковныхъ заповѣдей, легко мняется. Потому приглашая вашего ближняго въ театръ подъ праздникъ, вы соблазняете его на поступокъ, на который онъ можетъ рѣшиться вопреки своей совѣсти, по одной удобопреклонности къ грѣху,—вы увязываете его совѣсть, которая должна быть для васъ священна. По ученію ап. Павла, намъ должно воздерживаться отъ употребленія даже позволительныхъ вещей, чтобы нашимъ прамѣромъ не увлекся ближній нашъ, вопреки совѣсти. Такъ Апостолъ совѣтовалъ христіанамъ изъ язычниковъ, чтобы они не позволяли себѣ ѣсть свинное мясо въ присутствіи мнительныхъ на этотъ счетъ христіанъ изъ іудеевъ, которые по немощи еще не успѣли отрѣшиться отъ сомнѣній, что въ явленіи свинаго мяса нѣтъ грѣха. «А сомнѣвающейся, говоритъ апостолъ, если ѣсть, осуждается, потому что не по вѣрѣ (т. е. *нѣтъ безъ увѣренности, что тутъ нѣтъ грѣха*), а все, что не по вѣрѣ, грѣхъ» (Рим. 94, 23). И такъ если не христіанское дѣло—употреблять даже позволительную вещь къ соблазну ближняго: то судите, можно ли назвать христіанскимъ дѣломъ въ виду ближнихъ творить что-нибудь невозвратительное, и не только творить, но еще склонять ихъ къ тому же,

вопреки ихъ совѣсти, вопреки ихъ внутреннему убѣжденію въ грѣбности того дѣла, къ которому вы ихъ склоняете?—Простой русскій человѣкъ убѣжденъ, что театральное увеселеніе подъ праздникъ есть дѣло не просто невозвратительное, но еще нечестивое и кощунственное. Зачѣмъ же вы склоняете его къ участию въ такомъ дѣлѣ? Не хотите ли вы передать ему личное ваше убѣжденіе въ новинности подобныхъ увеселеній? Но въ такомъ случаѣ вы берете на себя дѣло, свойственное врагамъ Церкви. Ибо только враги Церкви могутъ утѣрять другихъ, что нѣтъ грѣха поступать вопреки ея законамъ и учрежденіямъ. Если ваше убѣжденіе въ безгрѣбности театральнаго увеселенія подъ праздникъ искренне, берегите его про себя; если же будете усилывать распространить его въ народѣ, вы въ случаѣ успѣха вашихъ усилій вооружите только народъ противъ Церкви и поколебаете уваженіе къ пастырямъ Церкви, ибо ни одинъ пастырь Церкви на всей православной Руси не одобритъ того, въ чемъ вамъ удастся убить бѣднаго простолюдина. Но колебля уваженіе къ авторитету Церкви и ея служителей, вы отнимаете у народа источникъ его истиннаго просвѣщенія. Внѣ Церкви, вдали отъ руководства учителей церковныхъ, народъ долженъ или погрязнуть въ невѣжествѣ, или, что еще хуже, отдать себя на жертву ложному просвѣщенію со всеми его пагубными послѣдствіями. Нѣтъ, не отнимать народъ у Церкви во имя его просвѣщенія и облагороженія его нравовъ, а содѣйствовать Церкви въ просвѣщеніи народа тѣми средствами, какими она располагаетъ, поддерживать ея усилія, направленныя къ сей цѣли,—вотъ о чемъ надлежитъ позаботиться.

Христе Иисусе, плотию смерть на крестѣ вкусивый, умертви плотское пагубное мудрованіе въ тѣхъ изъ насъ, которые думаютъ, что служатъ дѣлу просвѣщенія людей, испуцпенныхъ Твоею честною кровію, отвлекая ихъ отъ Твоей святой Церкви въ мѣста зрѣлищныхъ увеселеній даже въ то время, когда она приглашаетъ насъ въ свои храмы поклониться кресту Твоему, прославить Тебя за Твою безмѣрную любовь къ намъ, явленную на крестѣ, и восславлять о нашихъ грѣхахъ,—и никому изъ насъ не попусти впасть въ тяжкій

грѣхъ пошрания святости церковныхъ праздниковъ, во славу Твою и въ честь святыхъ Твоихъ установленныхъ.

РѢЧЬ ПРИ ОТПѢВАНІИ ВЪ ЧУДОВѢ МОНАСТЫРѢ ПРОФЕССОРА СЕМИНАРІИ КАПИТОНА ИВАНОВИЧА НЕВОСТРУЕВА. (а)

Предъ нами гробъ мужа, который оставилъ по себѣ добрую память во многихъ отношеніяхъ, котораго жизнь, какъ христіанина, какъ сына Церкви, какъ служителя науки, весьма замѣчательна и для всехъ поучительна.

Почившій собратъ нашъ о Христвѣ былъ не просто благочестивый христіанинъ, но христіанинъ подвижникъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ христіанъ, которые въ древнее время до установленія монашества, какъ особаго чина, вели жизнь свойственную монахамъ и назывались аскетами. Судьбы Божіи привели наконецъ его на жительство въ эту обитель, не для монашескаго впрочемъ житія, а для ученыхъ зачатій, возложенныхъ на него высшимъ духовнымъ начальствомъ. Но

(а) Сказана 2-го декабря 1872 г. Покойный Невоструевъ, изъ Ватскихъ уроженцевъ, по окончаніи курса, со степенью магистра, въ Моск. дух. академіи въ 1840 году, былъ профессоромъ въ симбирской семинаріи, потомъ въ 1847 году вызванъ былъ въ Москву для описанія рукописей патриаршей библиотеки, и занимался этимъ дѣломъ до послѣдней предсмертной болязни. Помѣщеніе ему было отведено въ Чудовѣ монастырѣ, а жалованье онъ получалъ изъ московской семинаріи, къ часу преподавателя которой былъ присвоенъ. Онъ жилъ весьма дружелюбно съ наѣзднякомъ и братією монастыря и завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ могилами чудовскихъ монаховъ въ Покровскомъ монастырѣ, хотя на кладбищѣ того же монастыря погребенъ родной его братъ, протоіерей Казанскаго собора, А. И. Невоструевъ. Газетные толки, будто наѣзднякъ и братія Чудова монастыря не цѣнили жившаго среди нихъ ученаго миранина, и будто въ кельѣ своей онъ терпѣлъ отъ сырости и холода и оттого получилъ смертельную болязнь, — несправедливы. — Литургію въ день погребенія совершалъ въ Чудовѣ монастырѣ Другъ его ректоръ М. Д. Академіи протоіерей А. В. Горский, а отпѣвалъ покойнаго, при участіи многихъ московскихъ священнослужителей, пресвященнѣйшій Леонидъ епископъ Дмитровскій.

братія святой обители знаютъ, что онъ, хотя не принадлежалъ къ ихъ чину, былъ однако образцомъ для нихъ по строгому подвижническому житію, по точному исполненію церковныхъ уставовъ, по любви къ уединенію и безмолвію, по ревности къ молитвѣ келейной и церковной. Ревность къ церковной молитвѣ простиралась въ немъ до того, что по окончаніи церковной службы, когда все уходило изъ храма, онъ имѣлъ обычай оставаться въ немъ на некорооткое время для продолженія молитвеннаго подвига.

Съ великимъ благочестіемъ соединялась въ почившемъ великая любовь къ ближнимъ. Скудныя средства, какія приобрѣталъ праведнымъ трудомъ, онъ, отказывая себѣ въ удобствахъ жизни, употреблялъ на помощь ближнимъ и на покупку книгъ, нужныхъ ему для многосложныхъ ученыхъ работъ. Но какъ ни близка была ему эта послѣдняя нужда, онъ иногда отказывалъ себѣ въ удовольствіи ея, для того, чтобы имѣть возможность послужить своимъ достоиніемъ другимъ въ нуждахъ частныхъ и общественныхъ. Такъ во время восточной войны онъ не задумался принести въ жертву отечеству послѣдніе 500 рублей, которые предназначилъ было на покупку нужныхъ ученыхъ пособій. Онъ служилъ ближнимъ не только вещественными средствами, но и теплымъ участіемъ въ ихъ духовныхъ нуждахъ. Онъ никому не отказывалъ въ своихъ ученыхъ совѣтахъ, въ ученыхъ справкахъ, за которыми со всехъ сторонъ къ нему обращались люди науки. Онъ верьлю по нѣскольку часовъ бесѣдовалъ въ своей кельѣ съ глаголемыми старообрядцами, требовавшими отъ него справокъ въ старинныхъ книгахъ и рукописяхъ, и за свою христіанскую готовность удовлетворять ихъ требованіямъ, за свою притѣрную кротость и терпѣніе въ бесѣдахъ съ ними, пользовался непритворнымъ съ ихъ стороны уваженіемъ (*). Недавно учрежденное братство святаго Петра митрополита для противодѣйствія расколу лишилось въ лицѣ почившаго одного изъ самыхъ полезныхъ по учености и ревности къ

(а) Нѣкоторые изъ нихъ присутствовали при отпѣваніи его и кто-то изъ нихъ предложилъ было на свой счетъ зажечь свѣчи на лавнахъидѣ. Предложеніе не могло быть принято отчасти потому, что было заявлено поводомъ.

православію своихъ членовъ, но не прерывая съ нимъ духовнаго общенія въ молитвахъ за него, оно можетъ ожидать и отъ него молитвенной помощи въ святомъ дѣлѣ примиренія съ Церковію отпавшихъ отъ нея.

Ученую спеціальность почившаго составляло, какъ извѣстно, изученіе памятниковъ старины, преимущественно церковной. Труды его по этой части разнообразны. Нѣсколько томовъ Описанія рукописей патриаршей библиотеки, которое онъ велъ сначала совместно съ другимъ знаменитымъ ученымъ, а потомъ при меньшемъ его участіи, — изданіе Слова объ антихристѣ священномученика Ипполита въ древне-славянскомъ переводѣ съ греческимъ подлинникомъ и русскимъ переводомъ, снабженное обширными научными изслѣдованіями и примѣчаніями, — изданіе матеріаловъ для исторіи преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, изслѣдованія о древностяхъ симбирскихъ; елабужскихъ, московскихъ, тщательное исполненіе ученыхъ порученій отъ академіи наукъ, которой онъ былъ членомъ-корреспондентомъ, — дѣятельное участіе въ повременныхъ духовныхъ изданіяхъ переводами и самостоятельными изслѣдованіями ^(а), — все это такіе красивые подлинники и русистики, которые имя почившаго сдѣлали приснопамятными въ исторіи русской науки. Не время и не мѣсто входить здѣсь въ оцѣнку научнаго достоинства его писательской дѣятельности; позволимъ себѣ сказать только о томъ, какимъ духомъ онъ былъ одушевляемъ въ своихъ ученыхъ занятіяхъ. Изучая памятники старины, онъ самъ жилъ духомъ старины; онъ любилъ не только памятники, но и самую жизнь въ ея лучшихъ проявленіяхъ, о которой они свидѣтельствуютъ;

(а) Въ Душешол. Чтен. помѣщались 1) съ примѣчаніями К. И. Невоструева: а) Агты 17 в. о чудесномъ исцѣленіи отъ иконы святит. Николая въ Успен. соборѣ и о св. мурѣ 1867, апр. б) вновь открытое поучительное посланіе святителя Алексія 1861, апрѣль. в) Древнерусскія поученія объ иноческой жизни 1866, июнь. 2) Изслѣдованія о скудель и камилавкѣ въ древней греческой и русской Церкви 1867, декабрь. 1868, мартъ. 3) Объ архипастырской путешествіи Діонисія епископа Якутскаго изъ Якутска въ Нижнеколымскъ 1869, декаб. 4) Объ иконѣ Іисусъ 1869, февраль 1870, мартъ — Кроме того, Платерикъ, издаваемый въ приложеніи къ Душешол. Чтенію, переводить былъ подъ руководствомъ и редакціей К. И. Невоструева. Ученые примѣчанія къ его тексту принадлежатъ ему.

онъ всецѣло переносился духомъ въ древнія времена, которыя изучалъ по хартіямъ и вѣнымъ памятникамъ, и жилъ жизнью древнихъ подвижниковъ правды и добра. Примѣръ его въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ особенно для нашего времени. Въ наше время весьма многіе занимаются изученіемъ старины въ ея памятникахъ. Къ сожалѣнію, не мало между ними такихъ, которые, подъ предлогомъ ученаго безпристрастія, изученіе старины обращаютъ въ орудіе своихъ предубѣжденийъ противъ всего, что въ ней есть священнаго для людей благочестивыхъ и полныхъ любви къ отечеству. Для нихъ, для этихъ мнимо-безпристрастныхъ изслѣдователей старины, нѣтъ въ ней ничего священнаго. Изучаютъ ли они исторію великихъ людей русской земли, прославившихъ себя подвигами спасенія отечества отъ враговъ и возвышенія его могущества и внутренняго благосостоянія, — эти люди являются въ ихъ глазахъ самими обыкновенными смертными, незаслуживающими того высокаго мѣста, какое составилось о нихъ у русскаго народа. Читаетъ ли ктонибудь изъ этихъ мнимо-безпристрастныхъ изслѣдователей сказанія о древнихъ подвижникахъ благочестія, жившихъ на землѣ для неба, побѣдоносно борющихся съ искушеніями отъ міра, плоти и діавола, и достигшихъ въ духовной жизни равноангельскаго совершенства, — сказаніями объ ихъ подвигахъ онъ, самъ незнакомый опытно съ духовною жизнью, или не вѣритъ, провозглашая ихъ вымысломъ, или глумится надъ самими подвижниками, приравливая ихъ къ иудейскимъ фанбрамъ, а борьбу ихъ съ духами злобы выдавая за борьбу съ призраками, созданными суевѣрно настроеннымъ воображеніемъ, — и даже заподозрѣваетъ чистоту побужденій, заставлявшихъ русскаго чловѣка уходить изъ міра въ пустыню для безпрепятственнаго достиженія духовнаго совершенства. Вздумаетъ ли кто-нибудь изъ этихъ мнимо-безпристрастныхъ изслѣдователей собрать свѣдѣнія о лицахъ, прославившихъ себя ревностію къ защитѣ православія противъ еретическихъ и раскольническихъ лжеученій, — сочувствіе его непременно на сторонѣ лжеучителей, а отнюдь не на сторонѣ ревнителей православія: послѣдніе — фанатики и тонители, а тѣ — невнятные жертвы, мученики. И все такіе неблагопріятныя сужденія о

присвопамятныхъ лицахъ древней исторіи основываются отнюдь не на добросовѣтномъ изученіи памятниковъ, а на одностороннемъ отношеніи къ нимъ: эти нѣмно-безпристрастные судьи при разсматриваніи ихъ обращаютъ вниманіе только на то, что кажется имъ благопріятствующимъ ихъ предубѣжденію противъ всего священнаго для насъ въ древне-русской жизни, особенно предубѣжденію противъ православія. Они не называютъ православіе православіемъ, а укоренившимися вѣрованіями, случайно взявшими верхъ надъ несогласнымъ съ нимъ ученіемъ; они не сочувствуютъ Церкви, не скорбятъ ея скорбями, не радуются ея радостями, не дорожатъ ея торжествомъ надъ ея врагами; для нихъ Церковь такая же секта, какъ и расколъ; они увѣряютъ всѣхъ и cadaго, что изучаютъ науку для науки, на самомъ же дѣлѣ производятъ чрезъ науку свои неблагонамѣренныя, чуждыя научнаго свойства мнѣнія, но обращая вниманіа на то, что смущаютъ слабыя совѣсти. Они богаты вѣдѣніемъ, которое надмеваетъ, и скудны любовью, которая соиздаетъ. Съ такими-то служителями науки для науки имѣлъ столкновеніе между прочимъ почившій служитель науки, съ богатствомъ вѣдѣній соединившій богатство любви къ истинѣ, къ православію, къ ближнимъ. Онъ на основаніи научныхъ данныхъ обличалъ ихъ въ неуваженіи къ истинѣ и показывалъ несостоятельность ихъ предубѣжденій противъ святой Церкви, ея подвижниковъ и защитниковъ. И доставалось же ему отъ нихъ: они обзывали его любителемъ мрака, поборникомъ суевѣры и подобными именами. Такова судьба облачтенной земли. имъ великій святитель, блаженной памяти митрополитъ Филаретъ подвергался подобнымъ порицаніямъ со стороны людей, которые прогнѣвались на него за то, что по его предложенію въ церквахъ московской епархіи возглаголемо было дополнительное къ сугубой ектеніи моленіе объ отвращеніи гѣтва Божія по случаю распространенія нигилистическихъ ученій.

Миръ тебѣ рабъ Божій и добросовѣтный, полный любви къ Христу и святой Его Церкви, служитель науки. Ты былъ человекъ не отъ міра сего. Не мудрено, что люди міра сего не всегда жаловали тебя: ты былъ солонъ имъ. Къ счастью

недовольныхъ твоими трудами гораздо меньше, чѣмъ довольныхъ ими, высоко цѣнящихъ тебя за нихъ. Вѣчная тебѣ память отъ Бога, которому ты служилъ благочестивою жизнію и духомъ благочестія и правдолюбія проникнутыми учеными трудами. Вѣчная тебѣ память и отъ всѣхъ истинныхъ служителей науки, которымъ ты оставилъ добрый примѣръ для подражанія, и отъ всѣхъ русскихъ людей, которые въ твоихъ писаніяхъ находятъ пищу для своей духовной любознательности, и въ твоей христіанской жизни назиданіе для себя.

С Л О В О

въ день торжественнаго открытія, въ московскомъ Златоустовскомъ монастырѣ, братства святаго Петра митрополита *).

Совершаемое нами торжество открытія братства св. Петра митрополита совершается съ цѣлю испросить у Господа Бога благословеніе на предстоящую ему дѣятельность. Братство учреждено, какъ сказано въ уставѣ его, для содѣйствія ослабленію раскола въ предѣлахъ московской епархіи и воссоединенію раскольниковъ съ православною Церковію. Дѣло доброе, но и доброе дѣло безъ благословенія Божія не можетъ имѣть успѣха.

Но дѣйствительно ли то дѣло, за которое берется Братство, достойно благословенія Божія и одобренія православныхъ христіанъ? Дѣйствительно ли нужно и спасительно заботиться о примиреніи съ Церковію враждующихъ противъ нея? Кто вѣруетъ во едину святую, соборную и апостольскую Церковь, кто вѣруетъ, что вѣнъ ея нѣтъ спасенія, тотъ не только отвѣтитъ: „нужно“, но еще присовокупитъ, что было бы грѣшно не заботиться о вразумленіи

*) Сказано 21 декабря 1872 года.

погибающих въ общеніи съ Церковію. Не заботиться объ этомъ значило бы не имѣть христіанской любви къ нимъ, значило бы показывать непростительное равнодушіе къ спасенію тѣхъ, за которыхъ Христосъ пострадалъ и умеръ на крестѣ, значило бы даже споспѣшествовать ихъ гибели, значило бы, слѣдственно, брать на себя отвѣтственность за ихъ погибель. Но неужели, скажете, раскольничествующіе лишены надежды спасенія? Неужели обречены на погибель? Не будемъ предрѣшать ихъ участь, не будемъ утверждать, что въ безднахъ судебъ Божіихъ не найдется мѣста милосердію къ враждующимъ на Церковь по невѣдѣнію, по неразумной ревности, препятствующей видѣть истину. Мы утверждаемъ только, что поелику средства спасенія дарованы только Церкви, то удаляющіеся отъ Церкви удаляются отъ путей спасенія. Ибо что такое Церковь? Церковь есть основанное самимъ Христомъ общество спасаемыхъ благодатію Божіею, подаваемою вѣрующимъ въ Него чрезъ святія таинства, совершаемыя законно-поставленными строителями таинъ. Посему для получения спасенія должно непременно принадлежать къ сему обществу и въ средѣ его пользоваться благодатными средствами спасенія. Кто въѣтъ Церкви, тотъ въѣтъ путей спасенія. Для кого Церковь не мать, для того Богъ не отецъ (св. Кипріанъ). Какъ во время всемірнаго потопа спаслись отъ гибели только бывшіе въ ковчегѣ, такъ и спасеніе отъ вѣчной гибели уготовано только пребывающимъ въ нѣдрахъ Церкви: Церковь, какъ пристанище спасенія, изъ членовъ, входящихъ въ составъ ея, образуетъ единое живое тѣло, глава котораго Христосъ Спаситель, а душа—Духъ Святой (Еф. 4, 4. 5. 16). Членъ, отрѣзанный отъ живаго тѣла, мертвый членъ. Такъ равно ведетъ къ духовной смерти отдѣленіе отъ живаго церковнаго тѣла. Не таково ли положеніе нашихъ глаголемыхъ старообрядцевъ? Одни изъ нихъ, сохраняющіе священство, убѣрены, что принадлежатъ къ истинной Церкви, ибо есть у нихъ теперь всѣ семь таинствъ

и есть у нихъ кому совершать ихъ. Но ихъ таинства не имѣютъ освящающей силы, ибо совершаются людьми, незаконно пользующимися правами священства, полученнаго въ православной Церкви, отъ которой себя отлучили. — Другіе изъ глаголемыхъ старообрядцевъ утверждаютъ, что полной, Христомъ созданной Церкви съ ея священноначаліемъ и семью таинствами нѣтъ уже на землѣ, или можетъ быть и есть, но гдѣ, неизвѣстно, что со времени патріарха Никона наступило владычество антихриста, что антихристъ духовно царствуетъ въ грекороссійской Церкви, что ея священники и святители—слуги антихриста, что таинства, ими совершаемыя, отнюдь не таинства, что истинная вѣра сохранилась только въ обществѣ безпоповщинскомъ. И вотъ члены этого общества, отчуждая себя отъ Церкви, живутъ безъ благодати въ ней преподаемой чрезъ таинства. Они довольствуются только таинствомъ крещенія, которое у нихъ совершается неосвященными лица, — но лишаютъ себя благодати мѣропомазанія, и съ нею обрученія со Христомъ и залогомъ наслѣдія царства небеснаго (Еф. 1, 14); лишаютъ себя благодати отпущенія грѣховъ, преподаемой въ таинствѣ исповѣди, ибо совершаемое у нихъ исповѣданіе грѣховъ предъ старцами, неимѣющими власти вѣдать и рѣшать, не есть таинство; лишаютъ себя благодати прискреннаго общенія съ Господомъ въ таинствѣ причащенія и чрезъ то сами себя обрекаютъ на духовную смерть, — по слову Христа Спасителя: „аще не съѣсте плоти Сына человеческого, ни пиеге крове Его, живота не имате въ себѣ“ (Іоан. 6, 53); лишаютъ себя благодати таинства священства, и съ ней благодати преподаемой въ прочихъ таинствахъ, совершаемыхъ получившими въ семь таинствъ власть священнодѣйствовать, и не имѣя таковыхъ, подчиняютъ себя руководству учителей мірянъ, къ общественному учительству не призванныхъ; лишаютъ себя благодати благословеннаго супружества, и одни изъ нихъ совсѣмъ не вступаютъ въ бракъ, почитая его грѣхомъ, вопреки словамъ Апостола, называющаго бѣсов-

скимъ ученіе, возбраниющее жениться (1 Тимое. 4, 1—3), и предпочитаютъ законному браку распутство, плодами котораго наполняютъ воспитательные дома, — а другіе довольствуются вновь придуманнымъ чиномъ брака, въ коемъ благословеніе церковное замѣняется благословеніемъ только родительскимъ, безблагодатнымъ; лишаютъ себя наконецъ благодати елѣопомазанія, установленнаго для болящихъ, и съ нею подкрѣпленія силъ духовныхъ и тѣлесныхъ. Такъ живетъ послѣдователь безпоповщинскаго согласія изъ года въ годъ съ грѣхами никѣмъ не разрѣшаемыми и умираетъ безъ благодатнаго напутствія, безъ духовнаго утѣшенія, свойственнаго православнымъ христіанамъ, отходящимъ въ другой міръ съ вѣрой въ умопостылительную силу безкровной жертвы, приносимой за умершихъ въ общеніи съ Церковію. И изъ-за чего же онъ лишаетъ себя всѣхъ этихъ благъ, даруемыхъ сохраняющимъ общеніе съ Церковію? Изъ-за того, что ему вообразилось, будто Церковь съ ея священствомъ и таинствами истреблена антихристомъ. Какая хула на промышленіе Божіе о Церкви! Не самъ ли Христосъ Спаситель далъ обѣтованіе о ней: „созижду Церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ей“ (Мат. 16, 18)? Неужели сила ада сильнѣе силы Божіей? Неужели люди съ антихристомъ во главѣ могутъ одолѣть то учрежденіе, которое самъ Господь обѣщаль сохранить neodолжимымъ? — Не самъ ли Господь, предъ вознесеніемъ на небо, сказалъ апостоламъ и въ ихъ лицѣ преемникамъ ихъ служенія епископамъ и поставленнымъ чрезъ нихъ пресвитерамъ: „се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка“ (Мат. 28, 20)? Неужели слова присносущной Истины не должны исполниться и неужели вопреки имъ священноначаліе, безъ котораго немислима Церковь, прекратилось? — Не апостолъ ли Христовъ сказалъ о таинствѣ тѣла и крови Христовыхъ, что оно будетъ существовать до втораго пришествія Христова (1 Кор. 12, 26)? Неужели неложны уста апостола сказали

ложь? — Вотъ въ какія противорѣчія съ обѣтованіями самого Основателя Церкви, съ ученіемъ апостольскимъ входятъ люди, утверждающіе, что Церковь погибла, и потому чуждающіеся православной Церкви и живущіе безъ благодати таинствъ, въ ней преподаемой! — Но чѣмъ же они думаютъ спастись безъ сей благодати? Вѣрою и добрыми дѣлами, говорятъ. Но ни вѣра, ни добрая дѣла сами по себѣ не спасаютъ безъ благодати Божіей, ибо ясно сказано: „благодатию есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ, ни отъ дѣлъ, да никтоже похвалится“ (Еф. 2, 8). Но благодать сообщается вѣрующимъ въ таинствахъ, таинства же совершаются только въ Церкви. Потому отпаденіе отъ Церкви есть отпаденіе отъ благодати и слѣдовательно отъ спасенія.

Состояніе братій нашихъ, съ отпаденіемъ отъ Церкви отпадшихъ отъ спасительной благодати, въ удаленіи отъ Церкви блуждающихъ по безчисленнымъ распутіямъ лжи и заблужденій, поистинѣ печально. Можно ли намъ, чадамъ Церкви, оставаться равнодушными въ виду того, какъ они идутъ путями погибели, и не заботиться о вразумленіи и примиреніи ихъ съ Церковію? Мы сказали, что это было бы несогласно съ христіанскою любовію, которая должна подражать любви Божіей, „всѣмъ хотящей спастися и въ разумъ истины пріити“ (1 Тим. 2, 4). Но говорятъ: „дѣло вѣры есть дѣло совѣсти. Совѣсть же ближняго должна быть для насъ священною, хотя и заблуждающаяся. Пусть каждый вѣруетъ по совѣсти, какъ ему угодно: зачѣмъ намъ вмѣшиваться въ дѣла чужой совѣсти и непрошенными вразумленіями возмущать ее?“ — Новразумленіе, въ которомъ нуждаются неправомыслящіе, хотя не требуютъ его, — состоитъ совсѣмъ не въ томъ, чтобы заставить ихъ противъ совѣсти оставить свои заблужденія, а именно въ томъ, чтобы они по совѣсти, добровольно дошли до убѣжденія въ противоположной имъ истинѣ. На чемъ держатся заблужденія, коренящіеся въ совѣсти? На неправыхъ раз-

сужденіяхъ. И цѣль вразумленія состоитъ не въ томъ, чтобы человекъ отказался отъ нихъ вопреки совѣсти, а въ томъ, чтобы дать ему возможность убѣдиться, что онъ до сихъ поръ слѣдовалъ неправымъ рассужденіямъ. Какъ скоро эта цѣль будетъ достигнута, совѣсть легко разстанется съ заблужденіемъ, которымъ была связана, и безъ раскаянія приметъ истину. Иное дѣло, еслибы стали навязывать кому истину не путемъ убѣжденій, а только обѣщаніями разныхъ льготъ и наградъ, или угрозами и насиліемъ. Такое внѣшательство въ дѣла совѣсти поистинѣ нехорошо, но о немъ и рѣчи нѣтъ. Оставлять заблуждающихся безъ вразумленія подъ предлогомъ уваженія къ ихъ совѣсти не всегда безопасно, потому что, по совѣсти во славу Божию, совершаются иногда уголовныя преступленія, напримѣръ преступленія сконцовъ. Уродуя себя и другихъ, они мнятъ службу приносить Богу. А иные изувѣры совершаютъ ради славы Божіей самоубійство и убійства. Противодѣйствовать такимъ преступленіямъ не только вразумленіями, но и карательными мѣрами отнюдь не грѣшно, а необходимо. Скажутъ ли, что такіе изувѣры вредны государству, а неправомыслиціе глаголемыя старообрядцы для государства безопасны? Допустимъ это, но изъ этого слѣдуетъ только то, что въ отношеніи къ нимъ нужно дѣйствовать мѣрами духовнаго вразумленія, не прибѣгая безъ особенной нужды къ внѣшнимъ карательнымъ и принудительнымъ мѣрамъ.

Какъ же можно вести дѣло духовнаго вразумленія глаголемыхъ старообрядцевъ?

Близайшимъ образомъ къ достиженію сей цѣли ведутъ устныя бесѣды съ ними и распространеніе книгъ, направленныхъ къ обличенію ихъ заблужденій. До послѣдняго времени тѣмъ и другимъ дѣломъ занимались только частныя лица по личному усердію, рѣдко по порученію начальства. Труды ихъ приносили и приносятъ несомнѣнную пользу; но расколъ старообрядчества—столь великое, столь распространенное зло, что частныя усилія для борьбы съ

нимъ оказываются недостаточными. Въ послѣднее время начали для сей цѣли открываться братства, число которыхъ увеличилось наконецъ учрежденіемъ въ первопрестольномъ градѣ Братства св. Петра митрополита. Не станемъ распространяться о подробностяхъ предстоящей нашему Братству дѣятельности,—желающій можетъ ознакомиться съ ними изъ устава, безмездно раздаваемого,—скажемъ только, что оно тѣмъ успѣшнѣе поведетъ свое дѣло, чѣмъ больше будетъ имѣть членовъ, готовыхъ служить святому дѣлу вразумленія заблуждающихся устными бесѣдами съ ними, составленіемъ книгъ противъ раскола, или денежными пожертвованіями для печатанія и распространенія такихъ книгъ, либо извлеченій изъ прежде изданныхъ книгъ. Расходы на сей предметъ потребуются весьма значительные, потому что Братство предполагаетъ распространять свои изданія по крайне-дешевой цѣнѣ, и даже безмездно. Братство надѣется, что въ первопрестольномъ градѣ, искони славномъ ревностію къ православной Церкви, не будетъ недостатка въ средствахъ на покрытие этихъ расходовъ. Если граждане Москвы не жалѣютъ десятковъ и сотенъ тысячъ на открытіе и поддержаніе учреждений, неимѣющихъ религіозной цѣли, иногда такихъ, польза отъ которыхъ сомнительна,—можно ли думать, что они равнодушно, безъ всякаго сочувствія отнесутся къ религіознымъ, имѣющимъ цѣлю душевное спасеніе братій своихъ гибнущихъ въ расколѣ, предпріятіямъ Братства?

Противодѣйствовать расколу можно не только словомъ и письменно, но примѣромъ житія, согласнаго съ заповѣдями евангельскими и церковными. Не однихъ раскольничествующихъ, но и многихъ православныхъ возмущаетъ образъ жизни людей, принадлежащихъ къ православной Церкви, но ведущихъ себя подобно язычникамъ, преданныхъ суетѣ и развлеченіямъ, и по пристрастію къ чувственнымъ удовольствіямъ или корысти нагло нарушающихъ церков-

ные уставы касательно соблюдения праздниковъ и постовъ и даже поспѣвающихъ надъ соблюдающими ихъ. Соблазняетъ также глаголемыхъ старообрядцевъ, почитающихъ себя великими ревнителями церковнаго благочинія, небрежно совершаемое православными крестное знаменіе, спѣшное пѣніе и чтеніе въ церквахъ и т. п. Вида это, отпадшіе отъ Церкви свое невыгодное мнѣніе о православныхъ переносить на самую Церковь, хотя она ни въ чемъ не виновата. Нельзя не признать горькой правды помянутыхъ обвиненій; посему однимъ изъ сильныхъ средствъ къ ослабленію предубѣждений противъ Церкви уклонившихся отъ нея было бы строгое соблюденіе православными, особенно священнослужителями, церковнаго благочинія и устроеніе образа жизни не по мірскимъ обычаямъ, а по правиламъ Церкви. Еслибы мы сами были преданными сынами Церкви, противники ея не имѣли бы повода оправдывать свое отчужденіе отъ нея тѣмъ, что и самыя члены ея не повинуются ей. Всѣ мы должны помнить, что живы не по православному, не по церковному, мы будемъ отвѣчать предъ судомъ Божиимъ не за себя только, но и за другихъ, которые изъ-за нашего поведенія не хотятъ примириться съ Церковію.

Но главная сила въ дѣлѣ примиренія съ Церковію уклонившихся отъ нея есть сила благодати Божіей. Безъ ней, какъ ни важны указанная нами средства для достиженія сей цѣли, они не обѣщаютъ успѣха. Однихъ человѣческихъ усилій въ семъ случаѣ тѣмъ паче недостаточно, что расколъ есть не только заблужденіе, но и превратное сердечное настроеніе. Какъ заблужденіе, онъ состоитъ въ слѣпотѣ, доходящемъ до суевѣрія, пристрастія къ церковной внѣшности, къ буквѣ, къ обряду, такъ что отступленіе отъ буквы, видоизмѣненіе обряда кажется пристрастнымъ къ нимъ отступленіемъ отъ самой вѣры, еретичествомъ. Но какъ превратное сердечное настроеніе, расколъ питается въ послѣдователяхъ его непохвальной гордостью, по которой каждый изъ нихъ считаетъ себя въ правѣ судить и жестоко осуждать всю православную Церковь, ни вселен-

скимъ, ни помѣстнымъ соборомъ не осужденную, строгую блюстительницу догматовъ вѣры и древлеотеческихъ постановленій; а иные изъ нихъ, произнося на нее страшныя хулы и проклятія, дерзаютъ приписывать ей вѣру не во Христа, общаго всѣхъ Спасителя, а въ инаго какого-то бога, даже въ антихриста. Поражаетъ еще въ отступившихъ отъ Церкви какое-то непонятное болѣзненное ожесточеніе противъ указанной имъ явной истины. Какъ ни ясны, какъ ни твердо доказательства въ защиту отрицаемой ими истины, они вида не видятъ, слыша не слышатъ и не разумѣютъ ее. Въ подобномъ нравственномъ состояніи находились современные Христу Иудеи, которые не вѣровали во Христа, носили Его всячески, хотя слышали изъ устъ Его слова жизни и спасенія и были свидѣтелями Его поразительныхъ чудесъ. Гдѣ скрывалась причина такого ожесточенія, такой слѣпоты и глухоты ихъ во отношеніи ко Христу? Она скрывалась не въ умѣ, а въ сердцѣ, въ сердечномъ пристрастіи къ корысти, земной славѣ, плотоугодію. Зараженное симъ пристрастіемъ, „огрубѣло сердце людей сихъ, и оттого они ушами не слышали и очи свои сомкнули, да не увидятъ очами и не услышатъ ушами.“ (Мат. 13, 15). Подобное сему сердечное ожесточеніе закрываетъ очи и слухъ отступившихъ отъ православной Церкви къ пріятію истины и можетъ быть побѣждено не человѣческими усиліями, а единственно благодатію Божію. Благодать же Божія привлекается смиренною молитвою. Самы заблуждающіе не молятся о своемъ вразумленіи, потому что слишкомъ убѣждены въ своей мнимой правотѣ и предубѣждены противъ истины. Долгъ молиться за нихъ лежитъ на насъ, чадахъ Церкви. Итакъ всѣ мы, особенно же члены Братства для прогнѣвѣвшаго расколу, потщимся исполнить сей долгъ и за помощью въ нашихъ немощныхъ молитвахъ прибѣгнемъ къ святителю Петру, покровительству котораго поручило себя новооткрываемое Братство. Воззовемъ къ нему такъ: „О великій Христовъ святителю! Ты нѣкогда водвореніемъ своимъ въ Москвѣ, незначитель-

номъ удѣльномъ городѣ, не только содѣлалъ ее средоточіемъ церковной жизни для всего нашего отечества, но еще споспѣшествовалъ чрезъ то усиленію ея государственнаго значенія, такъ что князья ея сдѣлались собирателями русской земли, доголѣ раздробленной на множество мелкихъ, часто одно другому враждебныхъ княжествъ, и стали государями всей Руси; моли Главу Церкви, пролившаго за нее свою кровь, Господа Иисуса Христа, да соберетъ подъ сѣнь ея всѣхъ невѣрныхъ и иновѣрныхъ, паче же да возвратитъ въ нѣдра ея бывшихъ нѣкогда чадами ея, но потомъ по суетумудрію и гордости отторгшихся отъ нея и по утратѣ церковнаго единенія раздѣлившихся на множество обществъ, другъ противъ друга враждующихъ и только общенію враждою противъ Церкви соединенныхъ. Ты знаешь, угодниче Христовъ, все зрящій во свѣтѣ лица Божія, что они, блуждая внѣ двора церковнаго по непроходимымъ горамъ и дебрямъ заблужденій, одичали до того, что не узнають, или лучше не хотятъ знать своей матери, затываютъ слухъ отъ ея гласа, призывающаго ихъ къ раскаянію, или же на ея гласъ отвѣчаютъ хулами и глумленіями. Моли пастыреначальника Христа, да коснется ихъ умовъ помраченныхъ, сердецъ ожесточенныхъ, своею благодатію, просвѣщающею и умиротворяющею, да уразумѣютъ они, что внѣ православной Церкви нѣтъ истины и спасенія и да притекутъ къ ней съ раскаяніемъ въ своемъ противленіи ей, чтобы вмѣстѣ съ нами быть единымъ тѣломъ, жить единою духовною жизнію въ общеніи таинствъ и въ послушаніи общему для всѣхъ священноначалію. Моли также, отче священнѣйшій, за людей, братски соединившихся подъ твою хоругвию для противодѣйствія распространенію заблужденій, да воодушевить ихъ Господъ ревностію ко спасенію заблуждающихъ, духомъ кротости, смиренія, терпѣнія и самоотверженія въ обращеніи съ ними, и да благословитъ ихъ труды успѣхомъ. Молись наконецъ, святче Божій, за вся православныя христіаны, да житіемъ своимъ не будутъ подавать повода къ соблазну

чуждающимся Церкви, да устроятъ свою жизнь по заповѣдямъ Евангелія и Церкви, и тѣмъ да привлекаютъ ихъ къ примиренію съ нею⁴. Аминь.

ЧУДО НА БРАКѢ ВЪ КАНѢ ГАЛИЛЕЙСКОЙ (Іоан. 2, 1—11).

Галилейскій городокъ Кана находился къ сѣверу отъ Назарета, мѣста воспитанія Иисусова, не въ дальнемъ разстояніи отъ него. Кана Галилейская прославилась тѣмъ, что на брачномъ торжествѣ, происходившемъ здѣсь, Господъ Иисусъ совершилъ первое чудо. Онъ приглашенъ былъ на сіе торжество съ Своими учениками. Здѣсь же была Его Пречистая Мать и братія по плоти. Семейство, гдѣ происходило брачное торжество, вѣроятно, находилось въ самыхъ близкихъ и можетъ быть родственныхъ отношеніяхъ къ семейству Богоматери, и не принадлежало къ числу зажиточныхъ семействъ, судя по тому, что на угощеніе гостей недоставало вина. Недостатокъ вина, безъ сомнѣнія, причинилъ не малое безпокойство хозяйкамъ, приглашившимъ гостей на пирь, и грозило помрачить радость торжества. Мать Иисуса замѣтила ихъ замѣшательство, приняла съ участіемъ ихъ горе и въ надеждѣ на помощь своего божественнаго Сына, сказала Ему: *вина не имутъ*. Она надѣялась, что Онъ совершитъ чудо. Правда, Онъ до сихъ поръ не совершалъ чудесъ, но это потому, что, какъ не достигшій тридцатилѣтняго возраста, Онъ еще не вступалъ въ должность общественнаго учителя и къ Своему великому служенію приготовлялся домашнимъ уединеніемъ. Между тѣмъ Мать Иисуса знала, что Онъ есть обѣщанный Мессія. Въ этомъ ее удостовѣрили необыкновенныя обстоятельства Его зачатія и рожденія, пророчество о Немъ Богопріимца Симеона, слова двѣнадцати-

лѣтнаго Иисуса, сказанныя ей въ Иерусалимскомъ храмѣ, въ которомъ Она съ Иосифомъ, послѣ долгихъ поисковъ, нашла Его бесѣдующимъ съ учителями: „или вы не знали, что мнѣ должно быть въ томъ, что принадлежитъ Отцу Моему“ (Лук. 2, 49)? Все это она слагала въ сердцѣ своемъ. Она не могла также не знать, что случилось съ Нимъ на Иорданѣ, о чемъ разговаривалъ Онъ не задолго предъ симъ съ Навананломъ (Иоан. 1, 45—51), и потому не безъ причины полагала, что для ея божественнаго Сына, какъ уже вступившаго въ общественное служеніе, наступило время, въ доказательство Своего божественнаго посланничества прославить Себя чудесами. Случай на бракѣ былъ весьма удобный къ тому. Народу на свадьбѣ собралось много, и потому свидѣтелей ожидаемаго и желаемаго чуда было достаточно. Да и нужда, ради которой желательно было видѣть чудо, была настоятельная. Что же Господь Иисусъ отвѣтилъ на слова Своей Матери, напомнившей Ему о недостаткѣ вина? *Что есть Милъ и Тебѣ жено? Не у прииде часъ Мой.* Т.-е., хотя ты, напоминая мнѣ о нуждѣ, требующей помощи, не говоришь, какъ я долженъ оказать эту помощь, но я знаю твое тайное желаніе: ты желаешь, чтобы я совершилъ чудо для сей цѣли. Желаніе доброе по цѣли, но совершать чуда я долженъ не по людскимъ желаніямъ, а по волѣ Отца Моего. На сей разъ ты вмѣшиваешься въ дѣло, до тебя не касающееся.—*Жено!* Для чего при семъ случаѣ Господь Иисусъ назвалъ Свою сердобольную Матеръ не матерью, а *женою*? Для того, чтобы показать, что Онъ не только сынъ ея по плоти, но вмѣстѣ Господь ея и Царь надъ всѣми людьми. Какъ Сынъ, Онъ до сихъ поръ находился въ глубочайшемъ повиновеніи ей; но теперь Онъ уже принадлежитъ не семейству, въ нѣдрахъ котораго воспитывался, теперь Онъ общественный дѣятель и долженъ поступать не по внушеніямъ земной своей матери, а единственно по волѣ Отца Своего небеснаго. Будетъ время, когда Онъ будетъ внимать молитвамъ, какія она съ матернимъ дерзновеніемъ

будетъ приносить за людей своему Сыну и Богу; но это время наступитъ не прежде, какъ дана будетъ Ему всякая власть на небеси и на земли, и сама Матерь, яко честибная херувимовъ и серафимовъ, будетъ обитать въ небесной славіи и во свѣтѣ лица Божія, лучше чѣмъ на землѣ, знать, о чемъ и какъ просить Его за людей.—Но не подчинившись внушеніямъ земной своей Матери въ разсматриваемомъ случаѣ, Господь Иисусъ далъ ей впрочемъ, какъ видно изъ послѣдствій, замѣтить, что ея участіе въ нуждѣ ближнихъ совпадаетъ съ Его собственнымъ желаніемъ помочь имъ, что Онъ готовъ оказать даже чудесную помощь въ этой нуждѣ не потому, что того желаетъ Его мать, а по высшему, съ неба, побужденію. Дѣло только въ томъ, сказалъ Онъ, что „еще не пришелъ часъ Мой“, то-есть часъ совершенія чуда, если оно необходимо. Спѣшить совершеніемъ его никто изъ людей Меня не принудитъ. Я самъ знаю, когда наступитъ благоприятная къ сему минута, а теперь она еще не наступила.—Богоматерь удостоившись, что желаніе ея будетъ исполнено, и сказала слугамъ: „что скажетъ Онъ вамъ, сдѣлайте“. И вотъ наконецъ наступила минута ожидаемаго чуда. Въ пиршественной залѣ стояло шесть большихъ каменныхъ водососовъ для омовенія рукъ и для очищенія сосудовъ. По повелѣнію Господа Иисуса служители наполнили эти водососы до краевъ водою, и эта вода превратилась въ сладкое виноградное вино. Господь Иисусъ повелѣлъ слугамъ показать это вино распорядителю пира, съ тѣмъ, чтобы онъ, отдавая, оцѣнилъ его достоинство. Распорядитель пира, не знавшій, что поднесенное ему вино чудесно произошло изъ простой воды, подозвалъ жениха и сказалъ ему шутливо: „всякій человекъ подаетъ сперва хорошее вино, а когда напьются, тогда худшее; а ты хорошее вино сберегъ доселѣ“.

„Такъ положилъ Иисусъ, по слову Евангелиста, начало чудесамъ въ Канѣ Галилейской, и явилъ славу Свою и увѣровали въ Него ученики Его“. Ближайшая цѣль чуда

была благотворительная, но главнымъ образомъ оно совершенно было для того, чтобы видѣли ученики божественную славу Его, убѣдились въ Его божественномъ посланничествѣ и утвердились въ вѣрѣ въ Него. Они и до сихъ поръ вѣровали въ Него, иначе и не послѣдовали бы за Нимъ, но видно вѣра ихъ еще не была такъ крѣпка, чтобы не нуждалась въ поддѣрпленіи какимъ-нибудь чудеснымъ знаменіемъ.

Кромѣ указанного значенія, чудо претворенія воды въ вино, какъ всё чудеса Христовы, имѣетъ символическое значеніе. Въ канонѣ св. Андрея Критскаго, читаемомъ на поученіяхъ въ первые четыре дня первой седмицы великаго поста, сказано, что первое чудо въ Канѣ Галилейской сотворено, *да ты изменишиши душе* (пѣсь 9). Т.-е. Христосъ въ этомъ чудѣ наглядно выразилъ ту истину, что Онъ пришелъ обновить человѣка, возродитъ насъ къ жизни человѣка новаго, совершенно отличной отъ жизни человѣка ветхаго, получаемой каждымъ изъ насъ путемъ естественнаго рожденія съ наслѣдственною грѣховною порчею, переходящею отъ Адама во все его потомство. Человѣкъ ветхій и человѣкъ новый, по природѣ ничѣмъ не отличаются: у того и другаго тоже физическое устройство, тѣ же внѣшнія чувства, та же душа, одаренная разумомъ, свободною волею и способностію къ чувствованію пріятнаго и непріятнаго, любви и ненависти. Но при ближайшемъ сравненіи жизни того и другаго человѣка открывается поразительное различіе. Человѣкъ ветхій живетъ только для земли и для себя: человѣкъ новый, живя на землѣ, воздыхаетъ о небѣ, помышляетъ о предметахъ духовныхъ; радость общенія съ Богомъ въ святомъ словѣ Его, въ молитвѣ, въ таинствахъ, предпочитаетъ всему на свѣтѣ; волю свою старается привести въ согласіе съ волею Божіею и въ своихъ поступкахъ руководствуется не самолюбіемъ, а ревностію о славѣ Божіей и любовію къ ближнимъ. Вотъ къ этой-то жизни новаго человѣка призвалъ насъ, это-то измѣненіе духовной нашей природы по веѣмъ

сторонамъ ея пришелъ произвести въ насъ Господь Иисусъ, а для сего потребно совершить надъ нею чудо благодати Божіей, подобное чуду претворенія воды въ вино.

Не лишена глубокаго духовнаго значенія вообще вся исторія посѣщенія Христомъ Спасителемъ брака въ Канѣ.

1) Такъ Своимъ присутствіемъ на брачномъ пиршествѣ Онъ освятилъ и благословилъ супружескій союзъ и вообще семейное состояніе. Благословенно безбрачіе, когда люди, могущіе выѣстить безбрачную жизнь, добровольно принимаютъ на себя объѣтъ ея, для большей свободы въ служеніи Богу, для выпячнаго преуслѣбанія въ духовной жизни. Самъ Господь Иисусъ освятилъ этотъ родъ жизни Своимъ примѣромъ, но Онъ же явилъ благоволеніе Свое къ жизни брачной, удостоивъ Своимъ посѣщеніемъ бракъ въ Канѣ, и какъ первымъ дѣломъ Творца по сотвореніи человѣка было благословеніе ему плодиться и размножаться, такъ однимъ изъ первыхъ дѣлъ Обновителя человѣчества было освященіе брачнаго сожитія, для того чтобы члены семьи были вмѣстѣ членами Его Церкви, чтобы дѣти естественныхъ родителей были вмѣстѣ чадами Божіими по благодати.

2) Христосъ на бракъ въ Канѣ Галилейской снисходительно отнесся къ земнымъ радостямъ и утѣшеніямъ и даже Самъ споспѣшествовалъ веселію гостей, приготовивъ для нихъ, силою Своего всемогущества, вино, веселящее сердце человѣка. Таковъ вообще духъ евангельскаго ученія. Оно возстаетъ противъ пристрастія къ земнымъ удовольствіямъ, доходящаго до забвенія Бога, противъ жизни разсѣянной и грубо-чувственной, но отнюдь не противъ невинныхъ, тихихъ земныхъ радостей. Но при какихъ условіяхъ земныя наши радости могутъ быть невинны? При такихъ же, при какихъ невинно было веселіе гостей на бракъ въ Канѣ Галилейской. Присутствіе среди нихъ Христа удерживало ихъ отъ излишества въ употребленіи пищи и питія, отъ нескромныхъ словъ и движеній. Подобно сему и наши земныя радости будутъ чисты и невинны, если мы будемъ избирать ихъ съ мыслію о Хри-

ствѣ, если прежде чѣмъ позволимъ себѣ принять участіе въ томъ или другомъ увеселеніи, спросимъ себя, не соединяется ли съ нимъ нарушеніе заповѣди Христовой или церковной, благовременно ли оно, благовременно ли напредмѣръ учреждать увеселительныя собранія и посѣщать ихъ подъ воскресные и праздничные дни, — и если законны и позволительны христіанину радости будемъ освѣщать памятію о Христвѣ, и ея удерживать себя отъ грѣховной разсѣянности. По предреченію Христа Спасителя, Его второе пришествіе застанетъ людей неготовыми къ срѣтенію Его, ибо люди тогда, какъ и во дни передъ потопомъ, будутъ ѣсть, пить, жениться и выходить за мужъ (Мат. 24, 38. 39). Бѣда не въ томъ, что люди будутъ ѣсть, пить, праздновать свадьбы, а въ томъ, что они, хотя и христіане, будутъ все это дѣлать съ забвеніемъ о Христвѣ и о своемъ христіанскомъ званіи, о вѣчной своей судьбѣ, съ безпечностію людей допотопныхъ и можетъ быть съ глумленіями надъ предостереженіями противъ этой безпечности. Чтѣ мудренаго, если для такихъ безпечныхъ и страха Божія чуждыхъ христіанъ второе Христово пришествіе будетъ такъ же пагубно, какъ пагубенъ былъ для современниковъ Ноя потопъ. Кто не помнитъ о Христвѣ добровольно, и мислію о Немъ не умѣряетъ своей склонности къ земнымъ удовольствіямъ, тому Онъ напомнитъ о Себѣ невольно, какъ строгій Судія. При семъ нельзя безъ горькаго сожалѣнія вспомнить о нехристіанскомъ характерѣ празднованія, во многихъ христіанскихъ семьяхъ, свадебъ. Нельзя не назвать нечестивымъ обычаемъ, послѣ вѣнчанія устроить балы съ попойками, съ карточною игрою, съ нескромными плясками, въ которыхъ принимаютъ обыкновенно участіе сами новобрачные, не разсуждая о неприличіи этого увеселенія послѣ совершенія надъ ними великаго таинства, которымъ освященъ ихъ супружескій союзъ.

3. Исусъ Христосъ не вдругъ исполнилъ желаніе Своей пречистой Матери касательно помощи на бракъ въ

Канѣ Галилейской, — Онъ сказалъ ей, что еще не пришелъ часъ Его. Если Онъ такъ отнесся къ желанію существа чистѣйшаго и святѣйшаго, то удивительно ли, если Онъ поступаетъ подобно сему иногда въ отношеніи къ намъ грѣшнымъ, когда мы просимъ Его о помощи? Какъ мы заставляемъ Его долго ожидать отъ насъ покаянія и обращенія, такъ Онъ не всегда скоро внемлетъ нашимъ мольбамъ къ Нему, или мольбамъ за насъ другихъ. Онъ желаетъ, чтобы мы не только читали смиренное чувство зависимости отъ Него и съ упованіемъ обращались къ Нему съ молитвою о помощи, но вмѣстѣ чтобы научились терпѣнію въ молитвѣ, преданности Его святой волѣ, чтобы мы навыкли любить Его не тогда только, когда Онъ показываетъ явные знаки Своего благоволенія къ намъ, но и тогда, когда повидимому отверщается отъ насъ лице Свое. Мы сами не всегда готовы принять отъ Бога милость, которой у Него просимъ. Дождь полезенъ для почвы не тогда, когда она еще не совсѣмъ освободилась отъ снѣга и льда, а тогда, когда согрѣлась солнечными лучами. Подобно сему и благость Божія находитъ достаточную пріемлемость только въ сердцахъ, согрѣтыхъ любовью къ Богу.

4. Распорядитель пира на бракѣ въ Канѣ Галилейской сказалъ, что гостей сперва угощаютъ хорошимъ виномъ, а когда напьются, тогда подаютъ имъ худшее. Не образъ ли это судьбы міролюбцевъ? Пока есть имъ на чтѣ жить, міръ поитъ ихъ изъ полной чаши своими утѣхами и радостями, окружаетъ ихъ льстецами и поклонниками, отуманиваетъ имъ голову похвалами ихъ мнимымъ достоинствамъ душевнымъ и тѣлеснымъ. Но оканчивается тѣмъ, что міролюбецъ или пресыщается и отъ пресыщенія впадаетъ въ скуку и отчаяніе, или вслѣдствіе расточительности впадаетъ въ нищету, въ которой отъ него отступаются его мнимые друзья, дорожившіе не имъ, а его хлѣбосольствомъ, — и подобно блудному сыну притчи, доведшему себя до необходимости питаться свинымъ кор-

момъ, пить до смерти горькую чашу всяческихъ лишений. И хорошо еще, если эта нищета и горе обратятъ его, какъ блуднаго сына, къ раскаванію и путемъ раскаванія приведутъ къ Господу. Но бываетъ и такъ, что миролюбцы, брошенные миромъ, лишенные участія къ себѣ людей, не ищутъ утѣшенія въ Богѣ, да такъ и умираютъ. По истинѣ послѣ сладкаго и дорогаго вина имъ приходится пить одно горькое и никуда негодное. Такъ поступаетъ миръ съ своими жалкими поклонниками, но не такъ Христосъ, Женихъ Церкви, съ уневѣщенными Ему душами. Чѣмъ онѣ преданнѣе Ему, тѣмъ больше на ихъ долю достается пить изъ чаши скорбей, больше нести крестовъ въ борьбѣ съ искушеніями отъ міра, плоти и діавола. Но какъ Самъ Онъ путемъ креста достигъ славы, такъ и послѣдователямъ Его, раздѣляющимъ съ Нимъ страданія здѣшней жизни, уготовано прославленіе на небесахъ, въ царствіи небесномъ, гдѣ Онъ общался вкушать вмѣстѣ съ ними новое вино, вѣчныя, никогда неумалющіяся радости (Марк. 14, 25).

РѢКИ ЖИВОЙ ВОДЫ.

„Аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и пить. Вѣрующій въ Мя, якоже рече писаніе, рѣки отъ чрева его истекутъ воды живы. Сіе же рече о Дусѣ, егже хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его“. (Іоан. 7, 37—39).

Воззваніе къ жаждущимъ и обѣтованіе о рѣкахъ воды живой Господь Іисусъ провнесъ въ Іерусалимскомъ храмѣ въ послѣдній день (7-й) праздника кущей. Въ словахъ, содержащихъ это воззваніе и обѣтованіе, идетъ рѣчь о благодати Св. Духа, даруемой чрезъ Христа вѣрующимъ въ Него, и чрезъ истинно вѣрующихъ изливающейся на другихъ. Дѣйствіе благодати Св. Духа на людей чрезъ вѣ-

рующихъ во Христа, представленное подъ образомъ истеченія рѣкъ изъ чрева ихъ, имѣло открыться, по объясненію евангелиста Іоанна, собственно по торжественномъ сошествіи на вѣрующихъ Св. Духа, которое должно послѣдовать съ прославленіемъ Христа чрезъ вознесеніе Его на небо (Іоан. 7, 29, 40). Но дѣйствіе благодати Св. Духа чрезъ самого Христа началось во время земной жизни Его, ибо во время сей жизни обильно изливалась благодать изъ устъ Его (Псал. 44, 3) и ей дивились люди слушавшіе Его (Лук. 4, 22), а иные отъ полноты въ Немъ благодати сами преисполнялись благодатію, принимали отъ общенія съ Нимъ благодать на благодать (Іоан. 1, 16), которая изъ нѣдръ Его, какъ изъ переполненнаго сосуда, изливалась на нихъ.

Для того, чтобы понять, почему Іисусъ Христосъ употребилъ образъ воды для изображенія дѣйствій благодати, надобно имѣть въ виду особенный обрядъ, который совершася былъ въ праздникъ кущей. Каждое утро въ продолженіе семи дней праздника кущей одинъ изъ главныхъ священниковъ спускался съ священной горы храма и у подошвы ея черпалъ золотоу чашею воду изъ Силоамскаго источника, и съ этою водою, держа чашу поверхъ головы, возвращался въ храмъ, окруженный толпами ликующихъ богомольцевъ, при звукахъ священныхъ трубъ и пѣснопѣній. Обрядъ оканчивался тѣмъ, что священникъ, пришедши съ зачерпнутою водою въ храмъ, возливалъ ее на жертвенникъ, какъ благодарственную жертву. Этотъ обрядъ установленъ былъ, въ позднѣйшія впрочемъ времена, въ память чудеснаго изведенія Моисеемъ воды изъ камня для утоленія жажды странствовавшихъ въ пустынѣ Евреевъ. Но какъ все ветхозавѣтныя событія имѣли прообразовательный характеръ въ отношеніи ко Христу и Его Церкви, такъ и это чудо прообразовало Христа и по вѣрѣ въ Него подаемую намъ благодать Св. Духа. Апостоль Павелъ, объясняя ветхозавѣтныя событія въ прообразовательномъ смыслѣ, прямо говоритъ, что Евреи, когда на-

ли воду изъ камня, „пили изъ духовнаго послѣдующаго камня, камень же былъ Христосъ“ (1 Кор. 10, 4). Сіе-то прообразовательное значеніе ветхозавѣтнаго чуда надъ камнемъ имѣлъ въ виду самъ Господь Исусъ, когда при видѣ праздничнаго обряда, установленнаго въ воспоминаніе этого чуда, сказалъ Иудеямъ, бывшимъ свидѣтелями обряда: *Аще кто жаждетъ, да придетъ ко мнѣ и пьетъ*. Какъ бы такъ сказалъ Онъ: „взирая на обрядъ, не событіе только, давно случившееся, воспоминайте, но вмѣстѣ прозирайте въ духовный смыслъ событія. Знайте, что камень, давшій воду, это Я. Чудесно изведенною изъ камня водою утолена была одна чувственная жажда, но кромѣ чувственной жажды, чувственныхъ потребностей, есть еще жажда и потребности духовныя. Ихъ могу удовлетворить вполнѣ только Я. И такъ приступите ко Мнѣ всѣ, у кого есть такая жажда, и Я утолю ее“. Что же это за духовная жажда, или духовныя потребности, удовлетворить которыя общаетъ Христосъ Спаситель? Это жажда или потребность истины для ума, потребность правды для воли, потребность блаженства для чувства. Никто изъ земнородныхъ, въ комъ только пробудились эти потребности, не можетъ сказать, что одними собственными силами и средствами онъ можетъ достигнуть удовлетворенія ихъ, т.-е. освободиться отъ заблужденій и невѣжества особенно въ духовныхъ вещахъ, избавиться отъ грѣха и найти душевный покой прочный и невозмутимый. Силы человѣка для сего крайне недостаточны, какъ показываетъ исторія и личный опытъ каждаго. Одинъ Христосъ можетъ дать то, чего никто изъ людей дать себѣ не можетъ. Только у Него есть *чудесная вода*, которая утоляетъ духовную жажду человѣка. Что же это за вода? Это благодать Св. Духа. Какъ естественная вода утоляетъ тѣлесную жажду, освѣжаетъ насъ и укрѣпляетъ, такъ и благодать Св. Духа, даруемая вѣрующимъ во Христа, утоляетъ жажду истины, наставляя ихъ касательно всего что нужно знать для спасенія души (Іоан. 14, 26. 1 Иоан. 2, 20), ибо Духъ Свя-

тый есть Духъ истины;—укрѣпляетъ ихъ волю на борьбу съ искушеніями, ибо Духъ Святой есть Духъ крѣпости,—освящаетъ насъ (Рим. 1, 4), и изводитъ въ сердца наши миръ и радость (Рим. 14, 17), превосходящія всякое разуміе. Средства для привлеченія благодати Св. Духа извѣстны: это чтеніе Слова Божія, изглаголаннаго Духомъ Святымъ и вѣчно въ немъ глаголющаго въ наше наставленіе, освѣщеніе и утѣшеніе,—общеніе таинствъ, ибо всѣ они суть проводники многообразной благодати Св. Духа,—и молитва, о которой Христосъ изрекъ ясное обѣтованіе, что Отецъ небесный дастъ Духа Святаго просящимъ у Него (Дук. 11, 13). Вотъ живые, неизсякаемые родники той духовной воды, къ питію которой Христосъ Спаситель приглашаетъ всѣхъ жаждущихъ! Въ Немъ самомъ — полнота благодати (Іоан. 1, 14) по самому человечеству Его, и потому какъ при земной жизни Его она, обильно изливаясь изъ устъ Его, напоила духовно-жаждущихъ и утоляла ихъ жажду, такъ доселѣ она всѣмъ даруется во Христѣ Исусѣ (1 Кор. 1, 4. Еф. 2, 7), по вѣрѣ въ Него, по неложному Его обѣтованію пребывать съ вѣрующими во вся дни до скончанія вѣка. Пусть теперь каждый съ дерзновеніемъ вѣри приступаетъ ко Христу, и изъ помянутыхъ источниковъ благодати утоляетъ свою духовную жажду.

Но сего мало. Вода благодати Св. Духа, даруемая чрезъ Христа вѣрующимъ, не въ нихъ только утоляетъ духовную жажду, но чрезъ нихъ распространяетъ свое спасительное дѣйствіе на другихъ. Наполняя все существо истинно вѣрующихъ, она, словно неудержимая рѣка, проторгаетъ сквозь нихъ и пролагаетъ себѣ путь къ душамъ другихъ людей,—чрезъ однихъ утоляетъ духовную жажду другихъ. „Кто вѣруетъ въ Меня (и впрямъ привлекаетъ благодать), говоритъ Христосъ, у того, какъ сказано въ писаніи (Ис. 12, 3. Іоил. 3, 18), изъ черева (изъ сердца) потекутъ рѣки воды живой“, т.-е. воды благодати. Куда же потекутъ? На души другихъ людей для уголенія духовной жажды. И кто не видитъ исполненія сего обѣтованія въ Духоно-

снихъ апостолахъ, пріявшихъ обильные дары благодати Св. Духа въ день пятидесятницы, и ея животворными струями напоившихъ всю вселенную? Кто не видитъ исполненія того же обѣтованія въ святыхъ исповѣдникахъ и мученикахъ, которые благодатию терпѣнія и радости среди многообразныхъ и лютыхъ мукъ побѣждали мучителей и привлекали ко Христу тысячи язычниковъ, такъ что многіе изъ нихъ, приходившіе на мѣсто мученій рабовъ Христовыхъ, какъ на зрѣлище, тутъ же объявляли себя христианами и изъ ряда зрителей вступали въ ряды мучениковъ? Кто не видитъ исполненія того же обѣтованія въ преподобныхъ мужахъ и женахъ, благодатию равноангельскаго житія возбуждавшихъ во многихъ раскаяніе во грѣхахъ и обращавшихъ на путь истины и правды тѣхъ, которые до тѣхъ поръ погрязали въ безднѣ нечестія и разврата? И не только при жизни своей всѣ подобныя избранники Божіи благотворно, силою данной имъ благодати, дѣйствовали на людей,—они и по смерти не перестаютъ быть проводниками той же благодати чрезъ святыхъ свои мощи, чрезъ письменныя сказанія и устныя преданія объ ихъ жизни и подвигахъ, чрезъ оставшіеся послѣ нихъ памятники ихъ подвижничества,—напримѣръ чрезъ вериги, одежды и т. п. И въ наши не свѣтлые въ духовномъ отношеніи дни не оскудѣваютъ избранники Божіи, живые сосуды благодати, изъ которыхъ она рѣками изливается и наполяетъ жаждущія души. Нынѣ и въ печати и въ обществѣ слышатся много толковъ противъ монашеской жизни. Говорятъ, что наши монастыри въ томъ видѣ, въ какомъ доселѣ существуютъ, несовременны, что живущіе въ нихъ, заботясь только о своемъ спасеніи, не приносятъ пользы обществу, что монастыри надо обратить въ школы и богадельни. Но строгіе судьи монастырей не обращаютъ вниманія на ту несомнѣнную пользу ихъ, что горящій въ нихъ свѣтильникъ благочестія горитъ не подъ спудомъ, но на виду всѣхъ и слѣдственно къ духовному наставленію всѣхъ. Кому неизвѣстно, что нигдѣ больше, какъ

въ монастыряхъ, процвѣтаетъ церковная жизнь, строго соблюдается богослужебный чинъ, и что потому нигдѣ лучше, какъ тамъ, можно отдохнуть душою отъ суеты мірской, позабыть хоть на краткое время невзгоды и мелочи жизни, подъ вліяніемъ господствующей въ монастыряхъ не мірской обстановки? Вотъ почему привлекаютъ множество богомольцевъ даже такіе монастыри, въ которыхъ нѣтъ ни святыхъ мощей, ни чудотворныхъ иконъ, за то царствуетъ духъ благочестія и церковности. Вотъ почему, когда раскольники укоряютъ православную Церковь въ томъ, что въ ней богослуженіе совершается не совсемъ благочино, слышно исполняется чтеніе и пѣніе, допускаются пропуски въ службахъ и т. п.,—защитники Церкви побѣдоносно отражаютъ эти укоризны, ссылаясь на монастыри, гдѣ служба продолжительнѣе, чтеніе и пѣніе неслышное, уставы о поклонахъ соблюдаются строже, чѣмъ гдѣ-либо. Такимъ образомъ, если чинъ богослуженія, составленный святыми людьми, вѣдетъ духомъ благодати, то нельзя не отдать справедливости исполнителямъ этого чина въ монастыряхъ за то, что они тщательностію въ исполненіи его споспѣшествуютъ дѣйствію благодати на молящихся. Кромѣ того многіе монастыри благотворно дѣйствуютъ на народъ строгою жизнью и учительностію обитающихъ въ нихъ старцевъ, которые, будучи богаты духовною опытностію, плодами ея не скупо дѣлятся съ приходящими мірянами, — кому подаютъ благопотребный совѣтъ касательно борьбы съ искушеніями, кого духовно утѣшаютъ и ободряютъ, кого обличаютъ и вразумляютъ. До сихъ поръ въ монастыряхъ обрѣтаются старцы, которые подобно Серафиму Саровскому, Макарію Оптинскому, Паренію Кіевскому и другимъ, имѣютъ миссіонерское значеніе для русскаго народа,—чрезъ нихъ рѣки благодати Божіей обильно напоютъ жаждущія истины, правды и мира сердца. А въ мірѣ развѣ нѣтъ рабовъ Божіихъ? Много зла въ мірѣ,—много невѣрія, нечестія, разврата; но есть и противоядіе злу. Не

дремлетъ врагъ нашего спасенія, разставляющій на каждомъ шагѣ сѣти слабымъ христіанамъ; но бодрствуетъ и Духъ Святой, живущій въ сердцахъ истинныхъ христіанъ, и чрезъ нихъ укрьпляющій немощныхъ, возстающій падающихъ. Сего мало: Духъ Святой въ каждомъ вѣрующемъ имѣетъ готовое орудіе для распространенія своихъ благодатныхъ дѣйствій. Ибо объ однихъ ли только избранныхъ сосудахъ Духа сказалъ Спаситель, что изъ чрева ихъ истекутъ рѣки воды живої? Нѣтъ, Онъ сказалъ это вообще о вѣрующихъ въ Него: *отруая въ Мя, рѣки изъ чрева его истекутъ воды живої*. А Евангелистъ прибавляетъ: *сіе же рече о Дусѣ, еможе хотяху прїимати отрующїи оо имя Ею*. Вѣра же привлекаетъ благодать, которая можетъ являть въ людяхъ свою спасительную силу и чрезъ немощныхъ, но преданныхъ орудія. Посему каждый изъ насъ по мѣрѣ вѣры и привлекаемой ею благодати можетъ и обязанъ содѣйствовать спасенію ближнихъ, каждый долженъ служить духовно-нравственному преуспѣванію ихъ тѣмъ духовнымъ дарованіемъ, какимъ кто хоть въ маломъ размѣрѣ, въ однихъ начаткахъ, обладаетъ, — даромъ ли премудрости и разума, или совѣта и крѣпости, вѣдѣнія и благочестія, и страха Божія (Ис. 11, 1—3). И ревность наша въ служеніи спасенію ближнихъ должна быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше для нихъ искушеній и соблазновъ съ разныхъ сторонъ. Смотрите, съ какимъ рвеніемъ духъ міра, враждебный Духу Божію, увлекаетъ въ погибель ближнихъ нашихъ; смотрите, какъ токи благодати Божіей преграждаются въ своемъ теченіи, встрѣчая на своемъ пути стоячія, гнилыя и смрадные воды, какими поить и отравляетъ людей духъ міра. Такъ не гнилою ли водою поить людей человѣкъ, отъ сердца котораго исходятъ и дѣлаются явными для всѣхъ помышленія злыя и постыдныя, у котораго срамословіе и кощунство обратились въ привычку, пагубную для него и для слушателей? Не гнилою ли и смрадною водою поить читателей писатель, который, разчитывая на дурныя влеченія человѣческаго серд-

ца, подкапывается подъ основанія вѣры, нравственности, общественнаго устройства? Не гнилою ли и смрадною водою поить и отравляетъ людей адвокатъ, искусно предъ судомъ и публикою доказывающій, что преступленіе есть несчастіе и слѣдственно не подлежитъ вмѣненію, бѣлое называющій чернымъ, тму свѣтомъ? Не гнилою ли и смрадною водою поить и отравляетъ публику учредитель бесстыдныхъ зрѣлищъ, распространитель безнравственныхъ картинъ и пѣсень? Не гнилою ли и смрадною водою поить и отравляетъ молодое поколѣніе не благонамѣренный учитель, во имя односторонне понимаемой имъ науки ратующій противъ божественнаго откровенія и вѣры? И какъ много такихъ гнилыхъ и смрадныхъ водъ, заражающихъ духовную атмосферу и губящихъ духовную жизнь въ тѣхъ, которые упиваются ими! Какъ же людямъ вѣрующимъ не противодействовать этой заразѣ, этой пагубѣ, когда каждый изъ нихъ можетъ это дѣлать по мѣрѣ вѣры и соотвѣтственно ей данной ему долѣ благодати? Единичныя усилія каждаго порознь въ этомъ отношеніи могутъ имѣть успѣхъ въ соединеніи съ усиліями другихъ ревнителей правды и добра. Изъ капель составляютъ источники, изъ источниковъ рѣки. Пусть въ наше время нѣтъ или рѣдко встрѣчаются тѣ чрезвычайныя дары Св. Духа, которые во дни апостоловъ открывали въ сердцахъ вѣрующихъ источники, откуда они рѣками разливались по лицу земли, напоая жаждущія спасенія души; но и въ наше время есть истинно вѣрующіе, и въ каждомъ изъ нихъ есть хоть капля благодати. Изъ соединенія этихъ капель могутъ образоваться рѣки, способныя затопить и размыть гнилыя и смрадные болота несчастія.

Заключимъ наше размышленіе молитвою къ Св. Духу. Душе истинны и всякой благодати! Ты во дни апостоловъ изливалъ на вѣрующихъ обильныя струи чрезвычайныхъ дарованій духовныхъ. Мы не просимъ у тебя ни одного изъ этихъ чрезвычайныхъ даровъ, не просимъ ни дара

языковъ, ни дара пророчества, ни дара чудесъ и т. п. Мы просимъ тебя объ одномъ: созижди въ насъ сердце чистое и духъ правый, и даруй намъ, чтобы мы, оживотворяемые твоею благодатию, могли и въ себѣ и въ другихъ струями ея утолять духовную жажду.

ПАМЯТОВАНИЕ О СКОРОТЕЧНОСТИ ЖИЗНИ.

„Скажи мнѣ, Господи, кончину мою и число дней моихъ кое есть, да разумѣю, что лишаюсь азъ“ (Пс. 38, 5).

О чемъ это просить Господа царь и пророкъ Давидъ? О томъ ли, чтобы Господь открылъ ему день и часъ смерти, чтобы сказалъ ему, сколько еще времени остается ему прожить (что *мимолоса азъ*)? Но такое любопытство едва ли можно предполагать въ человѣкѣ Божиѣмъ, который, безъ сомнѣнія, съ благоговѣнiемъ относился къ судьбамъ Божиимъ, скрывшимъ отъ насъ эту тайну для того, чтобы мы постоянно были бдительны къ себѣ, всегда были готовы къ встрѣчѣ смертнаго часа. Или не выражается ли въ разсматриваемыхъ словахъ пророка душевное настроенiе человѣка, которому стало слишкомъ тяжело смотрѣть на торжество неправды и нечестiя на землѣ, на бѣдствiя и страданiя людей благочестивыхъ, на свои собственныя житiейскiя невзгоды, которому по этимъ причинамъ и по другимъ подобнымъ надѣла эта жизнь,— и вотъ онъ, недовольный ею и самимъ Богомъ, не сдержанное чувство своего недовольства выражаетъ какъ бы такъ: „Скажи же мнѣ, Господи, скоро ли пошлешь мнѣ смерть. Не смотрѣли бы мои глаза на свѣтъ. Долго ли еще буду страдать, изнывать подъ бременемъ неудачъ, болѣзней, обидъ, и казниться духомъ, смотря на торжество нечестивыхъ и неповинное страданiе благочестивыхъ. Я не прошу Тебя, Господи, о прекращенiи такихъ возму-

тительныхъ явленiй, прошу объ одномъ: скажи мнѣ, долго ли мнѣ быть зрителемъ ихъ. Знаю я, что смерть скоро закроетъ мнѣ глаза,—это меня хоть сколько-нибудь утѣшило бы“. Короче, пророкъ жадуется на долготу своей жизни и желаетъ поскорѣй умереть, чтобы не возмущаться болѣе зрѣлицемъ зла на землѣ. Такъ ли это? Дѣйствительно ли столь мрачный смыслъ имѣютъ слова пророка? Повидимому такой смыслъ подтверждается предшествующимъ заявленiемъ пророка, что онъ изъ опасенiя согрѣшить языкомъ долго крѣпился, чтобы ничего не говорить въ виду нечестивыхъ (ст. 2): „рѣчь: сохранны пути моя, еже не согрѣшати ми языкомъ моимъ: положихъ устомъ моимъ хранило, внигда востати грѣшному предо мною“,—не говорить даже тогда, когда могъ бы сказать что-нибудь доброе въ оправданiе себя противъ своихъ враговъ (ст. 3): „онѣмѣхъ и смирихся, и умолчахъ отъ благъ“,—но что наконецъ скорбь его подвиглась, распалилось сердце внутри его: „и болѣзнь моя обновися, согрѣся сердце мое во мнѣ“....,—и онъ позволилъ себѣ сказать: *скажи мнѣ Господи кончину мою* и д. По видимому Давидъ говоритъ о двухъ противоположныхъ душевныхъ состоянiяхъ своихъ, испытанныхъ имъ одно вслѣдъ за другимъ: сначала онъ безмолвно и съ смиренною покорностию судьбамъ Божиимъ смотрѣлъ на торжество зла, изъ опасенiя, чтобы не согрѣшить словомъ неправого сужденiя, но потомъ не вытерпѣлъ, и тайная скорбь его разрѣшилась словами жалобы предъ Богомъ на долготу жизни. Такъ дѣйствительно и понимаютъ многiе толкователи слова Давида: *Скажи мнѣ Господи кончину мою*. Но такому пониманiю не соответствуютъ слѣдующiя слова Давида, слова спокойнаго разсужденiя о скоротечности человѣческой жизни: *се яви доложилъ еси дни мои*, т. е. дни жизни моей такъ же коротки, какъ коротка мѣра падени—въ четыре палца,—и *составъ мой яко ничтоже предъ Тобою*. Такой переходъ отъ жалобы на долготу жизни къ рѣчи о краткости ея былъ бы не

естественъ, и потому слова: *Скажи мнѣ Господи кончину мою*, по связи съ послѣдующими, выражаютъ не жалобу на долготу жизни, а что-нибудь иное. Что же именно? Давидъ просить Господа, чтобы Онъ самъ возглаголалъ въ сердцѣ его истину о краткости человѣческой жизни, самъ напомнилъ ему эту спасительную истину и этимъ избавилъ его отъ скорби, возбуждаемой зрѣлищемъ неправды людскихъ. Но въ такомъ случаѣ предшествующимъ словамъ въ связи съ разсматриваемыми словами должно будетъ дать такой смыслъ: сначала Давидъ, угнетаемый скорбями и возмущаемый торжествомъ зла, рѣшился молчать; но въ этомъ онъ не нашелъ себѣ утѣшенія, скорбь его обновилась, и вотъ онъ рѣшился прибѣгнуть въ своей скорби съ молитвою къ Богу, рѣшился просить Бога, да подастъ ему утѣшеніе въ размысленіи о скоротечности жизни. Ибо если жизнь скоротечна, то и огорченія, испытываемыя въ этой жизни, также скоротечны. Подобно сему и мы христіане при постигающихъ насъ лишеніяхъ и скорбяхъ должны искать утѣшенія въ размысленіи о скоротечности жизни. Но христіанитъ не долженъ забывать, что какъ временная жизнь смѣняется вѣчною, такъ и временныя скорби могутъ смѣниться вѣчными страданіями. Это возможно въ томъ случаѣ, если временныя скорби, посылаемыя намъ промысломъ Божиимъ для нашего вразумленія, для испытанія нашей преданности и любви къ Господу, не достигаютъ въ насъ той цѣли, съ какою посылаются,—если переносятся нами съ ропотомъ на Бога и не возбуждаютъ въ насъ раскаянія во грѣхахъ и ревности къ исполненію заповѣдей Господнихъ. И такъ прося Бога, подобно Давиду, сказать, напомнить намъ кончину нашу для утѣшенія насъ въ скорбяхъ, мы вмѣстѣ должны переносить ихъ такъ, какъ онъ ихъ переносилъ. Напримѣръ, по случаю возмущенія Авессалома спасаясь бѣгствомъ изъ Иерусалима, онъ допустилъ Семейю, сроднику Саулову, безнаказанно бросать въ него камнями и проклинать,—не позволилъ одному изъ спут-

никовъ своихъ убить Семейю, исповѣдая, что по грѣхамъ своимъ заслужилъ уничтоженіе отъ людей.

Размысленіе о скоротечности временной жизни, служа для насъ утѣшеніемъ въ скорбяхъ ея, ограждаетъ насъ въ тоже время отъ пристрастія къ ней и ея благамъ, доходящаго иногда до забвенія жизни будущей и уготованнаго въ ней блаженства. Это отчасти имѣлъ въ виду и Давидъ, когда просилъ Господа сказать ему кончину,—ибо въ дальнѣйшихъ словахъ исповѣдалъ, что люди напрасно суетятся, собираютъ, и не знаютъ, кому достанется то (ст. 6. 7). Въ самомъ дѣлѣ стоитъ ли пристращаться къ этой жизни до забвенія жизни будущей, когда настоящая жизнь коротка, а будущая безконечна? Стоитъ ли пристращаться къ временнымъ благамъ, какъ бы ни казались они для насъ драгоценными,—къ богатству, къ славѣ, къ чувственнымъ удовольствіямъ, домашнимъ и общественнымъ, когда всѣ эти блага съ концемъ жизни потеряютъ для насъ все обаяніе и не послѣдуютъ за нами въ жизнь загробную? Стоитъ ли завидовать другимъ, котормъ все въ жизни спорится, когда ихъ счастье продлится не дальше конца ихъ жизни, а слѣдовательно, еслибы и къ намъ перешло, было бы также непрочно?

Память о скоротечности земной жизни, о близости смертнаго часа, удерживала бы насъ отъ невожденія въ чувств. удовольствіяхъ, отъ богозабвенія въ счастья, еще страхомъ будущаго суда, ибо говорила бы каждому изъ насъ: смотри, не пришлось бы тебѣ послѣ кратковременныхъ наслажденій пить вѣчно-горькую чашу страданій въ странѣ загробной, не пришлось бы тебѣ испытать забвеніе отъ Бога за то, что самъ забываешь Его.

Память о скоротечности земной жизни, утѣшая насъ въ скорбяхъ и предостерегая насъ отъ пристрастія къ этой жизни и ея благамъ, могла бы быть спасительна для насъ въ другомъ отношеніи. Она научила бы насъ спѣшить поканіемъ и обращеніемъ къ Богу, ибо земная жизнь такъ коротка, что отлагая поканіе со дня на день,

мы, пожалуй, не успѣли бы совсѣмъ покаяться и часть смертной застала бы насъ неготовыми къ переселенію въ вѣчность. Если земная жизнь въ сравненіи съ вѣчною есть едва примѣтное мгновеніе, а между тѣмъ отъ этого мгновенія зависитъ наша вѣчная судьба, то крайне было бы неблагоуразумно и непростительно не спѣшить пользоваться отпущеннымъ для насъ краткимъ срокомъ жизни для приготоуленія къ вѣчности, гдѣ жнутъ то, что посеяно здѣсь.

Но спасительное для души памятованіе кончины, скоротечности жизни, вѣчности, не отзовется ли вредно на дѣлахъ житейскихъ, которыми однако нельзя пренебрегать, ибо безъ нихъ невозможно вышнее благосостояніе? Не пострадаютъ ли оттого дѣла торговая, промышленныя, общественныя? Подъ вліяніемъ мысли, что ничего изъ земныхъ вещей намъ не нужно по смерти, иной бросить пожалуй заниматься всѣмъ, что нужно для вышняго благосостоянія, впадетъ въ апатію, въ равнодушіе ко всему вышнему. Дѣйствительно, мысль о смерти, постоянно носимая въ душѣ, не благопріятствуетъ веденію и успѣху дѣлъ житейскихъ, но какихъ? Дѣлъ неправедныхъ, не честныхъ. Кто постоянно питаетъ въ душѣ память смертную и проникнуть убѣжденіемъ, что по смерти онъ дастъ отвѣтъ за всякую неправду, тотъ не станетъ искать себѣ такихъ занятій житейскихъ, которыя служатъ только къ удовлетворенію прихотей и страстей человѣческихъ, иногда къ развращенію людскому, не станетъ напримѣръ торговать книгами нечестиваго и соблазнительнаго содержанія, картинами, изображающими безобразныя сцены разврата, не станетъ открывать заведеній, служащихъ приносомъ для разврата, для азардныхъ игръ и т. п.: мысль о смерти, объ отвѣтственности по смерти, глубоко воспринятая въ душѣ, никогда не помирится съ такими нечестивыми способами обогащенія,—она или недопуститъ человѣка до подобныхъ занятій, или заставитъ его бросить ихъ съ раскаяніемъ,—но она легко уживается съ такими житей-

скими предпріятіями, которыя имѣютъ невинный характеръ и относятся къ удовлетворенію истинныхъ нуждъ людскихъ. Помышляющій о загробной жизни, о будущемъ воздаяніи каждому по дѣламъ, будетъ бояться не этихъ занятій, а только несправды и обидѣ ближнему.

Но чѣмъ спасительнѣе память смертная, тѣмъ достойнѣе сожалѣнія, что во многихъ она не производитъ своего собственнаго ей плодотворнаго дѣйствія, хотя по временамъ возбуждается въ нихъ: они живутъ такъ, какъ будто здѣшній свѣтъ есть вѣчное наше жилище, какъ будто нѣтъ другой жизни, и оттого къ ней не готовятся, проводятъ свой вѣкъ въ суетахъ, въ однихъ мірскихъ дѣлахъ, удовольствіяхъ, въ грѣховной разсѣянности и потому въ несчастія унывають, въ счастья забываются. Ничто изъ насъ не можетъ сказать, что съ нимъ не можетъ случиться подобная опасность: она близка и къ благочестивымъ людямъ и можетъ быть отвращена только особенною силою благодати Божіей. Потому по примѣру псаломпѣвца, который молилъ Господа, чтобы сказалъ, напомнилъ ему кончину его, всѣ мы должны молить Господа, чтобы Онъ, видя, какъ мы забываемъ о скоротечности нашей жизни, или вспоминаемъ ее безплодно для души, Самъ напомнилъ намъ кончину нашу, самъ возглаголялъ въ сердцахъ нашихъ эту истину, Самъ своею просвѣщающею и вразумляющею благодатію насадилъ ее въ душахъ нашихъ и содѣлалъ ее плодотворною для насъ, такъ чтобы мы, послушные гласу сей благодати, научились жить на земляхъ для неба, скоротечную жизнь обращать въ стезю къ вѣчно-блаженному животу. И нѣтъ сомнѣнія, что Господу угодны такія молитвы къ Нему. Да и не только молящимся, но и всѣмъ Онъ напоминаетъ о скоротечности жизни, особенно посредствомъ болѣзней. Болѣзни—самые краснорѣчивыя проповѣдники этой истины. Самый безпечный грѣшникъ, привозженный къ одру болѣзни и болѣзнію лишенный возможности кружиться въ вихрѣ житейской суеты, поневолѣ долженъ задуматься о своемъ по-

ложеніи и сказать себѣ: не пришла ли пора разстаться съ этою жизнію? Не пора ли, слѣдовательно, въ виду смерти, про которую я доселѣ забывалъ, приготовиться къ ней покаяніемъ, молитвою, дѣлами любви къ Богу и ближнимъ? Вотъ почему многіе изъ благочестивыхъ людей, помня о скоротечности жизни, желаютъ и молятъ Господа, чтобы избавилъ ихъ отъ смерти внезапной и далъ имъ поболѣть предъ смертію, и даже подольше поболѣть, чтобы успѣть покаяться какъ слѣдуетъ, чтобы подъ вѣстомъ болѣзни научиться терпѣнію, упованію на Бога, преданности Его святой волѣ и чрезъ сіе уготовать себѣ путь къ вѣчному соединенію съ Нимъ.

Скажи намъ Господи кончину нашу, и сотвори вѣчную память тѣмъ, которые готовятся къ смерти непрерывною памятію о ней.

О ПЛОТУГОДІИ.

„Плоти угодіи не творите въ похоти.“
(Рим. 13, 14.)

Попечение о плоти, или о тѣлѣ, объ удовлетвореніи его потребностей, составляетъ естественную обязанность: „никтоже когда плоть свою возненавидѣ, но питаетъ и грѣеть ю“ (Еф. 5, 29). Къ попеченію о тѣлѣ побуждаетъ не только естественное чувство самосохраненія, свойственное человѣку одинаково съ животными, но и высокое понятіе о достоинствѣ человѣческаго тѣла, ибо оно есть жилище бессмертной души, орудіе ея дѣятельности, безъ котораго она не можетъ обойтись въ земной жизни. Душа такъ тѣсно соединена съ тѣломъ, что расстройство его — поврежденіе чувственныхъ органовъ, голодъ, бессонница и проч., — сопровождается вредомъ для самой души, стѣсняетъ ея дѣятельность. Посему языческая мудрость спра-

ведливо выражалось: „Здравый умъ обитаетъ въ здоровомъ тѣлѣ“. Еще больше побужденій къ попеченію о тѣлѣ представляетъ христіанское ученіе. По сему ученію, тѣло христіанина, освящаемое благодатію таинства, есть членъ Христовъ (1 Кор. 6, 15), есть храмъ св. Духа (—19); оно предназначено къ тому, чтобы вмѣстѣ съ душою участвовать въ прославленіи Бога, въ служеніи Ему (—20); оно чрезъ таинство брака становится орудіемъ размноженія членовъ Церкви (Еф. 5, 32); оно воскреснетъ къбогда, преобразится въ тѣло славы, по подобію прославленнаго тѣла Христова, и вмѣстѣ съ душою будетъ раздѣлять вѣчное блаженство. Оно безмѣрно возвеличено тѣмъ, что самъ единосущный Сынъ Божій облекся въ наше тѣло, своимъ воплощеніемъ искупилъ насъ, и по совершеніи искупленія не сбросилъ съ себя принятое тѣло, но вознесся съ нимъ на небо и сидитъ въ семь тѣлъ одесную Бога Отца.—Соотвѣтственно столь высокому достоинству нашего тѣла, попечение о немъ составляетъ священную нашу обязанность. Мы обязаны заботиться о тѣлесномъ здоровьи, не изнурять себя безмѣрными, непосильными трудами, не подвергать безъ нужды жизнь свою опасности, въ случаѣ болѣзни обращаться къ помощи врачей съ молитвою къ Богу объ успѣхѣхъ врачеванія. Мы должны заботиться объ укрѣпленіи тѣлесныхъ силъ пищею и питіемъ, сномъ, о защищеніи и даже объ украшеніи тѣла одеждою. Вложенную въ тѣло потребность распространенія рода, если не можемъ вмѣстятъ безбрачную жизнь, мы должны удовлетворять въ благословенномъ супружествѣ. Все это справедливо, закононо. Нельзя не пешися о тѣлѣ, объ удовлетвореніи его естественныхъ потребностей. Но въ этомъ дѣлѣ возможна крайность, отъ которой предостерегаетъ Апостоль: „плоти угодіи не творите въ похоти“, по русски: „попеченія о плоти не превращайте въ похоти.“—Что такое похоть? Похоть тоже, что прихоть, иначе—, какъ бы хотѣние послѣ хотѣнія, желаніе, простертое далѣе предѣловъ естественнаго желанія, страстное, неуправленное

закономъ, порядкомъ и умѣренностію“ (Слова м. Фил. ч. I, отд. IV, стр. 288). Что значитъ превращать пощеченіе о плоти въ похоти? Значитъ подъ предлогомъ пощеченія о тѣлѣ стремиться къ удовлетворенію неразумныхъ, неоправдаваемыхъ естественными потребностями, прихотей, съ забвеніемъ потребностей духовныхъ и требованій христіанскаго долга. Грѣха въ этомъ не видятъ развѣ тотъ, кто не знаетъ, или не хочетъ знать, что похоть свойственна ветхому человѣку, а христіанинъ призванъ отложить образъ жизни ветхаго человѣка, истлѣвающаго въ обольстительныхъ похотяхъ (Еф. 4, 22), призванъ не только бороться съ ними, умерщвлять ихъ (Кол. 3, 5), но даже отказывать себѣ иногда въ удовлетвореніи законныхъ тѣлесныхъ потребностей, напримѣръ воздерживаться совсѣмъ отъ пищи въ нѣкоторые дни поста, отъ сна для всенощныхъ бдѣній и т. п.

Весьма предосудительно христіанину пощеченіе о тѣлѣ, объ удовлетвореніи его потребностей, простираться до прихоти, превращать въ похоти. Какъ часто однако этотъ грѣхъ встрѣчается между христіанами!—Такъ во многихъ забота о тѣлесномъ здоровьи имѣетъ явные признаки прихоти. Въ однихъ эта забота доходитъ до болѣзненной мнительности. Они ни о чемъ столько не думаютъ, какъ о состояніи своего здоровья, ничего столько не читаютъ, какъ врачебныя книги, и признаки описываемыхъ въ нихъ болѣзней отыскиваютъ въ себѣ. Общеніе съ людьми, бесѣда съ ними, могли бы, по видимому, ослабить ихъ мнительность, отвлечь ихъ, хоть на короткое время, отъ мыслей о своей болѣзни. Къ сожалѣнію, и съ другими они любятъ разсуждать только о своихъ мнимыхъ или дѣйствительныхъ болѣзняхъ,—и тѣмъ надобѣдаютъ себе едѣникамъ. Забота о своемъ здоровьи, въ соединеніи съ страстною привязанностію къ временной жизни, такъ овладѣваетъ этими мнительными людьми, что они уклоняются отъ всякихъ трудовъ, почитая ихъ вредными для здоровья, боятся думать о вѣчности, удаляютъ отъ себя

духовныя утѣшенія, какія могли бы найти въ упованіи на Бога, въ преданности Его святой волѣ.—Въ другихъ неумѣренное пристрастіе къ временной жизни и къ тѣлесному здоровью обнаруживается преимущественно въ болѣзни. Время болѣзни для истиннаго христіанина есть время покаянія, спасительнаго размышленія о смерти и христіанскаго приготовленія къ ней, хотя при семь оныхъ не чуждается заботы о восстановленіи здоровья. Но люди, которые по страстной привязанности къ земной жизни смотрятъ на здоровье, какъ на главное благо, во время болѣзни помышляютъ и заботятся только о прекращеніи ея, гонятъ отъ себя мысль о смертной опасности, не только сами не думаютъ о покаяніи, но еще обижаются, если другіе, по христіанскому участію къ нимъ, напоминаютъ имъ объ очищеніи совѣсти молитвою и покаяніемъ, и часто только въ предсмертныя минуты, когда болѣзнь усилится до крайности и начнетъ помрачать ихъ сознаніе, позволяютъ напугать себя таинствами Церкви, иногда же умираютъ совсѣмъ безъ покаянія. Вотъ до какаго пагубнаго ослѣпленія доводитъ человѣка пощеченіе о здоровьи, управляемое не разумомъ, не христіанскою совѣстію, а единственно *похотью*, страстною привязанностію къ земной жизни!—Все болѣе распространяющаяся среди насъ привычка къ заграничнымъ поѣздкамъ и къ продолжительному житію внѣ отечества, оправдываютъ между прочимъ, и даже преимущественно, заботами о здоровьи, ибо, говорятъ, за границей и климатъ лучше, и средства для поддержанія или для поправленія здоровья обильнѣе и подручнѣе. По отношенію къ слабымъ здоровьемъ и больнымъ это оправданіе еще имѣетъ какой нибудь смыслъ, хотя люди съ состояніемъ могли бы и въ предѣлахъ Россіи найти искомыя за границей удобства для здоровья. Къ сожалѣнію, привычка къ заграничнымъ путешествіямъ господствуетъ большею частью между людьми вполне здоровыми и укореняется въ нихъ только ислѣдствіе прихоти, тѣмъ менѣе извинительной, что удов-

дствореніе ея соединяется съ разорительными, вредными для домашняго и государственнаго хозяйства расходами, съ уклоненіемъ отъ должностныхъ занятій; при удержаніи впрочемъ жалованья за нихъ, съ пренебреженіемъ ко всему отечественному, съ опасностію для вѣры. Эта невзгоды заграничныхъ путешествій такъ велики, что ими въ значительной степени перевѣшиваются разныя выгоды и удобства на какія разчитываютъ любители заграничной жизни. — Подобное должно сказать о привычкѣ къ загороднымъ переселеніямъ на лѣто. Привычка эта распространяется не только между достаточными, но и недостаточными городскими семействами и угрожаетъ превратить наши города въ пустыни въ лѣтнее время. Что привычка къ загородной жизни составляетъ болѣею частью прихоть, а не вызывается истинной потребностію, это видно изъ того, что многія мѣстности, занимаемая загородными домиками для лѣтнаго въ нихъ обитанія, по причинѣ скученности ихъ и также пыли отъ частой ѣзды мимо ихъ экипажей, не отличаются отъ городовъ, и что, какъ намъ хорошо извѣстно, многіе на дачныхъ, часто тѣсныхъ, сырыхъ, непрочныхъ помѣщенія, мѣняютъ свои городскіе дома, расположенные въ здоровой мѣстности, окруженные тѣнистыми и обширными садами. А какъ неудобна загородная жизнь для людей должностныхъ и торговыхъ, которые каждый день вмѣсто того, чтобы послѣ дневныхъ утомительныхъ трудовъ отдохнуть, должны предпринимать дальнія безпокойныя поѣздки за городъ! Случается, что для избѣжанія этихъ неудобствъ глава семейства, отпуская его на дачу, самъ остается жить въ городѣ и лишаетъ себя удовольствій семейной жизни.

Скажемъ о пагубномъ участіи возбуждаемой апостоломъ *похоти*, или прихоти въ удовлетворенія другихъ тѣленныхъ потребностей—питанія, одѣянія, сна, родотворенія.

Для удовлетворенія потребности питанія, христіанамъ должно принимать пищи столько, сколько нужно для

поддержанія существованія, для того, чтобы только съ голоду не умереть и въ силахъ не ослабѣть. Въ этомъ смыслѣ должно понимать прошеніе о хлѣбѣ *насушииже*. Здѣсь разумѣется пища, нужная именно для *существованія* только, для поддержанія жизни и тѣлесныхъ силъ. Въ этомъ заключается главная цѣль принатія пищи и питія. Для сей цѣли даны вкусъ пищи и пріятность питію. Поэтому, скажемъ словами богомудраго учителя, „каждый кусокъ пищи, сверхъ утоленія голода снѣдаемый для вкуса, есть доля объяденія; каждый глотокъ питія, послѣ угашенія жажды и послѣ ободренія силъ употребляемый для пріятности, принадлежитъ къ чашѣ пьянства“ (Слова Ф. м. моск. т. 1 отд. VIII, стр. 242). Къ сожалѣнію, ни одна изъ тѣлесныхъ потребностей не злоупотребляется, для служенія прихоти, столько, сколько потребность питанія. Не довольствуясь утоленіемъ голода и жажды, человекъ, рабоблѣвствующій прихоти, ищетъ въ пищѣ и питіи удовольворенія собственно чувству вкуса, которое требуетъ пищи послѣ насыщенія, питія послѣ угашенія жажды. Отсюда происходитъ неистощимая изобрѣтательность въ приготовленіи разнообразныхъ снѣдъ и напитковъ; отсюда объяденіе и привычка къ пьянству, столь пагубная для хозяйства, для мира и благосостоянія семейнаго, для здоровья, для цѣломудрія; отсюда безстрашное нарушеніе церковныхъ постовъ. Нарушеніе постовъ допускается обыкновенно подъ предлогомъ заботы о здоровьи, и нарушаютъ посты не только больные, для которыхъ еще можетъ быть разрѣшена въ посты не постная пища въ видѣ лекарства, но и здоровые, утверждающіе со словъ врачей, что постная пища непятельна и для здоровья вредна, тогда какъ, даже по научнымъ изслѣдованіямъ, многіе виды постной пищи (напр. горохъ) содержатъ больше питательныхъ частей, чѣмъ скоромныя снѣдья. Мудрованіе плотское дерзаетъ иногда кощунственно защищать нарушеніе постовъ словами сваящ. писанія, —напримѣръ: *всяко созданіе Божіе добро и ничтоже отменно, со благодареніемъ*

примлемо (1 Тим. 4, 4). Но эти слова апостола направлены отнюдь не противъ церковныхъ постовъ, а противъ гнушенія нѣкоторыми свѣдѣями, которое, по предсказанію апостола, имѣли проповѣдывать нѣкоторые лжеучители на томъ основаніи, что будто эти свѣди сотворены не всеблагимъ Богомъ, а злою силою. Подобное говорить о нѣкоторыхъ произрастеніяхъ (о картофелѣ, табакѣ) раскольники безпоповскаго согласія. Св. Церковь воспретила скоромную пищу въ посты отнюдь не по гнушенію, иначе она возбранила бы употреблять ее во всякое время, а по материнской заботливости о нашемъ спасеніи, по желанію научить насъ смиренію предъ Богомъ и раскаянію во грѣхахъ. Что дѣлаютъ родители или учителя, когда хотятъ наказать и вразумить провинившихся дѣтей или учениковъ? Сажаютъ ихъ на хлѣбъ и на воду, или совсемъ лишаютъ ихъ на время пищи. Подобно сему поступаетъ и мать Церковь съ провинившимися передъ Богомъ и нею чадами своими. Она налагаетъ на нихъ постъ въ видѣ спитиміи, которая должна напоминать имъ о ихъ грѣхахъ и возбуждать въ нихъ чувство смиренія и покаянія.

И въ употребленіи одежды, не меньше какъ и въ употребленіи пищи, человѣкъ унижается до раболѣпнаго служенія похоти. До какой степени можетъ доходить это униженіе, свидѣтельствуетъ всюду проникая страсть одѣваться по модѣ. Нѣтъ ничего безмысленнѣе модныхъ нарядовъ, потому что не всякому присталъ модный нарядъ, хотя для всякаго считается почему-то обязательнымъ принятій похор его. Нѣтъ ничего унизительнѣе для человѣческаго достоинства, какъ подчиняться модѣ въ одеждѣ, потому что самый великолѣпный, сдѣланный по послѣдней модѣ, нарядъ едва ли не больше обращаетъ на себя вниманіе всѣхъ, чѣмъ наряженное лицо, которое въ такомъ случаѣ, особенно если не одарено природною красотою, получаетъ жалкое значеніе вѣшалки. Нѣтъ ничего разорительнѣе моды въ одеждахъ, потому что мода непрестанно измѣ-

няетъ ихъ форму. И въ нравственномъ отношеніи обычно одѣваться по модѣ предосудителенъ, ибо въ жертву ему приносится нерѣдко цѣломудріе и скромность. И не смотря на все это онъ всюду господствуетъ. Главное назначеніе одежды защищать тѣло отъ вреднаго вліянія стихій, забыто. Прихоть человѣческая сдѣлала изъ неакумиръ, которому бесмысленно служить.

Сонъ составляетъ существенную тѣлесную потребность. Отсутствие сна, бессоница, есть болѣзнь. Но прихоть злоупотребляетъ и этою потребностью. Многие любятъ спать слишкомъ много и просыпаютъ время, нужное для участія въ богослуженіи и для неотложныхъ занятій по дому, по должности. Говорятъ въ оправданіе сонливости: чѣмъ больше спишь, тѣмъ меньше грѣшишь. Но человѣку виѣняются въ вину не только грѣхи дѣломъ, когда человѣкъ дѣлаетъ то, что запрещено закономъ Божиимъ, но и грѣхи опущеніемъ, когда человѣкъ не дѣлаетъ того, что долженъ дѣлать. На семь основаній упоминаемые въ притчѣ о Самарянинѣ, священникъ и левитъ, которые прошли мимо ограбленнаго и израненнаго разбойниками, не подавъ ему помощи,—поступили также безчеловѣчно, какъ ограбившіе и изранившіе его разбойники. На томъ же основаніи должно судить о сонливости: чѣмъ важнѣе обязанности, опущеніе которыхъ бываетъ послѣдствіемъ ея, тѣмъ больше въ ней грѣха, тѣмъ большей, значить, она подвергается отвѣтственности. —Нельзя также не называть предосудительною прихотью сонъ безвременный. Случается, что люди ради спѣшнаго дѣла, напримѣръ ученые, солдаты на походѣ и т. п., бодрствуютъ ночью и отдыхаютъ днемъ. Случается, что люди благочестивые проводятъ ночи въ поученіи въ законѣ Господнемъ и въ молитвѣ, и забываются сномъ днемъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ сонъ не во время оправдывается нуждою и важными побужденіями. Но что сказать о людяхъ, которые не спятъ по ночамъ по причинамъ, въ нравственномъ отношеніи предосудительнымъ, которые проводятъ бессонныя ночи въ

картежныхъ играхъ, въ пляскахъ, въ попойкахъ, и предаются сну днемъ, часто со вредомъ для занятій хозяйственныхъ, общественныхъ, церковно-молитвенныхъ? Такое ничѣмъ не оправдываемое превращеніе ночи въ день и дня въ ночь, есть извращеніе порядка, назначеннаго Творцемъ для употребленія времени. По устройенію Творца, „во время ночи бродятъ всѣ лѣсные звѣри, львы рыскаютъ ища добычи и требуютъ отъ Бога пищи себѣ. Возсияваетъ солнце, и они скрываются и ложатся въ свои логовища, и тогда выходитъ человекъ на дѣло свое и на работу свою до вечера“ (Псал. 103, 20—24). И такъ человекъ, бодрствующій ночью безъ нужды и съ предосудительными цѣлями, не походить ли на звѣря неспящаго ночью? И особенно не походятъ ли на дикихъ звѣрей, ищущихъ себѣ добычи ночью, люди, которые бодрствуютъ ночью для того только, чтобъ сдѣлать добычею своего корыстолюбія и сластолюбія подобныя себѣ?

Всѣ живыя существа обладаютъ инстинктомъ продолженія рода. Всѣ неразумныя животныя слѣдуютъ влеченію этого инстинкта правильно, одинъ человекъ злоупотребляетъ имъ, обращая его въ источникъ отвратительныхъ пороковъ и болѣзней. Въ наше время снисходительнаго, господствующаго въ обществѣ, въ печати, въ судилищахъ, сужденія о преступленіяхъ, нерѣдко приходится слышать оправданіе грѣху любострастія. Говорятъ: плотскія половыя влеченія составляютъ такую же естественную потребность, какъ потребность ѣды и питья. Если нѣтъ грѣха въ удовлетвореніи послѣдней потребности, какой можетъ быть грѣхъ въ удовлетвореніи первой?—На сіе вотъ что можно сказать: не всегда можетъ быть названо безгрѣшнымъ удовлетвореніе потребности питанія. Не грѣшно ѣсть и пить то, что даютъ Богъ и добрые люди, но грѣшно ѣсть и пить краденое или отнятое у другихъ насильно. Подобно сему не грѣшно удовлетворять свойственныя полу плотскія влеченія законнымъ образомъ, въ благословенномъ супружескомъ союзѣ; по сему

и заповѣдано апостоломъ „каждому для избѣжанія блуда имѣть свою жену, и каждой—своего мужа“ (1 Кор. 7, 2). Но крайне грѣшно жить въ плотской нечистотѣ, внѣ благословеннаго супружескаго союза, и для сего воровски, а иногда съ разбойническимъ насиліемъ, вторгаться въ чужія семейства, и здѣсь безстыдно посягать на супружескую вѣрность женъ и цѣломудріе дѣвъ. Это и по гражданскимъ законамъ составляетъ уголовное преступленіе, которое потому только остается безнаказаннымъ, что не возбуждаетъ законныхъ жалобъ передъ судомъ.

Заключимъ наше размышленіе повтореніемъ словъ апостола: *плоти угодія не творите въ похоти*. Не грѣшно имѣть попеченіе о тѣлесной нашей природѣ, объ удовлетвореніи ея потребностей, но грѣшно это попеченіе превращать въ похоти, простирая его до рабодѣльнаго служенія прихотямъ. Да избавитъ насъ Господь отъ сего грѣха.

СЛОВО НА ПРЕОБРАЖЕНІЕ ГОСПОДНЕ.

„И видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца“ (Іоан. 1, 14).

Св. Іоаннъ Богословъ, сказавшій се о Христѣ Спасителѣ, какъ ближайшій ученикъ Его, былъ во все время Его общественнаго служенія свидѣтелемъ божественной славы Его, насколько она проявлялась въ Его дѣлахъ и словахъ, ибо всѣ они свидѣтельствовали о Его божественномъ достоинствѣ. Но не это главнымъ образомъ имѣеть въ виду Евангелистъ, когда говоритъ о Христѣ: „видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца“. Онъ имѣеть въ виду преимущественно то чрезвычайное проявленіе славы божества Христова, котораго свидѣтелемъ онъ удостоился быть на Ѡаворѣ, когда слава боже-

ства Христова обнаружилась вѣншимъ образомъ, когда свѣтъ ея, дотогѣ скрывавшійся подъ покровомъ плоти, проторгся наружу и озарилъ необычайнымъ блескомъ Его лице и одежду, и когда слава сія торжественно засвидѣтельствована была гласомъ Бога Отца: „Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, о Немъже благоволихъ, Того послушайте“ (Мат. 17, 5). Свидѣтелями чрезвычайнаго явленія славы Христовой вмѣстѣ съ Иоанномъ были апостолы Петръ и Іаковъ Зеведеевъ. При томъ же явленіи присутствовали два ветхозавѣтныхъ мужа, Боговидецъ Моисей и пророкъ Ілія. Оба они предстояли Христу — въ славу, было ли это отраженіемъ на ихъ славы Богочеловѣка, или слѣдами того прославленнаго состоянія, каковымъ они наслаждались въ загробномъ мірѣ. Одинъ изъ зрителей славы Преображенія, апостолъ Петръ, такъ восхищенъ былъ симъ зрѣлищемъ, что выразилъ желаніе навсегда остаться на мѣстѣ Преображенія въ общеніи съ прославленнымъ Христомъ и предстоявшими Ему прославленными ветхозавѣтными мужами, и даже удержать ихъ на этомъ мѣстѣ. *Добро есть намъ, г.-е. троимъ ученикамъ Твоимъ, — здѣ быти, сотворимъ здѣ три стны, Тебѣ едину, и Моисееви едину и едину Ілію,* — сказалъ онъ, но сказалъ, по замѣчанію Евангелиста, „не вѣдый, еже глаголаше“ (Лук. 9, 33). Объятый восторгомъ, онъ не далъ себѣ отчета въ томъ, что сказалъ. Онъ не разсудилъ, что Христосъ не для того пришелъ на землю, чтобы покориться на ней во славу подъ кущами, а чтобы пострадать и путемъ страданій и смерти уже войти въ славу Свою, и притомъ не на землѣ, не на Фаворѣ, а на небесахъ; не разсудилъ также, что на долгое время наслаждаться блаженствомъ лицезрѣнія Господа въ божественной Его славу, подобнымъ тому, какое онъ испытывалъ въ эту минуту, нельзя земнороднымъ, пока они живутъ на землѣ, въ этомъ бренномъ тѣлѣ; что условія земной жизни не примѣнны къ продолжительному наслажденію такимъ блаженствомъ; что время для этого должно наступить для достойныхъ въ

странѣ вѣчности, по сложеніи грубой тѣлесной оболочки, а особенно по второмъ пришествіи Христовомъ, когда съ наступленіемъ царства славы, Господь „уничженное наше тѣло преобразитъ такъ, что оно будетъ сообразно славному тѣлу Его (Филип. 3, 2), и когда праведники вовсіають, какъ солнце, въ царствѣ Отца небеснаго“ (Мат. 13, 43). Блаженство лицезрѣнія Господа, испытанное апостоломъ Петромъ на Фаворѣ, было только образомъ блаженства, уготованнаго намъ въ царствѣ славы.

Кому изъ насъ не сродно желаніе вѣчнаго блаженства? Кому не желательно достигнуть того неизреченнаго уладительнаго состоянія въ небесныхъ обителяхъ, подобное которому на Фаворѣ ощущали три апостола, и въ которомъ конечно въ то же время находились Моисей и Ілія, хотя для того и другаго оно уже было не ново? Кому слѣдственно не желательно знать путь, ведущій къ сему? Какой же это путь? Тотъ же, каковымъ шли участники Фаворскаго блаженства. Если хочешь раздѣлять съ ними то блаженство, какое они ощущали на Фаворѣ и каковымъ теперь наслаждаются на небесахъ, то потщись въ этой жизни усвоить и раскрыть въ себѣ, въ доступной тебѣ мѣрѣ, нравственныя достоинства ихъ. Укажемъ на нѣкоторые изъ сихъ достоинствъ, доступныя подражанію каждаго.

1. Начнемъ съ Моисея. Болѣе всѣхъ доступное для нашего подражанія достоинство въ лицѣ Моисея состоитъ въ томъ, что онъ, „пришедши въ возрастъ, отказался называться сыномъ дочери фараоновой и лучше захотѣлъ страдать съ народомъ Божиимъ, нежели имѣть временное грѣховное наслажденіе, и бѣжалъ изъ Египта“ (Евр. 11, 24. 25. 27). Подобно Моисею и мы должны избѣгать общества людей, преданныхъ нечестію, міролюбію и плотугодію, и искать близкаго общенія съ людьми благочестивыми. Общество послѣднихъ можетъ быть, съ непривычки, особенно на первыхъ порахъ, покажется намъ скучнымъ, за то оно не только безвредно, но еще спасительно по добруму влиянію ихъ бесѣдъ и жизни. Обще-

ство послѣднихъ веселѣе, но не безопасно въ нравственномъ отношеніи, и только самонадѣянные могутъ почитать себя застрахованными отъ вреднаго вліанія ихъ рѣчей и поведенія. Нѣтъ,—говоритъ апостоль, „не обманывайтесь (*т.-е. не предавайтесь самообольщенію*),—худыя сообщества развращаютъ добрыя нравы“ (1 Кор. 15, 33). Не слѣдуетъ христіанину и начинать знакомство съ людьми завѣдомо нечестивыми, въ надеждѣ пріятнаго развлеченія въ ихъ обществѣ,—чтобы незамѣтно не увлечься ихъ мнѣніями и обычаями. Если же кто завлеченъ въ ихъ сѣти, нашель вкусъ въ удовольствіяхъ, имъ свойственныхъ, даже пристрастился къ нимъ, то, покуда еще не совсѣмъ заглохла въ немъ христіанская совѣсть, пусть послѣднѣе вырваться изъ общества этихъ людей съ такою же рѣшительностію и силою, какая потребна для того, чтобы подвергнуться операциі отсѣченія зараженнаго члена. Тяжела эта операциа, но она спасаетъ отъ зараженія все тѣло. Тяжело для иного разстаться съ обществомъ людей, вредныхъ для него въ нравственномъ отношеніи, и сдѣлавшихся однако для него дорогими и необходимыми, но хотя бы это было такъ же тяжело и мучительно, какъ дать правую руку на отсѣченіе, правый глазъ на изобденіе, нужно покориться этой необходимости. Недостатокъ самоотверженія въ этомъ случаѣ можетъ стоить утраты царства небеснаго, вести къ вѣчной гибели, по слову Христа Спасителя (Мат. 5, 29, 30).

2. Другой свидѣтель Фаворскаго явленія, пророкъ Іліа, прославился пламенною ревностію о славѣ Божіей. Какъ ревнитель, онъ безпощадно обличалъ нечестивыхъ своихъ современниковъ, не стѣняясь высокимъ положеніемъ обличаемыхъ. Подобную ревность о славѣ Божіей и каждый изъ насъ долженъ показывать. Апостоль не къ однимъ пастырямъ, но ко всемъ христіанамъ обращается съ наставленіемъ: „не участвуйте въ бесплодныхъ дѣлахъ тьмы, но и обличайте“ (Еф. 5, 11), съ цѣлію, разумѣется, вразумленія обличаемыхъ. Никто изъ насъ не долженъ ми-

рится съ зломъ окружающей среды, но всячески противо-дѣйствовать злу свойственнымъ каждому образомъ. Никто не долженъ уклоняться отъ борьбы съ зломъ подъ предлогомъ, что ничего тутъ не подѣлаешь, что бесполезно ратовать противъ духа времени, что нельзя плыть противъ сильнаго теченія. Что такое духъ вѣка, духъ времени? Вѣдь это не есть какая-нибудь внѣшняя неодолимая сила, независимая отъ людей, въ родѣ напримеръ землетрясенія, моровой язвы. Духъ вѣка создается людьми, слѣдственно люди же могутъ разрушить свое созданіе. Въ этомъ случаѣ, какъ показываютъ примѣры, многое можетъ сдѣлать одинъ человекъ, если только одушевленъ ревностію о славѣ Божіей. Но чего не могли бы сдѣлать соединенныя усилія многихъ благочестивыхъ ревнителей славы Божіей и спасенія ближнихъ! И какъ много средствъ для достиженія успѣха въ этомъ святомъ дѣлѣ! Такъ одинъ можетъ противо-дѣйствовать злу силою слова обличенія и вразумленія въ частныхъ сношеніяхъ съ людьми и въ общественныхъ собраніяхъ. Другой, не владѣющій даромъ слова, можетъ обличать и вразумлять ближнихъ силою личнаго убѣжденія, которое само по себѣ можетъ имѣть вѣсъ въ ихъ глазахъ, хотя бы выражаемо было не многословно, даже однимъ словомъ, иногда безмолвіемъ, или многозначительнымъ молчаніемъ. Человекъ, проникнутый убѣжденіемъ въ святости нравственнаго долга, можетъ смутить и остановить дерзкаго кощунна,—иногда однимъ словомъ: „стыдно тебѣ“,—или: „это не хорошо, это не по-христіански“.—Стъ немалую пользу для вразумленія увлекающихся злымъ духомъ времени или собственными страстями можетъ быть исполняема заповѣдь апостола, „удаляться отъ всякаго брата, поступающаго безчинно“ (2 Сол. 3, 6), или: „не сообщаться съ тѣмъ, кто называясь братомъ (*т.-е. христіаниномъ*), остается блудникомъ, или лихоимцемъ, или идолослужителемъ, или злорѣчивымъ, или пьяницею, или хищникомъ, съ таковыми даже не ѣсть вмѣстѣ“ (1 Кор. 5, 11). От-

чужденіе отъ таковыхъ, съ цѣлю обличенія и вразумленія ихъ, есть одно изъ сильныхъ средствъ дать имъ почувствовать, какъ нехорошо ведутъ себя. Одинъ кто-либо изъ добрыхъ и благочестивыхъ людей уклонится отъ сближенія съ ними, несмотря на ихъ заискиванія,—другой, третій: это поневогѣ заставитъ ихъ задуматься, и, если совѣсть еще не совсѣмъ заглушена въ нихъ, придетъ къ самоосужденію. Какъ хотите, люди порочные, въ душѣ дорожатъ мнѣніемъ о себѣ и расположеніемъ людей добрыхъ, хотя не признаются въ томъ вслухъ,—и имъ больно и тяжело видѣть отчужденіе ихъ отъ себя.

Что касается въ частности до словесныхъ обличеній и вразумленій, то надо вести ихъ на основаніи не житейскихъ соображеній, а христіанскихъ разсужденій. Житейскія соображенія не могутъ внушать искренняго отвращенія къ пороку и любви къ добродѣтели. Если напримѣръ, воиставая противъ возникающей въ комъ-либо или уже утвердившейся склонности ко лжи, вы будете говорить ему, что лгать не безопасно, потому что могутъ уличить, или вотъ уже уличили во лжи, а уличенному во лжи никто не будетъ вѣрять, если и правду будетъ говорить,—вы такими аргументами только внушите ему мысль, что лгать надо умѣючи, осторожно,—ври, да мѣру знай,—ври, да не проврись.—Если вы будете предостерегать кого отъ воровства, или отучать отъ воровства, словами, что трудно безнаказанно воровать,—бѣда, если вора поймутъ съ полчинымъ, подъ судъ отдадутъ,—или: вотъ уже ты попался,—теперь на самого себя пеняй,—впередъ тебѣ наука, и т. п.: вы этимъ только посоветуете вору, воровать такъ, чтобы никто не поймалъ, посоветуете ему концы прятать. Нѣтъ, при вразумленіи и обличеніи кого-либо должно обращать вниманіе его не на вредныя житейскія послѣдствія безчестныхъ поступковъ, которыя смѣтливими преступниками могутъ быть еще предотвращены, а на то, что такіе поступки Бога прогнѣвываютъ, съ закономъ Божиимъ не согласны, что Всевѣдущій ви-

дять ихъ, хотя бы они совершались въ глубочайшей тайнѣ отъ людей, что Правосудный рано или поздно накажетъ за нихъ, хотя бы они ускользнули отъ человѣческаго правосудія.

3. Между апостолами, свидѣтелями Фаворскаго явленія, Петръ есть по преимуществу апостоль вѣры. На вопросъ Христа, обращенный къ апостоламъ: „вы за кого Меня почитаете?“ Петръ одинъ за всѣхъ отвѣтилъ: „Ты Христосъ Сынъ Бога живаго“ (Мат. 16, 16). И такое исповѣданіе вѣры Господь Іисусъ назвалъ камнемъ; созданную на которомъ Церковь не одолѣютъ врата (сн.м.) адскія ст. 18). Сію же вѣру и мы исповѣдуемъ каждый разъ, когда приступаемъ къ причащенію Святыхъ Таинъ, говоря: „Вѣрую Господи и исповѣдую, яко Ты еси воистину Христосъ Сынъ Бога живаго“. Но такое исповѣданіе спасительно для насъ только въ соединеніи съ сердечнымъ сознаніемъ нашихъ грѣховъ, тяжести нашей вины предъ Богомъ, оскорбляемымъ грѣхами, и съ глубокимъ, сокрушеннымъ чувствомъ нужды въ помилованіи, даруемомъ только по вѣрѣ во Христа;—въ противномъ случаѣ оно не имѣетъ никакого значенія, какъ исповѣданіе однихъ устъ. Чья вѣра во Христа Сына Божія, Спасителя грѣшниковъ, проникнута таковыми душевными расположеніями, тотъ, если подвергнется и тяжкому паденію, найдетъ въ ней врачество отъ унынія и отчаянія и спасеніе отъ вѣчной гибели. Вотъ и Петръ тяжело палъ, отрекшись отъ Христа; но его грѣхъ былъ только наружный, въ немъ не погасъ огонь вѣры во Христа Сына Бога живаго; онъ отрекся отъ Него только устами по малодушію, а не сердцемъ, и потому тотчасъ же раскаялся и за свое раскаяніе, плодъ сердечной вѣры, не только получилъ прощеніе отъ Спасителя, но и снова возведенъ въ санъ апостола.

4. Другой изъ апостоловъ зритель славы Преображенія, Іаковъ Зеведеевъ, являетъ въ себѣ примѣръ преимущественно упованія, или чаянія воскресенія мертвыхъ и жизни

будущаго вѣка. Это упованіе оны первый изъ апостоловъ запечатлѣлъ мученическою смертію, которую пріялъ отъ меча Иродова (Дѣян. 12, 2). Подобнымъ упованіемъ одушевлены были и всѣ мученики Христови. Имъ не страшна была мучительная смерть, потому что за нею видѣлась имъ вѣчно-блаженная жизнь. Упованіемъ бессмертія и вѣчно-блаженной жизни и мы всѣ должны утѣшать себя среди лишеній и скорбей и въ виду неизбежной смерти,—и упованіе не посрамить насъ.

Б. Третій изъ апостоловъ свидѣтель славы Преображенія, св. Іоаннъ Богословъ, есть преимущественно предъ всѣми апостолами учителемъ любви и образецъ исполненія заповѣдй о ней. И въ своемъ Евангеліи онъ съ гораздо большею полнотою излагаетъ наставленія Спасителя о любви, и посланія его главнымъ содержаніемъ своимъ имѣютъ любовь, и устныя рѣчи его, особенно въ послѣдніе годы его жизни, относились къ любви; а до какой степени силы и самоотверженія простиралась его личная любовь къ ближнимъ, показываетъ всѣмъ извѣстная исторія о юношѣ-разбойникѣ, котораго онъ единственно силою любви обратилъ на путь раскаянія. Подобную любовь къ ближнимъ и мы всѣ должны питать въ сердцѣ, если хотимъ по слѣдамъ апостола любви достигнуть блаженства лицезрѣнія Господа во славѣ на небесахъ,—блаженства подобнаго тому, какому онъ сподобился на Озворѣ. „Любовь, по слову другаго апостола, исполненіе закона“ (Рим. 13, 10), безъ любви не имѣютъ цѣны никакія духовныя совершенства (1 Кор. 13, 1 и д.). Это впрочемъ не то значить, что любовію можно спастись безъ вѣры и безъ благочестія. Нѣтъ, безъ того и другаго невозможно истинная любовь. Истинная любовь къ ближнимъ не ограничивается сочувствіемъ и помощію имъ въ однихъ внѣшнихъ нуждахъ, но проявляется, и даже преимущественно, въ дѣлахъ духовнаго благовотворенія, и прежде всего въ просвѣщеніи людей свѣтомъ истины и вѣры. Но какъ можетъ и захочетъ ли учить другихъ истинѣ и наставлять ихъ въ

вѣрѣ тотъ, кто самъ равнодушенъ къ истинѣ, самъ хорошо не знаетъ, во что должно вѣровать?—Истинная любовь есть совокупность совершенства“ (Кол. 3, 14), иначе—верхъ, или вѣнецъ духовнаго совершенства; значить она предполагаетъ предварительные подвиги для достиженія его. Безъ нихъ она одна мечта, или видоизмѣненіе самолюбія.

И такъ, братія, если хотимъ сподобиться блаженства на небесахъ, подобнаго тому, которое ощущали на Озворѣ зрители божеской славы Господа Іисуса, Моисей, Ілія, апостолы Петръ, Іаковъ и Іоаннъ, то будемъ стремиться къ сему блаженству путемъ самоотверженія Моисеева, ревности о славѣ Божіей Ілиной, вѣры Петровой, упованія Іаковлева и любви Іоанновой. Аминь.

БЕСЪДОВАТЕЛЬНОЕ ИЗЪЯСНЕНІЕ ЦЕРКОВНАГО СТИХА.

„Преблагословенна еси Богородице Дѣво. Воплощивши бо изъ Тебе адъ лѣглася, Адамъ воззвася, клятва потреби, Ева свободися, смерть умертвися и мы оживомъ. Тѣмъ воспѣваемъ вонемъ: благословенъ Христосъ Богъ, благоволивый тако. Слава Тебѣ“.

Сей церковный стихъ поется, какъ извѣстно, въ утренней воскресной службѣ предъ великимъ славословіемъ: „Слава въ вышнихъ Богу“. Приспособленіе къ свойству воскресной службы усматривается въ этомъ стихѣ изъ того, что изчисляемъ въ немъ благодѣянія Воплотившагося отъ Богоматери Сына Божія дарованы людямъ крестомъ и воскресеніемъ Его.

Преблагословенна еси Богородице Дѣво. Богородица Дѣва именуется въ рассматриваемомъ стихѣ преблагословенною не за свои личныя достоинства, какія прославляются въ другихъ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, а за великія

блага, какія стяжалъ для насъ воплотившійся отъ нея Сынъ Божій, Господь Иисусъ Христосъ. Какія же это блага?

Воплощившись изъ Тебе адъ плънися. Подъ адомъ разумѣется прежде всего жилище отверженныхъ духовъ падшихъ съ начальникомъ своимъ сатаню, — отсюда выражение: *врата адовы*, т.-е. силы адскія, которыя, по слову Христа Спасителя, не одолѣютъ основанной Имъ Церкви. Торжество надъ силами ада Христосъ Спаситель проявлялъ еще во время земной жизни Своей, когда изгонялъ изъ людей бѣсовъ. Враги Христа говорили, что это Христосъ дѣлаетъ силою вельзевула, князя бѣсовскаго. Но Христосъ, въ опроверженіе ихъ, сказалъ между прочимъ: „какъ можетъ кто войти въ домъ сильнаго и расхитить вещи его, если прежде не свяжетъ сильнаго? и тогда расхитить домъ его“ (Мат. 12, 29), т.-е. „Я не только не имѣю сообщникомъ діавола, этого сильнаго въ отношеніи къ людямъ князя вѣка сего, но Я веду съ нимъ брань, и связываю его, чтобы онъ не имѣлъ надъ людьми прежней власти. Онъ обнаруживаетъ свою власть чрезъ подвластныхъ ему бѣсовъ; онъ ими распоряжается ко вреду людей, какъ хозяинъ дома распоряжается своею домашнею собственностію. Теперь Я лишаю ихъ возможности вредить людямъ, изгоняя ихъ изъ людей. Могло ли бы это быть, еслибы Я напередъ не приобрѣлъ власти надъ самымъ княземъ бѣсовскимъ, еслибы не связалъ его силою Своего всемогущества?“ И такъ еще задолго до смерти Христа Спасителя, побѣдителя смерти и ада, *адъ* уже *плънися*, ибо начальникъ ада былъ уже связанъ Его всемогуществомъ, и потому не могъ препятствовать Христу изгнать изъ людей бѣсовъ, хотя впрочемъ не окончательно лишенъ свободы вредить людямъ. Но главный ударъ владычеству темныхъ силъ и князю ихъ діаволу нанесенъ крестомъ Спасителя, какъ Онъ Самъ сказалъ предъ временемъ своихъ крестныхъ страданій: *князь міра сего изманъ будетъ оныи* (Іоан. 12, 31), т.-е. лишенъ будетъ той свободы, съ какою онъ доселѣ дѣй-

ствовалъ въ мірѣ,—людямъ теперь, безъ особеннаго поущенія Божія, онъ не будетъ страшенъ попрежнему,—онъ въ плѣну и, какъ плѣнникъ, въ изгнаніи. Правда и послѣ этого плѣна онъ будетъ дѣйствовать на людей, всячески смущать ихъ, и доселѣ онъ, по слову ап. Петра, ходитъ какъ рыкающей левъ, ища кого поглотить“ (1 Петр. 5, 8); но вѣдъ и преступники, заключенные въ темницѣ и скованные цѣпями, тоже не лишены нѣкоторой свободы движеній, и ихъ тоже выпускаютъ изъ темницы напримѣръ на работу, иногда для прогулки, но выпускаютъ не снимая цѣпей и зорко слѣдя за всѣми ихъ движеніями, чтобы не дать имъ возможности къ побѣгу. Въ подобномъ положеніи находится плѣнный сатана съ своими демонами: онъ хотя продолжаетъ вредить людямъ, но не по своей волѣ, а по премудрому поущенію Божію, отчасти для наказанія людей, отчасти для укрѣпленія ихъ мужества въ борьбѣ съ бѣсовскими искушеніями. Главное дѣло діавола до пришествія Христова состояло въ отвращеніи людей отъ почитанія истиннаго Бога и въ распространеніи повсюду идолопоклонства. Но со времени побѣды надъ нимъ Христа Спасителя, онъ, какъ сказано въ Апокалипсисѣ, „скованъ на тысячу лѣтъ (въ неопредѣленномъ смыслѣ) и низвергнутъ въ бездну, дабы не прельчалъ уже народы“ (Апок. 20, 2. 3). Это значитъ, что новыхъ соvrрашеній въ язычество діаволъ уже не будетъ производить, а старинныя языческія суевѣрія будутъ постепенно падать предъ свѣтомъ Евангелія, какъ и доселѣ это оправдывается. Когда придетъ антихристъ, сатанѣ будетъ дана снова свобода вредить людямъ, но это время будетъ продолжаться только три съ половиною года: „сатана будетъ освобожденъ только на малое время“ (—3), и потомъ окончательно будетъ осужденъ на совершенное бездѣйствіе, какъ вѣчный плѣнникъ.

Адъ, жилище духовъ злобы, есть вмѣстѣ жилище, или темничное заключеніе для грѣшныхъ душъ. До сошествія въ адъ Иисуса Христа, адѣсь обитали души не только нече-

ствивыхъ людей, однажды навсегда осужденныхъ на муку, но и ветхозавѣтныхъ праведниковъ. „Тамъ были, по словамъ св. Кирилла Иерусалимскаго (Оглас. поуч. IV. стр. 64. 65), Давидъ и Самуиль и въѣ пророки и самый Іоаннъ Предтеча“. Это же видно изъ притчи Спасителя о богатомъ и Лазарѣ, въ который адъ представляется съ двумя помѣщеніями: въ одномъ страждутъ въ пламени нечестивые, въ другомъ, отдѣленномъ отъ него непроходимою пропастію, обитаетъ Авраамъ и сущіе въ нѣдрахъ его благодетельные (Лук. 16, 19—26). Находившіеся въ нѣдрахъ Авраама, ветхозавѣтные благодетельные и праведники ощущали нѣкоторый покой и отраду вслѣдствіе тѣснѣйшаго общенія съ отцемъ вѣрующими, но все же лишены были главнаго условія блаженства—лицезрѣнія Божія и общенія съ ангелами, предстоящими престолу Господа и вѣчно славословающими Его, и томившіеся ожиданіемъ Искупителя, который имѣлъ освободить ихъ изъ ада и ввести ихъ въ райскія обители на небесахъ. И вотъ наконецъ исполнилось ихъ ожиданіе: Воплотившимся отъ Приснодѣвы *адъ пльнися*. Онъ побѣдилъ адскія темныя силы съ царемъ ихъ діаволомъ, разрушилъ бывшія до тѣхъ непреступными врата адовы, и томившимся въ адскомъ заключеніи, по праву побѣдитиля, овладѣлъ какъ бы своею добычею и перевелъ на небеса, гдѣ до сихъ поръ изъ земнородныхъ были только два человѣка: Енохъ и Ілія. Когда же это онъ совершилъ? Когда онъ содержавшихся въ адѣ плѣнниковъ взялъ въ свой спасительный плѣнъ? Въ промежутокъ времени между крестною смертію и воскресеніемъ. Въ сіе время тѣло Его находилось во гробѣ, а духомъ Онъ сходилъ въ преисподнія мѣста земли, т.-е. въ адъ, и здѣсь плѣнилъ плѣнъ, т.-е. взялъ въ плѣнъ содержавшихся въ немъ узниковъ, и съ ними восшелъ на небеса (Еф. 4, 8. 9. 10). Онъ „плѣнилъ адъ, самъ не искусився отъ него“, т.-е. непотерпѣвъ вреда отъ него. Кого же именно Онъ плѣнилъ, и слѣдственно освободилъ отъ адскаго плѣна? Не только ветхозавѣтныхъ праведниковъ, съ

вѣрою ожидавшихъ прішествія Его (Правосл. исп. ч. I. вопр. 46), но и великихъ грѣшниковъ, положившихъ начало покаянія при смерти. Ибо сказано въ посланіи ап. Петра, что Христосъ, сошедши въ адскую темницу, проповѣдалъ *Евангеліе* даже тѣмъ душамъ, которыя нѣкогда были не покорны ожидаемому ихъ Божію долготерпѣнію во дни Ноа (1 Петр. 3, 18. 19. 20), но узрѣвъ въ адѣ Спасителя, съ радостію приняли Его проповѣдь. Противленіе ихъ долготерпѣнію Божію продолжалось до наступленія потопа; когда же пришелъ потопъ, они убѣдились, что напрасно не вѣрили Ною, угрожавшему имъ потопомъ, и раскаялись въ своемъ невѣрїи. За свое невѣрїе они пострадали въ адѣ, но за раскаяніе удостоились услышать проповѣдь Спасителя въ адѣ. Церковь такъ воспѣваетъ плоды сошествія Христова въ адъ въ отношеніи къ страдавшимъ здѣсь грѣшникамъ: „днесъ Владыка плѣни ада, воздвигнувый узники, аже отъ вѣка имаше, лютѣ одержимыя“ (прпѣвъ къ 9-й пѣсни канона Пасхи). Но и до сихъ поръ, какъ и всегда будетъ, Христосъ Спаситель, яко имѣющій ключи ада и смерти (Апок. 1, 18), и обладающій живыми и мертвыми (Римл. 14, 9), отверзаетъ адовы затворы и по молитвамъ Церкви, освобождаетъ оттуда грѣшниковъ, положившихъ при жизни начало покаянія, но не успѣвшихъ принести плодовъ покаянія, и отшедшихъ въ другой міръ съ вѣрою въ безцѣнныя заслуги Искупителя.

Адамъ воззвася. Адамъ за преступленіе воли Божіей былъ изгнанъ изъ рая, для того чтобы въѣ рая, вдали отъ древа жизни проводить жизнь въ трудахъ о пропитаніи и въ подвигахъ покаянія. Въ лицѣ Адама этотъ приговоръ правосудія Божія палъ на всѣхъ его потомковъ: осужденъ на изгнаніе изъ рая *Адамъ всеродный* (со всѣмъ родомъ). Но вотъ явился на землю второй Адамъ, Господь съ небесе (1 Кор. 15, 47), который Своимъ послушаніемъ волѣ Божіей и всецѣлою безгрѣшностію загладилъ вину Адама перваго и открылъ ему съ его потомками дорогу въ рай, не тотъ земной рай, которыл и насаж-

день был Богомъ въ Едемѣ для первыхъ людей, а въ рай небесный, тотъ самый, куда Христосъ на крестѣ обѣщалъ вести покаившагося разбойника, — царство небесное. Сюда же, въ этотъ рай, и Адамъ *возвзаяся*, т.-е. призванъ для обитанія въ немъ, всемогущимъ словомъ Владыки живота и смерти. Въ рай воззывается и всякая душа христіанская, по отрѣшеніи отъ узъ смертнаго зѣла, если только въ вѣрѣ и покаяніи достигла конца земнаго поприща. Путь къ раю проложенъ для всѣхъ вознесеніемъ Господа Иисуса на небо, ибо Онъ для того вознесся на небо, „да насъ всѣхъ на небеса возведетъ“.

Клятва потребися. Идетъ рѣчь прежде всего о клятвѣ закона. Законъ проклиналъ, т.-е. осуждалъ на погибель всякаго грѣшника. „Писано, говорить апостолъ: проклятъ всякъ, кто не исполняетъ постоянно всего, что написано въ книгѣ Закона“ (Гал. 3, 10. Второз. 27, 26). Но такъ какъ никто изъ подзаконныхъ не могъ исполнить всѣхъ предписаній закона, ибо широка заповѣдь закона, требующаго святости не только во внѣшнихъ дѣлахъ, но и во внутреннихъ расположеніяхъ, — то очевидно проклятiе закона падало на всѣхъ и каждаго, не исключая людей праведныхъ, ибо никто изъ нихъ не могъ признать себя безгрѣшнымъ. Вотъ почему и сказано въ законѣ, что онъ *производитъ гнѣвъ* (Рим. 4, 15), т.-е. гнѣву Божию подвергаетъ. Для чего законъ такъ строго относился къ людямъ? Для того, чтобы дать имъ почувствовать, что отъ дѣлъ закона не оправдится всяка плоть, для того, чтобы осуждаемые закономъ, какъ повинные предъ судомъ правды Божіей, могли признать свою безотвѣтностъ предъ нею и вмѣстѣ нужду въ милосердіи Божіемъ, которое одно могло избавить отъ проклятiя закона. Въ лучшихъ людяхъ законъ дѣйствительно возбуждалъ это сознаніе, и оно исторгало изъ ихъ устъ молитвенный вопль къ Богу: „не види въ судъ съ рабы Твоими, яко не оправдится предъ Тобою всякъ живый“. Но какъ же Богъ, не переставая быть правосуднымъ, могъ услышать такую молитву? Какъ могъ

помиловать тѣхъ, которыхъ Самъ осуждалъ Своимъ закономъ? Какъ могъ это сдѣлать такъ, чтобы люди не злоупотребили Его милостію по надеждѣ безнаказанности? Премудрость Божія нашла средство примирить правосудіе съ благостію. Въ предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ найдено было средство помиловать грѣшника безобиднымъ для правосудія Божія образомъ. Самъ Сынъ Божій, второе лице Св. Троицы, благоволилъ взять на Себя отвѣтственность за людей предъ безконечнымъ правосудіемъ. И вотъ, когда наступило предопредѣленное для сего время, Онъ содѣлался человекомъ, и въ человѣческомъ естествѣ принялъ на Себя ту клятву, подъ которою были люди. Какъ же Онъ принялъ? Принялъ, претерпѣвъ за насъ крестныя страданія и смерть, ибо сказано: „проклятъ всякъ висій на древѣ“ (Второз. 21, 23. Гал. 3, 13). Но какимъ образомъ это могло быть для людей спасительно? Какимъ образомъ, принявъ клятву на Себя, Господь Иисусъ могъ отвести ее отъ нихъ, и искупить ихъ отъ клятвы законной? Это было бы непонятно, еслибы принялъ на себя отвѣтственность за насъ грѣшникъ, который самъ за себя долженъ отвѣчать предъ Богомъ. Но принявшій за насъ на Себя клятву Сынъ Божій не только безгрѣшенъ, но вмѣстѣ Самъ есть Богъ во существу. Потому принятая Имъ отвѣтственность за насъ имѣетъ безконечную цѣну въ очахъ Божіихъ и съ преизбыткомъ достаточна къ умилостивленію правды Божіей за грѣшниковъ. — Такъ *потребися клятва* законная. Собственно и ближайшимъ образомъ участіе въ свободѣ отъ клятвы законной, по ученію ап. Павла, принадлежитъ тѣмъ изъ вѣрующихъ во Христа, которые были подъ игомъ закона; но не на однихъ подзаконныхъ лежала клятва. Предъ правдой Божіею безотвѣтны были и язычники, не знавшіе закона писаннаго, за-то имѣвшіе законъ начертанный въ сердцахъ, въ совѣсти (Рим. 2, 14, 15). Посему на всѣхъ язычникахъ тяготѣло осужденіе: всѣ они не только по самому естеству были чадами гнѣва (Еф. 2, 3), вслѣдствіе на-

слѣдованной ими отъ Адама грѣховной порчи, но по личнымъ грѣхамъ противъ закона совѣсти. Но теперь это осужденіе, какъ и законная клятва, снято со всѣхъ вѣрующихъ во Христа Иисуса (Рим. 8, 1). Отъ клятвы Адама, перешедшей на всѣхъ его потомковъ, освободились всѣ не только подзаконные, но и жившіе внѣ закона*).— Но сдѣлано ли что-нибудь Христомъ для потребленія той клятвы, которая за грѣхъ человѣка произнесена на обитаемую имъ землю? „Проклята земля за тебя, сказалъ Богъ Адаму; терніе и волчцы возрастутъ она тебѣ“ (Быт. 3, 17. 18). Проклятіе это, или отнятіе отъ земли благословенія плодородія, должно было отозваться и въ животныхъ, ибо животныя, питаясь отсель плодами проклятой земли, не стоить обильными и менѣе годными для поддержанія силъ и здоровья, по необходимости должны были утратить часть своихъ совершенствъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что если за грѣхъ человѣка подвергается проклятію земная тварь и вслѣдствіе того, по выраженію апостола, совоцѣдыхаетъ и соблазняетъ съ нами (Рим. 8, 22), то и спасительная сила искупленія, совершеннаго Христомъ, простирается не на одного человѣка, но и на подвластную ему тварь: съ ней, какъ съ человѣка, снимается проклятіе. И уже отъ человѣка зависитъ, чтобы тварь вполнѣ ощутила свободу отъ этого проклятія. Потому, если слѣди проклятія до сихъ поръ не изглажены въ природѣ, виною тому одинъ человѣкъ. Какъ онъ, несмотря на искупленіе, продолжаетъ служить суетѣ, такъ и тварь продолжаетъ испытывать равныя настроенія, или рабствовать „суетѣ, которой покорилась, по слову апостола, не добровольно, но по волѣ покорившаго ее человѣка“ (Рим. 8, 20). Но этому будетъ нѣкогда конецъ. „Тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія славы сыновъ Божіихъ и будетъ освобождена отъ рабства глѣбнѣ въ свободу славы дѣтей Божіихъ“ (Рим. 8, 19. 21). Однимъ словомъ: тварь

*) „Кровию Божіею ядъ змиевъ отнимается, и клятва разрушилась осужденія праведнаго“. На Воздвизженіе, стихиря на *Господи воззвахъ*.

обновится и явится въ первоначальномъ совершенномъ видѣ въ концѣ вѣковъ, по открытіи царства славы.

Ева свободиса. Идетъ рѣчь о Евѣ *всеродной* (какъ и выше была рѣчь объ Адамѣ *всеродномъ*), не столько лично о прамати человечества, сколько о всѣхъ дочеряхъ ея, о всѣхъ женахъ. Подобно сему въ Писаніи дѣлне народы и племена называются именами своихъ родоначальниковъ, напримѣръ Израильтани—Израилемъ, Едомляне—Едомомъ. — Отъ чего же освободилась Ева въ лицѣ своихъ дочерей, или всего женскаго пола? Отъ болѣзней ли чадорожденія, на которыя она осуждена за преступленіе заповѣди? — Нѣтъ. Была одна только жена, которая не знала этихъ болѣзней, но это потому, что и самое зачатіе въ ней Сына было безмужно и безгрѣшно,—отъ Духа Святаго.—Отъ власти ли надъ нею мужа? Но еще до паденія, въ состояніи невинности, она была подчинена этой власти, ибо, какъ говоритъ апостоль, не мужъ отъ жены *произошелъ*, а жена отъ мужа, не мужъ созданъ для жены, а жена для мужа (1 Кор. 11, 8. 9). Послѣ паденія власть эта только еще больше закрѣплена надъ женою (Быт. 2, 16), въ наказаніе за то, что жена взяла верхъ надъ мужемъ, склонивъ его ко грѣху. И христіанство отнюдь не освобождаетъ жены отъ власти мужа. Апостоль называетъ мужа главою жены, и заповѣдуетъ ей повиноваться мужу, даже бояться его (Евр. 5, 22. 33). Но если христіанство не освободило жены отъ власти мужа,—полная свобода въ этомъ отношеніи была бы вредна для самой жены, по самой природѣ своей, какъ сосуда немощнѣйшаго, нуждающейся въ зависимости отъ мужа,—за то христіанство смягчило эту власть. До Христа Спасителя тяготѣло надъ женою полное рабство не только въ злычествѣ, гдѣ она не признавалась даже человѣкомъ, особенно на востокѣ, но и въ средѣ избраннаго народа. Уже тѣмъ самымъ, что законъ Моисеевъ позволялъ мужу по всякой винѣ разводиться съ женою, она поставлена была въ зависимости отъ произвола мужа. Евангеліе осво-

бождает жену отъ этого произвола, запрещая разводъ, кромѣ вины прелюбодѣянiя (Мат. 5, 32). Современные намъ поборники свободы женщины въ нерасторжимости брака видятъ новую форму рабства для нея и хлопочуть о предоставленiи жея права на разводъ по всякой винѣ, а главное — по недостатку личной склонности къ мужу. Но полная свобода жены мѣнять мужей по произволу, хуже всякой неволи, потому что подвергаетъ ее опасности жизни развратной, равно какъ въ той же опасности находится мужъ, по прихоти мѣняющiй жея. — Многоженство, допущенное даже въ Ветхомъ Заветѣ, дѣлало жену орудiемъ любострастiя. Господь Иисусъ Христосъ спасъ ее и отъ этого униженiя, утвердивъ единобрачiе. — Положенiе жены въ отношенiи къ мужу нисколько не унижается оттого, что онъ названъ главою ея: онъ глава въ такомъ же возвышенномъ смыслѣ, какъ Христосъ въ отношенiи къ Церкви, и потому обязанъ любить ее и быть готовымъ для нея на всѣ жертвы, какъ Христосъ возлюбилъ Церковь и Себя предалъ за нее (Евр. 5, 23, 20). Поборники эманципации женскаго пола жалуются, что женщина доселѣ лишена правъ на участiе въ общественныхъ дѣлахъ наравнѣ съ мужчиною. Нѣтъ нужды разсуждать, справедлива, или несправедлива эта жалоба съ христіанской точки зрѣнiя. Христіанство не вмѣшивается въ дѣла общественныя; оно уживается со всякими порядками и учрежденiями общественной жизни, не противными христіанской совѣсти; оно можетъ оказывать на нихъ свое вліяніе только косвеннымъ образомъ. Но въ этомъ отношенiи христіанство самымъ наилучшимъ образомъ способствуетъ усиленiю общественнаго значенiя женщины. Какъ мать семейства, истинная христіанка домашнимъ воспитанiемъ prepares въ лицѣ дѣтей своихъ лучшихъ общественныхъ дѣателей. Какъ помощница мужа, она облегчаетъ служенiе его обществу и государству тѣмъ, что освобождаетъ его отъ большей части хозяйственныхъ заботъ, сама добросовѣстнымъ образомъ занимаясь хозяй-

ствомъ. А что женщинѣ запрещено учительствовать въ церковныхъ собранiяхъ (1 Кор. 14, 34. 35. 1 Тим. 2, 11—14), что ни административныя, ни судебныя, ни военные учрежденiя не имѣютъ въ своей средѣ женщинъ, это для нихъ же лучше, ибо иначе онѣ не имѣли бы свободы и удобства заниматься дѣлами домашними. И такъ вмѣсто того, чтобы жаловаться на мнимое стѣсненiе женщины въ общественной жизни, мы должны благодарить воплотившагося отъ жены Господа, за ту свободу, которая дарована ей Евангелиемъ въ семейной жизни, — не говоримъ о свободѣ духовной во Христѣ Иисусѣ, или о правѣ свободнаго пользованiя духовными благами, ибо въ этомъ отношенiи одинаково равноправны не только жены въ отношенiи къ мужьямъ, но и рабы въ отношенiи къ господамъ. Но паче всего должно благодарить Господа за то, что жена, бывшая причиною грѣха и происшедшихъ отъ него всѣхъ золъ, наконецъ *освободилась* отъ заслуженнаго ею упрека въ этомъ. Онъ снятъ съ ней другою женою, которая послужила нашему спасенiю, какъ мать воплотившагося отъ нея Сына Божiя. Отъ жены пошли всѣ бѣды, но чрезъ нее же возсіяло всемірное спасенiе.

Смерть умертвила и мы ожижолъ Воплотившiйся отъ Пресвятой Дѣвы Марiи *умертвилъ* смерть въ Себѣ самомъ, ибо воскресъ изъ мертвыхъ; умертвилъ и въ насъ, ибо своимъ воскресенiемъ положилъ начало нашему воскресенiю изъ мертвыхъ, которое имѣетъ быть во второе прiшествiе Христово. Онъ *умертвилъ* также *смерть* духовную, свойственную людямъ, чуждымъ жизни Божiей (Еф. 4, 18), помышляющимъ только о плотскомъ (Рим. 8, 6), вообще рабамъ грѣха (Рим. 6, 16). И вотъ всѣ мы, „мертвые по преступленiямъ, оживотворены со Христомъ“ (Еф. 2, 5), призваны къ жизни духовной, въ общенiи съ Нимъ, возражаясь для сей жизни благодатию таинства крещенiя и укрѣпляясь въ ней чрезъ другiя таинства. И не только для этой духовной жизни, но и для жизни вѣчной, или, что то же, для вѣчнаго блаженства въ общенiи

съ Христомъ въ Его славу на небесахъ мы *ожидомъ*. Какъ не благодарить и не благословлять за сие Христа Бога нашего, источника нашей жизни! И мы не только благодаримъ и благословляемъ Его сердцами, но и устами *воствающе вопиемъ: благословенъ Христосъ Богъ, тако благовомовий. Слава Тебѣ.*

НѢЧТО ОБЪ АДАМОВОЙ ГЛАВѢ

И О МОСКОВСКИХЪ СПЕКТАКЛЯХЪ ПОДЪ ПРАЗДНИКЪ ВОЗДВИЖЕНІЯ.

Слово въ день Воздвиженія.

Въ честь праздника Воздвиженія честнаго и животворящаго Креста Христова да позволено будетъ обратить къ вамъ, братіе, вниманіе на предметъ, важный главнымъ образомъ для духовной любознательности, но не лишенный, какъ увидимъ, духовной назидательности. Говорю объ одной принадлежности вещественнаго креста Христова. На многихъ крестахъ подъ Распятіемъ видится изображеніе мертвой человеческой головы, лежащей на двухъ крестообразно сложенныхъ костяхъ. Чтò значить это изображеніе? Для чего изображается подъ ногами распятаго Христа мертвая голова?—Есть разныя предположенія для объясненія этого, — остановимся на двухъ, болѣе для насъ, какъ увидимъ, имѣющихъ значеніе.

Мертвая голова есть для всѣхъ понятный символъ смерти, — извѣстный и въ зычествѣ. Такъ на пирахъ у древнихъ Египтянъ ставили на столъ человѣческій черепъ для того, чтобы пирующіе, смотря на черепъ, помышляли о смерти и смертною памятію удерживались отъ невоздержанія въ пищѣ и питіи. И такъ, если мертвая голова есть символъ смерти, то изображеніе ея подъ стопами распятаго Христа не служить ли нагляднымъ выраженіемъ той истины, что Онъ Своєю смертію поправилъ смерть? Такъ, Онъ поправилъ ее въ Своемъ лицѣ, ибо не долго

былъ въ узахъ ея и воскресъ въ третій день; поправилъ въ другихъ, ибо Своєю смертію и воскресеніемъ положилъ основаніе для нашего воскресенія. Правда, смерть до сихъ поръ собираетъ ео всѣхъ свою дань и будетъ собирать до всеобщаго воскресенія въ концѣ вѣковъ. Но она уже не такъ страшна, какъ была до пришествія Христа; у ней отнято жало ядовитой змѣи, т.-е. грѣхъ (1 Кор. 15, 56). Грѣхъ, какъ причина смерти, дѣлалъ ее ядовитою, — она имѣла значеніе казни, мысль о которой на всю жизнь повергала грѣшника, приговореннаго къ ней, въ рабскій страхъ (Евр. 2, 15). Но съ тѣхъ поръ, какъ за грѣхъ принесена жертва на крестѣ, смерть утратила свою ядовитость и для истинно вѣрующихъ во Христа сдѣлалась вождельвиною: они стали смотрѣть на нее, какъ на избавленіе отъ тѣла смерти (Рим. 7, 24), какъ на освобожденіе изъ узъ, какъ на сложеніе ветхой, никуда негодной одежды, какъ на путь къ вѣчно-блаженной жизни. И такъ когда видишь на крестѣ подъ стопами Распятаго знаменіе смерти, помышлай не о силѣ смерти, а о побѣдѣ надъ нею Распятаго: Онъ поправилъ смерть смертію же, какъ Давидъ обезглавилъ Голиага его же мечемъ.

Съ представленнымъ объясненіемъ значенія мертвой головы подъ Распятіемъ имѣетъ внутреннюю связь, по крайней мѣрѣ не противорѣчитъ ему, другое, болѣе распространенное объясненіе. Говорятъ, что это голова Адамова. Какъ она сюда попала? По преданію, о которомъ упоминаютъ нѣкоторые отцы Церкви, подъ Голгоетскою скалою была погребена глава нашего праотца. И вотъ когда на этой скалѣ пригвожденъ былъ ко кресту второй Адамъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, то кровь Его, истекая изъ прободенныхъ рукъ и ногъ, проникла сквозь расщелину Голгоетской скалы и оросила главу Адама перваго. Эту расщелину до сихъ поръ показываютъ въ Иерусалимѣ сквозь желѣзную рѣшетку изъ хранины находящейся подъ греческою частью Голгоетской церкви *).

*) См. „Старый Иерусалимъ и его окрестности“. А. Леониды. стр. 88.

беремса рѣшать, достоверно ли это преданіе, и не объясняется ли имъ самое названіе Голговы, или лобнаго, черепнаго мѣста *); для насъ не это важно, а важна и въ высшей степени знаменательна и поучительна мысль, лежащая въ основаніи сохраненнаго преданіемъ обстоятельства. Это мысль объ умиловительной и освятительной силѣ крестныхъ страданій и смерти Христа Спасителя. Первое дѣйствіе этой силы ощутилъ нашъ родоначальникъ по плоти, Адамъ. Онъ не только самъ провинился предъ Богомъ, преслушавъ Его заповѣди, но и сдѣлалъ виновными предъ Нимъ своихъ потомковъ. Грѣхъ Адамовъ перешелъ къ нимъ и доселѣ распространяется въ нихъ путемъ естественнаго рожденія. Но Адамъ казался во грѣхѣхъ и по вѣрѣ въ обѣтованіе объ Искупителѣ, имѣющемъ родиться отъ жены, жилъ надеждою на Его пришествіе. Онъ не дождался этого вождедѣннаго событія, но умеръ съ тою же надеждою, — и она наконецъ исполнилась. Искупитель явился въ міръ и Своєю кровію совершилъ искупленіе. Какъ первый по времени грѣшникъ, Адамъ долженъ былъ первый испытать на себѣ плоды искупленія: капли искупительной крови прежде всего оросили главу его, обремененную осужденіемъ и омывъ грѣхъ его. Но такъ какъ грѣхъ и осужденіе перешли отъ Адама на всѣхъ людей, то надлежало, чтобы на всѣхъ людей начиная съ Адама перешла спасительная сила крови Адама втораго, по силѣ духовнаго родства ихъ съ Нимъ, какъ своимъ главою; надлежало, чтобы въ лицѣ Адама, глава котораго орошена кровію Богочеловѣка, омыто и очищено было отъ грѣховной вины все человечество, отъ Адама происшедшее по плоти. Христосъ однажды пострадалъ и умеръ за насъ, но Его страданія и смерть спасительны на всѣ времена, ибо это

*) По другимъ Голгова такъ называется потому, что на ней и у подовы ея валяются черепа казенныхъ на ней преступниковъ. Нѣкоторые объясняютъ это названіе тѣмъ, что она по вышнему очертанію походила на черепъ.

страданіе и смерть не простаго человѣка, а Богочеловѣка. Вотъ на какія мысли наводитъ изображеніе мертвой головы у подножія Распятаго. Итакъ, когда приступаешь къ лобанію креста Христова, лобизай не эту голову, какъ многіе напрасно дѣлаютъ, — а пронзенныя гвоздьми ноги Спасителя. Не мертвая голова тебя спасла, а распятый Господь Исусъ. Голова же пусть напоминаетъ тебѣ о грѣхѣхъ Адама и объ осужденіи за грѣхъ, которое вѣчно тяготѣло бы на главѣ его и всѣхъ его потомковъ еслибы не снято было Распятымъ за насъ.

Съ утѣшительною мыслию о спасительной силѣ крестныхъ страданій и смерти Христа Спасителя встрѣчается неутѣшительная мысль о томъ, какъ многіе изъ насъ не дорожатъ этимъ безконечнымъ дѣломъ милосердія къ намъ Божію, и какъ многіе ведутъ себя такъ, какъ будто не за нихъ пролита кровь на крестѣ, даже можно сказать, нечестиво и кощунственно относятся ко Христу распятому. Я не говорю о личныхъ каждомъ грѣхахъ, которыми вторично распинается Христосъ, — скажу, какъ и прежде не разъ говорилъ, — объ общественномъ поруганіи, торжественно допускаемомъ въ отношеніи къ распятому за насъ Сыну Божію; ибо какъ же, какъ не общественнымъ поруганіемъ Ему можно назвать вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду продолжающееся и даже усиливающееся нечестивое обыкновеніе, подъ праздникъ Воздвиженія честнаго и животворящаго креста Христова устроить театральныя представленія *) и отвлекать для нихъ народъ отъ церкви? Времена открытыхъ гоненій на вѣру Христову давно миновали, но духъ міра въ нѣдрахъ самаго христіанства по прежнему враждебенъ Христу и Его святой, искупленной честною кровію Его, Церкви. Во второмъ столѣтіи по Рождествѣ Христовѣ, гонитель христіанства, римскій императоръ Адрианъ, не терпя благочестивыхъ путешествій

*) Подъ Воздвиженіе въ семь 1873 году открыты были всѣ московскіе театры: Большой, Малый и Общедоступный для простаго народа. Озвучать не говоримъ: они всегда настаежъ.

христіанъ къ Голгоѣ и прочимъ Іерусалимскимъ святымъ мѣстамъ и желая положить конецъ этимъ благочестивымъ путешествіямъ, приказалъ воздвигнуть капище Венеры на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ былъ распятъ, а на той скалѣ, въ которой изъсѣченъ гробъ Христовъ, поставитъ идолъ Юпитера. И такъ, на тѣхъ мѣстахъ, куда послѣдователи Распятаго приходили молиться Ему и предъ Его крестомъ и гробомъ оплакивать свои грѣхи, гдѣ гремѣли пѣснопѣнія во славу Его, безмѣрно насъ возлюбившаго, стали совершаться мерзкіе обряды язычества предъ идолами боговъ, служившихъ олицетвореніемъ грубыхъ страстей и пороковъ человѣческихъ,—и все это въ поруганіе Распятому. Не подобное ли и теперь дѣлаетъ міръ въ праздникъ, посвященный нарочито воспоминанію страстей Христовыхъ? Онъ старается охладитъ усердіе христіанъ къ участію въ христіанскихъ празднествахъ, не исключая такого великаго праздника, какъ Воздвиженіе,—вытѣснить ихъ своими нечестивыми праздниками. Церковь приглашаетъ чадъ своихъ на всенощное бдѣніе подъ сей праздникъ для поклоненія Распятому. „Придите вѣрніи,—вопіетъ она, животворящему древу поклонимся, на немже Христосъ Царь славы рунѣ распростеръ вознесе насъ на первое спасеніе. Придите вѣрніи, древу поклонимся, имже сподобихомся невидимыхъ врагъ сокрушити главы“. А міръ громко возглашаетъ: нѣтъ, не ходите въ церковь на поклоненіе Распятому, а спѣшите въ театры, гдѣ вы спокойно и весело, не обременя себя никакими поклонами, можете провести время до полуночи: бдѣніе до полуночи въ театрѣ гораздо легче всенощныхъ скучныхъ церковныхъ бдѣній.—Церковь оглашаетъ своихъ чадъ трогательнымъ пѣснопѣніемъ: „Днесъ Владика твари и Господь славы на крестѣ пригвождается и въ ребра прободается, желчи и отца вкушаетъ тотъ, кто есть сладость церковная, вѣнцемъ отъ тернія облагается покрывающей небо облаки, облачается одеждою поруганія, заушается брэнною рукою, по плечема биенъ бываетъ, заплѣванія и раны приѣмлетъ и поношенія и заушенія“. Міръ

же силится заглушить звуки церк. пѣснопѣній своими извѣженными и животво-страстными пѣснями на подмосткахъ театральныхъ.—Церковь старается пробудитъ въ сердцахъ чадъ своихъ раскаяніе и слезы о грѣхахъ, указуя имъ на Того, Кто страждетъ за насъ. „Вся терпитъ на крестѣ, внушаетъ она говорить каждому изъ насъ,—мене ради осужденнаго Избавителя мой и Богъ, да спасетъ міръ отъ прелести“. Міръ же, наперекоръ Церкви, усиливается подавить въ христіанахъ всякое подобное чувство скоромескими, часто въ высшей степени нескромными и нецѣломудренными шутками и прыжками.—Церковь старается тронуть своихъ чадъ зрѣлищемъ пречистой Дѣвы-Матери, стоящей у креста своего божественнаго Сына и болѣзненно вѣщающей: „Увы мнѣ, чадо мое, что сіе сотворилъ еси? Красный добротою паче всѣхъ человѣкъ — бездыханнымъ, безърачнымъ являешься. Увы мнѣ, мой Свѣте, не могу снати зрѣти Тя, утробою уявляюся и лютое оружіе (Симеономъ предреченное) сердце мое проходить“. Но міръ отвлекаетъ христіанъ отъ этого трогательнаго зрѣлища и ослѣпляетъ ихъ взоры блескомъ и пестротой театральныхъ картинъ, живыхъ и малеванныхъ, гдѣ все уноситъ воображеніе въ міръ пустыхъ мечтаній или дѣйствительной житейской суеты съ ея безобразіями, гдѣ ничто не говоритъ истинно-религиозному чувству, гдѣ все говоритъ: знай одно, — веселись и смѣйся. И смѣется и веселится бѣдный грѣшникъ, и радуется своимъ смѣхомъ и весельемъ діавола. И какъ ему не радоваться? Спаситель изгналъ его изъ міра Своимъ крестомъ, ибо ясно обѣщавъ сіе, сказавъ за нѣсколько часовъ передъ страданіями: „днесъ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ“; но люди міра снова призываютъ владычествовать надъ собою князя тьмы, и онъ, хотя и связанный, владычествуетъ даже въ средѣ самыхъ христіанъ, отвлекая ихъ отъ Христа многообразными искушеніями и соблазнами, къ числу которыхъ относятся неблаговременныя мірскія зрѣлищныя забавы. Пусть въ нихъ, въ этихъ

забавахъ, участвуютъ подъ наши праздники язычники, магометане: они не посвящены въ тайны спасенія, они чужды Христа и Его Церкви. Пусть наполняютъ театры подъ праздникъ Воздвиженія креста Христова христіане иновѣрцы: они не знаютъ нашихъ праздниковъ, у нихъ есть свои. Къ сожалѣнію, не язычники, не послѣдователи лжепророка, не католики, не протестанты наполняютъ театры въ навечеріе православныхъ праздниковъ, не исключая праздника Воздвиженія, а именующіе себя православными. Но мѣняя подъ сей праздникъ церковь на театръ, сценическія забавы на церковное богослуженіе, не подражаютъ ли они богоборнымъ Іудеямъ, бывшимъ сочувствующими зрителями тѣхъ скоморошескихъ дѣйствій, какія производимы были во дворѣ Пилата и на Голгоѣ надъ осужденнымъ на смерть Спасителемъ? Поистинѣ это были скоморошескія дѣйствія. Ибо чтѣ дѣлали исполнители смертнаго приговора Христу? Они производили надъ Нимъ не простыя истязанія, но разчитанныя на театральнѣй эффектъ. Они наряжали Христа въ подобіе царской багряницы, возлагали на Него, какъ на царя, вѣнецъ терновый, давали Ему въ руки трость, какъ бы царскій скипетръ, преклонялись предъ Нимъ, какъ бы предъ царемъ, на колѣна, и величали Его царемъ. Все показывало, что происходила скоморошеская игра въ царя. И нѣтъ сомнѣнія, что зрители этой игры, враги Христовы, выражали свое одобреніе играющимъ такими же восклицаніями и рукоплесканіями, какія и теперь свойственны посѣтителямъ театральнѣхъ представлений. Подобное скоморошеское поруганіе Христу совершается въ театрѣ подъ праздникъ въ воспоминаніе крестныхъ страданій Его. Ибо чтѣ выражается посвѣщеніемъ театра подъ этотъ праздникъ, соединенный притомъ съ постомъ? Выражается презрѣніе къ памяти страданій и смерти Христовой, подобное тому, какое терпѣлъ Онъ отъ скоморошескихъ-глумленій враговъ своихъ,—выражается презрѣніе къ матери нашей святой Церкви, старающейся утвердить и поддержать въ своихъ чадахъ

память объ этихъ спасительныхъ страданіяхъ и смерти. Но презирающій память ихъ, и притомъ торжественно и такъ открыто,—презирающій Церковь Христову, которая есть тѣло Его,—явно презираетъ Самого Христа, ибо мысль о Христѣ Спасителѣ неотдѣлима отъ мысли о Его спасительныхъ страданіяхъ и смерти, и благоговѣніе ко Христу, Главѣ церковнаго тѣла, несомнѣнно съ презрѣніемъ къ Его Церкви. Жалко положеніе лицедѣевъ, играющихъ для увеселенія публики подъ великій праздникъ въ честь Креста Христова: они дѣлаютъ дѣло истязателей Христа, скоморошески глумившихся надъ Нимъ; но трудно думать, чтобы лицедѣи театра, если въ нихъ есть сколько-нибудь христіанскаго чувства, охотно играли въ то время, когда Церковь призываетъ всѣхъ къ слезамъ покаянія предъ Распятымъ Христомъ. Многіе изъ нихъ вѣроятно дѣлаютъ это по неволѣ, подобно извѣстнымъ животнымъ, пляшущимъ изъ-подъ палки и стонущимъ при этомъ. Но что сказать о публикѣ, которую конечно никто не приневольиваетъ собираться въ театръ подъ столь великій праздникъ? Но видно страсти злѣе всякой неволи. Такова и страсть къ мірскимъ удовольствіямъ. Она одна причиною того безобразія, о которомъ у насъ рѣчь. Она убиваетъ въ людяхъ страхъ Божій, духовныя размышленія, любовь къ Церкви и ся заповѣдямъ, и доводитъ ихъ до того, что они не только равнодушно относятся къ церковнымъ учрежденіямъ и праздниковъ не отличаютъ отъ будней, но и глумятся надъ тѣми, которые напоминаютъ имъ о святости христіанскаго долга, о важности церковныхъ праздниковъ и о тяжести грѣха оскорбленія ихъ участіемъ въ такомъ нечестивомъ развлеченіи, какъ напримѣръ присутствіе въ театрѣ подъ праздникъ въ честь Креста Христова. Они, эти любители мірскихъ развлеченій, и одинаго часа не хотятъ побдѣть въ обществѣ братій своихъ, собирающихся по гласу Церкви на поклоненіе Кресту Христову,—это для нихъ всего тяжелѣе; но не тяжело всю ночь кружиться въ вихрѣ суеты

ты. Что же для них значить теперь христианство? Что— Церковь? Положение их крайне не хорошо: произвольно отлучая себя от молитвеннаго общенія съ братьями своими по вѣрѣ въ церковныхъ собраніяхъ, они находятся въ опасности быть отлученными отъ Самого Христа, и слѣдственно отъ спасенія. Пусть подумаютъ они объ этой опасности, и да вразумитъ ихъ Самъ Господь Своєю просвѣщающею благодатию, ибо человѣческое вразумленіе для нихъ не важно, и все, что мы сказали противъ грѣха оскорбленія настоящаго правдника, сказано не столько для вразумленія ихъ, сколько для предостереженія отъ подражанія имъ другихъ, покуда чуждыхъ этого тяжкаго грѣха.

БЕСѢДОВАТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНІЕ ЦЕРКОВНАГО СТИХА.

„Богородице, Ты сѣя Лоза истинная, возрастившая намъ плодъ живота. Тебѣ молимся, молися, Владычице, со святыми Апостолами, помилуй души наша.“

Въ этомъ Богородичномъ тропарѣ, читаемомъ въ службѣ третьяго Часа, требуетъ объясненія наименованіе Богородицы лозою истинною, возрастившею намъ плодъ живота.

Выраженіе: *Лоза истинная*, взято изъ словъ І. Христа. Въ прощальной, предъ Геесиманскими страданіями, бесѣдѣ своей съ Апостолами, Онъ сказалъ: „Азъ есмь лоза истинная, и Отецъ мой дѣлатель есть“ (Іоан. 15, 1). Сравнивъ себя съ виноградною лозою, Господь Исусъ потомъ назвалъ учениковъ Своихъ рождіями этой лозы: „Азъ есмь лоза, вы же рождіе (вѣтви)“ (ст. 5). Это значитъ, что Господь Исусъ, какъ Онъ Самъ объяснилъ (ст. 2—4), находится въ такомъ же отношеніи къ вѣрующимъ въ Него, въ какомъ виноградная лоза, или стволъ винограднаго дерева, находится къ своимъ вѣтвямъ. Какъ изъ лозы переходятъ соки въ вѣтви, и вѣтви получаютъ жизнь изъ нея, такъ вѣрующіе живутъ Христомъ. И какъ вѣтвь от-

рубленная отъ лозы сохнетъ и бросается въ огонь, такъ и вѣрующіе во Христа, если прервутъ живое общеніе съ Нимъ, не могутъ приносить плодовъ духовной жизни и находятся въ опасности вѣчной погибели.—Исусъ Христосъ называетъ Себя не просто лозою, но *истинною* лозою, въ противоположность лозѣ естественной и народу израильскому, которому иногда въ словѣ Божіемъ усвоается имя виноградной лозы (Іер. 2, 21. Псал. 71, 9). Естественная виноградная лоза въ ряду растений занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ по обширному употребленію плодовъ ея; но со времени грѣхопаденія первыхъ людей, это растеніе утратило свои первоначальныя совершенства, и раздѣляетъ проклятіе, которому вся природа подверглась за грѣхъ человѣка, и потому хотя и сравниваетъ себя Господь Исусъ съ виноградною лозой, но вмѣстѣ даетъ видѣть, что это сравненіе слабо выражаетъ Его достоинство, и потому Онъ называетъ Себя *истинною* лозою въ идеальномъ смыслѣ этого слова,—вполнѣ чуждою недостатковъ, свойственныхъ естественной лозѣ, вполнѣ доброкачественною и совершенною. Равнымъ образомъ, если Господь Исусъ называетъ Себя лозою также по сравненію съ израильскимъ народомъ, въ этомъ случаѣ еще болѣе слабо соотвѣтствіе между сравниваемыми предметами, ибо израильскій народъ не оправдалъ даннаго ему названія виноградной лозы. „Я посадилъ тебя, говоритъ Господь Іудей, какъ благородную лозу; какъ же ты превратилась въ дикіе побѣги чужой лозы?“ (Іер. 2, 21). Слѣдственно и въ сравненіи съ израильскимъ народомъ, не принесшимъ ожидаемыхъ отъ него плодовъ, Господь Исусъ, какъ виноградная лоза, имѣетъ недосыгаемое преимущество. Онъ одинъ есть, по этому, *истинная* Лоза, какъ Онъ же одинъ есть истинный свѣтъ (Іоан. 1, 9) и истинный хлѣбъ (Іоан. 6, 32). Много на свѣтъ было просвѣтителей и воспитателей челоуѣчества, но ни въ одномъ изъ нихъ духовно-просвѣтительная и воспитательная дѣятельность не достигла той полноты, какъ въ Немъ; посе-

му только Онъ въ строгомъ смыслѣ есть просвѣтитель и питатель, только Онъ есть истинный свѣтъ и истинный хлѣбъ. Равно Онъ только есть истинная виноградная Лоза, ибо кромя Него нѣтъ ни одного существа, могущаго быть источникомъ духовной жизни человѣчества; безъ общенія съ Нимъ она невозможна, какъ невозможна жизнь виноградной вѣтви въ отдѣленіи отъ лозы.

Наименованіе Лозы истинной, принадлежащее собственно Господу нашему Иисусу Христу, усвоится и Матери Его, по Ея материнской близости къ Нему. Нѣтъ инаго имени, даннаго подъ небесемъ, о немже подобаетъ спаситися, кромя имени Христа Иисуса; нѣтъ другаго источника жизни духовной для людей, кромя Его одного. Онъ одинъ есть Лоза истинная; но кому обзано челоуѣчество явленіемъ среди него этого единственнаго Источника жизни и спасенія? Оно обзано Матери Его: отъ Ея дѣвственныхъ кровей произошелъ Тотъ, Кто для насъ есть истинная лоза. Родивши Его, Она чрезъ это сама стала истинною лозою для челоуѣчества. Въ подобномъ смыслѣ св. Церковь усвоить Ей и другія имена, которыя собственно принадлежатъ Сыну Ея. Такъ собственно Сыну Ея, Господу І. Христу, принадлежитъ наименованіе Камня или скалы, — Хлѣба жизни, — Двери спасенія. Камень, давшій воду жаждавшимъ въ пустынь Евреямъ, — это, по словамъ апостола, былъ самъ Христосъ (1 Кор. 10, 4); Хлѣбомъ жизни, который предъизображенъ былъ манною, питавшею Евреевъ въ пустынь, — и Дверью спасенія Самъ Христосъ называетъ Себя (Іоан. 6, 35; 10, 9). Но тѣми же именами св. Церковь чествуетъ и Пресвятую Богородицу въ акаѳистѣ, въ честь ея составленномъ: „Радуйся Каменю, напоившій жаждущія жизни“ (Ик. 6). „Радуйся Пище, манны преемнице (замѣшанная манну)“ (Ик. 6). „Радуйся Дверь спасенія“ (Ик. 10). Соотвѣтственно сему Богоматерь достойно и праведно именуется Лозою истинною, какъ вповиница тѣхъ благъ, которыя даруетъ людямъ Господь Иисусъ, наша Лоза истинная. Она винов-

ница ихъ не только по рожденію отъ Нея Христа, но и по матернему дерзновенію, съ какимъ она ходатайствуетъ предъ Сыномъ своимъ и Богомъ за грѣшниковъ, проса Его не лишитъ ихъ участія въ этихъ благахъ.

Совокупность тѣхъ благъ, какія дарованы людямъ Господомъ Иисусомъ, называется въ разсматриваемой нами церковной пѣсни *животомъ*, т.-е. жизнью духовною и вѣчно блаженною; посему въ другихъ церковныхъ пѣсняхъ Пресвятая Дѣва познается *матерью живота*, т.-е. Источника живота; но въ разсматриваемомъ пѣснопѣніи о Ней сказано, что Она, какъ истинная лоза, произрастила *Плодъ живота*. Мысль въ обоихъ случаяхъ одна и та же, но въ разсматриваемой пѣсни Господь Иисусъ названъ *Плодомъ живота*, т.-е. такимъ плодомъ, вкушеніе котораго животворно, — по сравненію съ винограднымъ гроздомъ на виноградной лозѣ. Смыслъ сравненія состоитъ въ слѣдующемъ: сокъ винограднаго грозда, или вино, полезно какъ средство для укрѣпленія тѣлесныхъ силъ и для исцѣленія отъ недуговъ. Посему ап. Павелъ совѣтуетъ ученику своему: Тимоею, слабому здоровьемъ, прибѣгать къ этому средству, — употреблять не много вина (1 Тим. 5, 23). Виноградное вино полезно, какъ врачество противъ скорби и для возбужденія въ душѣ бодрости и веселія. „Дайте вино огорченному душею, пусть онъ выпьетъ и забудетъ бѣдность свою, и не вспомнитъ больше о своемъ страданіи“ (Прит. 31, 6, 7). „Вино веселитъ сердце челоуѣка“, говоритъ псалмопѣвецъ (Пс. 105, 15). Такія свойства винограднаго сока составляютъ выразительный образъ Плада животнаго, Господа нашего І. Христа. Ибо Онъ есть врачъ душъ и тѣлесъ нашихъ; Онъ — обновитель нашей духовной жизни; общеніе съ Нимъ есть неисчерпаемый источникъ радости и блаженства для вѣрующихъ въ Него; нѣтъ ни одной скорби, отъ немочи ли въ борьбѣ съ грѣхомъ, или отъ житейскихъ бѣдъ и напастей, — которая не разсѣвалась бы отъ свѣта лица Христова, отъ Его благовоительнаго и радостотворнаго воззрѣнія на скорбящаго. Сила, посред-

ствомъ которой сообщаются вѣрующимъ эти блага отъ животнаго Плода, Господа І. Христа, есть сила благодати. Она оживотворяетъ и обновляетъ насъ въ таинствахъ крещенія; она укрѣпляетъ наши духовныя силы и даетъ удовлетвореніе потребностямъ — правды, добра и блаженства въ прочихъ таинствахъ,—и сообщается намъ въ словѣ Божіемъ.

Такъ отъ Плода жизни, Господа І. Христа мы получаемъ въ таинствахъ все, что нужно для удовлетворенія потребностей жизни духовной, и даже тѣлесной. Нужно ли, чтобы ростокъ духовной жизни, получаемой въ крещеніи, не захирѣлъ и не увядъ отъ тлетворнаго дыханія міра? Отъ сей опасности предохранительное средство подается въ таинствѣ муропомазанія. Нужно ли намъ исцѣленіе отъ недуговъ душевныхъ? Оно подается въ таинствѣ исповѣди. Нужно ли въ скорбяхъ и суетахъ этой временной жизни освѣжить себя радостію тѣснѣйшаго общенія со Христомъ и въ этомъ общеніи почерпнуть силы для твердаго шествія по пути спасенія и залогъ для удостовѣренія, что мы не напрасно переносимъ трудности этого пути? Все это подается въ таинствѣ евхаристіи, по обѣтованію Христа Спасителя: „Ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Я въ немъ,—и имѣетъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 6, 54. 56). Нужно ли благословеніе Божіе на семейную жизнь и освященіе радостей ея? Это подается въ таинствѣ брака. Нужно ли намъ утѣшеніе въ тяжелой болѣзни и укрѣпленіе противъ духа унынія въ часъ смерти? Это подается въ таинствѣ елеосвященія. А какъ животворно для нашего духа слово Божіе, какъ оно духовно-дѣлительно и питательно и вообще спасительно для насъ, видно изъ того, что оно называется словомъ жизни (Филипп. 2, 16), сѣменемъ духовнаго возрожденія (1 Петр. 1, 23), свѣтильникомъ ногамъ нашимъ и свѣтомъ стезямъ нашимъ (Іс. 118, 105); слова Господни сладчае меда (— 103), веселіе сердца (— 111), и проч. Потому книга Слова Божія—не мертвая человѣческая книга, а жи-

вой источникъ благодати. Въ ней доселѣ дышетъ Духъ Божій къ нашему освященію и спасенію.

Но при такомъ обиліи средствъ для духовной жизни, заключающихся въ таинствахъ и въ Словѣ Божіемъ, отъ чего же происходитъ такая слабость ея въ христіанахъ, такая, можно сказать, духовная безжизненность? Плодъ живота предъ очами всѣхъ, въ рукахъ у всѣхъ, а какъ много духовно-слѣпыхъ, голодныхъ, нищихъ! Причина тому заключается не въ Плодѣ живота, всегда питательномъ и животворномъ, а въ насъ самихъ, въ нашей неумѣлости, иногда даже въ нежеланіи вкушать отъ Него для нашего спасенія. Возьмемъ таинства. Какъ много среди насъ такихъ, которые совсѣмъ уклоняются отъ принятія благодати, въ нихъ подаваемой, и живутъ такъ, какъ бы не были христіанами! Какъ много такихъ, которые, напримѣръ, уклоняются отъ таинства исповѣди и причащенія и живутъ въ пераскажаніи,—уклоняются отъ таинства брака и живутъ въ развратѣ!—Другіе же, хотя приступаютъ къ таинствамъ, но приступаютъ не по чувству сердечной потребности очистить себя благодатію ихъ, а по сознанию одного долга. Исповѣдаться и святыхъ Христовыхъ таинъ причаститься значить для нихъ, какъ и говорятъ обыкновенно, исполнить христіанскій долгъ, подобно тому, какъ исполняютъ долгъ, волей-неволей, когда платятъ разные налоги—казенные, земскіе, городскіе. Но если желательно, чтобы граждане несли разные казенныя и общественныя повинности съ охотою, безъ ропота, то не гораздо ли болѣе желательно, чтобы христіане сами отъ всей души искали освященія благодатію таинствъ, а не принимали ее, какъ непрошеннаго гостя? Государство и общественныя учрежденія могутъ быть довольны исправнымъ отбываніемъ повинностей, хотя бы граждане неохотно отбывали ихъ. Не такъ взираетъ Господь на исполненіе христіанскаго долга исповѣди и причащенія: Онъ зрѣтъ на внутреннія расположенія, съ какими этотъ долгъ исполняется, и наружная исправность въ исполненіи его, безъ

внутренняго стремленія и безъ любви къ Господу, Ему отнюдь не угодна, и для самихъ христіанъ бесполезна. — Возьмемъ теперь Слово Божіе. Оно есть сѣмя жизни. Но что́ чего бесплодно бываетъ это сѣмя? Оттого, что, какъ объясняетъ самъ Христосъ въ притчѣ о сѣятелѣ, оно падаетъ на землю неприготовленную къ принятію и прочному усвоенію его, — именно на землю утопанную ногами прохожихъ, т.-е. на душу рассѣянную, открытую для разнобразныхъ помысловъ и потому не способную удержать его; — на землю каменистую, съ тонкимъ слоемъ почвы, т.-е. на душу быстро воспринимающую, но также быстро забывающую добрыя впечатлѣнія отъ Слова Божія; — на почву тернистую, т.-е. на душу опутанную сѣтью земныхъ пристрастій. А многие даже, можно сказать, кощунственно относятся къ слову Божію, хотя повидимому любятъ слушать его. Таковы тѣ, которые слушаютъ Слово Божіе не для назиданія, а для услажденія звуками читающаго. Подобный возмутительный примѣръ кощунства представляютъ тѣ изъ гражданъ Москвы, которые по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ имѣютъ обычай посѣщать храмы, извѣстные по громозвучности діаконскихъ голосовъ, напримѣръ Успенскій соборъ, — посѣщать единственно для того, чтобы послушать, какъ будетъ читать діаконъ Евангеліе, какія высокія ноты при этомъ будетъ брать, какіе будетъ дѣлать переливы въ звукахъ. Содержание чтенія ихъ нисколько не занимаетъ, ихъ занимаетъ только процессъ чтенія, и потому, какъ только діаконъ кончитъ чтеніе, они сію же минуточку уходятъ изъ церкви и потомъ въ кругу своихъ пріятелей подробно и горячо судятъ и радуютъ объ искусствѣ діакона въ чтеніи Евангелія и о силѣ голоса его, какъ любители зрѣлищныхъ представленій судятъ объ искусствѣ игры лицедѣевъ. Такое отношеніе къ слову Божію поистинѣ кощунственно. Оно составляетъ непростительный грѣхъ и противъ самого Слова Божія, обращаемаго въ поводъ къ забавѣ, и противъ святости храмовъ Божіихъ, оскорбляемой присутствіемъ

емъ въ нихъ лицъ, ищущихъ въ нихъ не освященія себя благодатію молитвъ, священнодѣйствій и чтеній, а одного суетнаго развлеченія, одного услажденія громкими и пріятными звуками чтенія Слова Божія. Но пусть не надѣются они на безнаказанность: нѣтъ, Слово Божіе, ими презираемое, будетъ судить ихъ въ послѣдній день, — по неложному глаголу Христа Спасителя (Іоан. 12, 48).

И такъ не въ таинствахъ, не въ Словѣ Божіемъ, а въ людяхъ заключается причина бесплодности для нихъ таинства и Слова Божія. Плоды полезны вкушающимъ, а не видящимъ ихъ только издали, или только прикасающимся къ ихъ поверхности. Равно и Плоды живота, Господь Иисусъ приспешій отъ истинной лозы, Пресвятой Дѣвы Маріи, можетъ производить спасительныя дѣйствія только на питающихся отъ Него съ вѣрою, любовію и благоговѣніемъ.

НѢЧТО ВЪ ЗАЩИТУ ДУХОВЕНСТВА.

Слово въ день празднованія 8-й годовщины братства святителя Николая *).

Братство святителя Николая празднуетъ сегодня восьмую годовщину современію своего открытія. Благодареніе Господу, доселѣ видимо благословляющему успѣхомъ служеніе Братства благо святой православной Церкви. Средства Братства не оскудѣваютъ, а возрастаютъ, и потому число призрѣваемыхъ имъ дѣтей общаго духовенства, не уменьшается, а умножается. Число членовъ Братства также не убываетъ и усердіе ихъ къ братскому дѣлу не охлаждаетъ. Правда, въ текущемъ году Братство понесло великую утрату въ лицѣ приснопамятной покровительницы своей великой княгини Елены Павловны, съ

* Прозвнесено 28 окт. 1873 г. въ Братской Николаевенской церкви.

душевнымъ участіемъ входившей въ нужды Братства, — да упокоитъ ее Господь тамъ, гдѣ уготовано блаженство милостивымъ, — но Братство уповаетъ, что Господь исполнитъ сіе лишеніе новыми милостями. Оно уповаетъ потому, что дѣло, которому служить оно, есть дѣло святое и богоугодное, какъ дѣло служенія святой Церкви. Не по состраданію только къ бѣдному духовенству Братство приняло на себя заботу о дѣтяхъ его, а главнымъ образомъ по желанію симъ дѣломъ милосердія споспѣшествовать благу св. Христовой Церкви.

Но не слишкомъ ли много мы говоримъ, когда утверждаемъ, что вспоможеніе духовенству въ содержаніи его дѣтей имѣетъ значеніе служенія самой Церкви? Вѣдь Братство не обязываетъ призываемыхъ имъ дѣтей быть непременно служителями Церкви: по окончаніи и до окончанія училищнаго образованія они могутъ оставить духовное вѣдомство и посвятить себя совсѣмъ не церковнымъ занятіямъ. — Это правда: Братство не связываетъ свободы своихъ питомцевъ въ избраніи рода жизни; но уже однимъ попеченіемъ объ ихъ матеріальныхъ нуждахъ оно служитъ Церкви, ибо чрезъ это оно снимаетъ часть заботы о дѣтяхъ съ ихъ отцовъ или ближайшихъ ихъ духовныхъ сродниковъ и такимъ образомъ споспѣшествуетъ имъ съ большею свободою отдать себя на служеніе Церкви, не отвлекаясь отъ него обременительными заботами для пріобрѣтенія средствъ на содержаніе дѣтей. Тѣмъ не менѣе можно надѣяться, что призываемыя Братствомъ дѣти сами поймутъ необходимость при выборѣ рода жизни предпочесть то званіе, къ которому они принадлежатъ по своему происхожденію. Къ этому направляется самый характеръ образованія въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ они воспитываются. Въ низшихъ духовныхъ училищахъ, несмотря на общеобразовательный ихъ характеръ, усилено, въ сравненіи съ соотвѣствующими свѣтскими заведеніями, преподаваніе закона Божія и церковнаго пѣнія. Въ семинаріяхъ, не говоря о спеціальныхъ богословскихъ

классахъ, въ общеобразовательныхъ классахъ обращено особое вниманіе на изученіе Св. Писанія, чего нѣтъ въ гимназіяхъ. Такимъ образомъ, повторяю, самое образованіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ предрасполагаетъ воспитанниковъ къ выбору духовнаго званія. Не менѣе располагается къ тому же вся обстановка духовнаго быта. Обращаясь среди этой обстановки, дѣти естественно приываютъ къ мысли устроить въ будущемъ свою жизнь по примѣру отцевъ. Въ этомъ отношеніи нѣтъ разности между духовнымъ сословіемъ и другими. Обыкновенно дѣти купцовъ, ремесленниковъ, крестьянъ, остаются въ состояніи своихъ отцевъ, потому что присмотрѣлись къ ихъ занятіямъ, и эти занятія для нихъ стали сподручѣе, чѣмъ все то, что они видятъ въ другихъ сословіяхъ. Къ сожалѣнію, духовному сословію многіе ставятъ въ укоръ то, что не кажется имъ предосудительнымъ въ другихъ сословіяхъ. Ни дворянское сословіе, ни купеческое, ни ремесленное, ни крестьянское, никому не придетъ въ голову называть кастою, но духовенство называютъ *кастою*, и называютъ крайне неосновательно. Ибо что такое каста? Этимъ именемъ называется сословіе, которое не имѣетъ права перемѣнять образа жизни своихъ предковъ, смѣшиваться съ другими сословіями и также принимать изъ нихъ въ свой составъ, такъ что сынъ всегда долженъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ его отецъ. Такія касты до сихъ поръ существуютъ въ Индіи. Имѣло ли когда такой характеръ духовное сословіе на Руси? Никогда. Никогда не было на Руси, ни въ старину, ни въ послѣднее время, строгаго обособленія духовенства отъ мірянъ съ недопущеніемъ въ составъ его лицъ изъ другихъ сословій и съ возвращеніемъ перехода изъ него въ другія сословія. Еще менѣе допускаема была, по крайней мѣрѣ въ ближайшее къ намъ время, наследственность должностей въ духовномъ сословіи. Случалось правда, что сынъ священника производемъ былъ на его мѣсто, но это допускалось въ томъ только случаѣ, если онъ имѣлъ личныя достоинства и болѣе или ме-

нѣе достаточно приготовленъ былъ къ тому ученіемъ. Бывали, правда, исключенія въслѣдствіе злоупотребленій, но всегда признаваемы были незаконными. А въ наше время такіа исключенія даже невозможны. И однако же недоброжелатели духовенства продолжаютъ обывать его *кастою*, и это на томъ только основаніи, что церковныя мѣста занимаются большею частью лицами духовнаго происхожденія, хотя право на это даетъ имъ не духовное происхожденіе, а личныя достоинства. — Говорятъ: священный санъ такъ высокъ, съ такою отвѣтственностію соединенъ, что его могутъ и должны искать только *люди призванія*, независимо не только отъ происхожденія, но и отъ всякихъ другихъ личныхъ достоинствъ. Но какое призваніе разумѣютъ? Иногда бывають чрезвычайныя призванія къ служенію Церкви. Таково было въ Вѣтхомъ завѣтѣ призваніе пророковъ. Нѣкоторые изъ нихъ призваны были къ своему служенію изъ такой среды, которая ничего неимѣла съ нимъ общаго; напримѣръ Амось до избранія въ пророка былъ пастухомъ. Въ Новомъ Завѣтѣ всѣ апостолы призваны были къ своему служенію Самимъ Господомъ Исусомъ и притомъ изъ рыбаев. Дальнѣйшая исторія Церкви представляетъ не мало подобныхъ примѣровъ. Спиридонъ Тримифунтскій, Александръ Команскій призваны были къ святительству—одинъ изъ пастырей стада, другой изъ кузнецовъ. Все это примѣры чрезвычайнаго призванія Божія къ служенію Церкви, рѣдко повторяющіеся, и тѣ, которые почитаютъ достойными искателями священства людей призванія, безъ сомнѣнія, не имѣютъ въ виду чрезвычайнаго, чудеснаго отъ Бога призванія. Что же они имѣютъ въ виду? По ихъ мнѣнію, какъ и для всякаго рода дѣятельности, для священства нужно имѣть *внутреннее призваніе*, т. е. природное расположеніе, или склонность и способность къ этому служенію. — Конечно принятію священнаго сана должно предшествовать внутреннее расположеніе къ нему, — нельзя же безъ расположенія, даже съ отвращеніемъ, браться за дѣло, которое

требуетъ великаго труда и терпѣнія. Но съ другой стороны на одно внутреннее расположеніе въ этомъ случаѣ нельзя полагаться. Оно можетъ быть сильно до принятія церковной должности, покауда еще не извѣданы ея трудности, а потомъ, тяжелая борьба съ трудностями можетъ ослабить и даже совсѣмъ уничтожить его. Если и въ житейскихъ дѣлахъ самонадѣянность сопровождается вредными послѣдствіями, тѣмъ болѣе надобно ождать вредныхъ послѣдствій отъ самонадѣянности въ принятіи на себя такого великаго дѣла, какъ руководствованіе ко спасенію человѣческихъ душъ. Сказать, что я призванъ къ пастырскому служенію, имѣю непреодолимое внутреннее влеченіе къ нему, было бы слишкомъ смѣло, потому что главная сила, отъ которой зависитъ успѣхъ пастырскаго служенія есть сила благодати Божіей. „Я насадилъ, Аполокъ поливалъ, но возрастилъ Богъ. Посему, и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возвращающій“ (1 Кор. 3, 6. 7),—такъ говоритъ о значенія своихъ трудовъ въ дѣлѣ проповѣданія Евангелія величайшій апостолъ. Иначе ли должны разсуждать о себѣ самихъ ищущіе священства по чувству внутреннего призванія къ нему? Безъ помощи благодати Божіей неблагонадѣжна личная увѣренность въ своемъ призваніи. Мы знаемъ одного великаго миссіонера, имѣвшаго подъ своимъ начальствомъ и руководствомъ многочисленныхъ сотрудниковъ, который удостовѣрилъ, что болѣе благонадѣжными и полезными оказывались тѣ изъ нихъ, которые принимали на себя трудъ проповѣданія Евангелія между невѣрными по долгу послушанія, съ смиреннымъ сознаніемъ своей неспособности и неприготовленности къ этому труду, чѣмъ тѣ, которые вызывались на него сами, по убѣжденію въ своемъ призваніи къ тому. И самъ этотъ великій миссіонеръ не вызвался, а вызванъ былъ на дѣло просвѣщенія св. вѣроу явчниковъ. Трудность этого дѣла и смиренное сознаніе своей немоци, утрашали его и заставляли отказываться отъ него, но послушаніе власти,

призвавшей его къ сему служенію, побѣдило его нерѣшительность, — и Господь благословлялъ его миссіонерскіе труды обильнымъ успѣхомъ. Съ подобнымъ смиренномудріемъ, и подобною смиренною неувѣренностію въ своихъ силахъ должны взирать на себя всѣ избираемые на служеніе Христовой Церкви въ священномъ санѣ. Они могутъ и сами искать себѣ чести этого служенія, но призваніе къ нему должны видѣть не въ одномъ внутреннемъ влеченіи къ нему, которое можетъ быть самообольщеніемъ, а вмѣстѣ во внѣшнихъ указаніяхъ Промысла, отерывающихся въ обстоятельствахъ внѣшней жизни. Если я родился въ средѣ духовнаго сословія, если я по самому воспитанію своему принадлежу къ этой же средѣ, если образованіемъ я обязанъ той же духовной школѣ, въ какой учились мой отецъ и дѣды: то, когда пришло время избирать родъ жизни, мысль моя естественно должна склониться къ тому, не лучше ли и мнѣ избрать дорогу моихъ отцевъ, ихъ служеніе Церкви не должно ли быть и моимъ удѣломъ. И если я не вижу особенно уважительныхъ причинъ выбирать другой путь, къ которому я не подготовленъ ни происхожденіемъ, ни воспитаніемъ, ни всей обстановкой моей жизни, не долженъ ли я видѣть въ самыхъ этихъ обстоятельствахъ указанія Божія промысла, какому роду жизни всего ближе я долженъ себя посвятить? Смиренное покореніе этому внѣшнему указанію Промысла, право, благонадежнѣе, чѣмъ основанное на одномъ довѣрїи къ своимъ силамъ, къ своему призванію исканіе должностей и занятій, выходящихъ изъ ряду свойственныхъ моему внѣшнему положенію. Мы не хотимъ сказать, что только лица духовнаго происхожденія предназначены къ занятію церковныхъ мѣстъ; мы утверждаемъ только, что они ближе къ этому предназначенію. Что же касается до лицъ не духовнаго происхожденія, то никому изъ нихъ не возбраняется вступать въ клиръ; но, повторяю, призваніе къ сему и они должны видѣть не въ одной личной наклонности, но вмѣстѣ во внѣшнихъ ука-

заніяхъ Промысла. Ихъ можетъ быть не мало, а главнымъ образомъ къ нимъ должно относить нужды Церкви, при недостаточномъ количествѣ священнослужителей, — приглашеніе къ занятію церковной должности со стороны духовной власти, совѣты людей благочестивыхъ, которыми со стороны виднѣе ваши достоинства. Святая Церковь всегда готова принять въ составъ своего клира такихъ достойныхъ лицъ изъ всякаго сословія, хотя бы они не были приготовлены къ сему предварительнымъ богословскимъ образованіемъ, знали бы только хорошо катихизисъ. Такая льгота, предоставляемая мірянамъ для привлеченія ихъ къ служенію Церкви, повидимому, должна бы многихъ расположить къ переходу въ духовное сословіе; если же однако сего невидно, если случаи поступленія мірянъ въ церковный клиръ составляютъ до сихъ поръ рѣдкое исключеніе, то слѣдуетъ ли сѣтовать, что духовное сословіе состоитъ изъ лицъ преимущественно духовнаго происхожденія, и за то обзывать это сословіе кастою и придумывать другія выраженія для униженія его, напримѣръ называть его закрѣпощеннымъ на службу Церкви? Дѣло не въ томъ, какого происхожденія служители Церкви, а въ томъ, какъ они служатъ Церкви, удовлетворяютъ ли они своему назначенію. Не станемъ доказывать, что наше духовенство въ томъ положеніи, въ какомъ доселѣ существуетъ, вполне удовлетворяетъ своему назначенію, что оно служитъ Церкви какъ нельзя лучше. Сказать это безусловно — было бы несправедливо. Жалобы на нестрѣнность духовенства своему долгу, на небрежность въ исполненіи церковныхъ службъ, на слабость его духовно-нравственнаго вліянія на народъ, имѣютъ свое основаніе. Но если все это отчасти и справедливо, то отъ чего происходитъ? Ужъ конечно не отъ мнимой кастичности духовенства, иначе какъ объяснить свѣтлыя явленія пастырской дѣятельности весьма многихъ его членовъ? Не всѣ же пастыри не хороши, многіе и даже большая часть ихъ, благоговѣйны въ священнослуженіи, учительны, ревнуютъ о спасе-

ни пасомых до самоотверженія, подаютъ имъ примѣръ истинно-благочестивой жизни. Но порицатели духовенства не обращаютъ вниманія на эти свѣтлыя стороны,—они больше всего смотрятъ и указываютъ на мрачныя явленія и объясняютъ ихъ мнимою кастичностью духовенства. По ихъ словамъ, духовенство потому мало пользы приносить Церкви своимъ служеніемъ, что народу дано слишкомъ мало участія въ дѣлахъ церковныхъ, что народъ напримѣръ не пользуется правомъ выбирать себѣ пастырей, какихъ ему угодно, и представлять мѣстному епископу избираемыхъ только для утвержденія въ должности и для посвященія. Еслибы, говорятъ, прихожане имѣли излюбленныхъ священниковъ, духовная связь ихъ между собою была бы живѣе и плодотворнѣе, прихожане больше имѣли бы довѣрія и уваженія къ слову пастыря, котораго сами избрали въ руководители себѣ. Теперь же, говорятъ, нравственное влияние священника на прихожанъ незначительно и даже невозможно потому, что они смотрятъ на него какъ на казеннаго чиновника, навазаннаго имъ властью безъ ихъ сираса. Такъ говорятъ порицатели духовенства, но говорятъ не на основаніи близкаго знакомства съ дѣломъ. *Вотервилъ*, напрасно утверждаетъ, будто народъ нашъ дорожить правомъ выбора членовъ причта. Этого незамѣтно. Народъ большею частію разсуждаетъ, что духовное начальство лучше знаетъ, кого куда поставить въ священники,—и съ полнымъ довѣріемъ относится въ этомъ случаѣ къ распоряженіямъ власти, отнюдь не желая стѣснять ее своимъ вмѣшательствомъ. Наши ревнители правъ народа имѣютъ непохвальный обычай навязывать ему свои мнѣнія и на желанія народа ссылаются совсѣмъ не потому, что изучили эти желанія, а потому, что во имя народа, подъ предлогомъ радѣнія о благѣ его, хотятъ провести свои не всегда честные замыслы. Такъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ повременныхъ изданіяхъ нескрывается сочувствіе къ стачкамъ рабочихъ, устрояемымъ въ настоящее время въ западной Европѣ

подъ влияніемъ враговъ общественнаго порядка,—и просвѣчиваетъ намѣреніе подбить къ тому же и нашъ народъ. Нашъ народъ не помышляетъ объ этомъ, но непрощенные ревнители его правъ, приверженцы противоположенныхъ ученій, стараются растолковать рабочимъ, что они не понимаютъ своего блага, и склонить ихъ къ подряжанію западнымъ рабочимъ. На этихъ непрощенныхъ ревнителей, желающихъ низпроверженія общественнаго порядка, походятъ отчасти люди, изъ всѣхъ силъ добивающіеся признанія правъ народа на самое широкое участіе въ дѣлахъ церковныхъ и между прочимъ признанія права на выборъ духовныхъ пастырей, ибо они добиваются этого вопреки желаніямъ народа. *Вотервилъ*, добрыя или худыя отношенія прихожанъ къ священнику могутъ устанавливаться смотря не потому, излюбленъ онъ ими, или нѣтъ, а единственно смотря потому, какъ онъ поведетъ себя въ отношеніи къ прихожанамъ, и каковы ихъ нравы и обычаи. Иногда и достойный пастырь не пользуется расположеніемъ прихожанъ, по закону: „всякій дѣлающій худыя дѣла ненавидитъ свѣтъ и не идетъ къ свѣту, чтобы не обличились дѣла его, потому что они злы“ (Іоан. 3, 20). *Втретий*, напрасно утверждаютъ, будто у насъ народъ совсѣмъ лишенъ права голоса при выборѣ пастырей. Во многихъ случаяхъ и теперь нельзя поступить на мѣсто безъ предварительнаго одобренія прихожанъ, котораго требуетъ иногда и церковная власть. Но что въ большей части случаевъ священникъ поступаетъ на мѣсто не по выбору прихожанъ, а по одному только распоряженію епархіальной власти, это совершенно въ порядкѣ вещей. Ибо только епархіальная власть имѣетъ возможность хорошо знать, кто достоинъ того или другаго мѣста при церкви, кто нѣтъ. Прихожане же рѣдко имѣютъ такую возможность и рѣдко способны оцѣнить тѣ достоинства въ искателяхъ приходскаго мѣста, которыя указываются ап. Павломъ. По требованію Апостола, пастырь Церкви долженъ быть, между прочимъ, *учителемъ* (1 Тим. 3, 2). Но у насъ во

многихъ приходахъ, даже въ городскихъ и столичныхъ, этого качества совсѣмъ не дѣлать,—былъ бы онъ только добрый человѣкъ и исправенъ въ исполненіи богослуженія и требъ, хотя добрымъ человѣкомъ долженъ быть всякій христіанинъ, а не одинъ священникъ, и зотя для того, чтобы быть хорошимъ исполнителемъ богослужебнаго устава, не нужно имѣть богословскаго образованія, столь необходимаго пастырю для противодѣйствія невѣжеству, суевѣріямъ и всякимъ заблужденіямъ въ пасомыхъ. По требованію Апостола пастырь долженъ быть *воздерженъ* (Тит. 1, 8), *не пьяница* (1 Тим. 3, 3). А во многихъ приходахъ тяготеютъ священникомъ воздержнымъ и какъ сами предаются пьянству, такъ и священника склоняютъ къ тому же, почитая для себя обидою, если онъ будетъ уклоняться отъ ихъ обычныхъ угощеній, и угрожая за то отказомъ въ средствахъ содержанія. Нѣкоторые стоятели за права народа примираются даже съ этими безобразными отношеніями пасомыхъ къ пастырямъ: по ихъ мнѣнію, если міръ не желаетъ лучшаго священника и не находитъ нужнымъ болѣе удовлетворительнаго избранія, нѣтъ основанія навязывать ему другаго *). Пусть избранникъ міра не будетъ ничѣмъ возвышаться въ нравственномъ отношеніи надъ своими избирателями, пусть онъ будетъ такой же невѣжда, пьяница, это не бѣда, лишь бы осталось неприкосновеннымъ право на полную, безусловную свободу выбора. Нужно ли опровергать это дикое, нехристіанское воззрѣніе? Въ изложеніи его заключается уже опроверженіе. — Говорятъ: право мірянъ на выборъ пастырей искони существовало въ русской Церкви и въ древней христіанской, и уже по этому одному оно должно бы остаться неприкосновеннымъ. — Отвѣчаемъ: въ сущности, или, какъ нынѣ принято выражаться, въ принципѣ, оно и теперь нерушимо, судя потому, что доселѣ при посвященіи на степень пресвитера и діакона

*) См. Соврем. Извѣст. 1873 г. № 257 стр. 2.

испрашивается согласіе на сіе народа: *повелите*. Но пользование этимъ правомъ было всеобщимъ только въ первые три вѣка христіанства, а потомъ участіе мірянъ въ избраніи членовъ клира постепенно слабѣло. Въ русской Церкви оно могло быть господствующимъ явленіемъ во времена глубокаго упадка духовнаго просвѣщенія, когда епископъ по необходимости долженъ былъ ставить во священника, кого ему ни представятъ избиратели, потому что при отсутствіи духовно-школьнаго образованія онъ не могъ указать болѣе достойныхъ. Теперь такой печальной необходимости не существуетъ, чему надобно радоваться. Что же касается до примѣра первыхъ трехъ вѣковъ христіанской Церкви, когда преобладалъ голосъ народа въ избраніи членовъ клира, этотъ примѣръ для нашего времени покуда еще не можетъ служить руководствомъ. Христіане первыхъ вѣковъ болѣею частью хорошо знакомы были съ ученіемъ вѣры, принимали живое участіе въ борьбѣ съ лжеученіями, можно сказать—были богословами, а потому способны были дѣлать по надлежащему достоинству лицъ, избираемыхъ ими въ церковную должность: они никогда не могли предпочесть невѣжду человѣку свѣдущему въ дѣлахъ вѣры. Наше русское общество, особенно въ селахъ и деревняхъ, къ сожалѣнію, далеко еще не достигло подобной духовной зрѣлости. Когда же оно достигнетъ ея, тогда сама собою явится возможность допустить его до большаго участія въ дѣлахъ церковныхъ и между прочимъ въ избраніи членовъ клира. А до тѣхъ поръ нельзя не желать, чтобы это право удержано было за одними епископами и только въ немногихъ случаяхъ предоставляемо было мірянамъ. Конечно возможно, что иной епископъ злоупотребитъ этимъ правомъ, но вообще такія злоупотребленія должно относить къ исключеніямъ. Наши архипастыри взираютъ на себя, какъ на первыхъ служителей св. Церкви, и въ управленіи стадомъ не преслѣдуютъ никакихъ цѣлей личныхъ или церковно-политическихъ, какъ это свойственно іерархіи римской Церкви.

Ея предстоятели въ своихъ отношеніяхъ къ паствѣ связаны обязательствами въ отношеніи къ папѣ, — они обязаны дѣйствовать отъ имени папы, ревниво охранять его верховную власть надъ вѣрующими, часто въ ущербъ государству. Оттого католическая церковь называется государствомъ въ государствѣ. У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Наша іерархія не преслѣдуетъ никакихъ клерикальных цѣлей и потому никогда не приходитъ во враждебное столкновение съ государствомъ. Равно и въ опредѣленіи священнослужителей Епархіальная власть руководствуется у насъ одними чисто церковными соображеніями, клонящимися къ одному духовному благу вѣрующихъ. Не иное чтó, а именно одно духовное благо вѣрующихъ имѣть въ виду вмѣняется въ обязанность и всѣмъ низшимъ пастырямъ Христова стада, — они должны помнить и помнать, что не Церковь для нихъ существуетъ, а они для Церкви. Обвиненіе въ противномъ есть клевета, выдуманная недоброжелателями духовенства, несомнѣтельно обзывающими его кастою и навязывающими этой мнимой кастѣ какіе-то особые, противоцерковныя виды.

Такъ, братія, духовенство — не каста и дѣти его — не дѣти касты. Всѣ мы, служители Церкви и дѣти наши, не чужды вамъ, мы кость отъ костей вашихъ, плоть отъ плоти вашей. Всѣ мы, члены духовенства, — смиренные слуги Церкви, не знающіе никакихъ клерикальных видовъ, и отдѣленные изъ среды васъ не для господства надъ вами, а единственно для служенія вашему спасенію. Посему услуга, оказываемая вами духовенству, имѣетъ значеніе услуги для самой Церкви. Это же значеніе имѣютъ благотворенія членовъ Братства свят. Николая, идущія на призрѣніе дѣтей бѣднаго духовенства. Можно сказать, что такіа благотворенія — не жертва, безвозвратно потерянная, а услуга за услугу. „Если мы съѣмъ въ васъ духовное, велико ли то, если пожинаемъ у васъ тѣлесное“ (1 Кор. 9, 11)? Аминь.

САМОХВАЛЬСТВО.

Самохвальство — довольно распространенный между людьми грѣхъ. Кто и чѣмъ нынѣ не хвалится? Самохвальство иногда укрывается подъ видомъ смиренія. Иной вслѣски унижаетъ себя на словахъ передъ людьми, называетъ себя глупѣйшимъ и оказнѣйшимъ паче всѣхъ людей именно для того, чтобы или похвалили его за смиреніе или опровергли его указаніемъ на его духовныя достоинства, и такимъ образомъ, вызывая другихъ на похвалу себя, самъ себя хвалитъ устами другихъ.

Но кто бы чѣмъ и какъ ни хвалился, самохвальство во всякомъ случаѣ весьма предосудительно и въ христіанинѣ не извинительно.

Такъ весьма предосудительно и неизвинительно христіанину хвалиться внѣшними, физическими своими достоинствами — здоровьемъ, крѣпостью силъ тѣлесныхъ, голосомъ, — или душевными природными достоинствами, напримѣръ силою ума, мягкостію сердца. Всѣ эти природныя, внѣшнія и внутреннія достоинства не составляютъ заслуги со стороны человѣка. Все это дары Божіи, которыми не хвалиться, а Бога за нихъ благодарить должно. Если къ чему, то преимущественно къ этимъ дарамъ Божиимъ идутъ слова апостола: „что ты имѣешь, чего бы не получилъ? а если получилъ, что хвалишься, какъ будто не получилъ (отъ Бога, а самъ приобрѣлъ)?“ (1 Кор. 4, 7). Притомъ внѣшнія природныя достоинства непрочны. И здоровье самое крѣпкое надламывается, и красота увядаетъ, и силы тѣлесныя исчезаютъ. Стоитъ ли хвалиться благами, которыя такъ непрочны, которыя не нами приобретены и которыя не въ нашей власти сохранить?

Иные хвалятся своими успѣхами въ наукахъ, въ искусствахъ, и даже печатно заявляютъ, что этими успѣхами они создали себѣ памятникъ нерукотворный, къ которому не заростетъ народная тропа. Похвальба дѣтская

и легкомысленная! Она несогласна не только съ христіанскимъ смиреніемъ, но вообще съ трезвымъ взглядомъ на значеніе и на судьбу человѣческой мудрости. Не такъ разсуждаютъ о значеніи человѣческой мудрости люди истинно мудрые даже между язычниками. Одинъ изъ нихъ откровенно признавался: „я знаю, что ничего не знаю“. Въ такомъ признаніи нѣтъ преувеличенія. Если сравнить область того, что мы знаемъ, съ областью того, чего не знаемъ и къ познанію чего только стремимся, то достигнутые нами успѣхи знанія покажутся дѣйствительно ничтожными при такомъ сравненіи, ибо то, чего не знаемъ, по размѣрамъ своимъ безпредѣльно превышаетъ то, что предстоитъ намъ узнать въ настоящей и особенно въ будущей жизни. Да и достигнутые людьми успѣхи въ области наукъ и искусствъ какъ непрочны! Не мало памятниковъ наукъ и искусствъ дошло до насъ отъ древняго міра, но несравненно больше погибло, да и то, что уцѣлѣло, представляетъ лишь отрывки хартій и развалины. Можно ли послѣ этого говорить о памятникахъ *нерукотворенныхъ, вѣчныхъ*, и хвалиться тѣмъ, что успѣхами своими въ знаніи, въ поэзій, живописи, архитектурѣ и проч. мы ставили себя право на вѣчную память въ потомствѣ?

Иные, подобно фарисею евангельской притчи, хвалятся своими нравственными достоинствами, — тѣмъ, что они не такovy, какъ прочіе люди. Но кому неизвѣстно, какой судъ произнесенъ въ этой притчѣ надъ такимъ нечестивымъ самохвальствомъ?—Самое обыкновенное явленіе въ этомъ отношеніи есть похвалба честности. Многие съ особеннымъ какимъ-то удовольствіемъ твердятъ всякому, что они—честные люди, что не возьмутъ грѣха на душу, чтобы напримѣръ обмануть кого, воспользоваться чужимъ добромъ. Но подобные самохвалы замѣчаютъ ли, что въ нихъ нѣтъ уваженія даже къ самимъ себѣ, ибо они вмѣняютъ себя въ заслугу то, что не совершаютъ преступленій, влекущихъ за собой тюремное заключеніе, или

заточеніе? Замѣчаютъ ли, что они обижаютъ ближнихъ, ибо хвалятся тѣмъ, чего, по ихъ словамъ, у ближнихъ нѣтъ? Замѣчаютъ ли, что своею похвалбою не только не возвышаютъ, а скорѣе роняютъ себя въ глазахъ ближняго, ибо кто настойчиво трубитъ о своей честности, тотъ показываетъ, что ему видно не очень легко удержаться отъ безчестныхъ поступковъ, и что, слѣдственно, честность его не надежна?

Многіе хвалятся успѣхами въ житейскихъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, себя однимъ приписывая эти успѣхи, вмѣсто того, чтобы за нихъ хвалить и благодарить Господа. Царь ассирійскій, по слову пророка Исаіи, гордый своими побѣдами и завоеваніями, говорилъ: „я это сдѣлалъ силою своей руки и мудростію своею, ибо умень я, и переставлю предѣлы народовъ, и раскиаю сокровища ихъ“. Но ослѣвленный гордостью и тщеславіемъ, не подозревалъ царь ассирійскій, что онъ—только бичъ въ рукахъ Божіихъ, что онъ ничего бы не сдѣлалъ безъ Божіа поущенія и содѣянія. „Величается ли сѣкира предъ сѣкущимъ ею? Пила гордится ли предъ тѣмъ, кто ею движетъ? Какъ будто жезлъ движетъ того, кто поднимаетъ его, какъ будто палецъ поднимаетъ того, который—не дерево“ (Ис. 10, 13—15).

Иные съ самохвальствомъ увѣряютъ всѣхъ и каждого, что могутъ съ успѣхомъ сдѣлать все, за что ни возмуща что невозможно для другихъ, для нихъ ничто, —увѣряютъ по самонадѣянности, не хотящей звать никакихъ препятствій къ достиженію своихъ дѣлей. И какъ пагубно бываетъ такое самохвальство и такая самонадѣянность, показываетъ исторія и опытъ. Такъ Господь чрезъ ангела погубляющаго востребилъ въ одну ночь 180 тысячъ ассирійскаго войска, вслѣдъ затѣмъ, какъ царь ассирійскій, требуя безусловной покорности себя отъ іудейскаго царя Езекии, хвастливо и богохульно написалъ ему, что его Богъ такъ же безсиленъ, какъ и боги тѣхъ наро-

довъ, которыхъ разворили ассирійскіе цари (4 Цар. 19, 12) *).

Что сказать о томъ самохвальствѣ, къ какому прибѣгаютъ частнымъ образомъ и чрезъ газетныя публікаціи торговцы, рекомендуя покупателямъ свой товаръ, какъ самый лучший,—врачи нѣкоторыхъ болѣзней, напримѣръ зубныхъ, увѣряя чуть не въ чудотворной силѣ избрѣтенныхъ ими лекарствъ,—издатели книгъ, газетъ и журналовъ (не исключая, къ сожалѣнію, нѣкоторыхъ духовныхъ), превознося до небесъ свои изданія, прежде чѣмъ публіка познакомилась съ ними, и унижая труды въ томъ же родѣ другихъ? Еслибы и справедливы были подобныя самовосхваленія, къ нимъ не слѣдовало бы прибѣгать, чтобы не навязать почти насильно своего личнаго мнѣнія ближнимъ, чтобы не стѣснить свободы ихъ въ оцѣнкѣ вашихъ товаровъ, вашего искусства и т. п., чтобы не оказывать неуваженія къ нимъ тою настойчивостію, съ какою вы предлагаете имъ ваше руководство въ опредѣленіи достоинства вашихъ же вещей и занятій. Къ сожалѣнію, въ большей части случаевъ къ подобнымъ самовосхваленіямъ прибѣгаютъ люди, расчитывающіе единственно на лековѣріе публіки. И вотъ дошло до того, что благоразумная часть публіки теперь уже не вѣритъ никакимъ самовосхваленіямъ торговцевъ и разныхъ другихъ предпринимателей, какъ никто не вѣритъ божбѣ. Говорятъ торговцы: не похвалишь товара—не продашь; но лучше ничего не продать, чѣмъ сбыть товаръ залежавшійся и гнилой тому, кто пріобрѣтаетъ его единственно по довѣрію къ вашимъ похваламъ ему.

Съ самохвальствомъ, противъ котораго говоримъ, ничего не имѣютъ общаго тѣ заявленія, какія иногда позволяютъ въ похвалу себѣ святые люди. Такъ пророкъ Самуилъ, сложивъ съ себя должность судіи израильтянъ по

* Русскія поговорки: „кто похвалится, тотъ спохватится“.—„Завтра похвалишься, а сегодня рано“. „Не хвались, напередъ Богу помолись“.

избраніи и помазаніи царя надъ ними Саула, почелъ нужнымъ въ торжественномъ собраніи всего народа обратиться къ нему съ вопросомъ: не притѣснилъ ли онъ кого во время своего правленія, не бралъ ли съ кого подарковъ, чтобы склонить судъ въ его пользу,—и заявилъ свою готовность вознаградить обиженныхъ. Самуилъ былъ увѣренъ, что никто не обвинитъ его въ неправдѣ, какъ и дѣйствительно случилось (1 Цар. 12, 3—6). Но для чего же онъ потребовалъ у народа суда о своемъ поведеніи? Не хотѣлъ ли онъ, въ виду благоприятнаго для себя суда, похвалить себя устами другихъ? Никакъ. Это онъ сдѣлалъ для того, чтобы доказать народу, что народъ напрасно пожелалъ имѣть у себя царя по примѣру другихъ народовъ, что и безъ царя можно было управлять народовъ, что и безъ царя можно было управлять имъ правосудно и добросовѣстно, и притомъ съ гораздо большими льготами, чѣмъ при царѣ, въ пользу котораго евреи будутъ обременены многими повинностями и поборами, дотолѣ неслыханными у нихъ, хотя законными.—Св. апостоль Павелъ, хотя соглашается, что хвалиться свойственно людямъ неразумнымъ (2 Кор. 11, 16), однако позволяетъ себѣ съ похвалою высказаться о своемъ лицѣ и служеніи. „Какъ многіе хвалятся по плоти, сказалъ онъ, то и я буду хвалиться“, и потомъ исчисляетъ свои права на похвалу: онъ потомокъ Авраама, членъ избраннаго народа, какъ и другіе, которые хвалятся тѣмъ же; онъ больше всѣхъ проповѣдниковъ Евангелія потрудился въ апостольскомъ служеніи, больше всѣхъ претерпѣлъ гоненій и страданій за дѣло благовѣствованія; онъ, наконецъ, удостоился чрезвычайныхъ виднѣній и откровеній и однажды восхищенъ былъ въ рай и тамъ слышалъ неизреченные глаголы (2 Кор. 12, 22—29; 13, 1—5). Но все это самохвальство ли? Никакъ. *Впервыиъ*, онъ отклоняетъ отъ себя упрекъ въ самохвалствѣ тѣмъ, что самъ признаетъ похвалу дѣломъ неразумнымъ, которое позволяетъ себѣ прежде всего по надеждѣ, что коринѣскіе христіане, предъ которыми онъ хвалитъ себя, отнесутся снисходи-

тельно къ нему, какъ они снисходительно относятся къ другимъ *неразумнымъ* людямъ, которые ихъ порабащаютъ, объѣдаютъ, бьютъ въ лицо (2 Кор. 11, 19. 20). Въ этомъ случаѣ апостоль какъ бы такъ говоритъ: пусть я покажусь въ очахъ вашихъ неразумнымъ, выхвалая самого себя; но все же неразуміе мое не превосходитъ неразумія другихъ людей (лжеапостоловъ), которыхъ власть надъ собою вы терпите несмотря на ихъ своекорыстіе и безстыдство. Такимъ образомъ апостоль похвалаетъ себя не по тщеславію, а съ намѣреніемъ дать понять коринѣскимъ христіанамъ, какъ неизвинительно ихъ пристрастіе къ такимъ людямъ, ихъ готовность на нихъ промѣнять его, столь много и столь безкорыстно трудящагося для спасенія ихъ. *Восторгъ* все, что сказалъ апостоль въ похвалу себѣ, особенно что повѣдалъ о своихъ видѣніяхъ и откровеніяхъ, все это сказалъ онъ для того, чтобы прославить благодать Божію, въ немъ явившуюся,—онъ хвалитъ не себя, а Господа Бога, сила Котораго въ немощи его совершается, и говоритъ о себѣ, какъ бы о постононнемъ человѣкѣ. „Такимъ человѣкомъ, говорить, могу похвалиться, собою же не похваюсь, развѣ только немощами своими (2 Кор. 12, 5. 9). *Наканонецъ*, указывая въ похвалу себѣ на подвиги своего апостольскаго служенія и на особенное благоволеніе Божіе въ немъ, онъ имѣетъ въ виду убѣдить христіанъ, къ которымъ пишетъ, въ своемъ несомнѣнномъ апостольскомъ достоинствѣ, вопреки его недоброжелателямъ, которые утверждали, будто онъ не настоящій Христовъ апостоль, и что потому проповѣдь его не имѣетъ надлежащаго авторитета. Въ случаѣ успѣха такихъ недоброжелательныхъ разглашеній, апостоль находился въ опасности потерять всѣ плоды свѣихъ проповѣдническихъ трудовъ и не могъ бы съ успѣхомъ продолжать своего служенія. Для отстраненія сей опасности ему непременно надлежало защитить свое апостольское достоинство, честь своего служенія. Чѣмъ же защитить? Ближе всего указаніемъ на то, что благодать

Божія совершила чрезъ него, какъ чрезъ послушное свое орудіе.

Нѣтъ, святые люди своимъ примѣромъ учатъ насъ не самохвальству, а смиренію. Самъ апостоль Павелъ, избранный сосудъ благодати Божией, называетъ себя первымъ изъ грѣшниковъ. Кто дорожитъ добрымъ мнѣніемъ о себѣ ближнихъ, пусть старается заслужить оно не путемъ самохваленія, а дѣйствительными духовными достоинствами, дѣйствительными добродѣтелями. „Да хвалитъ тя искренній, а не твоя уста, чуждій, а не твои уста“ (Прит. 27, 2).

РѢчь въ честь юбиляра.

Протоіерей Иванъ Алексѣевичъ Благовѣщенскій, въ юбилей котораго, 8-го ноября 1873 г., сказано нами Рѣчь, принадлежитъ къ числу достойнѣйшихъ московскихъ пастырей. Онъ находился въ близкомъ родствѣ съ преосв. Евгеніемъ ярославскимъ и былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ его въ семинари; онъ съ честью законоучительствовалъ въ Николаевскомъ институтѣ при Воспитательномъ Домѣ. Въ настоящее время онъ состоитъ членомъ моск. консисторіи и экзаменаторомъ поступающихъ на священнослужительскія мѣста. Редакція Душ. Чтенія имѣетъ его въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Онъ помѣстилъ въ этомъ журналѣ біографію Прохорова (1860 г.), Дневникъ преосв. Евгенія въ переводѣ съ латинскаго съ дополнительными свѣдѣніями о его жизни и служеніи (1869 г.). Благодарный ему редакторъ Душеп. Чтенія за обѣдомъ, даннымъ въ честь юбиляра, обратясь къ высокопреосвященнѣйшему Иннокентію, сказалъ въ честь юбиляра:

„Ваше Высокопреосвященство! позвольте мнѣ внести небольшую вѣтку въ благоухающій вѣнокъ досточтимаго юбиляра. Какъ служитель духовнаго просвѣщенія, я почитаю себя обязаннымъ сказать нѣсколько словъ о пло-

дотворномъ участіи Ивана Алексѣевича въ духовно-литературной дѣятельности. Въ Душеполезномъ Читаніи, въ первый годъ его изданія, помѣщена составленная имъ біографія его прихожанина и духовнаго сына Тимофея Васильевича Прохорова. Она составлена такъ хорошо, такъ обстоятельно и поучительно, что въ послѣдствіи вошла въ составъ одной изъ свѣтскихъ учебныхъ хрестоматій, какъ образцовое произведеніе. Какъ любитель церковнаго законовѣдѣнія и ревнитель церковнаго благочинія, достойный Иванъ Алексѣевичъ издалъ весьма полезное для духовенства руководство къ церковно-служебной дѣятельности: систематическій сборникъ предисаній и распоряженій по духовному вѣдомству Московской епархіи съ 1828 по 1869 годъ.—Въ настоящее время страницы еженедѣльнаго мѣстнаго духовнаго изданія украшаются обширною, весьма интересною біографіею преосвященнѣйшаго Евгенія, архіепископа ярославскаго, составленною достойнымъ юбиляромъ на основаніи большею частью родственныхъ писемъ къ нему почившаго архипастыря. Симпатичная личность знаменитаго іерарха увѣковѣчена для исторіи въ свѣтломъ, въ высшей степени для архипастырей и пастырей поучительномъ образѣ, какой начертала искусная рука Ивана Алексѣевича. Не упоминаемъ о нѣкоторыхъ другихъ авторскихъ трудахъ его, ибо и указанныхъ достаточно, чтобы всякій могъ оцѣнить значеніе его духовно-литературной дѣятельности. Она поистинѣ достойна нашего сердечнаго уваженія, тѣмъ паче, что онъ занимается ею, не смотря на преклонныя свои лѣта и при многосложныхъ служебныхъ занятіяхъ. Примѣръ его въ этомъ случаѣ получаетъ особенную важность въ настоящее время, въ виду недоброжелательныхъ и иногда презрительныхъ отношеній нѣкоторыхъ изъ нашихъ же собратьевъ къ духовному писательству. Одно изъ соотрудниковъ духовнаго журнала спросилъ его знакомый пресвитеръ: „что подѣлываешь?“ — „Кое-что пописываю для журнала“, — былъ отвѣтъ. — „Напрасно тратишь

время на такіе пустяки“, — сказалъ пресвитеръ-собесѣдникъ. Почему онъ назвалъ духовное писательство пустяками, неизвѣстно. Не потому ли развѣ, что оно не такъ выгодно въ матеріальномъ отношеніи, какъ промышленная предпримчивость, не чуждая инымъ служателей алтара. Во всякомъ случаѣ, мы, скромные работники на духовно-литературномъ полѣ — не смущаемся подобными уничижительными отзывами о нашей работѣ со стороны людей, слишкомъ практическихъ, не желающихъ понять, что духовная литература, какова ни есть, служитъ проводникомъ духовнаго просвѣщенія въ общество, не менѣе, если не болѣе важнымъ, тѣмъ устная проповѣдь и школа. Намъ ободраетъ между прочимъ примѣръ дѣятельнаго участія въ духовно-литературныхъ трудахъ такихъ достойныхъ представителей духовенства, какъ досточтимый юбиляръ. Если онъ, столь высоко-поставленный въ средѣ нашего духовнаго общества, не почитаетъ для себя унижительнымъ и даже вмѣняетъ себѣ въ великую честь духовно-литературныя занятія, — стало-быть они не пустяки: Иванъ Алексѣевичъ не сталъ бы заниматься пустяками.—Итакъ да позволено будетъ мнѣ провозгласить здравицу въ честь досточимаго юбиляра, какъ духовно-литературнаго дѣятеля. Преосвященнѣйшій Евгенийъ безъ малаго не дожилъ до ста лѣтъ. Пожелаемъ молитвенно, чтобы сродникъ его Иванъ Алексѣевичъ восполнилъ этотъ недостатокъ продолженіемъ своей жизни, такъ чтобы намъ пришлось праздновать столѣтіе его жизни такъ же весело, какъ празднуемъ подстолѣтіе его пастырской службы“.

ПО ПОВОДУ БѢДСТВІЙ ОТЪ НЕУРОЖАЯ ВЪ САМАРСКОЙ ГУБЕРНІИ ВЪ 1873—1874 ГГ.

Кому неизвѣстно, что жители Самарской губерніи вотъ уже третій годъ страдаютъ отъ неурожаа? Особенно тяжель для нихъ послѣ двухъ неурожайныхъ этотъ годъ. Многіе изъ нихъ питаются теперь древесною корою, лебедою и пищею свиней — желудями, а иные гложуть землю, бросаются на то, отъ чего отворачиваются даже псы, и даже мрутъ съ голоду, а извѣстно, что ни одна смерть такъ не мучительна, какъ смерть отъ голода. Для прокормленія себя съ семействами, крестьяне распродаютъ послѣдній домашній скотъ, оставшійся отъ падежа, и продаютъ за безцѣнокъ, удаляются на заработки въ сосѣднія губерніи (ибо въ своей по случаю неурожая ихъ совсѣмъ нѣтъ), но по причинѣ большого спроса на работу, или совсѣмъ не находятъ ее, или находятъ за ничтожную плату, за которую едва себя могутъ прокормить, оставая безъ помощи семейство. Между тѣмъ съ наступленіемъ весны надобно будетъ выступить къ обмѣненію полей, а обмѣнить нечѣмъ, сѣмянъ купить не на что, и можетъ случиться, что даже въ случаѣ хорошаго урожая на засѣянныхъ поляхъ, останутся ни съ чѣмъ тѣ, у кого они не засѣяны. Положеніе понинѣ безвыходное! Оно можетъ быть поправлено только помощію со стороны. Правительство и земства принимаютъ мѣры къ уменьшенію бѣдствія, но бѣдствіе такъ велико, что эти мѣры оказываются недостаточными и является нужда въ частной благотворительности.

Благотворить бѣдствующимъ побуждаетъ естественное чувство состраданія. Оно свойственно, въ большей или меньшей мѣрѣ, даже грубому язычнику, свойственно не только вѣрующимъ, но также и во что не вѣрующимъ, хотя многіе изъ послѣднихъ почему-то стыдятся этого чувства и возникающее въ нихъ доброе желаніе помочь ближнему въ нуждѣ приписываютъ, по крайней мѣрѣ на

словахъ, не сердечному движенію, а одному эгоистическому расчету, рассуждая такъ: чѣмъ меньше вокругъ меня бѣдныхъ и голодныхъ, тѣмъ для меня же лучше, — въ общемъ благосостояніи заключается мое собственное, стало-быть для себя я долженъ заботиться о другихъ. — Но естественное чувство состраданія, хотя бы оно свободно было отъ этого эгоистическаго расчета, — само по себѣ, не можетъ служить для христіанна достаточнымъ побужденіемъ къ благотворенію ближнимъ, страждущимъ отъ какихъ бы ни было бѣдъ, и въ частности отъ недостатка дневнаго пропитанія. Христіанинъ въ дѣлѣ милосердія къ ближнимъ слѣдуетъ не столько естественному состраданію, сколько основаннымъ на вѣрѣ побужденіямъ. Хорошо творить добро ближнему по естественному влеченію сердца, по состраданію, которое возбуждается въ сердцѣ зрѣлицемъ бѣдствія ближнихъ; но не у всѣхъ сердце одинаково чувствительно по природѣ, не на всѣхъ зрѣлище бѣдствія производитъ одинаковое впечатлѣніе: однихъ оно трогаетъ до глубины души, другіе, даже добрые люди, спокойно смотрятъ на это зрѣлище, а злые люди даже злорадствуютъ при видѣ чужой бѣды. Итакъ нужно другое, болѣе сильное побужденіе къ благотворительности. Для христіанина такимъ побужденіемъ служить мысль, что помогать ближнему въ нуждѣ вообще и въ частности кормить алчущаго, должно ради Христа, ибо самъ Христосъ на страшномъ судѣ эту услугу отнесетъ къ Себѣ: *взвѣсавъ, и дасте ми исти*. Онъ какъ бы не падѣется на естественную натуру сострадательность къ ближнему, и потому говорить намъ: „Если не для ближняго, то для Меня сдѣлайте добро ему. Одолженіе, какое окажете ему, Я приму на свой счетъ. Вашъ ближній, нуждающійся въ вашей помощи, есть мой меньшій братъ, котораго Я такъ люблю, о которомъ такъ заботусь, что если вы сдѣлаете что-нибудь для него, это будетъ значить — вы сдѣлали для Меня (Матѣ. 25, 40). Мнѣ ли вы откажете въ исполненіи? Нѣтъ, вы не рѣшитесь на такой отказъ, если цѣните все,

что Я сдѣлалъ для васъ, для вашего спасенія. Докажите готовностію помочь ближнему въ нуждѣ, что вы дѣйствительно христіане, что не напрасно называетесь Моиимъ именемъ, что вполне благодарны Мнѣ за тѣ безмѣрныя милости, какими вы обязаны единственно Мнѣ. Итакъ, ради Меня, во имя Мое, во свидѣтельство вѣры въ Меня, любви и благодарности ко Мнѣ, накормите алчущаго вашего брата, который есть вѣстѣй Мой менѣйшій братъ". Сильнѣе этого побужденія къ благотворительности быть не можетъ. Знаютъ это нищіе и вообще всѣ терпящіе крайнюю нужду въ чемъ-нибудь, и потому умоляютъ насъ о помощи именемъ Христовымъ, а нѣкоторые даже злоупотребляютъ этимъ святѣйшимъ именемъ, прикрывая имъ свою праздность, свою привычку къ тунеядству.

Благодареніе Богу, бѣдствіе жителей Самарскаго губерніи возбудило всеобщее сочувствіе въ Россіи, особенно въ Москвѣ. Жертвы на голодающихъ текутъ со всѣхъ сторонъ, и отъ частныхъ лицъ, и отъ общественныхъ учрежденій. Одна московская городская Дума, въ общемъ собраніи гласныхъ, происшедшемъ 16 ноября минувшаго (1873) года, рѣшила отпустить изъ общественныхъ суммъ 50 тысячъ рублей въ пользу бѣдствующихъ самарцевъ. Къ сожалѣнію, къ этому святому дѣлу христіанскаго милосердія примѣшались нехристіанскія разсужденія. Одинъ изъ гласныхъ Думы, поддерживая предложеніе нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ, касательно увеличенія суммы для пожертвованія на половину противъ предложенной комиссіею, замѣтилъ, что „Москва нисколько не потеряетъ, если московское городское общество пожертвуетъ болѣе значительную сумму. Москва—городъ мануфактурный, и чѣмъ бѣдаѣ будутъ ея пригороды, тѣмъ меньше она будетъ сбывать своихъ произведеній, слѣдовательно и зарабатывать, и наоборотъ" (Моск. Вѣд. 1873 года № 292). Такое разсужденіе нельзя одобрить съ христіанской точки зрѣнія; оно понятно въ людяхъ ни во что не вѣрующихъ, о которыхъ мы выше упомянули,—они на все смотрятъ,

обо всемъ судятъ со стороны чувственной и грубо-матеріальной. Такимъ людямъ свойственно благотворить по расчету, по соображенію, что это неудобно и современнѣе окупится, и что скупиться въ этомъ случаѣ, значить не понимать своей же выгоды. Не такъ долженъ разсуждать христіанинъ: онъ долженъ помнить наставленіе Спасителя о безкорыстномъ благотвореніи: „Всякому просящему у тебя давай, и отъ взявшаго твое не требуй назадъ. Если дѣлаете добро тѣмъ, которые вамъ дѣлаютъ добро, какая вамъ за то благодарность? Ибо и грѣшники тоже дѣлаютъ. Если взаимъ даете тѣмъ, отъ которыхъ надѣетесь получить обратно: какая вамъ за то благодарность? ибо и грѣшники даютъ взаимъ грѣшникамъ, чтобы получить обратно столько же" (Лук. 6, 30 33. 34). Благотвореніе по расчету не есть благотвореніе, а торговая или промышленная сдѣлка. Очень достойно сожалѣнія, что гласные московской Думы, безъ сомнѣнія, принадлежащіе къ числу вѣрующихъ во Христа Спасителя, разсуждаютъ однако не похристіански. Думается, что найдено нужнымъ прибѣгнуть къ подобнымъ разсужденіямъ не по личному убѣжденію, а по соображенію, что между членами Думы есть такіе, для которыхъ, коммерческіе расчеты въ дѣлахъ благотворенія больше убѣдительны, чѣмъ высшія побужденія. Нельзя впрочемъ не удивляться тому, что, какъ ни продолжительны были разсужденія почтенныхъ представителей города Москвы о пожертвованіи въ пользу бѣдствующихъ Самарцевъ, ни у одного изъ нихъ не достало смѣлости заявить, что усердіе къ этимъ пожертвованіямъ христіане должны показать ради Христа, алчущаго въ меньшихъ братіяхъ своихъ. Говорено было о достоинствѣ Москвы, о добромъ прихрѣвѣ, какой она своею щедрностію могла бы подать другимъ городамъ, о богатствѣ Москвы, о великости бѣдствій, требующихъ соразмѣрной помощи, и т. п.; но ни слова не было сказано о Христѣ, о христіанскихъ побужденіяхъ къ благотворенію,—словно не христіане, а язычники собрались раз-

судать о немъ. У насъ вообще не принято въ свѣтскихъ собраніяхъ являться христіанами. Есть нѣкоторые грубо-суетныя обряды (например гаданья, опахиванье), участвующіе въ которыхъ снимаютъ съ себя крестъ и на время отрѣкаются отъ Христа. Подобное, на время, отречение отъ Христа допускается и въ нашихъ свѣтскихъ собраніяхъ, потому ли, что цѣль ихъ ничего не имѣетъ общаго съ христіанствомъ, и было бы несогласно съ нею вести себя въ нихъ по-христіански, или потому, что участвующіе въ нихъ изъ ложнаго стыда опасаются навлечь на себя насмѣшки за исповѣданіе имени Христова. Трусость предъ этими насмѣшками весьма неизвинительна въ христіанахъ, обязанныхъ не только вѣровать во Христа, но также исповѣдывать свою вѣру. Какъ однако, во всякомъ случаѣ, жалко то общество, среди котораго ни сказать, ни сдѣлать что-нибудь въ духѣ христіанскаго благочестія нельзя безъ опасенія прослѣдить пустостватьемъ, скучнымъ моралистомъ и т. п.!

Кстати обратимъ вниманіе на разсужденіе другаго гласнаго въ упомянутомъ засѣданіи моск. городской Думы. Съ цѣлію убѣдить своихъ товарищей въ необходимости щедрого пожертвованія въ пользу бѣдствующихъ Самарцевъ, онъ напомнилъ имъ, что „когда потребовалось пожертвовать 20,000 р. на угощеніе обѣдомъ нашихъ атлантическихъ друзей-Американцевъ, посѣтившихъ Москву въ 1863 году, то Дума безъ всякаго стѣсненія пожертвовала нужную сумму, а теперь возбуждаются пренія“. Дѣйствительно, если на одно гостепримство, безъ споровъ разрѣшена была Думою столь значительная трата, то въ виду ея крайне неумѣстно было сокращать размѣръ пожертвованія на удовлетвореніе такой вопиющей нужды, какъ голодъ, и изъ-за этого поднимать споры. Но, какъ намъ кажется, основательнѣе было бы указать на другія траты, производимыя отъ имени городского общества, которыя съ ббльшимъ трудомъ, чѣмъ трата на гостепримство, могутъ быть оправданы,—ибо совѣтъ не нужны и

безполезны. Трата на приемъ и угощеніе представителей дружественнаго народа, прибывшихъ въ Россію для выраженія сочувствія нашему возлюбленному Царю по случаю чудеснаго спасенія его отъ злодѣйскаго покушенія, требовалась долгомъ благодарности къ нимъ, патриотизмомъ и вообще политическими соображеніями. Это была трата не на прихоть, а на дѣло хорошее и полезное. А вотъ прихоть: Дума тратитъ общественныя деньги, и притомъ ежегодно, на поддержаніе театровъ. Пусть поддерживаютъ ихъ любители театральнаго увеселенія. Жажда этого рода увеселеній составляетъ прихоть, и притомъ прихоть меньшинства жителей Москвы. Жертвовать на удовлетвореніе этой прихоти общественныя суммы, собираемыя съ богатыхъ и бѣдныхъ, и даже, съ недавняго времени, съ домовъ церквей и духовенства (вотъ до чего мы дожили: церкви и духовенство привлечены къ участию въ налогахъ, часть которыхъ идетъ на театр!),—это крайне не хорошо и возмутительно. Общественныя деньги должны идти единственно на покрытіе общественныхъ нуждъ, а не на прихоти немногихъ людей. Скажутъ: театральныя удовольствія—невинная прихоть. Но невинныхъ прихотей, по крайней мѣрѣ въ нравственной области, не бываетъ. Можно впрочемъ еще снисходительно смотрѣть на театральныя развлеченія, если они допускаются въ будни и въ избираемыхъ для спектакля пьесахъ нѣтъ ничего неодобрительнаго въ нравственномъ отношеніи по содержанию. Но прихоть людская потребовала себѣ театральнаго увеселенія подъ воскресные и праздничные дни. И театръ удовлетворяетъ, если не сама вызываетъ ее. Прихоть людская не довольствуется скромными и непротивными нравственному чувству зрѣлищами, а требуетъ нескромныхъ, нецѣломудренныхъ и безнравственныхъ: и театръ услужливо удовлетворяетъ, (если даже не вызываетъ и) эту преступную прихоть. И вотъ на поддержаніе театра, не-благодарностию и безнравственнымъ характеромъ зрѣлища явно идущаго противъ Церкви и Евангелія, Дума

благодушно отпускает ежегодно 50,000 рублей, хотя въ числѣ этихъ денегъ есть доля взносовъ отъ церквей и духовенства. Говорятъ: нельзя не отпускать, высшее начальство требуетъ. Но оно требуетъ не настойчиво. Прежде Дума, по требованію его, отпускала 100,000 р. Дума наконецъ признала эту сумму слишкомъ обременительною и настояла убавить ее на половину, на что начальство согласилось. Безъ сомнѣнія, начальство согласилось бы на совершенное прекращеніе пособія отъ города театру, еслибы Дума настойчиво потребовала того, имѣя въ виду употребить эту сумму на существенныя нужды города, напримѣръ, на школы, и на чрезвычайныя благотворенія, въ какихъ напримѣръ нуждаются теперь бѣдствующіе Самарцы. Еслибы для того, чтобы отстоять это требованіе, надлежало поспорить гласнымъ Думы промежъ себя или съ высшимъ начальствомъ, стоило бы поспорить. Къ сожалѣнію, у насъ спорять не объ этомъ, а о томъ, должна ли Москва оказать щедрое пособіе бѣдствующимъ соотечественникамъ. Какъ хотите, это не совсѣмъ хорошо.

Желающіе участвовать въ благотвореніи бѣдствующимъ Самарцамъ, да не смущаются опасеніемъ, дойдетъ ли оно до нихъ, не попадетъ ли оно на пути къ нимъ въ неблагонамѣренныя руки. Никто не сомнѣвается въ честности собирателей пожертвованій, но многие думаютъ, что возможны злоупотребленія въ тѣхъ мѣстахъ, отъ которыхъ зависятъ распредѣленія ихъ по нуждающимся, напримѣръ, въ земствахъ, въ полицейскихъ управленіяхъ, въ разныхъ комитетахъ. Трудно предположить, чтобы допущены были такія злоупотребленія. Они возможны развѣ какъ исключенія, въ малыхъ размѣрахъ. Притомъ жертва въ пользу ближнихъ во всякомъ случаѣ не теряетъ своей цѣны предъ Богомъ, ибо ее принимаетъ на свой счетъ самъ Христосъ Спаситель.—Въ нѣкоторыхъ сочувствіе къ бѣдствующимъ отъ неурожая ослабляется представленіемъ, что большею частью они по своей винѣ довели себя до крайней нужды: пьянство—причина, что тамъ не осталось никакихъ сбе-

режений и запасовъ отъ прежнихъ урожайныхъ годовъ. Но теперь не время обсуждать, въ какой степени виноваты въ своемъ бѣдствіи Самарцы: они нуждаются въ настоящее время не въ обличеніяхъ и вразумленіяхъ, а въ насущномъ хлѣбѣ.—Писали, будто пьянство, несмотря на голодъ, доселѣ не прекращается между самарскими крестьянами, и потому иной можетъ удержаться отъ благотворенія изъ опасенія, не попала бы его лепта, назначаемая для спасенія людей отъ голодной смерти, въ питейное заведеніе. Пусть и это возможно, но гѣдь не всѣ же тамъ поголовно пьянствуютъ,—что и невозможно, когда не на что покупать вина,—чужды этого порока малолѣтніе, чужды, за рѣдкими исключениями, женщины, а онѣ, если имѣютъ на рукахъ грудныхъ дѣтей, нуждаются въ хлѣбѣ не для себя только, но и для нихъ: грудныя дѣти не могутъ питаться желудками, древесною корою, даже хлѣбомъ, для нихъ нужно млеко, котораго не можетъ быть ни у голодной матери, ни у голоднаго скота. Итакъ пусть никто не удерживается отъ благотвореній разными опасеніями, пусть каждый въ этомъ случаѣ слѣдуетъ движенію добраго христіанскаго сердца: сердце, полное любви къ ближнимъ, прочь гонитъ отъ себя всѣ подобныя выше-упомянутымъ подозрѣнія и опасенія, ибо любовь все покрываетъ, всему вѣрять (1 Кор. 14, 7). Она скорѣе согласится быть обманутою въ своемъ довѣрїи къ ближнимъ, чѣмъ допустить, чтобы кто-либо изъ нихъ умеръ съ голоду, не получивъ отъ ней помощи единственно вслѣдствіе подозрѣнія, что ее помощь будетъ злоупотреблена.

ТОЛКИ РЕВНИТЕЛЕЙ ПОЛНѢЙШЕЙ СВОБОДЫ РАСКОЛА.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ ПЕРВОЙ ГОДОВЩИНЫ БРАТСТВА СВ. ПЕТРА МИТРОПОЛИТА, 21-го декабря 1873 года.

Давно извѣстная истина, что для борьбы съ заблужденіями, и между прочимъ съ раскольническими, паче всего потребны духовныя средства,—именно вразумленіе заблуждающихъ словомъ и письменемъ, молитва за нихъ и примѣръ жизни благочестивой. Таковыя средства всегда употребляла православная Церковь. Убѣжденіемъ въ необходимости и благопотребности ихъ для противоудѣйствія расколу вызвано къ существованію Братство св. Петра митрополита.

Но при дѣйствованіи противъ раскола духовными средствами не излишни ли вѣбшія церковныя и гражданскія узаконенія, направленныя противъ раскола? Правда, и они требуютъ вразумленія раскольниковъ, но вмѣстѣ способствуютъ православной Церкви въ борьбѣ съ ними нѣкоторыми запретительными и карательными противъ нихъ мѣрами. Такъ законъ повелѣваетъ не преслѣдовать раскольниковъ за мнѣнія о вѣрѣ, за приватное моленіе ихъ по своему образу, но законъ строго запрещаетъ имъ распространять свои заблужденія, совращать православныхъ, совратителей и совращенныхъ подвергаетъ ответственности предъ судомъ, не дозволяетъ раскольникамъ строить вновь церкви и часовни, передѣлывать и возобновлять старыя, разводить скиты, частныя жилища обращать въ мѣста публичныхъ моленій, вновь печатать и продавать свои богослужебныя книги, бѣглыхъ священниковъ отсылаетъ къ епархіальному суду, запрещаетъ браки раскольниковъ съ православными, молоканамъ и духоборцамъ запрещаетъ имѣть въ услуженіи православныхъ, на скопцовъ смотреть, какъ на уголовныхъ преступниковъ. Таковы мѣры, которыми законъ старается противоудѣйство-

вать расколу. Само собою разумѣется, что имъ не могутъ быть довольны тѣ, противъ кого онѣ направлены. Ограниченіе свободы въ исповѣданіи раскола они обыкновенно называютъ гоненіемъ за вѣру, не обращая вниманія на то, что Церковь и государство терпятъ ихъ заблужденія и противоудѣйствуютъ только распространенію ихъ; что за вѣру никто раскольниковъ не преслѣдуетъ, преслѣдуютъ ихъ только за нарушение закона противъ распространенія ихъ неправыхъ мнѣній въ простомъ народѣ; что если строго поступлено было съ раскольниками, запершимися въ Соловецкомъ монастырѣ и при царяхъ Іоаннѣ и Петрѣ съ раскольниками, неистовствовавшими въ Кремлѣ, то это было укрощеніе мятежа, а не гоненіе за вѣру; что вѣру, преслѣдуемые закономъ за уродованіе себя и другихъ, не могутъ быть терпими ни въ какомъ благоустроенномъ обществѣ.—Къ числу недовольныхъ законодательными мѣрами противъ раскола относятся далѣе индифферентисты. Для нихъ всѣ вѣры равны, ни въ одной изъ нихъ они не признаютъ истины, и потому какъ сами равнодушно относятся къ разностямъ вѣръ, къ различію истины отъ заблужденія, такъ стараются склонить другихъ къ тому же равнодушію и не находятъ смысла въ ревности о торжествѣ вѣры надъ невѣріемъ и лжевѣріемъ, истины надъ заблужденіемъ. Всякій, вѣрующій въ бытіе единой истины, а не двухъ противоположныхъ, въ бытіе единой, основанной Христомъ Церкви, а не многихъ церковныхъ обществъ, одно другому противоборствующихъ, пойметъ, какъ нелѣпы разсужденія индифферентистовъ, возстающихъ противъ ограниченія свободы раскола и всякихъ другихъ заблужденій.—Наконецъ, чтѣ болѣе всего удивительно и неожиданно, противъ того же возстаютъ, во имя государства, во имя достоинства Церкви, во имя свободы совѣсти, многие изъ православныхъ. По ихъ мнѣнію, высказываемому даже печатно, покровительство Церкви со стороны государства въ томъ видѣ, какъ оно должно быть по Своду законовъ, отнюдь не желательно. Не

дѣло государства, говорятъ они, принимать сторону Церкви въ борьбѣ ея съ религіозными заблужденіями, особенно съ раскольниковскими. Прямая обязанность государства — заботиться о благосостояніи гражданъ; оно вторгается въ чуждую, непринадлежащую ей область, если принимаетъ на себя заботу объ охраненіи Церкви и для того стѣсняетъ свободу раскола; оно должно предоставить полную свободу всякому въ дѣлѣ вѣры, пусть каждый вѣруетъ, во что и какъ хочетъ. Да и Церковь, говорятъ, не должна желать себѣ защиты отъ государства въ борьбѣ съ расколомъ. Она есть царство не отъ міра сего, и потому должна пользоваться исключительно духовными силами и средствами для обращенія раскольниковъ и для огражденія своихъ чадъ отъ возвращенія въ расколъ. Прибѣгать для достиженія сей цѣли къ мірскимъ средствамъ, какія предлагаетъ къ услугамъ Церкви государство, было бы несогласно съ ея достоинствомъ, да и бесполезно, потому что всякое стѣсненіе свободы лжеученія располагаетъ приверженцевъ его только къ большому сопротивленію истинѣ, даетъ имъ случай сравнивать себя съ древними мучениками и дѣлаетъ ихъ находчивыми въ распространеніи лжи тайными средствами. Могутъ быть и обращенія заблуждающихъ къ Церкви вслѣдствіе разныхъ вѣншихъ стѣсненій, но обращенія не искреннія, лицемерныя, по малодушію. Стоить ли желать такихъ успѣховъ для Церкви и дорожить ими?— Нѣтъ, говорятъ, времена стѣсненій въ дѣлахъ вѣры давно миновали, нашъ просвѣщенный вѣкъ есть вѣкъ полной вѣротерпимости, полного уваженія къ свободѣ совѣсти. Свобода совѣсти должна быть уважаема даже въ грубыхъ суевѣрахъ.—Такъ разсуждаютъ многіе изъ православныхъ, провозглашая несовершенными законодательными мѣры противъ раскола. Къ сожалѣнію, такіа разсужденія имѣютъ вліяніе на судебные приговоры по дѣламъ раскола: лица привлекаемыя къ суду за уклоненіе въ ра-

сколь, за открытіе публичныхъ моленныхъ, всегда выходятъ оправданными.

Но какъ ни благовидны разсужденія защитниковъ свободы раскола, нельзя признать ихъ основательными и убѣдительными, ни съ государственной точки зрѣнія, ни съ церковной, ни со стороны уваженія къ свободѣ совѣсти.

Требовать отъ государства, чтобы оно отказалось отъ покровительства православной Церкви и дало полнѣйшую свободу расколу во вредъ Церкви, значитъ посягать на весь строй отношеній государства къ Церкви, искони установившійся,—значитъ требовать, чтобы государство забыло, чѣмъ оно обязано Церкви. Мы не намѣрены поднимать историческія воспоминанія о заслугахъ Церкви русскому государству, и скажемъ только, что не расколъ спасалъ государство въ години бѣдствій отъ вѣншихъ и внутреннихъ враговъ, а одна православная Церковь. Русскіе во имя вѣры православной шли на смерть въ защиту царя и отечества, ею одною одушевляемы были къ тѣмъ самоотверженнымъ подвигамъ мужества и терпѣнія, которые возвеличили Россію до небывалаго могущества и сдѣлали ее грозною для всѣхъ враговъ. Потому русскіе цари, когда необходимость заставляетъ ихъ взяться за оружіе, приглашаютъ народъ постоять за вѣру православную, зная, что въ ней заключается главное побужденіе и сила къ одолѣнію враговъ. Можетъ ли государство ожидать чего-нибудь подобнаго отъ раскола? За будущее нельзя ручаться, но опыты прошедшаго крайне не утѣшительны въ этомъ отношеніи. Матееи противъ верховной Власти подъ знаменемъ раскола—Соловецкіе, Стрѣлецкіе, Пугачевскіе—служили только къ потрясенію государства, а не къ созиданію его. И несмотря на это требуютъ, чтобы государство не принимало никакихъ мѣръ противъ раскола въ защиту Церкви. Нѣтъ, государство, никогда не согласится на это требованіе,—оно не захочетъ быть неблагодарнымъ къ православной Церкви, которой такъ много обязано. Мало того, дать полную свободу расколу

значило бы со стороны государства объявить покровительство неvěжеству. Государство заботится о просвѣщеніи народа, но расколъ враждебенъ просвѣщенію, ибо онъ самъ есть порожденіе грубаго неvěжества и суевѣрія, и поддерживаетъ неvěжество и суевѣріе съ такимъ упорствомъ, которое потому только не кажется намъ умственною болѣзнію, что мы присмотрѣлись къ нему.

Несправедливо также требовать, чтобы православная Церковь не желала себѣ никакихъ услугъ отъ государства въ борьбѣ ея съ расколомъ и довольствовалась одними духовными средствами дѣйствования противъ него. Говорятъ: содѣйствіе Церкви со стороны государства въ этомъ случаѣ несогласно съ достоинствомъ Церкви. Но неужели болѣе согласно съ достоинствомъ Церкви униженіе ея отъ враговъ ея, нападеніе на нее, тайное и открытое, для отторженія отъ ней чады ея? Не такъ разсуждали древніе поборники православія противъ раскола, отцы помѣстнаго кареагенскаго собора (419 — 426 г.). Когда кроткія и снисходительныя мѣры Африканской Церкви противъ донатистовъ оказались безуспѣшными и на попытки ея къ примиренію ихъ съ нею они отвѣчали только новыми дерзостями противъ православныхъ и насильіями, тогда присутствовавшіе на кареаген. соборѣ православные епископы положили просить императоровъ Аркадія и Гонорія о помощи и заступленіи православной Церкви. Ссылаясь на примѣры ап. Павла, который соумышленіе безчинныхъ людей преподѣлалъ гражданскою помощью, они просили императоровъ, родившихся и воспитывавшихся въ нѣдрахъ православной Церкви, оградить ее миромъ и безопасностію отъ донатистовъ, просили примѣнить къ нимъ строгіе законы противъ еретиковъ Феодосія великаго. По этимъ законамъ еретики лишались всѣхъ правъ гражданскаго вѣнанія и состоянія, права дѣлать завѣщанія о своемъ имуществѣ, также получать что-либо въ наслѣдство отъ другихъ и т. д.; рукополагающіе и рукополагаемые въ ихъ клирѣ, а также давшіе у себя въ

домѣ мѣсто еретическимъ собраніямъ, подвергались высокому штрафу*). Видите, отцы собора не считали недостойнымъ Церкви содѣйствіе ей государства противъ раскола, а между тѣмъ правила этого собора внесены въ канонъ вселенской Церкви на Трулльскомъ соборѣ (прав. 2), судѣственно доселѣ не теряютъ руководственного значенія. Если теперь современные намъ защитники широкой вѣротерпимости скажутъ, что древнія церковныя законоположенія давно отжили свой вѣкъ и къ нашему времени—гуманности и всякаго рода свободы непримѣнны, то съ этимъ едва ли согласятся и наши раскольники, благовѣрно чтущіе древніе каноны, хотя въ оныхъ содержится осужденіе противъ нихъ. Скажемъ впрочемъ къ успокоенію ревнителей широкой вѣротерпимости, что никто и не требуетъ въ настоящее время строгаго примѣненія къ раскольникамъ древнихъ правилъ; пусть раскольники пользуются всѣми гражданскими правами, пусть они вѣрятъ во что хотятъ, пусть молятся, какъ хотятъ: желательно только, чтобы они не вредили Церкви своими нападеніями на нее, не совращали ея чады, не дѣлали, къ соблазну ихъ, своихъ самочинныхъ общественныхъ собраній, не увлекали сюда православныхъ, не держали у себя самозваныхъ архіереевъ и лжеіереевъ. Чтѣ предосудительнаго въ такомъ желаніи? Чтѣ предосудительнаго для Церкви, если она желаетъ отъ гражданской власти защиты себѣ отъ нападеній на нее раскольническихъ, отъ вторженія въ ограду ея волковъ? Она желаетъ только того, чтѣ согласно съ требованіями общей справедливости. Если православные приходы разграничены такъ, что безъ особенной нужды не дозволяется священнику одного прихода дѣйствовать въ другомъ, и нарушитель этого правила подвергается ответственности за своеволие: то неужели должно оставаться безнаказаннымъ своеволие раскольническихъ учителей и мнимыхъ священниковъ, вторгающихся въ предѣлы православныхъ

*) Карѣ. собора правило 104-ое.

приходовъ для совращеній и для совершенія требъ? Если бы кто изъ православныхъ самовольно построилъ монастырь и безъ законнаго дозволенія пострить въ немъ монаховъ, не уничтожила ли бы все это законная власть, какъ скоро узнала бы? Неужели только своеволие православныхъ должно прекращать, а своеволие раскольниковъ оставлять неприкосновеннымъ? Неужели то, что невозможно православнымъ, должно быть терпимо въ неправославныхъ? Неужели послѣдніе должны пользоваться нѣкоторою привилегіею предъ первыми?

Скажутъ: учитѣ вашихъ прихожанъ такъ, чтобы они недоступны были кознямъ лжеучителей-раскольниковъ, чтобы они сами могли отразить ихъ нападеніе. Но сколько ни учи, невѣжды въ дѣлѣ вѣры всегда останутся въ приходѣ, даже не многолюдномъ. А расколотители невѣжествомъ-то и пользуются. Они устремляютъ свои усилія не на людей, хорошо знакомыхъ съ ученіемъ православной вѣры и утвержденныхъ въ ней, а на людей темныхъ, не могущихъ дать имъ никакого отпора,—и уловивъ ихъ въ свои сѣти, заставляютъ ихъ проклинать св. Церковь,—мать, ихъ духовно родившую, и сразу поставляютъ ихъ во враждебное къ ней отношеніе. Спрашивается: справедливо ли, человѣколюбиво ли предавать такихъ людей въ жертву совратителямъ и не обуздывать дерзости послѣднихъ строгими законными мѣрами?

Что касается до совращенныхъ въ расколъ, то строгость по отношенію къ нимъ закона, подвергающаго ихъ судебной отвѣтственности, кажется многимъ несообразною съ уваженіемъ къ свободѣ совѣсти. Такую же несообразность они видятъ въ томъ, что раскольникамъ запрещено открывать новыя мѣста общественнаго богослуженія, вообще возбранено публичное оказательство раскола. Говорятъ, что такъ дѣйствовать противъ отпадшихъ въ расколъ и противъ обнаруженія раскола значить дѣлать насиліе совѣсти. Какъ ни жалко заблужденіе само по себѣ, но если оно коренится въ совѣсти, то надо щадить его изъ уваженія

къ совѣсти, которая должна быть для насъ неприкосновенною святынею. Лучше быть раскольникомъ съ сердечнымъ убѣжденіемъ, прибавляють, чѣмъ быть православнымъ и оставаться въ невѣжествѣ касательно вѣры.—*Но вопервыи:* совращенныхъ предають суду уже послѣ неоднократныхъ увѣщаній обратиться къ истинѣ, и цѣль суда надъ ними не та, чтобы насильно вынудить у нихъ отреченіе отъ заблужденія, а та, чтобы дать имъ возможность хорошенъко обдумать свое поведеніе. Надо впрочемъ замѣтить, что на практикѣ дѣло до свѣтскаго суда рѣдко доходитъ, и все ограничивается только увѣщаніемъ. *Вовторыи:* мѣры противъ оказательства раскола имѣють цѣлюю отнюдь не стѣсненіе свободѣ совѣсти раскольниковъ, а только противодѣйствіе распространенію раскола. *Втретьи:* неправда, будто искреннее убѣжденіе раскольника предпочтительнѣе состоянію православнаго невѣжды въ вѣрѣ. И невѣжда или младенецъ въ вѣрѣ, находясь въ церковномъ общеніи съ своими братьями по вѣрѣ, молясь вмѣстѣ съ ними въ одномъ храмѣ, участвуя вмѣстѣ съ ними въ благодати таинствъ, не лишень надежды спасенія—именно ради этого общенія.—Все говорятъ объ убѣжденіи, о неприкосновенности его, какъ святни, но забываютъ, что ложныя убѣжденія въ дѣлѣ вѣры, соединенныя со враждою противъ Церкви, съ ожесточеннымъ упорствомъ противъ увѣщаній, съ отвращеніемъ отъ свѣта истины, могутъ привести человѣка къ вѣчной гибели. Св. Церковь, не желающая никому гибели, мѣрами кротости и вразумленія старается спасти заблудшихъ, но если эти мѣры оказываются безуспѣшными, то что худого, если она желаетъ спасти ихъ хоть страхомъ гражданской отвѣтственности? Человѣкъ лезетъ въ огонь и не слушаетъ голосовъ, умоляющихъ его не губить себя. Не требуетъ ли въ семъ случаѣ христіанская любовь силою удержатъ безумца отъ лютыя смерти въ пламени? Но адскій огонь еще мучительнѣе и есть вѣчный огонь. Можетъ ли христіанская любовь смотрѣть равнодушно, какъ

стремится къ нему погибающіе въ расколѣ? Не свойственно ли ей попытаться удержать ихъ стремленіе хоть страхомъ земной отвѣтственности за упорство въ заблужденіи, — съ надеждою, не образумитъ ли ихъ по крайній мѣрѣ этотъ страхъ, если всѣ другія мѣры къ ихъ вразумленію оказываются безуспѣшными?

Поборники полнѣйшей свободы раскола, недовольные запретительными и карательными мѣрами противъ раскола, еще потому напрасно ссылаются на уваженіе къ убѣжденію и свободѣ совѣсти, что во многихъ случаяхъ расколъ поддерживается не убѣжденіемъ, не требованіями совѣсти, а страхомъ и расчетомъ. Такъ сынъ богатаго отца-раскольника слѣдуетъ расколу изъ опасенія лишиться наслѣдства; рабочіе на фабрикахъ и заводахъ переходятъ въ расколъ по расчету заслужить благоволеніе хозяина, получить отъ него средства для уплаты долговъ и повинностей. Многіе остаются въ расколѣ только по привычкѣ, съ которою разстаться не хотятъ единственно потому, что ничто имъ за это не угрожаетъ. Намъ извѣстенъ случай, весьма замѣчательный въ этомъ отношеніи. Жители одного многолюднаго села въ Вятской губерніи, въ числѣ многихъ семействъ, оставили вдругъ расколъ потому, что часовня, въ которую они собирались на моленье, послѣ неоднократныхъ починокъ, отъ ветхости близка была къ окончательному разрушенію, а возобновить ее, или выстроить новую имъ не дозволяли. Чтобы не лишиться возможности участвовать въ общественномъ богослуженіи, они единодушно рѣшили бросить расколъ и стали ходить въ православный храмъ. Что слѣдуетъ изъ этого? То, что привязанность къ расколу была въ нихъ не очень крѣпка и держалась только силою привычки, а не сердечнаго убѣжденія, иначе такъ легко они покинули бы своего заблужденія. Тоже доказывается многочисленными случаями перехода въ православіе московскихъ раскольниковъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ мѣръ правительства, въ послѣдніе годы предшествовавшаго

царствованія. Говорятъ, что еслибы эти мѣры настойчиво были продолжаемы, расколъ, какъ подгнившее зданіе, легко бы рухнулъ, ибо утратилъ силу въ убѣжденіи его послѣдователей. Можетъ быть не всѣ обращенія такого рода были бы искренни, но, какъ говорятъ, если не отцы, то дѣти ихъ могли бы сдѣлаться искренними сынами Церкви.

Говорятъ: почему бы не дать расколу такую же свободу, какою пользуются у насъ иновѣрцы и нехристіане? Всѣ они публично отправляютъ свое богослуженіе, хотя лишены права распространять свою вѣру въ предѣлахъ Россіи; у всѣхъ ихъ есть свои духовные руководители и совершители богослуженія, признанные правительствомъ, и даже получающіе отъ него награды наравнѣ съ православнымъ духовенствомъ. Но это преимущество, каковымъ пользуются предъ раскольниками иновѣрцы и нехристіане, объясняется прежде всего тѣмъ, что иновѣрцы западныхъ вѣроисповѣданій, также жидаи и язычники, строго исполняютъ законъ о несозращеніи православныхъ. Духомъ пропаганды отличаются у насъ одни магометане въ приволжскомъ краѣ, сворачивающіе христіанъ изъ Татаръ и Черемисъ, и надобно желать, чтобы были приняты противъ этого болѣе дѣйствительныя мѣры, чѣмъ какія принимаются. — Потомъ, нѣкоторое стѣсненіе свободы раскола, преимущественно предъ иновѣрными и нехристіанскими исповѣданіями, не только не свидѣтельствуетъ о нарушеніи справедливости и безпристрастія въ отношеніи къ раскольникамъ, но еще доказываетъ особенное сожалѣніе и христіанскую любовь къ нимъ: Церковь смотритъ на нихъ, какъ на заблудшихъ чадъ своихъ, и не терять надежды возвратитъ ихъ въ свое матернее лоно. Она желала бы, конечно, и имѣть полное право, признанное за нею законами, привлечь къ себѣ иновѣрцевъ и нехристіанъ; но они не такъ ей жалки, какъ отпадшія отъ нея чада ея, они никогда не принадлежали ей, они не наша плоть и кровь. Отецъ семейства строго всыскиваетъ съ своего

роднаго сына, ведущаго невоздержную и расточительную жизнь, потому что онъ ему не чужой, а родной; но тому же отцу нѣтъ дѣла, что у его сосѣда такой же невоздержный и расточительный сынъ: онъ можетъ жалѣть о сынѣ своего сосѣда, сочувствовать его горю, но власти надъ чужимъ сыномъ не имѣетъ и взыскивать съ него не можетъ,—у него на рукахъ свой сынъ заблудшій, котораго онъ, естественно, больше любитъ, и любя наказуетъ.

Братія, соединившіеся подъ хоругвию святителя Петра митрополита для противодѣйствія расколу! Будемъ, при благодатной помощи его, единодушно стремиться къ достиженію сей святой дѣли—молитвами за недугующихъ расколѣ, бесѣдами съ ними, распространеніемъ книгъ, служащихъ къ вразумленію ихъ, примѣромъ благочестивой жизни и ревности о соблюденіи церковныхъ заповѣдей. Но вѣстѣ съ симъ будемъ воздавать славу и благодареніе Господу, судившему намъ быть гражданами государства, населеніе котораго состоитъ изъ огромнаго большинства православныхъ, глава котораго есть первый сынъ и естественный покровитель православной Церкви. Было бы крайне грѣшно считать излишнимъ это покровительство и не дорожить тою сильною помощію, какую Церковь получаетъ отъ государства для борьбы съ расколѣмъ. Не будемъ забывать, какихъ трудовъ, какихъ кровавыхъ подвиговъ стоило отцамъ нашимъ по вѣрѣ охраненіе и сбереженіе того сокровища православія, которое мы наследовали отъ нихъ. Смогъте равнодушно, какъ враги Церкви стараться расхитить это сокровище, и пренебрегать не только духовными средствами къ охраненію его, но и тѣми мѣрами, какими Церковь можетъ пользоваться въ союзѣ съ государствомъ, значить не знать дѣлны доставшемуся намъ духовному наслѣдію. Да сохранитъ насъ Богъ отъ сего.

Въ память священнику Ив. Дн. Владиславлеву.

16-го ноября 1873 г. скончался на 49 г. священникъ моск. Козмо-Даміанской въ Кадашевѣ (возлѣ Малаго камен. моста) церкви, Иванъ Дмитріевичъ Владиславлевъ. За свою доброту онъ пользовался искреннимъ уваженіемъ и любовью прихожанъ. Какъ знатокъ иконописанія, онъ, по распоряженію духовнаго начальства, былъ надзирателемъ при послѣднемъ обновленіи иконъ и фресковъ въ москов. Успенскомъ соборѣ. Отпѣваніе его происходило 19 ноября, при многочисленномъ стеченіи народа. Предъ отпѣваніемъ сказала была нами слѣдующая Рѣчь.

„Да позволено мнѣ будетъ сказать нѣсколько словъ въ память почившаго моего собрата по служенію и добраго сосѣда, новопреставленнаго іерея Іоанна. Къ этому побуждаетъ меня душевная благодарность къ нему за добрыя отношенія его ко мнѣ. Я не былъ въ числѣ короткихъ пріятелей его, но всякій разъ, когда ни сходился съ нимъ, выносили отрадное впечатлѣніе отъ духовнаго общенія съ нимъ. Въ продолженіе 18 лѣтъ моего знакомства съ нимъ, я никогда ни одного слова празднаго, непріятнаго, слова самолюбія и раздраженія не слышалъ отъ него; я слышалъ отъ него только слова, соли, миромъ и любовію растворенныя. Особенно поучительны были бесѣды его о любимомъ его предметѣ—объ иконописаніи. Онъ всегда съ охотою и радушіемъ дѣлился со мною своею опытностію, своими обширными познаніями по этой части, наслѣдованными имъ отъ своего покойнаго родителя. Онъ былъ не только иконописецъ-практисъ, но научно зналъ свое искусство, и лучше, основательнѣе чѣмъ онъ, едвали кто изъ московскихъ иконописцевъ и живописцевъ зналъ, какимъ условіямъ должно удовлетворять истинно-православное иконописаніе. Онъ изучилъ его и съ художественной, и съ археологической стороны. Эти достоинства оцѣнили въ немъ блаженной памяти митроп. Филаретъ, котораго память сегодня совершаетъ москов-

ская Церковь *)—и по избранію его почившій іерей-художникъ сначала совмѣстно съ своимъ покойнымъ родителемъ, а по смерти его, одинъ былъ надзирателемъ за работами при послѣднемъ обновленіи иконописи и стѣнописи въ Моск. Успенскомъ соборѣ. Можно сказать, что ему, вмѣстѣ съ родителемъ его, первый храмъ первопрестольной столицы обязанъ восстановленіемъ украшающихъ его иконописныхъ и стѣнописныхъ изображеній въ древнѣйшемъ видѣ, очищеніемъ ихъ отъ позднѣйшихъ переделокъ и поправокъ. Заслуга почившаго іерея-художника въ этомъ отношеніи тѣмъ особенно важна, что Успенскій соборъ если до сихъ поръ привлекаетъ къ себѣ множество богомольцевъ изъ гласныхъ старообрядцевъ, причиною тому не однѣ находящіяся въ немъ многочисленныя святыни, но также сохранившіеся въ немъ памятники старинной иконописи и стѣнописи. Объ искусствѣ почившаго въ иконоисаніи, свидѣлствуютъ многія работы его по этой части, которыми украшены церкви городскія и сельскія въ разныхъ областяхъ Россіи. И сей приходскій храмъ не лишенъ памятниковъ его искусства. Не говоря объ одной замѣчательной многосложной иконѣ, написанной имъ самимъ для сего храма, стѣнными многочисленныя, поистинѣ художественныя изображенія въ немъ и величественный древній иконостасъ недавно обновлены были по его непосредственному указанію и руководству. Какъ знатокъ церковной живописи, почившій достойнъ подражанія для всѣхъ насъ—священниковъ. Никто изъ насъ не обязанъ быть иконописцемъ, но каждый изъ насъ долженъ имѣть понятіе объ условіяхъ правильнаго изображенія святыхъ ликовъ и всего, что называется доличнымъ,—съ археологической и художественной стороны, чтобы не оказаться невѣжественнымъ и безучастнымъ зрителемъ того, какъ иной мастеръ въ нашихъ глазахъ малюетъ неправильныя фигуры въ нашихъ храмахъ. Этого

*) Т.-с. 19 ноября.

необходимаго знанія требовалъ отъ насъ блаженной памяти митрополитъ Филаретъ. Онъ всегда высказывалъ на священникѣ, если замѣчалъ неправильности, отступленія отъ церковнаго приличія, въ представляемыхъ ему на усмотрѣніе рисункахъ. Повторяю: почившій іерей-иконописецъ могъ бы быть для насъ въ этомъ отношеніи достойнымъ подражанія примбромъ. Но особенно для братіи храма сего должна быть священна память его, какъ иконописца. Мы не входимъ въ то, часто ли онъ проповѣдывалъ слово Божіе, но если каждая икона, каждое священное изображеніе, есть наглядная, для всѣхъ, грамотныхъ и неграмотныхъ, понятная проповѣдь о вѣрѣ и благочестіи, то въ своей разумной заботливости о поддержаніи благолѣпныхъ иконъ и другихъ священныхъ изображеній этого храма онъ оставилъ по себѣ важный памятникъ своего проповѣдничества. Эта проповѣдь, писанная не на хартияхъ, а на прочныхъ камняхъ и дскахъ, прочными красками, переживетъ не одно поколѣніе прихожанъ и служителей сего храма. Итакъ, братія святаго храма, предстояще гробу настоятеля его, когда взираете на священныя изображенія вашего храма, свидѣтельствующія о его ревности къ благолѣпію его, не только старайтесь извлекать изъ нихъ назиданіе для себя, но и вспоминайте о немъ, вашемъ пастырѣ и отцѣ духовномъ,—молитесь предъ ними не только за себя, но и за него,—молитесь, чтобы милосердый Господь сподобилъ его царства небеснаго, въ блаженномъ общеніи съ тѣми угодниками, лики которыхъ изображены въ семъ храмѣ,—простивъ ему прегрѣшенія вольныя и невольныя,—молитесь за него также усердно, какъ усердно онъ молился за васъ предъ престоломъ благодати.“

Въ память профессору Моск. университета Ив. Дм. Вьялеву.

19-го ноября 1873-го года скончался ординарный профессор московскаго университета по кафедрѣ русскаго законодательства, Иванъ Дмитріевичъ Вьялевъ. Въ день погребенія его сказано было два слова въ память его, одно въ университетской церкви, гдѣ было отпѣваніе, профессоромъ богословія въ университетѣ, протоіереемъ Николаемъ Александровичемъ Сергіевскимъ, другое на поминальномъ обѣдѣ, духовникомъ почившаго приходскимъ священникомъ И. В. Некрасовымъ. Проповѣдники говорили, о его искренней вѣрѣ и благочестіи, которыя уживались въ немъ съ глубокою ученостію, — о его любви къ Евангелію, изъ котораго онъ имѣлъ обычай ежедневно читать, — о его любви къ родству, о его дружелюбныхъ отношеніяхъ къ студентамъ, о его милосердіи къ нуждающимся. Замѣчательная черта его благочестія въ томъ, что онъ ежедневно ходилъ въ церковь къ обѣднѣ. Нижеподписавшіяся желая съ своей стороны почтить его словомъ при гробѣ его въ церкви, но изъ опасенія злоупотребить терпѣніемъ слушателей, утомленныхъ продолжительностію церковной службы, оказалось неудобнымъ произнести пригласенную Рѣчь. Предлагаемъ ее вниманію читателей.

„Осмѣливаюсь, какъ одинъ изъ близко знакомыхъ почившаго служителя науки, раба Божія Іоанна, помянуть его добрымъ словомъ. Доброе слово невольно просится на языкъ при воспоминаніи о добромъ его отношеніи лично ко мнѣ и вообще къ тому сословію, къ которому принадлежу и въ средѣ котораго онъ родился и воспитался. Какъ ховинъ духовнаго изданія, я не разъ имѣлъ случай удостоивряться въ тепломъ участіи его къ задачѣ этого изданія и къ посильному ея исполненію, — и пользовался его дѣятельнымъ сотрудничествомъ. Такъ предъ наступавшимъ тысячелѣтіемъ памяти св. Кирилла и Меодія, онъ въ Душеполезномъ Чтеніи провелъ свою заду-

шевную мысль о торжественномъ возстановленіи правдоуванія имъ въ Русской Церкви, и напечаталъ подробный популярный очеркъ ихъ жизни и ихъ бессмертныхъ заслугъ для православной Церкви между славянскими племенами. Въ Душеполезномъ Чтеніи онъ помѣстилъ нѣсколько статей обличительнаго содержания по поводу нехристианскихъ обычаевъ и воззрѣній въ нашемъ обществѣ. Въ этихъ статьяхъ, написанныхъ имъ соимѣстно съ другимъ близкимъ ему лицомъ, — онъ возставалъ противъ фальшивыхъ понятій о женской эманципации, — противъ неправильныхъ, осуждаемыхъ природою, здравымъ смысломъ и христианствомъ приемовъ при первоначальномъ воспитаніи дѣтей; ратовалъ противъ оскорбленія великаго поста устроеніемъ концертовъ, живыхъ картинъ и другихъ увеселеній. Во всѣхъ этихъ духовно-литературныхъ произведеніяхъ онъ является истиннымъ смысломъ Церкви, глубоко скорбящимъ о неуваженіи къ ней чадъ ея, и истиннымъ гражданиномъ, мужественно протестующимъ противъ дурныхъ иноземныхъ вліяній, искажающихъ русскую жизнь, образцовымъ духовнымъ писателемъ, у котораго остается только учиться нашему брату. Дай Богъ, чтобы изъ среды міранъ почаще являлись подобные борцы за христианскую истину: при ихъ содѣйствіи наша борьба противъ заблужденій и нечестія была бы гораздо усѣбнѣе и плодотворнѣе. — Почившій служитель науки, принимавшій плодотворное участіе въ духовно-литературной дѣятельности, относился также съ участіемъ и любовію къ служителямъ Церкви, за что стяжалъ право на вѣчную ихъ признательность. Какъ вышедшій изъ среды духовнаго сословія и близко знавшій его состояніе, его служебную дѣятельность, онъ до конца жизни сохранилъ сочувствіе и уваженіе къ нему. Въ немъ и тѣни не было того нерасположенія и озлобленія, какимъ позорятъ себя нѣкоторые, которые *изыдоша отъ насъ, но не были отъ насъ*. Онъ отнюдь не раздѣлялъ нападеній и порицаній, направленныхъ со всѣхъ сторонъ, въ обществѣ и литературѣ, противъ духовенства. Кто на-

нѣ не нападаетъ на насъ? Нападаютъ на насъ ничему невѣрующіе, также тайные и открытые приверженцы противообщественныхъ ученій: въ ихъ глазахъ мы обскуранты и распространители обскурантизма. Нападаютъ на насъ часто люди вѣрующіе въ Бога и Христа, но безразлично относящіеся къ разнымъ вѣрамъ и вѣроисповѣданіямъ. Для нихъ не важно, кто какую вѣру содержитъ, для нихъ имѣть значеніе въ этомъ отношеніи не истина а убѣжденіе и искренность. Можемъ ли имъ нравиться мы, стоящіе за единую истину, хранимую только въ православной Церкви?—Нападаютъ на насъ, къ удивленію, по видимому истинно-православные, глубоко убѣжденные въ истинѣ православія, даже мишущіе о православіи, о превосходствѣ его надъ прочими вѣроисповѣданіями. Смотри съ высоты своего идеальнаго представленія о Церкви, не во всемъ впрочемъ вѣрнаго истинѣ,—на служителей Церкви, они поражаются несоотвѣтствіемъ ихъ съ этимъ идеаломъ. Близкое знакомство съ положившимъ и дѣятельно стію духовенства могло бы смѣгчить это рѣзкое впечатлѣніе, могло бы сколько-нибудь примирить ихъ съ нами; но, къ сожалѣнію, они чуждаются этого близкаго знакомства и судятъ о духовенствѣ только по доходящимъ до нихъ неблагопріятнымъ слухамъ о немъ. И какъ вообще жестоко судятъ о насъ наши порицатели! И народъ-то мы не учимъ, и поборами-то его обременяемъ, и церковную службу-то небрежно совершаемъ, и чиновники-то мы казенные, и за отличіями-то мы гоняемся, и жизнь-то ведемъ зазорную и проч. и проч. И все это не только говорятъ, но еще публикуютъ, а услужливые органы печати съ удовольствіемъ даютъ мѣсто на своихъ страницахъ такимъ обвиненіямъ, большею частію или совсѣмъ живымъ, или преувеличеннымъ, и отъ обвиняемыхъ либо совсѣмъ не принимаютъ оправданій, либо принимаютъ крайне неохотно и слишкомъ поздно, когда недобрая вѣсть уже успѣла огласиться на весь свѣтъ чрезъ перепечатаніе въ другихъ газетахъ, которыя однако не считаютъ себя обязан-

ными перепечатывать оправданіе. Какое же слѣдствіе всего этого? Самое плачевное. Предубѣжденіе противъ духовенства въ обществѣ распространяется со вредомъ для успѣховъ его посильнаго служенія Церкви. Въ подобномъ положеніи находились и апостолы и весьма огорчались тѣмъ. „Для меня лучше умереть, говорилъ апостолъ Павелъ, нежели чтобы кто уничтожилъ похвалу мою“. Онъ справедливо опасался, что злонамѣренныя разглашенія о его служеніи дѣлу Христова благоустройство, всюду выпускаемыя врагами его вѣсти, будто онъ не истинный апостолъ, будто ученіе его несогласно съ ученіемъ другихъ апостоловъ и т. под.—могутъ лишить его утѣшенія видѣть плоды своихъ апостольскихъ трудовъ, уронить его значеніе и повредить дальнѣйшимъ успѣхамъ его проповѣди. Подобная опасность виситъ и надъ преемниками апостольскаго служенія, пастырями Церкви. Какой пользы ожидать имъ отъ ихъ ревности къ защищенію и распространенію истины, кто ихъ будетъ слушать и читать, когда предубѣжденіе противъ нихъ, неутомимо поддерживаемое недоброжелателями ихъ, крѣпко засядетъ въ умахъ! Какого напримѣръ плода ожидать намъ отъ нашихъ усилій къ защищенію истины противъ раскольниковъ, когда печатно трубятъ о насъ, что мы несравненно слабѣе ихъ въ богословіи, что на ихъ сторонѣ больше доказательствъ въ свою защиту, чѣмъ у насъ! И радуются раскольники, находя себѣ поддержку въ руководителяхъ общественнаго мнѣнія.—Но чѣмъ злѣе нападенія противъ насъ со стороны нашихъ недоброжелателей, тѣмъ благодарнѣе мы должны быть къ нашимъ доброжелателямъ, справедливымъ и христіански-нисходительнымъ судьямъ нашего служенія. Къ числу таковыхъ принадлежалъ почившій служитель науки, рабъ Божій Іоаннъ. Онъ нимало не сочувствовалъ враждебнымъ противъ духовенства разглашеніямъ и сужденіямъ, распространяемымъ преимущественно въ печати, и поддерживая живую связь съ лицами того сословія, изъ котораго происходилъ, имѣлъ случай узнавать отъ

нихъ о многихъ свѣтлыхъ сторонахъ служенія духовенства, объ опытахъ его безкорыстія и самоотверженія, любви и благотворительности къ бѣднымъ, при своемъ не обеспеченномъ состояніи,—и съ удовольствіемъ дѣлился своими свѣдѣніями по этой части съ другими,—и однажды даже печатно огласилъ ихъ, выразивъ при этомъ сожалѣніе, что дѣйствія духовенства, дѣлающія ему честь, вслѣдствіе его скромности и смиренія, гораздо меньше извѣстны, тѣмъ позорящіе его поступки. Да будетъ вѣчно предъ Богомъ и людьми благословенна память твоя, мужъ науки и вѣры! Изъ гроба твоего я какъ бы слышу голосъ: „Братья и други! Войтесь грѣха уничтоженія и осужденія слушателей Церкви. Если и дѣйствительно нѣкоторые изъ нихъ не соответствуютъ своему высокому призванію быть органами истины, правды и добра, относитесь къ нимъ снисходительно, не подражайте грѣху Хама и по немногимъ недостойнымъ не судите строго о всемъ слови. Не презирайте кладезь, изъ котораго вамъ же придется нѣкогда пить воду. Теперь, быть-можетъ, вы не цѣните и этой воды, но вотъ наступитъ послѣдній часъ жизни вашей, когда никто изъ самыхъ близкихъ къ вамъ людей ни утѣшитъ васъ, ни помочь вамъ не будетъ имѣть возможности. Въ этотъ страшный часъ одна вѣра могла бы утѣшить и помочь вамъ, и вѣстникомъ ея утѣшеній и помощи явится только служитель алтаря Христова. О, какъ вамъ будетъ тогда стыдно и жалко, что вы не цѣнили его впродолженіе своей жизни!“ Вотъ послѣдній твой завѣтъ, почившій собратьи нашъ, и о елибѣ этотъ завѣтъ услышавъ былъ тѣми, къ кому относите!

О судебныхъ приговорахъ.

„Милость и правда да царствуютъ въ судахъ“—изрекъ нашъ Царь при вступленіи на престолъ, подражая дру-
гому царю, который за три тысячи лѣтъ до него не толь-

ко поступалъ съ своими подданными правосудно и милостиво, но и предъ Богомъ въ своихъ богодухновенныхъ псалмахъ воспѣвалъ судъ и милость, какъ необходимыя свойства истиннаго судіи: „Милость и судъ воспою Тебѣ Господевѣ“. Судъ безопадный, не растворенный милостію, челоуколюбіемъ, безъ вниманія къ тому, что можно сказать въ оправданіе виновнаго, безъ дарованія ему возможности покаяться и исправиться,—есть жестокость, а не судъ. Но и милость къ виновному съ нарушеніемъ справедливости, не есть милость, и не приноситъ пользы ни обществу, ни тѣмъ лицамъ, на которыхъ ова простирается. Говоря это послѣднее, мы имѣемъ въ виду примѣры ложно направленаго милосердія, часто встрѣчающіеся въ нашихъ судебныхъ дѣлахъ. Иногда по милосердію присяжные судьи оправдываютъ явныхъ преступниковъ. Еще понятнѣе такое оправданіе, если наказаніе, полагаемое закономъ за преступленіе, слишкомъ строго въ сравненіи съ преступленіемъ. Но случается, что судьи выносятъ оправдательные приговоры убійцамъ, совершившимъ злодѣяніе умышленно и уличаемымъ въ этомъ ясными уликами и собственнымъ сознаніемъ; оправдываютъ воровъ, у которыхъ воровство обратилось въ привычку и въ ремесло и иногда соединяется съ убѣжденіемъ, что это не грѣхъ. Такихъ людей грѣшно оправдывать подъ предлогомъ христіанскаго милосердія. Это не милосердіе, а потворство преступленію, вредное для общества, которое не можетъ надѣяться на свою безопасность въ виду безнаказанности преступниковъ,—вредное для нихъ самихъ, потому что отнимаетъ у нихъ одно изъ сильныхъ средствъ къ исправленію, ибо справедливое наказаніе, несомнѣнно, имѣетъ значеніе не карательной только, но вмѣстѣ исправительной мѣры. Какими же однако побужденіями руководствуются судьи въ оправданіи явныхъ и тяжкихъ преступниковъ?—Разными.

Во многихъ случаяхъ присяжные судьи настраиваются въ пользу подсудимаго явнаго и тяжкаго преступника тѣ-

ми впечатлѣніями, какія производить на нихъ жалостный видъ его—слезы, смущеніе, стыдъ. Все это, особенно если подсудимымъ лицомъ является женщина, по самой природѣ болѣе чувствительная, чѣмъ мужчина,—все это такъ иногда разжалобливаетъ судей, что они не только оправдываютъ, но еще награждаютъ преступниковъ деньгами. Но увлекаться впечатлѣніями въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ рѣшеніе вопроса о виновности или невиновности человѣка, судить о немъ по внѣшнему виду его, особенно присяжнымъ судьямъ никакъ не слѣдуетъ. Впечатлѣнія часто бываютъ обманчивы, наружность человѣка не всегда выражаетъ его внутреннее состояніе, ибо и сатана принимаетъ иногда видъ свѣтлаго ангела. Судьи должны судить по Божьему, должны помнить, что они не человѣческій судъ творять, но судъ Господень (Втор. 1, 17. 2 Парал. 19, 6), а у Господа нѣтъ лицепріятія (Рим. 2, 11),—и потому, подобно Господу, они должны судить человѣка безъ лицепріятія; должны обращать вниманіе не на внѣшній видъ его, не на черты его лица, не на выраженіе въ глазахъ, не на слезы, а на сущность подлежащаго ихъ суду дѣянія, на заключающіяся въ добытыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ свѣдѣніяхъ доказательства виновности или невиновности обвиняемого, и въ обсужденіи ихъ руководствоваться закономъ Божиимъ и гражданскимъ, и христіанскою совѣстію. Что судьи должны быть безпристрастны, и для сего не поддаваться тѣмъ впечатлѣніямъ, какія можетъ производить на нихъ видъ подсудимаго, въ этомъ убѣждены были и язычники: Фемида, богиня правосудія, была изображаема съ закрытыми глазами. Стядно христіанамъ въ дѣлѣ суда уступать надъ собою преимущество язычникамъ.

Въ иныхъ случаяхъ излишняя снисходительность къ подсудимому со стороны судей объясняется легкимъ взглядомъ ихъ на преступленіе. Многіе смотрятъ на преступленіе, только какъ на несчастіе, а на преступниковъ, какъ на несчастныхъ,—какъ на такихъ людей, въ поло-

женіи которыхъ всякій могъ бы совершить тоже преступленіе. Дѣйствительно, бывають положенія, которыя представляютъ сильное искушеніе къ преступленію. Но какъ бы ни было сильно подобное искушеніе, оно не необходимо ведетъ къ преступленію. Одно и тоже искушеніе ко грѣху, побѣждающее однихъ, съ успѣхомъ побѣждается другими при помощи благодати Божіей и при собственныхъ ихъ усиліяхъ въ борьбѣ съ нимъ. Возьмемъ, наприимѣръ, крайнюю бѣдность, отсутствіе средствъ къ жизни: есть ли здѣсь такое искушеніе, которое неизбежно располагаетъ къ воровству?—Конечно нѣтъ, иначе всѣ бѣдняки были бы ворами. Отчего же однако не всѣ они дѣлають ворами? Оттого, что находятъ возможность облегчать свое положеніе честнымъ трудомъ, смиреннымъ испрашиваніемъ помощи у ближнихъ, и во всякомъ случаѣ утѣшаютъ себя надеждою на Бога, молитвою къ Нему, преданностию Его святой волѣ. Если же другіе бѣдняки не прибѣгаютъ къ этимъ средствамъ облегченія своего положенія и предпочитаютъ имъ воровство, разнаго рода обманы, то бѣдность ли причиною этихъ преступленій? Не бѣдность, а праздность, лѣнь, гордость, малодушіе, отсутствіе страха Божія, надежды на промысль Божій. Былъ такой случай: одинъ молодой человѣкъ поступилъ въ контору какого-то московскаго банка и около года былъ здѣсь на испытаніи, не получая жалованья. А между тѣмъ ему нужно было чѣмъ-нибудь содержать себя и свою мать. Онъ разсудилъ: не съ голоду же мнѣ съ матерью умирать,—и сталъ класть себѣ въ карманъ деньги банка, какія проходили чрезъ его руки, и укралъ значительную сумму (помнится, около 1000 рублей). Преступленіе обнаружено, и преступникъ преданъ суду. Что же судьи? Оправдали его, признавъ положеніе его безвыходнымъ. Оно однакоже не было безвыходно: онъ могъ поправить его честнымъ образомъ, могъ занять деньги въ долгъ, могъ попросить у другихъ даровой помощи. Къ этимъ средствамъ онъ не прибѣгнулъ,—потому вѣроятно,

что долги надо платить, что неприятно, а просить милости у других казалось ему унижительным,—гораздо легче и удобнее украсть. И украсть онъ не мало, конечно, не для удовлетворенія только насущныхъ потребностей,—для чего достаточна была бы третья часть украденной суммы,—а для прихотей. Незвинительна кража въ крайней нуждѣ, но кража для расходовъ на прихоти еще болѣе увеличиваетъ виновность вора. Въ рассматриваемомъ случаѣ такая кража тѣмъ паче была преступна, что совершившій ее молодой человѣкъ былъ на испытаніи въ конторѣ банка. Если онъ не удержался отъ безчестнаго поступка, когда долженъ былъ стараться зарекомендовать себя съ хорошей стороны, можно ли было ручаться за его честность въ другихъ обстоятельствахъ жизни?

Иногда къ оправданію преступника служить въ глазахъ присяжныхъ судей грубость правоты, свойственная тому сословію, къ которому онъ принадлежитъ. Крестьянинъ нанесъ родной матери побои, отъ которыхъ она померла. О тяжести преступления можно судить отчасти потому, что по закону ветхозавѣтному дѣти предаваемы были на смертную казнь даже за одно злословіе противъ родителей (Исх. 21, 16). Присяжные однако оправдали матеревубійцу на томъ основаніи, что, какъ увѣрялъ ихъ адвокатъ, грубое обращение съ отцемъ и матерью—не-рѣдкость въ крестьянскомъ быту. Положимъ—это правда, но такому порядку вещей, противному законамъ Божескимъ и человѣческимъ, надобно противодействовать, а не потворствовать ему оправданіемъ преступниковъ. Всѣ твердятъ, что новые суды имѣютъ воспитательное значеніе, что гласность суда служитъ не только повѣркою общественной совѣсти, но и средствомъ къ возбужденію въ обществѣ любви къ справедливости и къ установленію правильныхъ въ нравственномъ смыслѣ взаимныхъ отношений членовъ общества. Все это прекрасно, но если судебные приговоры будутъ сообразоваться съ грубостію правоты въ той или другой общественной средѣ, вмѣсто того что-

бы служить противодействіемъ этой грубости, они будутъ не воспитывать, а только еще пуще развращать народъ.

Иногда присяжные судьи удерживаются отъ обвиненія уголовныхъ преступниковъ, по соображенію, что внутреннее наказаніе, испытываемое послѣдними отъ терзающей ихъ совѣсти, для нихъ чувствительнѣе и тяжелѣе вѣшняго наказанія. По этому именно соображенію оправдана дѣвица, для сокрытія слѣдовъ своего грѣха противъ седьмой заповѣди, убившая своего новорожденного младенца. Адвокатъ натолковалъ присяжнымъ, что сознаніе этихъ двухъ преступленій для нея мучительнѣе всякой казни,—и присяжные объявили ее невиновною. По странное дѣло! Можно ли было говорить о чувствительности совѣсти, если совѣсть не удержала подсудимую отъ двухъ преступленій, одно другого тягчайшихъ? Уже рѣшимость на преступленіе противъ седьмой заповѣди показывала въ ней слабость голоса совѣсти; но эта слабость еще объясняется силою искушенія и соблазна, которая могла помрачить разумъ и заглушить голосъ совѣсти. Въ подсудимой могла происходить тогда внутренняя борьба: совѣсть противилась искушенію,—не мирилась съ грѣхомъ и по совершеніи его. Это впрочемъ мы только предполагаемъ, ибо человѣколюбивѣе и согласнѣе съ уваженіемъ къ достоинству человѣка, каковъ бы онъ ни былъ, предполагать въ немъ лучшее, чѣмъ худшее; но могло быть, что и при первомъ преступленіи совѣсть совсѣмъ молчала въ подсудимой, убаюканная нехристіанскими сужденіями, напирѣвъ убѣжденіемъ, что удовлетвореніе естественной потребности никогда не можетъ быть грѣхомъ. Но рѣшимость на второе преступленіе, на дѣтоубійство, предполагаетъ, что въ подсудимой или совершенно притупилась совѣсть, или что ей было совѣстно только предъ людьми, а отнюдь не предъ Богомъ, больше она боялась суда людскаго, чѣмъ Божія.—Говорено было также въ записку подсудимой, что она совершила убійство безъ умысла, что она растерялась и сама не знала, что дѣлала.

Но если и справедливо такое объяснение, то это обстоятельство может смягчать вину, а не уничтожать ее. Присяжные однако совѣмь отвергли виновность подсудимой по ложному человѣколюбію.

Иногда въ оправдательныхъ приговорахъ присяжныхъ судей слышится протестъ противъ существующихъ порядковъ, церковныхъ и гражданскихъ, кажушихся имъ неправильными и несвоевременными. Жена убиваетъ мужа ядомъ, или желѣзнымъ орудіемъ, ибо не доволна мужемъ за что-то, тяготится сожитіемъ съ нимъ. Говорятъ: въ этомъ виновата не она, а законы, запрещающіе разводъ по всякой винѣ. Будь доволена свобода развода, не было бы и преступленій, происходящихъ будто бы отъ обязанности неразрывнаго брачнаго сожительства. Раскольникъ преданъ суду за соврашеніе православныхъ, за открытіе публичной молебни. То и другое противозаконно; но, кажется не было случая, чтобы присяжные не оправдали подсудимаго раскольника,—и это потому, что законы, карающіе означенныя преступленія, кажутся имъ не пригодными для нашего времени, отличающагося вѣротерпимостію и уваженіемъ къ свободѣ совѣсти. Но какіе бы протесты противъ законовъ ни высказывались въ судебныхъ приговорахъ, судьи, основывающіе свои приговоры не на законахъ, а на личномъ, наперекоръ имъ, воззрѣніи на преступленіе, вторгаются въ непринадлежащую имъ область. Не ихъ дѣло судить, хорошъ законъ, или нѣтъ; на нихъ лежитъ обязанность руководствоваться закономъ. Если имъ тотъ или другой законъ кажется слишкомъ строгимъ, они имѣютъ право, не колебля уваженія къ нему, признать нарушителя его заслуживающимъ снисхожденія.—Въ законахъ положенъ строгія наказанія не только на воровъ и убійцъ, но и на укрывателей ихъ. Присяжные, вопреки закону спасающіе преступниковъ отъ кары правосудія, пусть подумаютъ, не похожи ли они на этихъ укрывателей.

Къ сожалѣнію, въ оправданіе излишней снисходитель-

ности присяжныхъ судей къ преступникамъ нѣкоторые ссылаются на сообразность ея съ духомъ Евангелія. Ибо, говорятъ, духъ Евангелія есть духъ человѣколюбія, мира, всепрощенія. Ревность двухъ апостоловъ, пожелавшихъ наказать огнемъ Самарянь, не принявшихъ Христа Спасителя, остановлена была словами Его: „не вѣсте, коего духа есте вы: Смыслъ бо человѣчскій не приде душъ человѣческихъ погубити, но спасти“ (Лук. 9, 55, 56). Все это непререкаемо: духомъ кротости, снисходительности должны быть проникнуты не только частные люди въ отношеніи къ ближнимъ, но и судьи. Что впрочемъ эта снисходительность не должна простирается до нарушенія справедливости особенно въ дѣлахъ судебныхъ, что милость къ одной сторонѣ не должна соединяться съ обидою другой, это внушается Евангелиемъ,—оно проповѣдуетъ не одну милость, но и судъ. Христосъ Спаситель обличаетъ фарисеевъ за то, что они „оставили судъ, милость и вѣру“ (Мат. 23, 23). Слѣдственно, по ученію Христа Спасителя, должно быть не только милостивымъ, но и правосуднымъ. Что Христосъ Спаситель не имѣлъ въ виду отнимать у суда право преслѣдовать и наказывать обидчиковъ, хотя училъ частныхъ людей прощать ихъ, что Онъ почиталъ это право священнымъ, это видно изъ слѣдующаго случая. „Нѣкто изъ народа сказалъ Ему: Учитель! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство. Онъ же сказалъ человѣку тому: кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ“ (Лук. 12, 13, 12)? Смыслъ Христовыхъ словъ такой: „Я пришелъ не за тѣмъ, чтобы производить судебныя разбирательства между людьми: это не Мое дѣло, а дѣло гражданскихъ судей,—къ нимъ обратись съ жалобою на брата“. Такимъ образомъ Христосъ признаетъ за гражданскими судилицами полное право судить гражданъ по возникающимъ между ними дѣламъ и карать виновныхъ и освящаетъ это право, за Собою оставляя только нравственный судъ надъ людьми. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Онъ, уклонившись отъ

судебнаго разбирательства между братьями, учить далѣе избѣгать любостязанія, ибо въ немъ заключается причина во всѣхъ тяжёбныхъ дѣлахъ (ст. 13).

Не скажутъ ли, что слишкомъ снисходительные приговоры присяжныхъ судей могутъ имѣть основаніе въ словахъ Христа Спасителя: „какъ хотите, чтобы съ вами поступали люди, такъ и вы поступайте съ ними“ (Лук. 6, 31). Напрасно на основаніи этихъ словъ сталъ бы кто думать, будто судьи должны оказывать подсудимымъ только снисхожденіе, ибо и себѣ пожелала бы снисхожденія, если бы сами были въ положеніи подсудимыхъ. Нѣтъ, не всегда и для себя я долженъ желать снисхожденія. Въ иныхъ случаяхъ, если моя вина велика, я долженъ желать себѣ не снисхожденія, а строгаго наказанія, чтобы очистить свою совѣсть понесеніемъ наказанія. Я первый долженъ быть строгимъ судьей самого и желать, чтобы со мной поступили по всей строгости закона. Стараться обойдти законъ, избѣгнуть его кары за тяжкое преступленіе было бы не благородно. Если же такъ, то я не согрѣшу, если въ качествѣ судьи взгляну строго на преступленіе моего ближняго, ибо и самъ готовъ подвергнуться тойже отвѣтственности, еслибы впалъ въ тоже преступленіе.

Говорятъ: Христосъ не осудилъ блудницу, взятую на мѣстѣ преступленія и представленную Ему для того, чтобы Онъ изрекъ Свой судъ о пей. Онъ сказалъ ея обвинителямъ: „кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось на нее камень“. Никто не рѣшился это сдѣлать, ибо всякаго облачала совѣсть; тогда Господь сказалъ обвиняемой грѣшницѣ: „и Я не осуждаю тебя. Иди и впередъ не грѣши“ (Иоан. 8, 3—11). Въ этомъ примѣрѣ, и въ этихъ словахъ Христа, Судьи кроткаго и милостиваго, не могутъ ли и присяжные судьи находить побужденіе къ тому, чтобы уклоняться отъ обвинительныхъ приговоровъ? — Не могутъ и не должны. Христосъ Спаситель, какъ не обремененный свѣтскою судебною властію, не почиталъ Себя

въ правѣ примѣнять къ грѣшницѣ законъ Моисеевъ, и уклонившись отъ обвиненія ея по этому закону, хотѣлъ только показать, что и обвинители ея не менѣе ея грѣшны, и что какъ бы ни было тяжко преступленіе, оно предъ судомъ нравственнаго закона, если преступникъ раскаивается, заслуживаетъ прощенія. А такое отношеніе къ преступнику, такое снисхожденіе къ нему совмѣстно съ строгимъ судомъ надъ нимъ. Вѣдь справедливыя судьи обвиняютъ и караютъ преступниковъ не по злобѣ, не по жестокосердію, а по требованію закона, и въ душѣ прощаютъ и жалѣютъ того, кого осуждаютъ. Тоже дѣлаетъ и св. Церковь, слѣдуя ученію и примѣру Господа Иисуса, прощившаго блудницу. Даже приговоренныхъ къ смертной казни злодѣевъ, она не лишаетъ прощенія грѣховъ въ таинствѣ исповѣди и напутствуетъ къ смерти молитвами.

Итакъ ничѣмъ нельзя оправдать слишкомъ снисходительныхъ приговоровъ, произносимыхъ присяжными судьями надъ тяжкими преступниками ко вреду общества и самимъ преступниковъ. Такая снисходительность, такое потворство преступникамъ, не исправляя ихъ, вредна и въ томъ отношеніи, что примѣромъ ихъ ненаказанности поощряетъ другихъ къ совершенію подобныхъ преступленій. Присяжные должны знать, что послѣдствія ненаказаннаго по ихъ снисходительности преступленія падутъ на нихъ и они будутъ отвѣчать предъ Богомъ и предъ совѣстію; должны помнить, что, какъ призванные къ участию въ судѣ въ качествѣ представителей общества, они обязаны смотрѣть на порученное имъ дѣло, не какъ на личное только дѣло, а какъ на дѣло общественное, и потому въ обсужденіи его прислушиваться къ голосу не своей только совѣсти, но совѣсти общественной, насколько она является имъ въ лучшихъ членахъ общества, здраво и христіански разсуждающихъ. — Св. Владиміръ равноапостольный по принятіи христіанской вѣры до того сдѣлался кроткимъ и снисходительнымъ, что боялся казнить

разбойниковъ, и когда епископы и старцы, по случаю размноженія разбоевъ, стали говорить ему: почему ты не казнишь разбойниковъ? онъ отвѣчалъ: „боюсь грѣха“. Епископы убѣдили князя, что грѣха тутъ нѣтъ, что князь отъ Бога поставленъ на казнь злымъ, а добрымъ на милосердіе, и что по суду должно казнить разбойниковъ. Подобно сему пусть никто изъ присяжныхъ судей, по ложному человѣколюбію и опасенію грѣха, не уклоняется отъ произнесенія законнаго приговора преступникамъ. Грѣхъ не въ этомъ, а въ потворствѣ преступникамъ.

Отвѣтъ глаголемому старообрядцу по поводу проповѣди, сказанной въ годовщину Братства Св. Петра митрополита.

День 4 февраля 1874 г. принесъ мнѣ два сюрприза. Сначала полученъ мною 4-й выпускъ петербургскаго духовно-свѣтскаго журнала *Домашняя Бесѣда*. Смотрю, здѣсь цѣлкомъ перепечатана проповѣдь моя, сказанная 21 декабря минувшаго года, въ годовщину Братства св. Петра митрополита. Редакторъ *Бесѣды*, очевидно, вполне сочувствуетъ мыслямъ, выраженнымъ въ моей проповѣди, иначе не напечаталъ бы ее въ главномъ отдѣлѣ своего журнала. Черезъ два часа по полученіи *Дом. Бесѣды* приносятъ ко мнѣ 34-й № *Совер. Извѣстій*. Смотрю, — здѣсь помѣщена статья противъ тойже проповѣди: *Братство св. Петра митрополита, голосъ старообрядца*, — подписанная кѣмъ-то А. Б. — Не желаю быть безответнымъ.

Проповѣдь моя, какъ извѣстно читателямъ *) направлена къ опроверженію толковъ поборниковъ полнѣйшей свободы раскола, — именно самихъ раскольниковъ, индеферентистовъ и многихъ изъ среды православныхъ. Само собою разумѣется, что я долженъ былъ стать

*) См. выше на стр. 181-й и д.

на сторонѣ существующихъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ, направленныхъ къ ослабленію раскола и къ огражденію отъ его посягательствъ православной Церкви. Понятно, что моей проповѣдью не могли остаться довольны ни раскольники, ни ихъ защитники, потому что тѣ и другіе не довольны самими законами противъ раскола. Но ихъ мнѣнію эти законы несправедливы ни съ государственной, ни съ церковной точки зрѣнія, несогласны съ уваженіемъ къ свободѣ совѣсти, и къ нашему времени — гуманности и вѣротерпимости — непримѣнны, и потому должны быть отмѣнены. Я старался доказать правдивое и, надѣюсь, не скрылъ ни одного возраженія, какія только приходилось мнѣ встрѣчать со стороны защитниковъ полнѣйшей свободы раскола. Къ сожалѣнію, недовольный моею проповѣдью старообрядецъ А. Б., какъ видно, не читалъ *), ее въ печати, а только слушалъ въ церкви Златоустова монастыря. Но видно также, что онъ слушалъ ее не довольно внимательно и запомнилъ изъ ней очень немногое, да и это немногое передалъ не точно, съ присовокупленіемъ неосновательныхъ рассужденій. Съ чего напримѣръ онъ взялъ, будто „о. Печаяевъ находитъ нужнымъ, чтобы раскольникамъ не дозволяемо было не только заводить новые молитвенные дома, но чтобы даже старые уничтожать“? Я ссылаюсь только на законъ, запрещающій раскольникамъ строить вновь церкви и часовни, передѣлывать и возобновлять старыя, частныя жилища обращать въ мѣста публичныхъ моленій. Законъ не требуетъ уничтоженія старыхъ молитвенныхъ зданій и дозволяетъ раскольникамъ молиться въ нихъ, пока время или сами раскольники не разрушатъ ихъ. Потому и я не могъ требовать того, чего не требуетъ законъ. Зачѣмъ же *старообрядецъ* приписываетъ мнѣ то, чего я не говорилъ? Этого мало; онъ даже утверждаетъ, будто я „приводилъ дока-

*) Она напечатана была сначала въ январ. книжкѣ Душеп. чтен. 1874 г.

зательства этому», то есть тому, чего я не думалъ говорить. Какія же однако это доказательства? «Въ одномъ мѣстѣ,—будто бы я говорилъ,—уничтожена была моленная;—тогда хозяинъ этой моленной не захотѣлъ остаться безъ политвы и послѣдовалъ къ православію». Опять на-праслина. Въ моей проповѣди сказано не то, а вотъ что: «жители одного села въ Вятской губерніи оставили вдругъ расколъ потому, что часовня, въ которую они собирались на моленіе, отъ ветхости близка была къ разрушенію, а возобновить или новую выстроить имъ не дозволяли. Что-бы не лишиться возможности участвовать въ общественномъ богослуженіи, они стали ходить въ православную церковь». Видите, у меня была рѣчь не о хозяйнѣ моленной, а о многихъ семействахъ, бросившихъ расколъ, не объ уничтоженіи моленной, а только о томъ, что она близка была къ разрушенію. Притомъ, если уничтожена, по словамъ старообрядца, моленная, то еѣмъ уничтожена? Читатель въ правѣ подумать: не позиціею ли,—и заподозрить меня въ сочувствіи къ противозаконному въ этомъ случаѣ вмѣшательству полиціи. Между тѣмъ мои слова въ томъ видѣ, какъ произнесены съ каедръ и напечатаны въ книгѣ, никому не подаютъ повода къ такому несправедливому заключенію. Мой обвинитель намѣренно, или не намѣренно, искажилъ ихъ, и вышло то, чего у меня на умѣ не было. Напраслина и то, будто упомянутое обращеніе раскольниковъ Вятскаго села я привелъ въ доказательство, что для успѣха обращенія раскольниковъ надо вообще уничтожать ихъ моленныя. У меня въ проповѣди совсѣмъ другой смыслъ данъ этому случаю; у меня онъ приведенъ въ доказательство того, что расколъ под-держивается не всегда убѣжденіемъ, а чаще одною привычкою; что по этой одной привычкѣ слѣдовали расколу жители Вятскаго села, иначе они такъ легко не покинули бы своего заблужденія.—Далѣе мой обвинитель постав-ляетъ мнѣ на видъ, будто я не кстатѣ указать на прави-ло Кареагенскаго собора о требованіи помощи царской

власти противъ донатистовъ. По мнѣнію старообрядца, это правило непримѣнимо къ положенію господствующей въ Россіи Церкви, ибо ея положеніе совсѣмъ не таково, въ какомъ находилась кареагенская церковь: тамъ были стѣснены православные отъ еретиковъ, а у насъ расколь-ники отъ православныхъ. Скажу на это: важно прежде всего то, что кареагенское правило противъ донатистовъ служить доказательствомъ, что русскіе законы, клоня-щіеся къ ослабленію раскола, имѣютъ кановческое осно-ваніе, ради чего оно и упомянуто мною. Что же касает-ся до того, что наши раскольники не могутъ быть сравни-ваемы съ донастиами, ибо не они стѣсняють право-славныхъ, а сами терпятъ отъ нихъ стѣсненіе, то въ сущности это различіе не строго. Епископы донасти-вовъ неистово вторгались въ православныя епархіи, от-нимали у православныхъ храмы, и страхомъ увлекали на свою сторону безсильный народъ. Наши раскол-ничьи вожаки лишены возможности отнимать у право-славныхъ храмы, но они самолично, подъ именемъ какихъ-то Владимірскихъ, Московскихъ, Казанскихъ и другихъ архіереевъ, утвердили свое пребываніе въ православныхъ епархіяхъ и дѣйствуютъ къ вреду православія. Епископы донастистовъ безчинствовали открыто, а лжеархіерей и лжеіерей и всѣ другіе вожаки нашихъ раскольниковъ тайно, пользуясь невѣжествомъ, нѣкоторыхъ православныхъ, смущаютъ ихъ совѣсть разными страхами и отторгаютъ отъ Церкви. Если ни въ какомъ благоустроенномъ госу-дарствѣ наряду съ законнымъ правительствомъ не можетъ быть терпимъ подпольный революціонный жондъ, то по настоящему не слѣдовало бы наряду съ церковнымъ правительствомъ терпѣть незаконные церковные жонды. Если самозванецъ-генераль не можетъ безнаказанно щеголять въ генеральскихъ эполетахъ, то не слѣдовало бы допускать, чтобы пользовались архіерейскою или іерей-скою властію лица, незаконно ее присвоившія. Мой об-винитель упрекаетъ меня за то, что я проповѣдую о не-

обходности употребленія гражданских мѣръ противъ раскола; но онъ не обратилъ вниманія на слѣдующія слова въ моей проповѣди: „пусть раскольники пользуются всѣми гражданскими правами, пусть они вѣрятъ во что хотятъ, пусть молятся какъ хотятъ; желательно только, чтобы они не вредили Церкви своими нападеніями на нее, не совращали ея чадъ, не дѣлали, къ соблазну ихъ, своихъ самочинныхъ собраний, не держали у себя лжеархiereевъ и лжеереевъ и т. д.“ Мой обвинитель долженъ согласиться, что эти мѣры для ограниченія свободы раскола, не въ примѣръ мягче тѣхъ, какія предлагаетъ Кареевскій соборъ для обузданія донатистовъ. Вообще строгатаго примѣненія къ нашимъ раскольникамъ древнихъ правилъ противъ еретиковъ и раскольниковъ никто не требуетъ, лишь бы добросовѣстно примѣняемы были мѣры, указанныя въ русскихъ законахъ.

Далѣе *старобрядецъ* приводитъ правила тогоже собора, повелѣвающія кротко и мирно вступать въ бесѣды съ донатистами, называть ихъ братьями и т. п., и упрекаетъ меня въ томъ, что я не слѣдую этимъ правиламъ,—говорить, что не видно, бесѣдовалъ ли я съ кѣмъ, научилъ ли кого, что вмѣсто¹ всего этого я призываю на раскольниковъ стѣсненіе. Напрасный упрек! Отъ бесѣды съ раскольниками я никогда не уклонился, но научить и привести кого-либо изъ нихъ къ истинѣ мнѣ до сихъ поръ дѣйствиительно не удалось, потому что приходилось бесѣдовать съ людьми, которые не хотѣли знать истины, не принимали никакихъ ревоновъ, слыша не слышали и вида не видѣли. Сверхъ того, какъ издатель духовнаго журнала, я печаталъ не мало статей другихъ лицъ противъ раскола, статей о. Павла, о. Филарета, о. Пафнутія, г. Суботина и другихъ, и имѣю свѣдѣнія, что эти статьи послужили къ вразумленію многихъ заблуждающихся.

Далѣе *старобрядецъ* приписываетъ мнѣ разнорѣчіе, т.-е. противорѣчіе себѣ самому,—утверждая, что въ послѣдней моей проповѣди, порицаемой имъ, я говорилъ не то,

что напечатано въ прежней сказанной мною 21 декабря 1872 г. при открытіи Братства св. Петра митрополита*). Да, я не одно и тоже говорилъ въ двухъ проповѣдяхъ, но говорить о разныхъ предметахъ въ разное время, не значить разнорѣчить. Разнорѣчить или противорѣчить, себѣ, значить утверждать объ одномъ и томъже предметѣ противное тому, что утверждаемо было прежде. Чѣмъ же можете доказать это въ отношеніи ко мнѣ мой обвинитель?—Онъ пишетъ, что если въ прежней проповѣди я признавалъ нужнымъ для успѣха предпринятаго Братствомъ дѣла благословеніе Божіе, то слѣдовательно самъ же будто соглашаюсь, что при благословеніи Божіемъ не нужна гражданская власть. Нѣтъ, это не мои мысли. По моему, содѣйствіе гражданской власти отнюдь не исключаетъ необходимости благословенія Божія. Оно потребно не для одного духовнаго дѣйствованія противъ раскола, но и для успѣха гражданскихъ мѣропріятій къ ослабленію его.

Продолжая уличать меня въ притворѣчій самому себѣ, мой обвинитель ссылается на приведенное мною въ прежней проповѣди обѣтованіе Христово о неодоимости Церкви вратами адowymi, и на мои слова: «неужели сила ада сильнѣе силы Божіей?» и прибавляетъ: «и наше мнѣніе таково, что сила Божія сильнѣе всякой другой силы къ обращенію въ православіе». Не ясно, что хотѣлъ сказать этимъ мой обвинитель, но во всякомъ случаѣ изъ приведенныхъ имъ моихъ словъ никакъ не слѣдуетъ, чтобы кромѣ силы Божіей не нужно было къ охраненію Церкви содѣйствіе силъ человѣческихъ, и между прочимъ гражданской власти. Основатель Церкви Господь І. Христосъ хранитъ ее не только непосредственно силою своего всемогущества, но и чрезъ людей, которыхъ употребляетъ въ орудія Своего промышленія о ней, подобно тому какъ чрезъ людей же Богъ управляетъ судьбами

*) См. выше стр. 75—85. Первоначально напечатана въ январской книжкѣ Душен. Читенія. 1873 года.

царствъ и народовъ. Главными орудіями промышленія Божія о Церкви служатъ пастыри Церкви. Они даже были единственными благоустроителями Христовой Церкви въ первыя времена ея существованія, когда государственная власть была враждебна ей. Но съ четвертаго вѣка, когда сами цари сдѣлались сынами Церкви, она въ нихъ нашла опору, по слову пророка: «и будутъ царіе кормители твои и княгини ихъ кормилицы твои» (Исаи 49, 23). Съ сихъ поръ государственная христіанская власть не только правительственными распоряженіями, но и гражданскими законами стала покровительствовать Церкви. Благословенна память св. равноапостольныхъ Константина и Елены, Θεодосія великаго, Іустиніана, равноапостольнаго Владимира и многихъ другихъ царей земли греческой и Русской, содѣйствовавшихъ Церкви въ борьбѣ ея съ язычниками, еретиками и раскольниками. Осмѣлится ли мой обвинитель сказать, что покровительство ихъ Церкви незаконно и излишне, когда ее хранить неодолима сила Божія? Не долженъ ли онъ согласиться, что они были благословенными орудіями этой силы?

Наконецъ для выщаго удиченія меня въ противорѣчій, онъ выписываетъ изъ прежней моей проповѣди то мѣсто, гдѣ я выражаю уваженіе къ свободѣ совѣсти въ дѣлѣ вѣры и говорю о необходимости дѣйствованія на чужую совѣсть вразумленіемъ, — и потомъ пишетъ: «прекрасныя слова! но должно и поступать по таковымъ словамъ, и слѣдовательно, если о. Нечаевъ не пережѣнилъ, въ прозвѣніи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, своего мнѣнія, то долженъ приглашать не къ внѣшнимъ карательнымъ и принудительнымъ мѣрамъ, а только къ мѣрамъ духовнаго вразумленія». Хорошо; но откуда же видно, что черезъ нѣскольکو мѣсяцевъ я отказался отъ своихъ словъ? Мой обвинитель, кажется, забылъ, что я говорилъ съ каедръ; такъ пусть онъ потрудится пожаловать ко мнѣ и взять книжку, въ которой начата послѣдняя моя проповѣдь. Онъ увидитъ въ ней неоднократное повтореніе мыслей выражен-

ныхъ въ прежнихъ моихъ, выписанныхъ имъ, словахъ. Онъ увидитъ въ ней также указаніе на то, что хотя запретительныя и карательныя мѣры предпринимаются противъ совратителей и вновь совращенныхъ въ расколъ, также противъ публичнаго оказательства раскола, но предпринимаются въ соединеніи съ духовными вразумленіями, и отнюдь не для того, чтобы насильно вынудить у совращенныхъ и совратителей отреченіе отъ заблужденія, а для того, чтобы дать имъ возможность хорошенько обдумать свое положеніе, — предпринимаются для противоудѣйствія распространенію заблужденій: вѣруй, какъ хочешь, только другихъ не смѣй соблазнять и увлекать своимъ примѣромъ и словомъ. Не обратилъ также вниманія мой обвинитель на мои слова, что совратители и совращенные предаются гражданскому суду уже послѣ неоднократныхъ увѣщаній обратиться къ истинѣ и что впрочемъ на практикѣ дѣло до свѣтскаго суда рѣдко и доходитъ, а все ограничивается только увѣщаніемъ, подобно тому, какъ поступаютъ съ родившимися въ расколъ, которыхъ и законъ не требуетъ предавать суду. Что же въ моихъ словамъ таково, за что бы слѣдовало укорять меня въ противорѣчій себѣ? — Не самъ ли притомъ обвинитель мой указываетъ на правила Кареагенскаго собора, изъ которыхъ одно требуетъ строгости въ отношеніи къ раскольникамъ, другія предписываютъ вразумлять ихъ и кротко обращаться съ ними? Онъ не скажетъ, конечно, что отцы Кареагенскаго собора противорѣчатъ себѣ; онъ знаетъ, что карательныхъ мѣръ противъ донатистовъ они требовали послѣ неудавшихся попытокъ обуздать ихъ мѣрами кротости. За что же такая немилость ко мнѣ моего обвинителя, что онъ поставяетъ мнѣ въ вину то, за что не дерзнетъ укорить отцевъ святаго собора?

На остальные обвинения не отвѣчаю, потому что они относятся не ко мнѣ лично, а къ Братству св. Петра. Совѣтую впрочемъ г. старообрядцу прочесть въ февральской книжкѣ *Душеполезнаго Чтенія* (1874 г.) отчетъ Братства,

за минувший годъ. Онъ увидитъ, что Братство и бесѣдами и книгами стремилось къ достиженію своей цѣли; слѣдственно напрасно онъ упрекаетъ его въ бездѣятельности.

О грѣхахъ чувствъ.

Источникъ грѣха заключается собственно въ душѣ, а не въ тѣлѣ съ его чувствами,—не захочетъ она уступить грѣховному искушенію, никакія впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ не увлекутъ ее на грѣхъ. Силою воли, при помощи благодати Божіей, она можетъ избѣгнуть всѣхъ внѣшнихъ поводовъ ко грѣху, и при невозможной встрѣчѣ съ грѣховнымъ искушеніемъ отвѣтъ, побѣдить его,—она можетъ вида не видѣть, слыха не слышать, т.-е. не увлекаться тѣми впечатлѣніями, какія доходятъ до нея чрезъ зрѣніе и слухъ. Посему, приступая къ разсмотрѣнію грѣховъ чувствъ, мы имѣемъ въ виду не то, будто въ чувствахъ заключается причина грѣха, а то, что душа пользуется чувствами какъ орудіями грѣха, злоупотребляетъ ими, или что не употребляетъ ихъ согласно ихъ назначенію.—Кромѣ внѣшнихъ чувствъ—зрѣнія, слуха, осязанія, обонянія и вкуса,—къ грѣхамъ можетъ подавать поводъ также внутреннее чувство. Начнемъ съ внѣшнихъ чувствъ.

Зрѣніе.

Значеніе зрѣнія въ духовной жизни весьма велико. Оно служитъ проводникомъ въ душу добрыхъ впечатлѣній отъ міра видимаго. Чрезъ него душа наша познаетъ чудеса премудрости, благости и всемогущества Божія, являющіяся повсюду въ дѣлахъ мірозданія (Рим. 1, 20). Открытія въ области наукъ естественныхъ суть большею частью плодъ наблюденій чрезъ чувство зрѣнія. Умилительное дѣйствіе на душу обрядовъ богослуженія, благоговѣйнаго участія въ немъ вѣрующихъ, благолѣпія хра-

мовъ Божіихъ, производится на душу чрезъ зрѣніе. Но оно же проводитъ въ душу впечатлѣнія грѣховныя. Такъ:

1) чрезъ зрѣніе возбуждаются и питаются нецѣломудренныя помыслы, о преступности которыхъ можно судить по словамъ Христовымъ: „всякій, кто смотритъ на женщину съ вождѣльніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ“ (Мат. 5, 28).

2) Путемъ зрѣнія проникаютъ въ душу впечатлѣнія отъ зрѣлищъ, разгнѣвающихъ душу. Таковыми въ языческой древности были гладіаторскія игры; въ наше время съ этимъ характеромъ являются у Испанцевъ бой быковъ, и у всѣхъ народовъ травля звѣрей на охотѣ, особенно предосудительная, когда затравливаютъ десятками псовъ одного безсильнаго звѣрка,—безстыдныя театральныя представленія, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются полубогаженныя лица женскаго пола,—нескромныя живыя картины. Безстыдныя театральныя представленія, рассчитанныя прямо на нецѣломудренныя склонности, въ послѣднее время пріютились не только въ городахъ, но и среди загородныхъ жилищъ. На лѣтнее время горожане переселяются въ нихъ затѣмъ, чтобы пожить на свободѣ отъ городского шума и пыли, подышать чистымъ воздухомъ, испытать наслажденіе, доставляемое зрѣлищемъ природы. Но безчестные предприниматели, извлекающіе выгоду изъ развращенія ближнихъ, стали устроить безнравственныя зрѣлища въ мѣстахъ, густо населенныхъ дачниками,—и расчетъ ихъ на склонность къ разврату оказался вѣрнымъ. Посѣтителями этихъ зрѣлищъ бывають не одни жители дачъ, но и оставшіеся на лѣто въ городѣ,—они на досугъ нарочно спѣшатъ за городъ не для прогулокъ, а единственно для безнравственныхъ театральныхъ увеселеній, которыхъ въ это время не находятъ въ городѣ. И съ какими впечатлѣніями они возвращаются домой, и сколько оттого гибнетъ не холостыхъ только, но и женатыхъ, потому что тѣ и другіе подъ влияніемъ видѣннаго на безстыдныхъ зрѣлищахъ ищутъ для себя другихъ, болѣе грязныхъ развлеченій!

3) Грѣховныя впечатлѣнія чрезъ зрѣніе получаютъ, къ сожалѣнію, въ мѣстахъ, предназначенныхъ отнюдь не для праздныхъ зрѣлищъ. Такъ въ самую церковь ходятъ иныя не для участія въ богу служеніи, а чтобы только посмотрѣть на другихъ и на обстановку богослуженія. Они вамъ расскажутъ, кто былъ въ церкви, въ чемъ одѣтъ, какъ причесанъ, въ какихъ облаченіяхъ были священнослужители, хорошо ли горѣли свѣчи и т. п.; но спросите ихъ, чтó читано было въ церкви изъ Евангелія и Апостола, о чемъ была проповѣдь и т. п.,—они ничего вамъ не скажутъ, ибо ничего не слушали, а только блуждали въ церкви взорами,—и вотъ гдѣ между прочимъ причина страннаго явленія: иной ни одного воскресенья и праздника не пропуститъ, чтобы не побывать въ церкви за обѣденою, а не прочтеть символа вѣры. Онъ всю службу можетъ выстоять въ церкви, но слыша не слышитъ, что въ ней читаютъ или поютъ, а только глазѣетъ по сторонамъ или бессмысленно смотритъ на читающихъ и поющихъ, тогда какъ тотъ же человѣкъ очень хорошо помнитъ нѣсколько сотенъ пѣсень по одному слуху. — О томъ, чтó происходитъ въ церкви при совершеніи свадебъ, и говорить тяжело. Церковь въ это время превращается въ буквальный смыслѣ въ мѣсто зрѣлища. Рѣдкіе изъ пришедшихъ на свадьбу въ церковь стоятъ въ ней благоговѣнно и молятся за жениха и невѣсту. Остальные большею частію, обратившись задомъ къ алтарю и святымъ иконамъ, во все продолженіе вѣнчанія не сводятъ глазъ съ жениха и невѣсты и своимъ пристальнымъ наблюденіемъ надъ всѣми ихъ движеніями, надъ всѣми подробностями ихъ туалета нерѣдко смущаютъ ихъ, отнимаютъ у нихъ то расположение духа, какое они должны сохранить въ эти единственные въ ихъ жизни минуты.—Подобное неблагоговѣніе можно замѣчать въ крестныхъ ходахъ. На крестные ходы собираются тысячи народу, но зачѣмъ? Не многіе здѣсь являются богомольцами, остальные—все зрители. Смотрятъ на хоругви, какъ онѣ колыхаются въ воз-

духѣ, на золотыя и серебряныя украшенія ликовъ, на нихъ изображенныхъ, но никогда не молятся предъ этими ликами. По возвращеніи домой, они вамъ расскажутъ, сколько священниковъ, діаконовъ и причетниковъ участвовало въ крестномъ ходѣ, какія облаченія на нихъ были, какъ они себя вели, стройно ли двигались хоругви, не падали ли отъ вѣтру или отъ неискусства носильщиковъ,—расскажутъ о разныхъ другихъ приключеніяхъ, которыхъ они были свидѣтелями въ крестномъ ходѣ, ибо только за этимъ и сопровождали его, а отнюдь не затѣмъ, чтобы участіемъ въ общественномъ богомольи увеличить силу и богоугодность его. Они не хотятъ понять, что въ крестномъ ходу должно вести себя съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ въ церкви. Ибо чтó такое крестный ходъ, какъ не движущаяся церковь? Въ рѣдкой церкви помѣстится больше тысячи человѣкъ, но въ крестныхъ ходахъ участвуютъ десятки тысячъ, и если бы всѣ эти десятки тысячъ единымъ сердцемъ и едиными устами возсылали къ Господу молитву, какая могущественная была бы эта молитва!

Для избѣжанія исчисленныхъ грѣховъ чувства зрѣнія, должно оберегать душу отъ всего соблазнительнаго, могущаго войти въ нее чрезъ зрѣніе, не разсѣвать взоромъ, отвращать ихъ отъ всего суетнаго, на предметы и дѣйствія священныя вирать съ благоговѣніемъ, на видимый міръ смотрѣть съ мыслию о Творцѣ. Глаза—это окна души. Должно тщательно охранять ихъ, чтобы не проторглись въ нихъ воры и разбойники,—ибо какъ иначе назвать грѣховныя впечатлѣнія, окрадвающія и расхищающія душу, въ которую вторгаются чрезъ эти окна?

Слухъ.

Чувство слуха есть великій даръ Божій. Съ нимъ имѣетъ тѣсную связь даръ слова,—безъ слуха не было бы слова. Безъ слуха не было бы мѣсто вѣрѣ въ откровеніе Божіе, ибо вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божиимъ

(Рим. 10, 17). Слухъ вообще служить главнѣйшѣмъ проводникомъ образованія, болѣе употребительнѣйшѣмъ, чѣмъ грамота, ибо было время, когда грамота совсѣмъ не была известна, и люди научались всему по слуху, да и нынѣ болѣе неграмотныхъ, чѣмъ грамотныхъ. Но какъ всякій даръ, такъ и даръ слуха или злоупотребляется людьми и обращается въ орудіе грѣха, или не употребляется ими согласно своему назначенію.

1) Чувство слуха бываетъ орудіемъ грѣха, когда человекъ любитъ слушать празднословіе, срамословіе и вообще гнилыя рѣчи. Есть люди, которые находятъ въ этомъ вкусъ. Они терпятъ не могутъ рѣчей серьезныхъ, особенно проповѣдей, скучаютъ даже отъ краткой проповѣди и по предубѣжденію противъ проповѣдей вообще не способны цѣнить въ нихъ хорошихъ сторонъ,—но весьма довольны бывають, когда попадаютъ въ общество людей, убивающихъ время въ болтовнѣ, въ нескромныхъ шуткахъ, въ пересказываніи грязныхъ новостей. Все это, чрезъ слухъ входя въ душу, разстѣбываетъ ее, пріучаетъ къ легкомыслию, вносить въ нее пустоту, чувствительную особенно тогда, когда человекъ остается наединѣ. Навлече тяжко грѣшить тотъ, кто находитъ удовольствіе въ слушаніи рѣчей кощунственныхъ,—глумленій надъ вѣрой, надъ церковными учрежденіями и добрыми христіанскими обычаями. Онъ и за себя будетъ отвѣчать предъ судомъ Божиимъ, какъ виновный въ сочувствіи этимъ гнилымъ рѣчамъ,—и за ближняго, котораго поощряетъ своимъ вниманіемъ къ его гнилымъ рѣчамъ, своимъ подтакиваніемъ, выраженіемъ удовольствія, вмѣсто того, чтобъ остановить дерзкаго говоруна обличеніемъ его дерзости. Дерзость этихъ людей питается именно вниманіемъ къ нимъ. Они не посмѣли бы открыть устъ, если бы не находили среды, готовой съ удовольствіемъ воспринимать съѣмыя ими злыя сѣмена.—Не меньше тяжко грѣшать тѣ, которые любятъ слушать вѣсти, распускаемыя противъ чести ближняго, и слушаютъ ихъ съ какимъ-то злорадствомъ,

не обращая вниманія на то, что эти вѣсти могутъ оказаться клеветою, выдуманною злыми людьми и переходя изъ устъ въ уста съ прибавленіями и выдвизываніями, могутъ уронить его въ общественномъ мнѣніи, подорвать къ нему довѣріе людей, отъ которыхъ онъ зависитъ, убить въ немъ энергію къ труду, свергнуть его въ уныніе и въ лицѣ его отнять у общества полезнаго дѣятеля. Въ этомъ грѣхѣ, въ грѣхѣ легкомысленнаго довѣрія ко всякому слуху, виновны преимущественно газеты, собирающія безъ повѣрки всякія вѣсти и непринимаящія даже оправданій отъ оклеветанныхъ печатно. Вредна для чести человека устная недобрая молва, но молва печатная и перепечатываемая еще вреднѣе, потому что распространяется по всему свѣту.

2) Чувство слуха бываетъ орудіемъ грѣха также въ людяхъ пристрастныхъ къ извѣнчивающимъ музыкальнымъ звукамъ, особенно къ тѣмъ, которые выражаютъ страсть,—и къ искусственному пѣнію. Вредъ этого пристрастія оказывается въ томъ, что эти люди не жалуютъ простаго церковнаго пѣнія, а потому или совсѣмъ не ходятъ въ церковь, или бывають въ ней только тогда, когда приглашены пѣвчіе. И отъ нихъ уже нельзя услышать: пойду—помолюсь въ храмѣ Божиѣмъ,—а: пойду послушать пѣвчихъ. Церковь для нихъ не мѣсто молитвы, а мѣсто развлечения. Для нихъ важно не содержаніе церковныхъ пѣснопѣній, а одно исполненіе пѣнія пѣвческими голосами, и чѣмъ больше походитъ оно на оперное, тѣмъ оно для нихъ пріятнѣе. У другихъ пристрастіе къ звукамъ высказывается въ болѣе грубой формѣ. Имъ нравятся не искусство церковнаго пѣнія или чтенія, а только сила голоса. Они имѣють обычай бывать въ тѣхъ храмахъ, гдѣ могутъ слышать громозвучное чтеніе Апостола или Евангелія, и по окончаніи чтенія спѣшать вонъ изъ церкви, не подождавъ, что, обращая въ предметъ забавы священное дѣйствіе, они впадаютъ въ грѣхъ кощунства.—Какъ грѣховно пристрастіе слуха къ нескромнымъ пѣснямъ,

вносящимъ въ душу сѣмена нецѣломудрія, всякому очевидно.

3) Есть грѣхъ слуха, свойственный преимущественно лицамъ женскаго пола,—это *подслушивание*. Иногда оно дѣлается изъ одного безкорыстнаго любопытства, изъ простаго желанія знать чужія обстоятельства; иногда изъ него дѣлается дурное употребленіе,—подслушанное у однихъ не къ чести ихъ пересказываютъ подъ секретомъ другимъ, и еще съ искаженіями и прибавленіями. Во всякомъ случаѣ подслушивание—дѣло безчестное.—Лицамъ женскаго пола, особенно изъ простонародія, свойственно также подслушивание съ суевѣрною цѣлю. Ходятъ напримѣръ подслушивать на перекрестокъ *), подъ чужое окно, въ замочную скважину на церковной паперти. Въ этихъ случаяхъ проявляется не одно невѣжество, но и грубое языческое суевѣріе, неразборчивое на средства къ тому, чтобы вопреки волѣ Божіей узнать сокрытую отъ насъ будущую судьбу.

4) Грѣхъ заключается не въ томъ только, чтобы злоупотреблять слухомъ, слушать то, чего не слѣдуетъ, но и въ томъ, когда не слушаютъ того, что слѣдуетъ. Въ этомъ грѣхѣ виновны невнимательные къ ходу богослуженія, даже въ важнѣйшіе моменты, когда диаконъ призываетъ всѣхъ къ особенному вниманію возгласеніемъ: *вонмемъ*,—пропускающіе мимо ушей вообще все, что въ церкви поется, читается, проповѣдуется, какъ будто все это дѣлается для стѣнъ, а не для людей. Иногда этотъ грѣхъ допускается на исповѣди, когда служитель этого таинства имѣетъ дѣло съ каждымъ лично. Иной совсѣмъ теряетъ изъ виду, что онъ въ эти минуты есть подсудимый. Попади онъ подъ свѣтскій судъ,—онъ превращается тогда весь во вниманіе—при допросѣ, при судебномъ изслѣдованіи его вины, при обвинительной противъ него и защитительной въ пользу его рѣчи; но на судѣ церковномъ,

на судѣ исповѣди, тотъ же человѣкъ ведетъ себя такъ, какъ будто дѣло не до него касается. Что напримѣръ ни спросить у него священникъ, на все отвѣчаетъ: *грѣшнень*, не обращая вниманія на содержаніе вопроса, такъ что священнику приходится иногда нѣсколько разъ повторять одинъ и тотъ же вопросъ, чтобы добиться правильнаго отвѣта. Иногда священникъ прерываетъ рядъ вопросовъ о грѣхахъ наставленіями и вразумленіями, а тотъ твердитъ все одно: *грѣшнень*. У него спросить на исповѣди: какъ тебя зовутъ? и получаешь отвѣтъ: *грѣшнень*. Даже при чтеніи разрѣшительной формулы, когда грѣшникъ долженъ обратиться весь въ слухъ, чтобы усвоить себѣ даръ благодати Божіей, прощающей ему грѣхи,—онъ роется въ карманѣ, думая о вознагражденіи священника, такъ что требуется не мало усилій, чтобы привести его въ должное духовное настроеніе, побудить его къ отложенію попеченія о стороннемъ.

Злоупотребляющіе чувствомъ слуха, любящіе склонять слухъ къ тому, отъ чего должно отвращать его, пусть вспомнятъ, что первый грѣхъ вошелъ въ міръ путемъ слуха. Не послушай Ева рѣчей діавола, не было бы грѣха въ людяхъ. А не слушающіе того, что внимательно должно слушать и принимать къ руководству, пусть вспомнятъ судьбу современниковъ Ноя, не слушавшихъ этого проповѣдника правды, и за сіе наказанныхъ потопомъ.

Осязаніе.

Осязаніемъ называется ощущеніе, производимое прикосновеніемъ къ нашему тѣлу жесткаго и мягкаго, тяжелаго и легкаго, сухаго и мокраго, остраго и тупаго, гладкаго и шероховатаго, теплаго и холоднаго. Благоразуміе и наука воспитанія требуютъ приучать тѣло къ ощущеніямъ всякаго рода, закалять его къ перенесенію ощущеній неприятныхъ, доводить его до возможной нечувствительности, напримѣръ, къ переměнамъ погоды. Кто не приученъ ни къ чему такому, кто привыкъ жить ощущеніемъ толь-

*) „Гдѣ шумъ, либо лай, туда дѣвушка судьба, туда дорожка лежить“.

ко того, что нѣзвить тѣло, напиримѣръ мягкаго, теплаго, сухаго, тотъ называется изнѣженнымъ человѣкомъ. А изнѣженность есть грѣхъ. Изнѣженный человѣкъ избѣгаетъ тяжелыхъ трудовъ. Въ настоящее время многие сердобольные родители, давше сновьямъ изнѣженное воспитаніе, прибѣгаютъ ко всевозможнымъ средствамъ избавить ихъ отъ воинской повинности, не жалѣютъ десяти тысячъ на приобрѣтеніе для нихъ рекрутской квитанціи, — изъ опасенія, не безосновательнаго впрочемъ, что суровая жизнь солдата не подѣ силу будетъ имъ. Изнѣженная хозяйка дома — дурная хозяйка: она всегда находится въ позорной зависимости отъ прислуги, ибо сама ни до чего не доходитъ, не знаетъ ни погребя, ни кухни. Какъ бѣлоручка, она считаетъ все это для себя унизительнымъ и не только сама грѣшитъ уклоненіемъ отъ физическихъ трудовъ, но и подаетъ поводъ къ грѣху прислугамъ, — онѣ ее обманываютъ, у ней воруютъ и за глазами что хотятъ, то дѣлаютъ. Изнѣженный человѣкъ не можетъ быть истиннымъ христіаниномъ. Христіанская вѣра требуетъ самоотверженія, требуетъ покоренія тѣла духу, ибо мы должны прославлять Бога не душами только, но и тѣлами, тѣлесными подвигами благочестія и челоѣвколюбія. Изнѣженный человѣкъ тяготеетъ вѣншею молитвою, особенно церковною. Привыкши покоить свое тѣло, онъ тяготеетъ стояніемъ и поклонами на молитвѣ, въ церкви переманяется съ ноги на ногу, опирается на что-нибудь, либо прислоняется къ стѣнѣ и любить въ церкви сидѣть словно разслабленный. Онъ даже не охотникъ ходить въ церковь, ибо для этого надо на время разстаться съ тѣлеснымъ покоемъ. Въ то время, когда другіе присутствуютъ на всеночномъ бдѣніи, онъ предпочитаетъ оставаться дома, сидѣть въ покойныхъ креслахъ за чтеніемъ пустой книги или убиваетъ время въ бесѣдѣ съ пустымъ человѣкомъ. Онъ не любитъ рано подниматься на церковную молитву, потому что для этого надо разставаться съ мягкою постелью и домашнимъ тепломъ, подобнаго которому не

во всякой церкви найдешь. Потерявъ энергію тѣлесную, онъ утрачиваетъ и силу духовную. Изнѣженное тѣло ослабляетъ и духъ: скука или чувство душевной пустоты преслѣдуетъ его, когда онъ остается одинъ. Христіанскіе подвижники смотрѣли на тѣлесную нѣгу, какъ на врага спасенія, и потому не давали покоя своему тѣлу даже во время сна: они ложились на камняхъ, на кирпичахъ, на шероховатыхъ доскахъ. Многие изъ нихъ носили грубыя власяницы, облагали себя желѣзными веригами, изнуряли тѣло непрестанными трудами.

Осязаніе можетъ быть проводникомъ въ душу грѣха и независимо отъ изнѣженности тѣла. Говоримъ о грѣхахъ нецѣломудрія. Нецѣломудренный помыслъ бываетъ иногда порожденіемъ неосторожнаго прикосновенія къ лицамъ другаго пола, или если онъ возникъ независимо отъ этого прикосновенія, то усиливается отъ него. Иногда нецѣломудренное осязаніе допускается подъ предлогомъ святаго дѣла. Такъ христосованіе въ дни пасхи есть святое дѣло, какъ выраженіе духовной радости и христіанской любви по поводу великаго праздника; но ныне христосуютъ совсѣмъ не по этимъ духовнымъ побужденіямъ, а по чувственнымъ, — желаютъ испытать пріятное чувственное ощущеніе отъ прикосновенія къ устамъ лицъ другаго пола. Это можно назвать кощунствомъ, которое отчасти напоминаетъ гнусные обычаи нѣкоторыхъ сектантовъ, Христовою любовію прикрывающихъ грубое любострастіе. Иногда грѣхъ нецѣломудрія совершается посредствомъ любострастнаго прикосновенія къ членамъ своего тѣла. Особенно молодымъ людямъ свойственъ этотъ грѣхъ. Родители и воспитатели должны бдительно смотрѣть за своими дѣтьми и предохранять ихъ отъ этого въ высшей степени гнуснаго и для здоровья вреднаго грѣха.

Вкусъ и обоняніе.

Чувство вкуса имѣетъ связь съ питаніемъ. Ощущеніе вкуса пищи и пріятности питья дано для того, чтобы

знать, что питательно для насъ, что нѣтъ. Такимъ образомъ вкусъ не самъ по себѣ имѣетъ значеніе, но по отношенію къ питанію,—онъ есть средство для него, а отнюдь не цѣль. Но чувственный человѣкъ часто обращаетъ средство въ цѣль. Онъ, напримѣръ, сытъ, а всё продолжаетъ ѣсть; онъ столько пилъ, что пора бы перестать чувствовать жажду, а онъ всё продолжаетъ пить сверхъ утоленія потребности, и для того только, чтобы испытывать пріятное ощущеніе отъ питья. На церковномъ языкѣ этотъ грѣхъ называется *гортанобъсіемъ*, т.-е. доведеннымъ до чрезвычайности пристрастіемъ къ удовольствіямъ гортани, органа вкуса. Въ комъ укоренено это пристрастіе, тотъ заботится не о томъ, чтобы быть сытымъ и не чувствовать жажды, а о томъ чтобы возбудить и поддержать въ себѣ пріятное ощущеніе, доставляемое вкусомъ. Отсюда, именно изъ угожденія вкусу, происходитъ неистощимая изобрѣтательность въ приготовленіи кушанья и напитковъ, отсюда лакомство и обьяденіе; отсюда привычка къ пьянству, пагубная для здоровья, разорительная для хозяйства, вредная для семейнаго мира, враждебная цѣломудрію, ведущая провиншихся къ воровству и подающая иногда поводъ къ преступленіямъ тѣхъ лицъ, которыхъ пьяница выводитъ изъ терпѣнія своимъ повсденіемъ. Недавно въ Воронежѣ судима была жена, убившая пьяницу-мужа. Присяжные впрочемъ оправдали убійцу. Такимъ образомъ пьянство дало поводъ къ двумъ преступленіямъ: одно лицо совершило убійство, другія признали убійцу невиноватою, поправъ законы Божескіе и человѣческіе, и поблажкою одной уголовной преступницѣ внушивъ надежду безнаказанности другимъ преступникамъ.

Обоняніе имѣетъ связь съ дыханіемъ. Оно дано намъ для предохраненія насъ отъ вредныхъ для дыханія испареній. Но человѣкъ злоупотребляетъ и этимъ чувствомъ. Онъ извѣживаетъ свое обоняніе чрезвѣчнымъ пристрастіемъ къ духамъ, цвѣтамъ; онъ устраиваетъ вокругъ себя благовоющую атмосферу и привыкаетъ къ ней до брез-

гливости предъ мало-мальски неприятнымъ запахомъ, которую переносить и на людей: онъ не пойдетъ въ церковь, если знаетъ, что въ ней рядомъ съ одѣтымъ въ соболью шубу стоять люди, одежда которыхъ, пропитанная дубильнымъ веществомъ, распространяетъ не совѣтъ пріятный запахъ. Онъ удаляется отъ гроба даже близкаго ему покойника, начавшаго разлагаться, и не участвуетъ въ церковной молитвѣ за него. Онъ не посѣтитъ больного, не спустится въ подвалъ бѣдняка для поданія помощи и утѣшенія,—ибо не найдетъ въ ихъ жилищахъ той благовоющей атмосферы, къ которой привыкъ у себя дома. Страсть къ цвѣтамъ, для пріобрѣтенія которыхъ въ зимнее время не жалѣютъ огромныхъ расходовъ, весьма разорительная, недобрительна и въ нравственномъ отношеніи, какъ и всякая прихоть.

Есть зелье, къ употребленію котораго крайне пристрастны люди, ищущіе удовольствія для обонянія и вмѣстѣ для вкуса. Говоримъ о табакѣ. Употребленіе его полезно иногда, какъ подспорье вмѣсто хлѣба (напримѣръ солдаты въ походѣ чувство голода заглушаютъ въ себѣ куреніемъ табака), какъ средство для леченія болѣзней (сибирской язвы), для возбужденія себя, въ случаѣ нужды, къ ночному бодрствованію. Но человѣкъ сдѣлалъ табакъ предметомъ прихоти, которую никакъ нельзя назвать невиновною. „Не странно ли, что люди изобрѣли себѣ новаго рода голодъ, котораго природа не знала, и новаго рода нищу, о которой она не думала, посредствомъ привычки сдѣлали себя рабами самой неестественной прихоти, и умножили число своихъ нуждъ, сдѣлавъ необходимымъ излишнее?“ (Изъ письма митрополита Филарета. Душеп. Чтеніе 1863, сентябрь стр. 84). И какъ вредна эта прихоть! Излишнее нюханіе табака притупляетъ наконецъ обоняніе и разрушаетъ органъ его. Записные курильщики тяготеютъ церковною службою, потому что не въ силахъ выстоять въ церкви даже на одинъ часъ, томимые жаж-

доку куренья... Большая часть пожаров происходит отъ куренья табаку.

Внутреннее чувство.

Черезъ вѣшнія чувства доходятъ до нашей души впечатлѣнія отъ вѣшнихъ предметовъ. Наблюденію внутренняго чувства, или самонаблюденію подлежатъ наша душа, ея силы, склонности, недостатки. Обязанность самонаблюденія, преимущественно въ отношеніи къ душѣ, нерѣдко внушается въ св. Писаніи. *Вонми себѣ, внемли себѣ*, повторяя часто израильтянину древній пророкъ (Второз. 4, 9; 6, 12). *Себе ищуйте, себе ищуйте. Дяло свое да ищуетъ каждый*, внушаетъ апостолъ Христовъ (2 Кор. 13, 5. Гал. 6, 4). Себя искупать или испытывать и наблюдать свое внутреннее, особенно нравственное состояніе, необходимо для исправленія своихъ недостатковъ и для преспѣванія въ духовныхъ совершенствахъ. Какъ тѣлесную больнь можно лечить только тогда, когда сущность ея хорошо извѣстна больному и врачу: такъ и къ врачеванію духовныхъ недуговъ можно приступать не иначе, какъ хорошенько напередъ узнать, въ чемъ они состоятъ. Какъ домашнее хозяйство можетъ быть ведено правильно и благоуспѣшно только тогда, когда хозяинъ хорошо знаетъ, какими средствами располагаетъ, гдѣ что у него лежитъ,—когда зорко смотритъ за своимъ повѣренными и слугами,—когда самъ до всего доходитъ: такъ душа не иначе можетъ хорошо хозяйничать въ своей области, не иначе можетъ успѣшно управлять своими силами и дѣятельностію, какъ черезъ зоркое наблюденіе за собою. Домъ безъ присмотра хозяина доходитъ до разоренія: душа безъ бдительнаго надзора за всѣмъ, что въ ней происходитъ, близка къ гибели. Къ сожалѣнію самонаблюденіе, какъ показываетъ опытъ, труднѣе, чѣмъ наблюденіе надъ вѣшними предметами, или воспріятіе ощущеній отвѣтъ. Иной знаетъ все, что вѣдъ его, можетъ вамъ сказать, что происходитъ въ отдаленныхъ отъ насъ на безмѣрное раз-

стояніе звѣздныхъ пространствахъ, что находится въ глубинахъ земли, или на днѣ морскомъ, что дѣлается въ томъ или другомъ государствѣ, но самого себя не знаетъ,—не знаетъ, идетъ ли онъ путемъ спасенія, или нѣтъ, какіе въ немъ есть грѣхи, какъ велика степень ихъ власти надъ нимъ, и т. д. Ничего подобнаго онъ не знаетъ, ни о чемъ подобномъ не можетъ дать себѣ отчета, ибо надъ собою не наблюдаетъ, внутренняго чувства въ познаніи внутренняго своего состоянія не упражняетъ. Это для него дѣло непривычное и весьма непріятное, потому что онъ привыкъ жить одними вѣшными впечатлѣніями, думать объ однихъ вѣшныхъ предметахъ,—предметахъ знанія и любопытства, можетъ быть весьма полезнаго въ дѣлѣ образованія, но при недостаткѣ самонаблюденія, бесполезнаго въ нравственномъ отношеніи. Въ иномъ неохота къ самонаблюденію происходитъ отъ пристрастія къ житейскимъ дѣламъ и удовольствіямъ. Ими заняты его мысли, на нихъ положена вся душа его, о нихъ, и только о нихъ онъ любитъ разсуждать съ другими, и потому время досуга, или свободы отъ нихъ—для него самое скучное время. Онъ не привыкъ оставаться наединѣ съ собою, душа его въ постоянной отлучкѣ, мысль его непрестанно бродитъ по сторонамъ, и потому, когда нечего ему дѣлать, нечѣмъ развлечь себя, онъ радъ бываетъ всякому обществу, чтобы только не бесѣдовать съ собою, и если не найдетъ собесѣдника, берется за первую попавшуюся ему пустую книгу и на ней отводитъ душу. А врачъ спасенія этой разсѣянности и радъ. Онъ пользуется ею и хозяйничаетъ надъ разсѣяною душою, сколько ему угодно. Разсѣянная душа—словно открытый, брошенный хозяйномъ домъ,—и звѣрь и недобрый человѣкъ находятъ въ немъ себѣ пріютъ. Діаволь безпрепятственно съѣтъ въ этой душѣ свои сѣмена, и они непримѣтно для ней самой растутъ и заглушаютъ въ ней добрыя насажденія. Еще болѣе препятствуетъ самонаблюденію самолюбіе. Оно свойственно каждому, но въ иномъ оно служитъ господству-

ющимъ началомъ жизни и дѣятельности. Обладаемый самолюбіемъ, если и обратитъ вниманіе на свое внутреннее состояніе, не можетъ понять и оцѣнить его правильно. Онъ или не усматриваетъ въ себѣ ничего дурнаго, или усмотрѣнные недостатки и грѣхи почитаетъ не важными и вслѣдствіе извиняетъ; напротивъ значеніе хорошихъ сторонъ въ своемъ нравственномъ состояніи преувеличиваетъ, сдѣланное имъ какое-либо добро дѣло признаетъ великимъ нравственнымъ подвигомъ, хотя бы сдѣлалъ его по недоброму побужденію,—напримѣръ по тщеславію, по нежеланію отстать отъ другихъ, чтобы не сказали, что другіе добрые его,—хотя бы благотвори однимъ, онъ въ тоже время притѣснялъ и разорялъ другихъ,—хотя бы чуждъ былъ благочестія и страха Божія.—Итакъ для приученія себя къ самонаблюденію, а также для правильной и безпристрастной оцѣнки своего внутренняго состоянія, надо каждому позаботиться объ удаленіи препятствій къ тому и другому,—т.-е. разсѣянности и самолюбія. Разсѣянность побѣждается самособранностію, которую должно сохранять даже при устремленіи вниманія на сторонніе предметы и среди житейскихъ занятій, а особенно въ часы досуга, и въ которой должно пребывать непремѣнно предъ вечернею молитвою и передъ отхожденіемъ на ночное ложе. Прекрасныя наставленія объ этомъ помѣщаются въ концѣ молитвы на сонъ грядущимъ.—Полезно для свободы самоиспытанія, приучать себя и къ виѣшнему уединенію, къ виѣшнему устремленію себя отъ мірскаго шума и отъ всего развлекающаго по сторонамъ.—Препятствіе къ безпристрастному самоиспытанію со стороны самолюбія мы устранимъ, если навывкнемъ судить о себѣ подъ руководствомъ закона Божія, если будемъ при свѣтѣ его разсматривать душевное наше состояніе. Законъ Божій—неподкупный судія нашъ. Его суду о насъ мы смиренно должны подчиняться. По самолюбію мы склонны легко относиться къ нашимъ недостаткамъ и грѣхамъ, склонны темныя стороны въ нашей духовной

жизни называть свѣтлыми, напримѣръ скупость и скряжничество — благоразумною бережливостію, гордость—уваженіемъ къ себѣ, пристрастіе къ чувственнымъ удовольствіямъ—певиннымъ развлеченіемъ, животную привязанность къ дѣтямъ безъ заботы о ихъ нравственномъ развитіи—любовью къ нимъ, низкое человѣкоугодничество — христіанскою услужливостію, жестокость—необходимую строгостію и т. п. Но подвергая наши духовныя расположенія и поступки суду закона Божія, мы увидимъ, что здѣсь они извѣстны подъ другими именами, напримѣръ Евангеліе называетъ сердечнымъ любодѣйствомъ то, что иной подъ вліяніемъ самолюбія назвалъ бы только невольною симпатіею, или невинною шалостію воображенія. Для безпристрастія въ самоиспытаніи полезно также терпѣливо выслушивать сужденія о насъ другихъ людей, особенно опытныхъ въ духовной жизни. Не слѣдуетъ пренебрегать и мнѣніемъ о насъ враговъ нашихъ, потому что и враждебныя о насъ сужденія могутъ имѣть основаніе въ насъ. Люди опытные въ духовной жизни совѣтуютъ даже каждому, при сужденіи о себѣ, воображать себя въ положеніи врага своего, и вопрошать себя: что сказалъ бы о томъ или другомъ моемъ поступкѣ, или помысленіи и душевномъ расположеніи, врагъ мой?—Лучше быть строгимъ къ себѣ, чѣмъ снисходительнымъ. „Аще быхомъ себе разсуждали *(себя строго судили)*, не быхомъ осуждени были“ (1 Кор. 11, 31).

влеченій и увеселеній и соединенныхъ съ нами опасныхъ встрѣчъ съ лицами другаго пола, и старайтесь устроить вашу домашнюю жизнь такъ, чтобы не нужно было искать развлеченій на сторонѣ.

Вѣнцы суть знаменія царской власти. Возложеніе ихъ на васъ означало, что и вамъ дано нѣкоторое подобіе царской власти. Домъ, въ которомъ будете жить самостоятельно, вотъ ваше царство; дѣти, которыхъ вамъ дастъ Богъ, и домочадцы,—вотъ ваши подданные, обязанные покоряться вашей домашней власти, подчиняться тѣмъ порядкамъ, которые заведете, тѣмъ распоряженіямъ, какія будутъ исходить отъ васъ, даже тому суду надъ проступками, который будетъ принадлежать вамъ въ предѣлахъ вашего домашняго царства. Итакъ, вы въ своемъ родѣ цари или князя. Смотрите же, пользуйтесь принадлежачею вамъ властію ко благу вашихъ подчиненныхъ, особенно духовному ихъ благу; требуйте отъ нихъ повиновенія себѣ ради Господа, освятившаго вашу власть надъ ними; но вмѣстѣ не забывайте, что вы сами—рабы того же Господа, обязанные давать Ему отчетъ въ употребленіи своей власти,—вмѣстѣ съ ними служите Ему со страхомъ и почитайте величайшимъ грѣхомъ обращаться къ нимъ съ такими требованіями, которыя могутъ отвлекать ихъ отъ служенія Богу, отъ исполненія религиозныхъ обязанностей; вообще ведите себя въ отношеніи къ нимъ такъ, чтобы они за вашу заботливость объ ихъ благѣ и особенно объ ихъ вѣчномъ спасеніи благословляли васъ, какъ подданные благословляютъ добрыхъ царей. Не забывайте, что въ этомъ отношеніи много будетъ значить сила добраго примѣра съ вашей стороны. Если хотите, чтобы домашніе искренно уважали вашу власть, никогда не тяготились ею,—паче всего и прежде всего старайтесь приобрѣсти власть надъ самими собою, сами себя подчините во всѣхъ дѣлахъ закону Божію, требованіямъ христіанскаго и гражданскаго долга, уставамъ св. Церкви, ничего не дѣлайте по прихоти, во всемъ показывайте самообладаніе,—

Нѣсколько словъ къ новобрачнымъ послѣ вѣчанія.

Привѣтствую васъ съ бракосочетаніемъ. Благодарите Господа, освятившаго вашъ супружескій союзъ Своєю благодатію въ таинствѣ брака, и старайтесь устроить вашу супружескую жизнь согласно съ тѣмъ назначеніемъ, для выполненія котораго сообщена вамъ благодать сія. Чтобы вамъ лучше помнить, въ чемъ состоитъ это назначеніе, или предстояція вамъ супружескія обязанности, я не буду распространяться о томъ на словахъ, легко забываемыхъ, а укажу вамъ на символическія принадлежности, которыя соединены были съ священнодѣйствіемъ, надъ вами совершеннымъ, и которыхъ ужь вѣрно вы никогда не забудете. Вотъ эти принадлежности: перстни, вѣнцы, общая чаша.

Перстни, данные вамъ при обрядѣ обрученія и обмѣненные между вами—это видимые залоговъ супружеской вѣрности, это видимые знаки того, что вы поручились другъ другу соблюдать ее неизмѣнно, и никому больше не принадлежать, какъ только другъ другу. Для всегдашняго напоминанія объ этомъ ручательствѣ перстни однажды навсегда благословлены вамъ для ношенія на рукахъ. Итакъ, согласно съ даннымъ вами ручательствомъ, свято храните супружескую вѣрность, бойтесь даже мыслію согрѣшить противъ этой обязанности и явиться предъ очами Божіими виновными въ сердечномъ прелюбодѣйствѣ; а для избѣжанія сей опасности удаляйтесь внѣшнихъ искушеній и соблазновъ, могущихъ поколебать вашу вѣрность супружескимъ обѣтамъ; паче всего не позволяйте себѣ частыхъ отлучекъ изъ дому для свѣтскихъ раз-

и будьте увѣрены, что примѣръ вашей собственной покорности закону, примѣръ вашей власти надъ самими собою будетъ держать въ покорности вамъ вашихъ домашнихъ сильнѣе, чѣмъ слова и приказы.

Вамъ давали пить *общую чашу*. Это значитъ, что отсѣлъ все должно быть у васъ общимъ. У васъ должны быть однѣ радости и однѣ скорби, одни труды и заботы. Вы должны будете вмѣстѣ радоваться о благодѣяніяхъ Божіихъ къ вамъ и къ вашему семейству; должны будете горе постигающее одного, принимать къ сердцу, какъ личное каждаго изъ васъ горе, и утѣшать въ немъ другъ друга, удерживать другъ друга отъ унынія и отчаанія. Вы должны будете дѣлить другъ съ другомъ труды и заботы о благоустроеніи домашней жизни, особенно о воспитаніи дѣтей; должны будете наконецъ споспѣшествовать другъ другу въ дѣлѣ спасенія души. Бойтесь думать, что спасеніе души есть личное каждаго дѣло, ни до кого не касающееся. Непростительно было бы равнодушіе къ спасенію ближняго, кто бы онъ ни былъ, тѣмъ менѣе протестально равнодушіе супруговъ къ спасенію другъ друга. Вы должны рука объ руку идти путемъ спасенія, оберегать другъ друга на этомъ пути отъ грѣховныхъ претыканій и поощрять другъ друга къ преслѣванію въ благочестіи и добродѣтели.

Таково значеніе *перстней, свѣнца* и *общей чаши*. Помни, благословенная Богомъ чета, это поучительное значеніе и устрой твою жизнь по тѣмъ указаніямъ, на которыя мы позволили себѣ обратить твое вниманіе.

Святый Духъ—обличитель невѣрія во Христа.

Господь Иисусъ Христосъ, въ прощальной бесѣдѣ Своей съ апостолами, утѣшал ихъ въ предстоящей имъ разлуцѣ съ Нимъ обещаніемъ ниспослать къ нимъ Святаго Духа, сказалъ между прочимъ о Св. Духѣ: „И пришедъ Онъ, обличитъ міръ о грѣсѣ и о правдѣ и о судѣ. О грѣсѣ убо, яко не вѣрують въ Мѧ; о правдѣ же, яко Огнь Моему греду, и ктому не видите Мене; о судѣ же, яко князь міра сего осужденъ будетъ“ (Іоан. 16, 8—11).

Итакъ Духъ Святой есть не только *Утѣшитель*, проливающий въ сердца наши, скорбяція о грѣхахъ и о разлуцѣхъ бѣдствіяхъ, миръ и радость, дѣлающій нечувствительными наши скорби, или подающій намъ силу къ перенесенію ихъ,—Онъ есть вмѣстѣ *Обличитель*, которому свойственно своими обличеніями производить въ обличаемыхъ ощущенія скорбныя и тяжелья.

По слову Христа Спасителя, обличенія Св. Духа будутъ относиться къ міру: *обличитъ міръ*. Міръ—это область людей невѣрующихъ въ Иисуса Христа, находящихъся внѣ благодатнаго Его царства, или только внѣшнимъ образомъ принадлежащихъ къ нему. Обличаютъ, обыкновенно, виновныхъ, неправыхъ. Въ чемъ же состоитъ вина обличаемыхъ Св. Духомъ людей міра? Въ томъ и вина, что они остаются въ мірѣ безъ вѣры во Христа, не присоединяются къ Церкви Его, къ обществу учениковъ Его, и чрезъ то лишаютъ себя надежды спасенія, „ибо нѣтъ другаго имени (*кромя имени Христова*) подѣ небомъ, данаго человѣкамъ, которымъ надлежало бы намъ спастись“ (Дѣян. 4, 12). Въ этой-то виновности, въ этомъ грѣхѣ невѣрія во Христа, соединенномъ съ опасностію вѣчной погибели, будетъ обличать людей міра Духъ Святой. *Обличитъ міръ о грѣсѣ, яко не вѣрують въ Мѧ*.

Самъ Христосъ неоднократно обличалъ Іудеевъ въ томъ,

что они не вѣруютъ въ Него, какъ посланника Божія, что, хотя Онъ пришелъ во имя Отца, они готовы промѣнять Его на человѣка, который придетъ къ нимъ во имя свое, т.-е. на антихриста (Іоан. 5, 38. 43). Въ обличеніе ихъ невѣрія Онъ сослался на многообразныя знаменія и чудеса, какія Онъ творилъ въ доказательство Своего божественнаго посланничества (Іоан. 5, 36). Онъ упрекалъ ихъ въ хулѣ на Св. Духа, когда они до того простирали невѣріе въ Него, что сами чудеса Его приписывали вельзевулу (Матѣ. 12, 32). Въ обличеніе ихъ невѣрія Онъ указывалъ имъ также на пророчества, относящіяся къ Нему и исполняющіяся на Немъ. Онъ говорилъ, что не вѣруя Ему, они показываютъ, что не вѣрятъ самому Моисею, ибо Моисей о Немъ писалъ (Іоан. 5, 46). Невѣріе въ Него Христосъ объяснялъ тѣмъ, что они возлюбили больше тьму, нежели свѣтъ, изъ опасенія, чтобы предъ свѣтомъ истины не обличились ихъ злыя дѣла (Іоан. 3, 19. 20),—что они возлюбили больше славу человѣческую, нежели Божію (Іоан. 5, 44; 12, 26), т.-е. человѣческіе, житейскіе расчеты заглушили въ нихъ приемлемость къ истинѣ, и страхъ предъ враждебными Ему фарисеями, низкое человѣкоугодничество отвлекли ихъ отъ прославленія въ Его лицѣ Бога,—что невѣрующіе Ему—не отъ овецъ Его (Іоан. 10, 26), т.-е. не имѣютъ кротости, смиренія, страха Божія, потребныхъ для усвоенія божественной истины. Словомъ, они не увѣровали въ Него, потому главнымъ образомъ, что не хотѣли увѣривать. Они могли узнать истину, но закрывали отъ ней глаза, вида не видѣли, слыша не слышали. Поэтому ихъ невѣріе есть самый тяжкій и непрощительный грѣхъ, какъ грѣхъ вѣдѣвія. „Еслибы Я не пришелъ и не говорилъ имъ..., еслибы не творилъ между ними дѣлъ, какихъ никто другой не дѣлалъ, то не имѣли бы грѣха, а теперь и видѣли и возненавидѣли и Меня и Отца Моего“ (Іоан. 15, 22—24), сказалъ Христосъ Обличитель о неувѣровавшихъ въ Него людяхъ міра.—Дѣло обличенія міра въ грѣхѣ

невѣрія Христу долженъ былъ продолжать Духъ Святый, ибо вообще дѣло Святаго Духа неотлично отъ дѣла Христа и служить его продолженіемъ. „Онъ прославитъ Меня, сказалъ Христосъ о Духѣ, потому что отъ Моего возьметъ и возвѣститъ вамъ“ (Іоан. 16, 14). Духъ Святый дѣйствительно, послѣ того какъ сошелъ на апостоловъ, все дѣлалъ въ славу имени Христа. Онъ чрезъ апостоловъ повсюду насаждалъ вѣру во Христа, распространялъ царство Его, и для успѣха въ семь дѣлъ облекъ слово апостоловъ непреоборимою силою и творилъ чрезъ нихъ безчисленныя знаменія и чудеса,—и все это во имя Христа распятаго и воскресшаго! Все это въ виду невѣрующихъ во Христа, въ обличеніе ихъ невѣрія! И какое сильное обличеніе! Они думали, что дѣло Христова погибло въ Его смертью, не оставивъ слѣда, что общество учениковъ Его разсѣется. Но итѣть, дѣло Христа Спасителя только оживилось съ Его смертію, ибо это была смерть зерна, которое не оживетъ, если не умретъ. Слово о Христѣ, о Его смерти и воскресеніи, огласило вселенную и всюду пріобрѣтало вѣрующихъ. Напрасно люди міра сидились заглушить это слово, съ корнемъ вырвать это божественное насажденіе. Вѣра Христова торжествовала надъ всѣми препятствіями, какія встрѣчала со стороны язычниковъ и іудеевъ, властей и народа, ученыхъ и невѣждъ, жрецовъ и другихъ лицъ, выгоды которыхъ тѣсно связаны были съ существованіемъ суевѣрія. Чему же она обязана была своимъ торжествомъ, своимъ успѣхамъ, своими могущественными дѣйствіями, надъ умами и сердцами людей,—чему обязана тѣмъ, что не внѣшнимъ только образомъ она распространялась, но производила внутреннюю перемѣну на лучшее въ каждомъ вѣрующемъ? Единственною силою Божіею, единственною благодатию Св. Духа. Апостолы и другіе учителя вѣры покоряли ей умы и сердца не силою краснорѣчія и учености,—ибо въ этомъ отношеніи самые образованные между ними признавали себя невѣждами въ словѣ (2 Кор. 11 6), безум-

ными (1 Кор. 4, 10),—не хитростію и пронсками, ибо дѣйствовали всюду открыто,—не деньгами и подкупомъ, ибо не имѣли никакой собственности и оставили для Христа все чѣмъ владѣли,—не насиліями, ибо напротивъ сами терпѣли всякія насилія и притѣсненія; нѣтъ, они сильны были не человѣческою, а единственно Божіею силою. Они „проповѣдывали всюду, Господу посѣпшествующу и словоутверждающу послѣдствующими знаменіями“ (Марк. 16, 20), какія чрезъ нихъ производилъ Духъ Святой. Такимъ образомъ невѣровавшіе во Христа обличаемы были въ грѣховности своего невѣрія самими успѣхами вѣры, которые не иначе можно было объяснить, какъ силою Божіею, открывавшеюся въ этихъ знаменіяхъ,—и потому свидѣтели ихъ, упорствуя въ своемъ невѣрїи, противодѣйствуя Евангелію, очевидно шли противъ рожна и явно осуждали себя на погибель. Такъ сбылось предреченіе Спасителя о томъ, что Духъ Святой обличитъ людей міра въ грѣхъ невѣрія въ Него, откроетъ имъ неразуміе и пагубность этого невѣрія. Но Его обличенія, пагубныя для однихъ, образовали другихъ. Это обнаружилось въ самый день сошествія Святаго Духа. Въ первой рѣчи своей къ Иудеямъ, собравшимся къ сіонской горницѣ по случаю этого событія, апостолъ Петръ смѣло обличилъ ихъ въ убїеніи Христа, „засвидѣтельствованнаго отъ Бога силами и чудесами и знаменіями“ (Дѣя. 2, 22, 28). Слушатели не озлобились на обличителя, но умилились сердцемъ, принесли раскаяніе въ грѣхъ невѣрія во Христа и тогда же въ числѣ трехъ тысячъ душъ присоединились къ церкви спасаемыхъ (— 41). Примѣры благотворнаго дѣйствія подобныхъ обличеній не разъ повторялись послѣ и повторяются доселѣ.

Обличая міръ за грѣхъ невѣрія въ Господа Иисуса, Святой Духъ обличитъ людей міра также въ неосновательности тѣхъ предлоговъ, какими они готовы оправдывать свое невѣріе. Они могли ссылаться въ оправданіе свое: 1) на то, что не видятъ самолично, своими глазами, Христа, и 2) на продолжающееся господство діавола. Духъ

Святой обличитъ міръ въ неосновательности того и другаго предлога.

1) Такъ Духъ Святой обличитъ міръ о правдѣ (въ обличеніе неправо разсуждающему міру покажетъ ему правду въ томъ), яко (что) ко Отцу Моему граду и ктому не видите Мене, сказалъ Господь о Духѣ. По суду міра, притворному или искреннему, дѣло Господа Иисуса, какъ дѣло обѣтованнаго Мессіи, могло быть прочно единственно подъ условіемъ вѣчнаго пребыванія Его на землѣ. Люди міра думали и говорили, что Христу надлежало основать вѣчное земное царство и быть вѣчно личнымъ, непосредственнымъ его царемъ. Потому, когда Иисусъ Христосъ сказалъ: *иже Азъ вознесенъ буду отъ земли*,—разумѣя отшествіе къ Отцу путемъ крестной смерти,—*ося привлеку къ Себѣ*,—то слушатели Его, научившіеся судить о царствѣ Мессіи по толкованію книжниковъ и фарисеевъ, возразили: *мы слышахомъ отъ закона, яко Христосъ пребываетъ во отъки: како ты глаголеши: вознесиши подобаетъ Сыну человеческому?* (Іоан. 12, 32. 34). Они не могли понять, какъ это возможно существовать царству Христову, когда не будетъ на лицо царя его, когда Онъ умретъ, какъ всѣ умираютъ. Кто же, думали, останется царемъ этого царства?—Господь Иисусъ Христосъ во время земной жизни Своей никогда ничѣмъ не показывалъ, что одобряетъ это мнѣніе. Онъ утверждалъ, напротивъ, что царство Его не отъ міра сего, что оно есть царство истины (Іоан. 19, 36. 37), слѣдовательно духовное,—что оно есть небесное, ибо воспитываетъ своихъ гражданъ для неба, слѣдовательно хотя существуетъ на землѣ, цѣли его отнюдь не земныя. Если же такъ, то, очевидно, никакой нѣтъ необходимости царю этого царства жить въ немъ видимымъ, тѣлеснымъ образомъ. Поэтому Онъ неоднократно уклонялся отъ чести провозглашенія Его земнымъ царемъ и говорилъ, что Ему надлежитъ оставить этотъ міръ и идти къ Отцу и уже съ неба дѣйствовать давнюю Ему всякою властію на небеси и на земли, съ неба

поддерживать Свое общеніе съ Церковію, согласно съ Его же обѣтованіемъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Матѣ. 28, 18, 20). Да и зачѣмъ Христу вѣчно пребывать на землѣ? Онъ приходилъ на землю для того, чтобы искупить людей, для чего надлежало Ему облечься во нашу плоть, и въ этой плоти пострадать и умереть за насъ. Это, а не другое требовалось отъ Него по предвѣчному совѣту о нашемъ спасеніи. Потому Онъ и называется Агнцемъ, закланнымъ отъ сложенія міра. И вотъ, чтѣ требовалось отъ Него, это Онъ исполнилъ, дѣло Его кончено и оставался Ему долѣе на землѣ не за чѣмъ. Надлежало только позаботиться о томъ, чтобы люди усвоили плоды искупленія, т.-е. чтобы очистились, возродились, освятились и сдѣлались наследниками царства небеснаго. Но сіе дѣло принадлежитъ Святому Духу, Его благодати. Извѣстно, что въ дѣлѣ спасенія нашего участвуютъ всѣ три Лица Св. Троицы, каждое особымъ образомъ. Богу Отцу надлежало послать единороднаго Сына Своего и предать Его за всѣхъ насъ (Іоан. 10, 36. Рим. 8, 32). Богу Сыну надлежало, въ исполненіе воли Бога Отца, совершить наше искупленіе вочеловѣченіемъ Своимъ, страданіемъ и смертію. Духу же Святому предназначено было духовно обновить и освятить своею благодатію искупленныхъ Христомъ. И вотъ Богъ Отецъ и Богъ Сынъ совершили свое дѣло, пришло время дѣйствовать Св. Духу. И Спаситель по совершеніи искупленія посѣщившій вознестись къ Отцу именно за тѣмъ, чтобы послать отъ Отца Св. Духа. „Лучше для васъ, сказалъ Онъ ученикамъ Своимъ,—чтобы Я пошелъ, а если не пойду, Утѣшитель не придетъ къ вамъ, а если пойду, то пошлю Его къ вамъ“ (Іоан. 16, 7). Видите, какая тѣсная связь между отшествіемъ Искупителя на небо и низшествіемъ Духа Утѣшителя: послѣднее не могло быть безъ перваго. Оставаться Христу на землѣ по совершеніи искупленія значило бы, слѣдовательно, лишать людей благодати Св. Духа. Было ли бы это справедливо? Напротивъ справедливость

требовала, чтобы Совершившій искупленіе далъ мѣсто дѣйствованію Св. Духа, и для сего вознесся къ Отцу. Эту-то божественную справедливость и разумѣлъ Господь Исусъ, когда сказалъ о Духѣ Святомъ: *обличитъ о правдѣ, яко ко Отцу Мою граду и тому не видите Мене*. Люди міра не понимали этой правды, этой справедливости *), по требованію которой Исусу Христу надлежало пойти къ Отцу и скрыться отъ очей Своихъ учениковъ, и потому не вѣровали во Христа. Духъ Святой обличитъ ихъ въ этомъ грубомъ непониманіи, или желаніи не понимать, и происходимемъ отсюда невѣріи: Онъ покажетъ имъ, что дѣло, для котораго приходилъ на землю Христосъ, не только не погубило съ Его отшествіемъ къ Отцу, а еще больше раскрылось и утвердилось. Это потому, что всѣ благодатныя дѣйствія Св. Духа направлены къ славѣ имени Христова и суть плодъ того, чтѣ сдѣлалъ Христосъ для нашего спасенія. Духъ Святой не излилъ бы на людей многообразныхъ даровъ Своей благодати къ ихъ духовному обновленію, освященію, облаженствованію, еслибы Христосъ не исходатайствовалъ ихъ у Отца Своими заслугами (Тит. 3, 4—6). Но не лучше ли было бы, еслибы и Христосъ Спаситель оставался видимо на землѣ, и Духъ Святой въ Его присутствіи дѣлалъ свое дѣло? Безъ сомнѣнія, не лучше. Вспомнимъ, что, пока Христосъ оставался на землѣ, ученики Его не покидали плотскихъ мыслей о царствѣ Его. Можно ли было ручаться, что они разстались бы съ этими мыслями, еслибы плотское пребываніе Его на землѣ продлилось и по сошествіи на нихъ Св. Духа? И не служило ли бы оно даже препятствіемъ благотворному дѣйствію на нихъ Св. Духа, какъ и всякій плотскій образъ мыслей?—

*) Слово: *правда* въ подобномъ сему значеніи,—въ значеніи справедливости, законности, надобности, долга,—употреблено Христомъ еще по другому случаю. *Тако подобаетъ намъ исполнити всяку правду* (Мат. 3, 15), сказалъ Господь Іоанну Предтечѣ, уклонявшемуся отъ совершенія надъ Нимъ крещенія.

Только тогда была бы причина сожалѣть объ отшествіи отъ насъ Спасителя, когда бы невидимое пребываніе Св. Духа не замѣнило вполнѣ видимаго пребыванія Спасителя. Но можно ли сказать это? Чего не сдѣлалъ и не дѣлаетъ Святой Духъ для всей Церкви и для каждаго вѣрующаго? Онъ сначала исполнилъ свою благодатію апостоловъ, обновилъ ихъ и освятилъ, а отъ нихъ она распространилась и распространяется въ многообразныхъ видахъ на всѣхъ вѣрующихъ чрезъ таинства, совершаемыя лицами, ведущими свое преемство отъ апостоловъ. Не говоримъ уже о чрезвычайныхъ дарахъ Св. Духа и о непосредственныхъ дѣйствіяхъ Его на душу. Итакъ напрасно міръ упорствуетъ въ невѣрїи Христу подъ предлогомъ, что Христосъ не пребываетъ видимо въ Церкви. Духъ Святой во имя Его, во славу Его, вслѣдствіе ходатайства Его, дѣлаетъ все, чтобы замѣнить видимое присутствіе Христа въ Церкви. Можно сказать, что непрерывно продолжающееся духовное общеніе Самаго Христа съ вѣрующими есть плодъ благодати Св. Духа. Можно ли желать болѣе сильнаго обличенія упорствующему въ невѣрїи во Христа міру, и болѣе сильнаго оправданія тому, что Христосъ ушелъ къ Отцу въ своемъ прославленномъ тѣлѣ и мы уже не видимъ Его тѣлесными очами?

2) Невѣрующіе во Христа готовы оправдывать свое невѣрїе еще тѣмъ, что дьяволъ до сихъ поръ продолжаетъ вредить людямъ, какъ будто не потерпѣлъ никакого осужденія отъ Христа. Но Св. Духъ, по слову Христову, *обличитъ міръ о судѣ, яко князь міра сего осужденъ будетъ*, т.-е. въ обличеніе невѣрующему міру покажетъ дѣйствительность суда, совершеннаго Христомъ надъ княземъ міра. Пусть не говорятъ не хотящія вѣровать во Христа, что Онъ не позабылъ людей отъ власти дьявола, которую онъ со времени грѣхопаденія Адамова обманомъ и лищеніемъ присвоилъ надъ міромъ и потому сталъ княземъ міра. Нѣтъ, Сынъ Божій затѣмъ и приходитъ въ міръ, чтобы разрушить дѣла дьявола (1 Иоан. 3, 8). И дѣй-

ствительно, Онъ явился разрушителемъ ихъ, когда изгналъ изъ людей бѣсовъ. Но преимущественно Онъ разрушилъ силу дьявола смертію Своєю, какъ Онъ самъ сказалъ о дѣлѣ Своей смерти: *якоже князь міра сего изгнанъ будетъ оныя* (Иоан. 12, 31). Но міръ не вѣритъ этому; онъ хочетъ наглядными опытами убѣдиться въ томъ, что власть дьявола потрясена и надъ нимъ совершился строгій судъ. Но развѣ мало сихъ опытовъ? Ими полна исторія христіанской Церкви. Кому неизвѣстно, что все язычество съ его заблужденіями, суевѣрїями, непотребствами, есть порожденіе дьявола, что *бози языць суть бѣсове*, что посредствомъ ихъ, этихъ мнимыхъ боговъ, онъ поистинѣ былъ царемъ языческаго міра? Что же? Неужели непоколебимо продолжаетъ стоять это царство? Развѣ не нанесены ему сокрушительные удары христіанскою вѣрою? Развѣ не на развалинахъ его утвердилось царство Христово? Всякому мало-мальски знакомому съ судьбами христіанской Церкви извѣстно, какъ предъ именемъ Иисуса падали идолы, разрушались идольскіе храмы, открывались обманы жрецовъ и вся пустота язычества несмотря на ожесточенную войну его противъ Евангелія. Случалось, что отъ одного звука имени Иисуса, отъ одного крестнаго знаменія съ крикомъ бѣжали изъ языческихъ капищъ и изъ бѣсноватыхъ злые духи. Не прогоняются ли и доселѣ тѣмъ же оружіями искушенія дьявольскія? Дьяволъ безуменъ противъ рабовъ Христовыхъ, рагующихъ противъ него подъ знаменемъ Христа. Кто же помогаетъ христіанамъ торжествовать надъ властію дьявола? Духъ Святой. Христосъ побѣдилъ дьявола и разрушилъ его царство, воспользоваться же плодами Его побѣды мы можемъ не иначе, какъ благодатію Св. Духа. Но въ этомъ торжествѣ вѣрующихъ, при помощи благодати Св. Духа, надъ силою дьявола не заключается ли полагъ обличенія міру, не хотящему вѣрить во Христа подъ тѣмъ предлогомъ, будто Христосъ не совершилъ суда надъ дьяволомъ, или будто дьяволъ не боится этого суда? Духъ Святой обличаетъ

міръ въ неосновательности этого предложенія, когда показываетъ міру въ безчисленныхъ опытахъ торжество надъ діаволомъ, что этотъ князь міра дѣйствительно осужденъ Христомъ, и когда во имя Христа подаетъ намъ благодатныя силы для борьбы съ діаволомъ. Но зачѣмъ эта борьба? Не лучше ли было бы отнять у діавола всякую возможность нападать на людей? Но надо знать, для чего допускаются эти нападенія. Это для нашего упражненія въ добродѣтели, для наученія смиренію склонныхъ къ самонадѣянности, и для увеличенія награды людямъ за подвигъ борьбы и за побѣду надъ врагомъ спасенія. Чѣмъ крѣпче подвигъ и рѣшительнѣе побѣда, тѣмъ свѣтлѣе вѣнцы за нихъ.

Итакъ Святымъ Духомъ достаточно обличается міръ въ неразуміи своего невѣрія во Христа. Если во имя Христа св. Духъ поддерживаетъ дѣло Его, если во имя Христа Онъ дѣлаетъ все къ нашему обновленію и освященію и своею благодатію въ лицѣ вѣрующихъ торжествуетъ надъ кознями діавола, то не вѣровать послѣ этого во Христа Спасителя значитъ закрывать глаза, чтобы не видѣть ничего, что совершается Святымъ Духомъ во имя Его.

Отвѣтъ Современнымъ Извѣстіямъ.

Выше въ этой книгѣ помѣщаютъ *ответъ глаголемому старообрядцу* въ защиту проповѣди, сказанной мною въ годовщину Братства св. Петра митрополита 21 декабря 1873 года. Замѣчу, что этотъ *ответъ* напечатанъ былъ, по моему предложенію, въ *Современныхъ Извѣстіяхъ* (1874 г. № 44), гдѣ напечатаны были (№ 34) возраженія старообрядца А. Б., вызвавшія мой отвѣтъ. Редакція *Современныхъ Извѣ-*

стій, гостепріимно открывшая свои страницы возраженіямъ противъ меня, тогда же нашла нужнымъ на ряду съ ними помѣстить передовую статью съ порицаніями противъ меня болѣе суровыми, чѣмъ возраженія глаголемаго старообрядца. По мнѣнію редактора, и права совѣсти въ дѣлѣ вѣры я отвергаю, и готовъ довольствоваться лицемѣрнымъ обращеніемъ къ Церкви раскольниковъ, и дѣло православія роняю моими ни съ чѣмъ несообразными сужденіями. Написавъ отвѣтъ раскольнику, я тогда не почелъ нужнымъ защищаться противъ защитника его, редактора *Современныхъ Извѣстій*, г. Гилярова. Я думалъ, что въ опроверженіи возраженій раскольника заключается опроверженіе и направленныхъ противъ меня порицаній г. Гилярова, потому что въ своихъ порицаніяхъ онъ основался на довѣрїи къ отчету о моей проповѣди раскольника, хотя этотъ отчетъ составленъ по впечатлѣніямъ изустной проповѣди, и не проверенъ по книжкѣ, гдѣ она напечатана. Я ограничился указаніемъ на грубыя неточности отчета и крайне неосновательныя разсужденія автора, но редактору *Современныхъ Извѣстій* замѣтили только, что онъ можетъ быть не написалъ бы противъ меня того, что написалъ, еслибы самъ потрудился прочесть мою проповѣдь въ книжкѣ, которая была у него подъ руками. Мнѣ казалось (о легковѣрїи!), что ему не тяжело будетъ, во имя правды, отступиться отъ своего неправого сужденія о моей проповѣди, если онъ будетъ судить о ней не со словъ врага Церкви, а самъ прочесть ее. Не тутъ-то было! Онъ готовился снова напасть на меня, но беретъ свои стрѣлы выжидая, что еще скажетъ раскольникъ, возражавшій мнѣ, когда прочесть мою проповѣдь по книжкѣ. Ждалъ два мѣсяца, наконецъ дождался. И вотъ въ 123 № *Современныхъ Извѣстій* появилась новая статья противъ меня, принадлежащая этому раскольнику, А. Б. (говорять: *Богдану*), и на ряду съ нею новая передовая статья противъ меня самого редактора. Оказывается, что редакторъ удостоилъ на-

конец *пробыжать* мою проповѣдь. Какое же впечатлѣніе вынесено изъ бѣлаго чтенія? А вотъ какое: замѣчанія старообрядца (*въ первой его статьѣ*) показались г. Гилярову болѣе снисходительными, нежели заслуживала педантничная проповѣдь. Г. Гиляровъ обѣщаетъ возвратиться къ положеніямъ моей проповѣди, а теперь позволяетъ себѣ покуда поглумиться надъ слѣдующими словами въ ней: „св. Церковь, не желающая никому погибели, мѣрами кротости и вразумленія старается спасти заблудшихъ. Но если эти мѣры оказываются безуспѣшными, то что худаго, если она *желаетъ спасти ихъ хоть страхомъ гражданской отвѣтственности?*“

Гиляровъ находить, что эти слова, ради ихъ диковинности, стоятъ быть напечатанными крупными металлическими буквами, и ожидаетъ отъ меня катихизическихъ поученій, въ которыхъ, какъ онъ увѣренъ, къ обыкновеннымъ средствамъ спасенія, т.-е. вѣрѣ и добрымъ дѣламъ, присоединено будетъ еще новое: *вопервыхъ* страхъ, и *во вторыхъ* именно страхъ гражданской отвѣтственности. Итакъ по мнѣнію моего критика въ дѣлѣ спасенія не мыслимъ какой бы ни было страхъ, и всего менѣе страхъ гражданской отвѣтственности. Но полно такъ ли? Не слишкомъ ли либерально онъ разсуждаетъ?—Св. ап. Лула, говоря о людяхъ отдѣляющихъ себя отъ единности вѣры и тѣлесныхъ, духа не имущихъ (ст. 19), заповѣдуетъ христіанамъ такъ обращаться съ ними: *овѣкъ убо милуйте разсуждающе, овѣкъ жеъ страхомъ спасайте, отъ огня возжигающе* (ст. 23). Апостолъ говоритъ о страхѣ огненнаго осужденія, какъ объ одномъ изъ средствъ спасенія. Что худаго, теперь, мой критикъ видитъ въ мысли, что и Церковь желаетъ спасать нѣкоторыхъ при помощи этого средства? Церковь въ этомъ случаѣ желаетъ того же, чего желаетъ св. Апостолъ. Съ этою, между прочимъ, дѣлюю, она торжественно анаемствуетъ отступившихъ отъ нея: страхомъ анаемы, какъ такого суда, который хотя произносится на землѣ, но утверждается на небѣ

и отлучаетъ осуждаемыхъ, если не раскаются, отъ царства небеснаго,—св. Церковь желаетъ образумить ихъ, привести на путь покаянія и спасенія. Признаетъ ли мой критикъ за церковною анаемой значеніе, какое приписываетъ ей Церковь, или, вслѣдъ за многими либералами, находитъ ее устарѣлымъ, смѣшнымъ церковнымъ наказаніемъ? Если, какъ сынъ православной Церкви, онъ не можетъ отвергать значенія анаемы, то долженъ сознаться, что страхъ ея не слѣдуетъ исключать изъ числа средствъ спасенія. Но моему критику не нравится именно *страхъ гражданской отвѣтственности*. Признаюсь, и мнѣ онъ не нравится; тяжело думать, что иногда бываетъ нужно прибѣгать къ этому средству для спасенія погибающихъ въ расколѣ. Но какъ же иначе быть, если другія средства, именно мѣры кротости и духовнаго вразумленія, оказываются безуспѣшными? „Что худаго, повторю, если въ такомъ случаѣ Церковь желаетъ спасти *хоть* страхомъ земной отвѣтственности?“ Церковь не желала бы прибѣгать къ этому крайнему средству; но она такъ дорожитъ спасеніемъ угрожаемыхъ вѣчною погибелью душъ, что при безуспѣшности усилій образумить ихъ духовными средствами, не отказывается испытать, не по дѣйствуетъ ли на нихъ *хоть* земной страхъ. Само собою разумѣется, что, какъ раскрыто въ моей проповѣди, въ этомъ случаѣ страхъ отвѣтственности и самая отвѣтственность не непосредственно могутъ быть спасительны, а даютъ только поводъ заблуждающимся обдумать свое положеніе,—размыслить: стоятъ ли подвергать себя этой отвѣтственности? Дѣйствительно ли то, за что меня привлекаютъ или угрожаютъ привлечь къ ней, есть истина? Не скорѣе ли заблужденіе?—Мой критикъ не обратилъ вниманія на эти соображенія въ моей проповѣди. Вступаясь за расколниковъ, онъ, кажется, не замѣчаетъ, что самъ увлекается раскольническимъ духомъ, придираясь къ отдѣльнымъ словамъ внѣ связи ихъ съ предыдущими и послѣдующими мыслями. И изъ чего хлопочетъ онъ? По-

видимому, его съѣдает ревность о достоинствѣ Церкви. По его мнѣнію оскорбительна для ея достоинства высказанная мною мысль, что она *желаетъ спасти заблуждающихся страхомъ гражданской ответственности*. Она, видите, не можетъ желать этого. Скажу рѣшительно, что критикъ находится въ крайнемъ заблужденіи, навязывая Церкви свои личныя и произвольныя мнѣнія. Если она не желаетъ, — въ крайнихъ, разумѣется, случаяхъ, — спасать страхомъ земной отвѣтственности, то для чего же она приняла къ своему руководству законы для обузданія гражданскими мѣрами еретиковъ и раскольниковъ? А вотъ и правило Кароагенскаго собора, 104-е, гдѣ яснѣ солнца выражена мысль Церкви касательно этого предмета. Отцы собора, требуя отъ греко-римскихъ императоровъ Аркадія и Гонорія примѣнить къ донагистамъ строгіе законы противъ еретиковъ Θεодосія Великаго, выразились такъ: „Да повелѣтъ (*императоры*) подтвердить оный законъ (*о штрафованіи рукополагающихъ и рукополагаемыхъ, также владѣльцевъ домовъ, гдѣ происходятъ еретическія собранія*), дабы по крайней мѣрѣ *силь страхомъ* отъ произведенія расколовъ и отъ еретическаго безумія удержаны были отлагающіе свое очищеніе и исправленіе при помышленіи о вѣчномъ наказаніи“. Съ чего же теперь взялъ мой критикъ, будто Церковь не желаетъ спасти заблуждающихся страхомъ земной отвѣтственности? Какъ онъ осмѣлился навязывать Церкви свои мнѣнія? Что правильнѣе — голосъ ли моего критика, созданіе своей либеральной головы выдающаго за мысль церкви, или голосъ самой церкви, выраженный на ея соборѣ, правила котораго приняты въ церковный канонъ? Да признаетъ ли еще мой критикъ за голосомъ соборовъ какое-нибудь значеніе? Во всякомъ случаѣ совѣтую ему поберечь золотыя или желѣзныя буквы, которыми, по его словамъ, стоитъ напечатать мои слова подвергшіяся его глумленію. Вѣдь онъ долженъ созваться, что я не новое что-нибудь сказалъ, а

только повторилъ мысль самой церкви, а ея мысли пишутся не металлическими буквами, а простыми чернилами.

Полно вамъ, м. государь, либеральничать и празднословить. Вѣрно вамъ, какъ и мнѣ вашему школьному товарищу, не меньше 50 лѣтъ. Пора остепениться. Право не хорошо смущать публику ребяческими выходками въ защиту враговъ церкви и православнаго духовенства и злыми глумленіями надъ служителями церкви.

Теперь обратюсь къ вамъ, г. Б., кліентъ издателя Современныхъ Извѣстій. Прежде всего не стыдно ли вамъ повторять неправду, въ которой уже я уличилъ васъ? Ни законъ требуетъ закрытія и уничтоженія старыхъ молитвенныхъ раскольниковъскихъ домовъ, — онъ только запрещаетъ строить новые и починять старыя, а это не одно и то же что закрывать и уничтожать, — ни я не находилъ нужнымъ закрытіе и уничтоженіе ихъ. Зачѣмъ же вы другой разъ приписываете мнѣ то, чего я не говорилъ? Въ первый разъ вашу напраслину можно было извинить тѣмъ, что вы ослушались, но утверждать то же самое по прочтеніи моей проповѣди неблагородно. — Не говорилъ я также въ моей проповѣди, что сочувствую закрытію старыхъ моленъ, даже прямо называлъ это дѣло противозаконнымъ. А вы опять обвиняете меня въ сочувствіи и одобреніи! Что съ вами?...

Далѣе вы спрашиваете, почему вразумленіе при помощи гражданскихъ мѣръ нужно только для раскольниковъ, а не вмѣстѣ для православныхъ? Отвѣчаю, что и православные не могутъ безваканно совершать преступленій противъ вѣры и Церкви. Напримѣръ за прерваніе священнослуженія словеснымъ оскорбленіемъ священнослужителей, — виновныхъ, кто бы они ни были, православные или неправославные, постановлено заключать въ тюрьму, или смиренный домъ (Улож. о наказ. ст. 214). Совершеніе молебна не по уставу, замѣченное вами на праздникѣ Братства Св. Петра митрополита, не подходитъ къ разряду дѣйствій, наказуемыхъ гражданскими мѣрами.

Притомъ и преступленія-то тутъ нѣтъ никакого. Изъ канона св. Петра митрополиту, помнится, пропущены были только стихи одной первой пѣсни. Прочіе были читаны.

Вы уличаете меня въ неточности употребленнаго мною въ отвѣтъ на ваши замѣчанія противъ моей проповѣди выраженія, что различіе между Донатистами и раскольниками, хотя тѣ стѣсняли православныхъ открыто, а эти терпѣть стѣсненіе отъ нихъ,—въ сущности не строго. Не защищаюсь, я долженъ былъ выразиться точнѣе,—но отъ мысли, которую я хотѣлъ выразить, не отступаюсь. Донатисты открыто вредили Церкви, а наши раскольники большею частію—тайно. Но вредъ одинаковъ. Разбойники открыто грабятъ чужую собственность, а воры тайно похищаютъ ее. Разность только въ способъ нанесенія вреда, а не въ сущности. Вредъ въ томъ и другомъ случаѣ одинаковъ. Прибавимъ, что гдѣ на сторонѣ раскольниковъ большинство, тамъ допускаются ими и открытыя притѣсненія православнымъ.

Вы недовольны тѣмъ, что раскольническихъ архіереевъ и іереевъ я называлъ самозванцами. Да какъ же иначе ихъ называть, когда священныя степени ими приняты не законно и не имѣютъ никакого дѣйствительнаго значенія? Вы можете величать ихъ какими угодно именами, но ваше убѣжденіе въ законности ихъ рукоположенія едва ли когда раздѣлять будетъ православная Церковь. Усиливаясь доказать, что епископы даже поставленные отъ неправославныхъ не называются въ церковныхъ правилахъ самозванцами,—вы ссылаетесь на 19-ое правило 1-го вселенскаго собора, и говорите: „отцы этого собора даже о такихъ еретикахъ, которыхъ повелѣно принимать 1-мъ чиномъ, т.-е. черезъ перекрещиваніе, постановили, что которые отъ нихъ рукоположены въ священныя степени, то тѣхъ по крещеніи поставятъ въ свой чинъ“. Что значитъ: *поставятъ въ свой чинъ*? То ли, что церковь утверждала ихъ въ прежнемъ чинѣ безъ новаго рукоположенія, или что она повелѣвала вновь рукополагать ихъ? Въ пра-

виліи идетъ рѣчь о новомъ рукоположеніи: „таковыя, являсь безпорочными и неукоризненными, да будутъ рукоположены (хиротонисованы) епископомъ канолическія Церкви“. Значитъ, соборъ не признавалъ дѣйствительными еретическихъ священниковъ, отвергалъ благодатную силу въ томъ рукоположеніи, какое они получили въ ереси; значитъ они незаконно выдавали себя за священниковъ, были тоже, что самозванцы, какъ и ваши архіереи, попы и диаконы. Наша православная Церковь не можетъ признать носимыхъ ими священныхъ сановъ, и если они покинутъ расколъ, то могутъ надѣяться на принятіе ихъ въ клиръ не иначе какъ чрезъ новое рукоположеніе. Такъ напримѣръ вновь рукоположены Пафнуцій, Филаретъ и другіе, бывшіе прежде членами австрійской іерархіи. Неужели вы, г. Б., не замѣчаете, что приводите 19-ое правило 1-го вселенскаго собора не противъ меня, а въ улику себѣ? Вашъ покровитель, редакторъ *Современныхъ Извѣстій*, называетъ вашу статью самозащитою. Не вѣрете сему мужу: это не самозащита, а самоубійство. — Подобнымъ самоубійственнымъ духомъ дышетъ сдѣланное вами въ улику мнѣ указаніе изъ Баронія на александрійскаго попа Коллува, который присвоилъ себѣ епископскую власть, рукополагалъ іереевъ, но котораго соборъ александрійскій лишилъ епископскаго сана и рукоположенныхъ имъ причелъ къ мірянамъ. Я нахожу, что существенной разности между Коллувомъ, выдававшимъ себя за архіерея, и вашими архіереями и попами нѣтъ, ибо совершенное надъ ними рукоположеніе такъ же фальшиво, какъ и архіерейство александрійскаго попа.

Вы находите у меня противорѣчіе въ томъ, что я допускаю право раскольниковъ вѣрять, какъ хотятъ, молиться, какъ хотятъ, лишь бы они не держали у себя архіереевъ и поповъ. Вы говорите: „если не держать у себя поповъ, то этимъ у меня отнимается вѣра и моленіе“. Какъ же однако безпоповцы, не держа поповъ, вѣрятъ и молятся? Они даже вѣрятъ въ священство, толь-

ко утверждают, что его нѣтъ теперь на землѣ. Вы не хотите быть безпоповцами? Но въ сущности вы отъ нихъ не отличаетесь, ибо ваши попы—не попы.

Не понимаю, къ чему вы, г. Б., поставяете мнѣ на видъ два примѣра терпимости равноапостольнаго Константина, одинъ въ отношеніи къ Донатистамъ, другой въ отношеніи къ язычникамъ. Указаніе на эти примѣры тогда бы имѣло силу противъ моихъ словъ о покровительствѣ древнихъ грекоримскихъ государей Церкви противъ еретиковъ и раскольниковъ, еслибы я утверждалъ, что никогда нигдѣ въ старину не были употребляемы въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ мѣры кротости и снисходительности. Но вѣдь я ничего подобнаго не утверждалъ. Я очень хорошо знаю, что въ разныя времена дѣйствованіе гражданской власти въ грекоримской имперіи въ отношеніи къ еретикамъ и раскольникамъ было не одинаково. Равноапостольный Константинъ только подъ конецъ своего царствованія сдѣлался снисходительнымъ къ Донатистамъ, въ надеждѣ обуздать ихъ дерзость снисходительностію, а прежде онъ былъ очень строгъ къ нимъ и созывалъ нѣсколько соборовъ противъ нихъ, отнималъ у нихъ церкви, конфисковалъ имущества и т. п. Эти крутыя мѣры возобновлены были при императорѣ Гоноріѣ, по ходатайству Кареаг. собора, когда опытъ показалъ безуспѣшность кроткихъ мѣръ. Какое значеніе имѣютъ всѣ эти примѣры для нашего времени? То значеніе, что и въ наше время, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть то ослабляема, то усиливается строгость гражданскихъ и церковныхъ законовъ противъ раскольниковъ, но отнюдь не то, что никакая строгость никогда не должна быть допускаема.

Я сказалъ между прочимъ въ моей проповѣди, что сколько ни учи, невѣжды въ дѣлѣ вѣры всегда останутся въ приходѣ. Вы этому удивляетесь и замѣчаете: „по моему если невѣжды неучить, то зачѣмъ же поставлены пастыри“. А я удивляюсь тому, по какимъ законамъ здраваго

мышленія вы могли вывести такое заключеніе изъ моихъ словъ. О недостаткѣ здравія въ вашемъ мышленіи свидѣтельствуетъ также послѣдній вашъ вопросъ: „неужели церковь въ томъ только и состоитъ, что имѣетъ ограду въ гражданской власти?“ Моя проповѣдь никоимъ образомъ не могла подать поводъ къ такому вопросу. Я отнюдь не говорилъ, что Церковь не можетъ обойтись безъ содѣйствія гражданской власти. Я утверждалъ только, что не излишне это содѣйствіе при дѣйствованіи Церкви противъ раскола духовными средствами.

Отъ души совѣтую вамъ г. Б., бросить душепагубный расколъ и не вступать въ бесполезныя пренія для защиты его. Глава Церкви, Господь Иисусъ Христосъ, да отниметъ отъ васъ духъ правдоисловія и прекословія и да просвѣтитъ васъ свѣтомъ истины, до сихъ поръ не узнаваемой вами.

Опытъ злоупотребленія словами Св. Писанія.

Кому неизвестно, что апостолъ Павелъ, какъ предназначенный быть апостоломъ язычниковъ, больше прочихъ апостоловъ и съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ каждый изъ нихъ, потрудился въ распространеніи среди язычниковъ Евангелія? Кому также неизвестно, что никто изъ апостоловъ не оставилъ послѣ себя столько письменныхъ памятниковъ проповѣднической дѣятельности, сколько апостолъ Павелъ? Отъ него дошло до насъ 14 посланій, почти ежедневно читаемыхъ на литургіи. И какія драгоценныя посланія! На нихъ, послѣ Евангелія, зиждется все христіанское богословіе. Въ нихъ евангельское ученіе нашло себѣ лучшее истолкованіе, такъ что, по справедливому выраженію св. Златоуста, уста Павла поистинѣ

суть уста Христовы. Но, къ сожалѣнію, какъ ученіе Христа Спасителя подвергалось и подвергается превратнымъ толкованіямъ со стороны невѣждъ, еретиковъ и изувѣровъ *), такъ и ученіе апостола Павла не избѣжало подобной участи. Уже при жизни его, какъ видно изъ свидѣтельствъ св. апостола Петра, невѣжествуящія и неутвержденные въ вѣрѣ, къ собственной своей гибели, превращали (т.-е. превратно понимали) слова св. Павла (2 Петр. 3, 15, 16). Поводомъ къ невѣжественному и несогласному съ ученіемъ Вѣры разумнѣю словъ апостола могла служить высота и глубина выражаемыхъ въ нихъ истинъ и многозначительная сжатость выражения. Апостолъ Петръ не сказываетъ, какія именно мѣста въ посланіяхъ ап. Павла были превращаемы невѣждами и неутвержденными въ вѣрѣ; за то намъ извѣстны опыты позднѣйшихъ кривотолкованій его посланій. Такъ одни изъ кривотолковъ въ словахъ апостола о Христѣ, Который, по соединенію въ Его лицѣ божеской и человѣческой природы чрезъ воплощеніе отъ Духа Свята и Дѣвы Маріи, — *есть Господь съ небесе и человекъ съ небесныи* (1 Кор. 15, 47, 48), — думали видѣть подтвержденіе своему лжеученію, будто Иисусъ Христосъ не заимствовалъ плоти Своей отъ Пресвятыя Дѣвы Маріи, а только прошелъ сквозь нее, какъ чрезъ каналъ, съ тѣломъ тончайшимъ, принесеннымъ съ неба. Другіе изъ словъ ап. Павла, что „помилованіе зависитъ не отъ желающаго и не отъ подвизающагося, но отъ Бога милующаго“ (Рим. 9, 16), выводили заключеніе о безусловномъ предопредѣленіи однихъ ко спасенію, другихъ къ вѣчной гибели, не обращая вниманія на ученіе тогоже апостола о предопредѣленіи

* Напримѣръ римскіе католики ученіе о главенствѣ папы основываютъ на словахъ Иисуса Христа къ ап. Петру: „Ты еси Петръ, и на семь каменъ созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолѣютъ ей“ (Мат. 16, 18). Послѣдстватели гнусной схолической секты въ оправданіе своего заблужденія ссылаются на слова Иисуса Христа: „есть скопцы, которые сдѣлали сами себя скопцами для царства небеснаго“ (Мат. 19, 12), — хотя эти слова относятся не къ отбѣженію членовъ, ибо отбѣжающій членъ подвергается проклятію, — а къ истребленію нечистыхъ помысловъ (Злат.).

вѣчной участи cadaго въ зависимости отъ предувѣдѣнія нравственныхъ качествъ его (Рим. 8, 29). Третьи — слова апостола: *мыслимъ вътроу оправдитися человекъ безъ дѣлъ закона* (Рим. 3, 28), такъ обширно понимаютъ, что не даютъ никакого значенія въ дѣлѣ спасенія добрымъ дѣламъ, не почитаютъ ихъ необходимымъ, на ряду съ вѣроу, условіемъ спасенія, вопреки ученію тогоже апостола, что каждому Господь воздастъ по дѣламъ его (Рим. 2, 6). Не исчисляемъ другихъ превратныхъ толкованій ученія св. Павла, — замѣтимъ только, что, къ величайшему сожалѣнію, даже въ средѣ православныхъ ходятъ нелѣпыя, нехристіанскія мнѣнія, въ оправданіе которыхъ они ссылаются на ученіе ап. Павла. Мы въ настоящемъ случаѣ обратимъ вниманіе на одно изъ таковыхъ мнѣній, выраженіе котораго невѣжествуящія и неутвержденные въ вѣрѣ думаютъ видѣть въ словахъ ап. Павла: *по нужди и закону прельщеніе бываетъ* (Евр. 7, 12), и укажемъ, въ какихъ именно случаяхъ они любятъ повторять эти слова.

Часто люди прибѣгаютъ ко лжи, чтобы извѣстны себя или другихъ отъ отвѣтственности за нечестныя дѣла, — забираются въ томъ или другомъ проступкѣ и преступленіи, чтобы выручить себя изъ бѣды, увѣряя съ божбою, что знать не знаютъ, вѣдать не вѣдаютъ взводимыхъ на нихъ нехорошихъ дѣлъ. Напрасно вы стали бы имъ доказывать, что ложь есть великій грѣхъ; напрасно стали бы говорить, что мерки Господу уста лживыя (Прит. 12, 22), что кто лжетъ, тотъ подражаетъ и угрождаетъ отцу жи діаволу (Іоан. 8, 44), что кто лжетъ, тотъ упичажаетъ въ себѣ образъ Божій, состоящій, по слову апостола, въ правдѣ и святости истины (Еф. 4, 24), что любящій лгать — нетерпимый членъ общества, ибо союзъ общественный держится взаимнымъ довѣріемъ, — онъ невозможенъ или непроченъ тамъ, гдѣ не боятся обманывать другъ друга, не исполнять даннаго слова и обязательства и т. п. Напрасно вы стали бы все это и подобнос по-

ставлять на видъ инымъ лжецамъ. Они, пожалуй, и сами сознаютъ, что ложь—нехорошее дѣло, что они лгутъ вопреки своей же совѣсти, и готовы даже признаться въ этомъ человѣку, отъ котораго не ожидаютъ себѣ вреда за свое признаніе. Но спросите ихъ: зачѣмъ же они позволяютъ себѣ ложь, которой сами не одобряютъ? Овѣтъ готовъ: нужда заставляетъ ихъ кривить душою. Кому не жаль себя? Кому охота чистосердечнымъ сознаниемъ въ своей винѣ накликать на себя бѣду, выдавать себя головою? Конечно, ложь противозаконное дѣло, но нужда, говорятъ, сильнѣе закона. *По нужди и закону претмненіе бываетъ*, — заключаютъ защитники лжи.

Другой, поправъ страхъ Божій и совѣсть, прибѣгаетъ къ безчестнымъ средствамъ для наживы: обмѣриваетъ, обѣщиваетъ, обсчитываетъ покупателей, живетъ беззаконною лихою, взятками, за которыя готовъ сдѣлать всякую неправду въ пользу того, съ кого беретъ ихъ. Спросите его: зачѣмъ онъ такъ поступаетъ? Вѣдь все это безчестно. Неужели онъ не видитъ, что грѣшитъ противъ заповѣди, запрещающей воровать, если беззаконными средствами наживается насчетъ ближняго, если своею алчностью къ корысти готовъ разорить его и пустить по міру? Онъ не затруднится овѣтвить вамъ: нельзя иначе жить на свѣтѣ. Веди честно дѣло,—только проживешься, а не паживешься. И радъ бы вести ихъ на чистоту, да нужда заставляетъ дѣлать то, чего бы и не хотѣлось. Про нужду законъ не писанъ. *По нужди и закону претмненіе бываетъ*.

А иной просто промышляетъ грубымъ воровствомъ и грабительствомъ, и тоже оправдываетъ себя нуждою, хотя не испыталъ всѣхъ честныхъ средствъ, чтобы избавиться отъ ней. Праздность и склонность къ тунеядству—вотъ причина его гнуснаго промысла, а онъ ссылается на нужду, говоря: грѣхъ воровать, да нельзя миновать. *По нужди и закону претмненіе бываетъ*.

Есть люди благочестивые, строго соблюдающіе посты,

но слабохарактерные. Вотъ они попадаютъ въ общество людей, которые, хотя принадлежатъ къ числу православныхъ христіанъ, ни во что ставятъ церковныя учрежденія, презираютъ посты и смѣются надъ постниками. А между тѣмъ эти люди нужны мнѣ по житейскимъ дѣламъ, разсуждаетъ благочестивый постникъ,—какъ отказаться отъ общенія съ ними, въ постный день, въ скоромной трапезѣ? Какъ не отстунить, изъ угожденія имъ, отъ постаго устава? Вѣдь иначе будутъ смѣяться надо мною и, пожалуй, еще обидятъ на меня, скажутъ, что я брезгаю ими. Нѣтъ, лучше уважить ихъ, и вопреки совѣсти раздѣлить съ ними непостную пищу. По нуждѣ чего не бываетъ? *По нужди и закону претмненіе бываетъ*.

И мало ли другихъ случаевъ, въ которыхъ люди не только оправдываютъ свои грѣхи нуждою, не желая знать, что лучше претерпѣть всякую нужду, скорбь и тѣсноту, чѣмъ поступить вопреки совѣсти и заповѣдямъ Божиимъ,—но еще въ свое оправданіе приводятъ апостольское изреченіе: *по нужди и закону претмненіе бываетъ*?—Но дѣйствительно ли это изреченіе имѣетъ тотъ смыслъ, какой приписываютъ ему обыкновенно? Нѣтъ, оно имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, который не замѣчается съ перваго разу потому только, что слова апостола обыкновенно приводятъ не въ полномъ составѣ. Въ полномъ составѣ они читаются такъ: *Прелагаему священству, по нужди и закону претмненіе бываетъ*. О чемъ говорить Апостолъ? Онъ говоритъ о перемѣнѣ закона вслѣдствіе перемѣны священства,—говоритъ, что если священство положено отмѣнять и замѣнять, то необходимо тому же подлечь и законъ. О какомъ священствѣ идетъ рѣчь у Апостола? О священствѣ ветхозавѣтномъ, левитскомъ, по чину Ааронову. О какомъ законѣ говоритъ Апостолъ? О законѣ обрядовомъ,—о ветхозавѣтныхъ жертвахъ, очищеніяхъ, праздникахъ, обрѣзаніи и т. п.,—о томъ самомъ обрядовомъ законѣ, на служеніе которому назначено было сословіе священниковъ, происходившихъ отъ Аарона, по-

томка Ливина. Ветхозавѣтное священство и обрядовый законъ, по слову апостола, такъ тѣсно соединены, что если отставляются, признаются совсѣмъ ненужными священники, служители закона обрядовъ, то вмѣстѣ съ симъ необходимо упраздняются самыя обряды, теряетъ силу законъ обрядовъ. На чемъ же апостоль основываетъ свое положеніе объ отмѣнѣ ветхозавѣтнаго священства и съ нимъ закона обрядовъ? На опредѣленіи самого Господа. Въ чемъ апостоль видитъ это опредѣленіе? Въ томъ, что Богъ Отецъ съ клятвою изрекъ едиnorodному Сыну Своему, имѣвшему воплотиться: *Ты еси иерей во вѣкъ по чину Мелхиседекову* (Евр. 5, 16; 8, 21. Слич Псал. 109, 4). По толкованію апостола, назначеніе, въ лицѣ Иисуса Христа, новаго священника по чину Мелхиседекову, а не по чину Ааронову, предполагаетъ упраздненіе священства по чину Ааронову, какъ уже неудовлетворительнаго, а съ нимъ и закона обрядоваго. Со времени явленія Христа, новаго священника, принесшаго въ Своемъ лицѣ жертву за людей лучшую и совершеннѣйшую, чѣмъ какія до Него приносимы были,—священство ветхозавѣтное съ его жертвами и обрядами должно престать, какъ такое учрежденіе, которое дано на время, до новаго священства во Христѣ, и которое само по себѣ не можетъ служить къ освященію и спасенію людей. Ибо,—повторимъ слова апостола,—еслибы совершенство (*освященіе и спасеніе*) достигалось посредствомъ левитскаго священства съ его обрядовыми постановленіями (ибо съ нимъ сопряженъ обрядовый законъ народа): то какая бы еще нужда была возставать иному священнику, по чину Мелхиседека, а не по чину Аарона именоваться,—съ инымъ закономъ, благодатнымъ, съ замѣнъ закона обрядовъ? Потому что, продолжаетъ апостоль, съ перемѣною священства необходимо быть перемѣнѣ и закона“ (Евр. 7, 11. 12).—Итакъ, у ап. Павла идетъ рѣчь совсѣмъ не о томъ, что въ случаѣ нужды можно, безъ страха отвѣтственности если не предъ людьми, то предъ Богомъ,—нарушать законъ Божій, творить

беззаконіе,—предполагать такую мысль у апостола значило бы оскорблять Св. Духа, чрезъ него глаголавшаго,—а о томъ, что съ пришествіемъ Христовымъ необходимо потерялъ силу ветхозавѣтный законъ обрядовый;—не о томъ, что въ случаѣ нужды позволительно не соблюдать этого закона, а о томъ, что онъ совсѣмъ необязателенъ для насъ, что онъ имѣлъ значеніе только до Христа, до Его всеосвящающей и всеспасительной жертвы, что послѣ этой жертвы соблюдать его не только не спасительно, но еще грѣшно, особенно когда извѣстно, что на апостольскомъ Иерусалимскомъ соборѣ торжественно объявлены необязательными для христіанъ ветхозавѣтныя обрядовыя постановленія (Дѣян. 15, 28).

Таковъ смыслъ словъ ап. Павла: *по нужди и закону претъженіе бываетъ*. Не очевидно ли, что въ этомъ истинномъ смыслѣ они ни мало неблагопріятствуютъ тѣмъ, которые видятъ въ нихъ подтвержденіе ложнаго мнѣнія, будто нужда даетъ право поступать вопреки закону Божію. Также грѣшныя преступающія заповѣди Божіи подъ предлогомъ нужды, на самомъ же дѣлѣ по своеволію и своекорыстію. Но гораздо тяжелѣе грѣхъ, если грѣшникъ оправдываетъ себя словами Св. Писанія: *по нужди и закону претъженіе бываетъ*. Онъ принимаетъ на свою душу два грѣха: грѣхъ безстрашнаго нарушенія закона и грѣхъ кощунства,—кощунственно обращая въ свою пользу слова самого Св. Духа, глаголющаго въ Писаніи.

● МОЛИТВѢ ПРЕДЪ НОЧНЫМЪ СНОМЪ.

Въ числѣ молитвъ, назначенныхъ Церковію для домашняго употребленія, есть „молитвы на сонъ грядущимъ“. Благодетельные христіане не отходятъ къ ночному сну, не напугивая себя этими, или другими краткими молитвами. Но есть христіане, которые не исполняютъ этого

молитвеннаго правила. Напрасно Церковь, а иногда совесть внушаютъ имъ: *бдите*, хотя на нѣсколько минутъ, и *молитесь* передъ ночнымъ сномъ, да не увидите въ *напасть* во время сна: они пренебрегаютъ такими внушеніями и засыпаютъ, словно безсловесныя, не напутсвовавъ себя ко сну молитвою, не оградивъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Небреженіе о молитвѣ передъ ночнымъ сномъ происходитъ отъ разныхъ причинъ. Въ однихъ оно происходитъ отъ тогоже, отъ чего вообще происходитъ ихъ нерасположеніе къ какой бы ни было молитвѣ,—къ молитвѣ утромъ, предъ столомъ и послѣ стола, предъ началомъ и окончаніемъ дѣла, къ молитвѣ домашней и церковной. Въ нихъ нѣтъ благочестія и страха Божія,—оттого нѣтъ расположенія и привычки къ молитвѣ. Они не причены и сами себя не пріучили думать о Богѣ, о своей зависимости отъ Него во всѣхъ дѣлахъ и обстоятельствахъ своей жизни. Они думаютъ, что все въ ихъ жизни зависитъ или отъ случая, или отъ нихъ самихъ, а потому или съ безпечностію относятся къ своему положенію и судьбѣ, или всего ожидаютъ отъ одной собственной дѣятельности, искусства, оборотливости. На вопросъ: почему они не молятся передъ ночнымъ сномъ? они готовы отвѣтить: *хорошій сонъ не зависитъ отъ молитвы; страдающій безсонницею, сколько ни молись, не заснетъ.*—Странный отвѣтъ! Какъ будто можно быть увѣрену, что молитва не будетъ услышана,—какъ будто не о чемъ больше молиться передъ сномъ, какъ только о хорошемъ снѣ,—какъ будто предметомъ молитвы не можетъ быть еще благодареніе Богу за Его милости къ намъ, за Его долготерпѣніе, съ которымъ Онъ продолжаетъ нашу жизнь, умножаетъ наши дни, ожидая отъ насъ покаянія,—и какъ будто молитва сама по себѣ, независимо отъ успѣха или неуспѣха ея, не есть потребность нашей души, созданной по образу и подобію Божію и, по самой природѣ своей, стремящейся къ духовному общенію съ своимъ Творцемъ и Промысли-

телемъ преимущественно посредствомъ молитвы. Вольно же имъ заглушить въ себѣ эту потребность!

Многіе опускаютъ молитву передъ ночнымъ сномъ вслѣдствіе утомленія послѣ дневныхъ трудовъ. Иной дѣлный день и даже половину ночи проводить въ тяжелой работѣ. Кончивъ работу, онъ сѣвшитъ къ ночному ложу, не перекрестясь. Мнѣ, говорить, не до молитвы, я усталъ душой и тѣломъ до изнеможенія.—Не говори покуда, правы ли такъ рассуждающіе, замѣтимъ, что въ иныхъ уклоненіе отъ молитвы передъ сномъ происходитъ отъ усталости другого рода: они испытываютъ ее не отъ тяжелой работы, а отъ свѣтскихъ развлеченій и удовольствій. Кружится челоуѣкъ въ вихрѣ этихъ развлеченій и удовольствій почти дѣлаю ночь и выбивается изъ силъ. Голова его переполнена впечатлѣніями, ничего не имѣющими общаго съ дѣломъ молитвы,—сердце—ощущеніями, чуждыми нравственнаго достоинства,—внѣшніи чувства доведены до оступенія, все тѣло—до состоянія неестественнаго ослабленія. И вотъ онъ едва успеетъ раздѣться, а иногда не раздѣвшись, не молясь бросается на постель,—ему не до молитвы, позорная усталость сдѣлала его неспособнымъ къ ней.—Въ большей жъ части случасвъ опущеніе вечерней передъ сномъ молитвы происходитъ отъ лѣности. Преданный ей сознаетъ нужду молитвы, но не хочетъ принудить себя къ ней, утверждая, что онъ готовъ молиться, когда почувствуетъ расположеніе къ тому,—какъ будто молитва есть только потребность сердца, а не вмѣстѣ неотложный нашъ долгъ, который обязаны мы исполнять также неопустительно, какъ исполняемъ гражданскій долгъ—волей-неволей,—какъ будто усердіе къ молитвѣ зависитъ отъ одного случайнаго настроенія душевнаго, а не есть болѣе плодъ навыка къ ней, постоянного упражненія въ ней, безъ чего можетъ сдѣлаться бесплоднымъ и душевное молитвенное настроеніе, по временамъ возникающее въ людяхъ лѣнливыхъ къ молитвѣ.

Но отъ какихъ бы причинъ ни происходило опущеніе

молитвы предъ ночнымъ сномъ, во всякомъ случаѣ оно не безопасно и во многихъ отношеніяхъ вредно для спящаго. Ибо мало ли что можетъ случиться ночью среди глубокаго сна? Что всего хуже, спящаго можетъ поразить ночью печальная смерть отъ разныхъ причинъ: отъ паралича, отъ пожара, отъ паденія потолка, отъ руки вора и разбойника. Всѣ эти опасности случаются и днемъ, но днемъ, въ бодрственномъ состояніи, онѣ, по крайней мѣрѣ большая часть ихъ, скорѣе могутъ быть усмотрѣны и отклонены, чѣмъ ночью. Спящій—это безоружный воинъ, лишенный самъ собою возможности сопротивляться нападающему врагу и могущій сдѣлаться легкою добычею его. Но кто ложится спать съ молитвою, чтобы благодать Божія сохранила его, тотъ на своемъ ночномъ ложѣ находится подъ кровомъ Вышняго, подъ охраною горнихъ Силъ, ополчающихся вокругъ болящихся Господа. Онъ „не убится ужасовъ ночи, звыи ходищей, во мракѣ“ (Пс. 90, 5. 6). Онъ говоритъ съ Давидомъ: „ложусь я, сплю, встаю, ибо Господь защищаетъ меня“ (Пс. 3, 6). Но если Господу и не угодно будетъ спасти его отъ какой-нибудь бѣды ночью, даже отъ внезапной смерти, ему ничто не страшно, ему не страшна самая смерть. Онъ приготовился ко всякой печальности молитвою предъ сномъ. Огражденный ею, онъ говоритъ опять съ Давидомъ: „если я пойду и долиною смертной тѣни, не убоюся зла, потому что Ты, Господи, со мною; Твой жезлъ и Твоя палица успокоиваютъ меня“ (Пс. 22, 4). Господь, съ упованіемъ на Котораго и съ молитвою возлегъ человекъ на ночное ложе, не оставитъ его безъ Своей благодати среди ужасовъ смерти: Онъ безбѣдно проведетъ его изъ этой страны пришельствія въ обители вѣчнаго блаженства. Для него „жизнь Христосъ, а смерть приобрѣтеніе“ (Филлп. 1, 21). Но горе тому, кто ложится спать безъ мысла о Богѣ, не призывая Его благодати, даже не осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ: онъ забылъ о Богѣ,—можно опасаться, что и Богъ забудетъ его Своею милостію во вре-

мя ночной опасности,—не укроетъ его отъ бѣды и не спасетъ не только отъ временной, но и отъ вѣчной смерти, уготованной грѣшникамъ, отходящимъ въ вѣчность съ нечестіемъ въ сердцахъ. Таа ночная можетъ смѣниться для него мракомъ вѣчной, безразсѣтной ночи.

Время ночнаго сна, не безопасно для тѣла и души въ помянутыхъ отношеніяхъ, не безопасно и въ нравственно-духовномъ отношеніи. Во снѣ человекъ подвергается искушеніямъ отъ плоти, т.-е. отъ плотскихъ волненій недѣломудрія, вражды, злобы,—и отъ діавола, который съ своей стороны также или возбуждаетъ, или усиливаетъ ихъ. Въ бодрственномъ состояніи человекъ можетъ бороться съ этими искушеніями, можетъ противодѣйствовать имъ молитвою, духовнымъ размышленіемъ, строгимъ вниманіемъ къ душевнымъ состояніямъ (*трезвостию*), чтеніемъ Слова Божія, бесѣдами съ людьми благочестивыми и опытными въ духовной жизни. Но во снѣ человекъ не владѣетъ собою, не управляетъ своимъ сознаніемъ и волею и отдается во власть безотчетныхъ ощущеній, остановить которыя онъ до пробужденія не въ состояніи. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы на насъ не лежала отвѣтственность предъ Богомъ за искушенія во снѣ, если они бываютъ послѣдствіемъ нашего неодобрительнаго поведенія на яву, если наприхѣръ мы ложимся спать и засыпаемъ съ мыслями объ одномъ плотскомъ, съ злобою въ душѣ, или вообще ведемъ себя на яву не похристіански *). Что на яву дѣется, то во снѣ грезится. Совѣсть укоряетъ человека даже за тѣ искушенія во снѣ, къ которымъ онъ не подавалъ повода на яву. Имъ подвергаются даже святые люди по дѣйствию діаво-

* Такъ оскверненіе во снѣ, по объясненію Молитвослова, происходитъ отъ осужденія блжннаго, отъ высокоумія и гордости, отъ многояденія и питія. Связь причинъ и послѣдствій въ первыхъ двухъ случаяхъ, не ясная на первый взглядъ, становится понятною, если возмемъ во вниманіе, что чюмапугтме грѣхи—осужденіе, высокоуміе и гордость, лишаютъ человека благодати Божіей, безъ помощи которой человекъ беззащитенъ противъ нечистыхъ сонныхъ мечтаній.

ла, который, чувствуя свое бессиліе въ борьбѣ съ подвизниками благочестія на яву, старается вредить имъ во снѣ. Хотя въ послѣднемъ случаѣ искушеніе не вмѣняется человѣку въ грѣхъ, оно однако таготитъ совѣсть благочестивыхъ людей, ибо оставляетъ слѣдъ въ ихъ памяти и воображеніи *). Что же можетъ избавить человѣка отъ сонныхъ искушеній, оскверняющихъ душу и узвляющихъ совѣсть, какъ не благодать Божія? Спящій не можетъ сопротивляться имъ, ибо, какъ мы сказали, лишень самосознанія и свободы. Одна благодать можетъ отвратить отъ него эти искушенія. Но благодать привлекается усердною молитвою, какою каждый изъ насъ долженъ присутствовать себя, отходя ко сну. Правда, и усердная молитва не всегда охраняетъ человѣка отъ грѣховныхъ сонныхъ мечтаній. Благодать Божія оставляетъ иногда въ этомъ случаѣ безъ своей помощи даже святыхъ людей, для утвержденія ихъ въ смиренномъ сознаніи ихъ немощи, для предохраненія отъ гордости. Но усердная молитва предъ почнымъ сномъ во всякомъ случаѣ спасительна. Послѣ усердной молитвы объ отвращеніи грѣховныхъ сонныхъ мечтаній, человѣкъ, если подвергнется имъ, уже не будетъ узвляемъ въ своей совѣсти такъ болѣзненно, какъ если бы легъ спать безъ молитвы. Даже въ томъ случаѣ, когда бы его сонныя грѣховныя грезы вызваны были грѣховными мыслями, словами и дѣлами, пережитыми въ теченіе дня на яву, онъ не будетъ виноватъ въ такой степени, какъ уснувшій безъ предварительной молитвы. Послѣдній будетъ отвѣчать предъ Богомъ, какъ безпечный грѣшникъ, отдающійся грѣху безъ сопротивленія, а первый можетъ падѣяться на нѣкоторое къ нему

*) Въ Молитвословѣ безгрѣшнымъ импуется оскверненіе, если происходитъ отъ зависти діавола, а также отъ естества безъ мечтанія, отъ тѣлесной слабости и нѣкоей болѣзни. Но отъ чего бы, оно имъ происходило, подвергающійся ему обязанъ, по руководству особенныхъ, положенныхъ на сей случай молитвъ—отъ оскверненія, молить Господа объ очищеніи и оснащеніи себя.

нисхожденіе Господа: пусть опять сдѣлался жертвою искушеній, но опять подвергся имъ послѣ того, какъ принялъ противъ нихъ мѣры,—онъ возлегъ на ночное ложе съ молитвою объ отгращеніи ихъ. Онъ молился, чтобы Господь сохранилъ его отъ всякаго противнаго обстоянія, отъ всякаго грѣховнаго мечтанія и темныя сласти, соблазля его помыслъ несмущеннымъ, угасилъ разженія возстанія тѣлеснаго, избавилъ его отъ сѣти лукаваго и удалилъ отъ него сатанинское коварство. Онъ ложился на ночное ложе, оградивъ себя оружіемъ креста и молитвою (*Да воскреснетъ Богъ*) о прогнаніи бѣсовъ силою Распятаго на крестѣ.

По руководству положенныхъ въ Молитвословѣ „молитвъ на сонъ грядущимъ“, каждому изъ насъ вмѣняется въ обязанность не только умолять Господа объ охраненіи во время ночнаго сна отъ упоманутыхъ искушеній плоти и діавола, и отъ нечаянныхъ бѣдствій, могущихъ случиться ночью, но вмѣстѣ просить у Господа прощенія грѣховъ дѣломъ, словомъ и мыслию, допущенныхъ нами въ истекшій день. Въ Молитвословѣ съ довольною подробностію изчисляются грѣхи, которые мы должны исповѣдать предъ Богомъ въ вечерней предъ сномъ молитвѣ. *Это грѣхи противъ Богопочтенія.* Такъ вмѣсто того чтобы со страхомъ и благоговѣніемъ произносить имя Божіе, мы ежедневно всеу призываемъ его, либо даже хулимъ въ помысленіи своемъ. О молитвѣ или совѣтѣ неспрашиваемъ, или когда становимся на молитву, умъ нашъ движется въ области лукаваго міра.—*Это грѣхи противъ обязанностей съ отношеніи къ себѣ самимъ.* Такъ напримѣръ мы безвременно спали, несумѣренно употребляли пищу и питіе, предавались безумному смѣху.—*Это грѣхи въ отношеніи къ ближнимъ.* Вмѣсто того, чтобы любить ближнихъ какъ братьевъ, обходиться со всѣми, какъ со чадами Отца небеснаго, мы ежедневно укоряемъ ихъ, клеветаемъ, гнѣваемся, осуждаемъ, узвляемъ сердцемъ при видѣ чужой доброты, отказываемъ скорбящимъ въ

утѣшеніи, нищимъ въ помощи, предъ низшими себя величаемся, гордимся и т. п. Какъ цѣлесообразно изливать свою душу въ подобной покаянной молитвѣ предъ ночнымъ ложеньемъ, которое можетъ сдѣлаться для иного изъ насъ смертнымъ одромъ! Кто такую молитвою предварить свой ночной покой, о томъ, если и умереть онъ скоростиглаво во время сна, нельзя сказать, что онъ умеръ безъ покаянія, — пѣтъ, онъ покался, и Сердцевѣдецъ, предъ Которымъ высказаны покаянныя чувствованія въ вечерней молитвѣ, приметъ ихъ съ такимъ же благоволеніемъ, какъ если бы принесено было покаяніе въ таинствѣ исповѣди. — Наконецъ въ молитвѣ предъ ночнымъ сномъ должно быть приносимо Господу благодареніе за Его милости въ истекшій день, — за избавленіе отъ бѣдъ и напастей, за дарованіе Имъ успѣхи въ трудахъ и предпріятіяхъ, за благотворную помощь къ избѣжанію или преодоленію грѣховныхъ искушеній, а паче за долготерпѣніе, съ какимъ Господь, устрояя обращеніе и спасеніе душъ нашихъ, сподобилъ насъ, лѣнливыхъ на дѣла покаянія и богоугожденія, прожить еще день (см. въ Молитвословѣ).

Обязанность молиться передъ ночнымъ сномъ столь священна, что уклоненіе отъ исполненія ея едва ли можетъ быть извинено даже такою благовидною причиною, какъ чрезмѣрная усталость послѣ тяжелыхъ и продолжительныхъ трудовъ дня и даже большей части ночи. Если и дѣйствительно усталъ ты до изнеможенія, перемоги себя и непремѣнно помолись. Богъ любитъ самоотверженіе въ служеніи Ему. Если ты съ самоотверженіемъ, не жалѣя силъ и здоровья, работаешь для житейскихъ цѣлей и для угожденія человѣку: не простительно было бы уклоняться отъ подвиговъ самоотверженія для спасенія души и для угожденія Богу. Въ крайнемъ случаѣ можно ограничиться молитвою только духовною, если по причинѣ изнеможенія тяжело выразить молитвенныя чувствованія въ словахъ, поклонахъ, крестномъ знаменіи; но обойтись

совѣмъ безъ молитвы никакъ не слѣдуетъ. — Трудно представить, чтобы возлагаемы были на кого такіе труды, послѣ которыхъ не оставалось бы времени для молитвы передъ ночнымъ сномъ. Но если и случится это, ничто не препятствуетъ держать молитву въ умѣ, или по крайней мѣрѣ имѣть молитвенное расположеніе духа во время самой работы не только физической, но даже умственной. Въдѣ что такое молитва? Это есть бесѣда съ Богомъ. Но если съ людьми можно бесѣдовать сколько угодно среди какой-нибудь работы и этою бесѣдою облегчается, говорить, самая тяжелая работа: почему не бесѣдовать во время работы съ Богомъ? Съ Богомъ бесѣда еще легче, чѣмъ съ человѣкомъ, потому что она можетъ быть ведена однимъ умомъ и сердцемъ безъ помощи языка.

Заключимъ наставленіемъ препод. Іоанна Лѣствичника: „Память смерти да засыпаетъ и да возстаетъ съ тобою, и вмѣстѣ съ нею Иисусова молитва единопмышляемая; ибо ничто не можетъ тѣбѣ доставить столь сильное заступленіе во время сна, какъ сіи дѣланія“ (Лѣствица, слово 15-ое, гл. 53).

Сходство смерти съ рожденіемъ.

Слово въ день рождества Богородицы, предъ отпѣваніемъ покойника.

Совершаемое нами празднество въ честь Рождества Богородицы и Приснодѣвы Маріи, какъ и всякое празднество, возбуждаетъ радость. „Рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возвѣсти всей вселеннѣй“. И какъ не радоваться событію, которое послужило зарею другаго, болѣе радостнаго событія, ибо Пресвятая Дѣва Марія содѣлалась матерію Того, который, какъ солнце правды, Своимъ свѣтомъ озарилъ всѣ концы земли, осіялъ истиною и благодатію сущихъ во тьмѣ заблужденій и грѣховъ?—Но вотъ сегодня, въ нашемъ храмѣ, радость великаго праздника нѣсколько омрачается печальнымъ зрѣлищемъ предстоящаго гроба. Есть причина думать, что впечатлѣнія печальнаго зрѣлища превозмогаютъ надъ душами многихъ изъ предстоящихъ до того, что мало, или даже совсѣмъ не оставляютъ мѣста ощущеніямъ, свойственнымъ празднику. Однимъ изъ средствъ для противодѣйствія печальному настроенію души служить размысленіе. Къ счастью, пищу для спасительнаго размысленія даетъ самое совпаденіе радостнаго праздника вступленія въ жизнь Матери Живота съ провожаніемъ въ другую жизнь почившаго собрата нашего о Христѣ. Это случайное совпаденіе наводитъ насъ на душевспасительную мысль о соотвѣтствіи между рожденіемъ, о которомъ напоминаетъ каждому Рождество Богородицы, и смертію.

Соотвѣтствія между рожденіемъ и смертію можетъ

не признавать тодько тотъ, кто не признаетъ жизни загробной и почитаетъ смерть совершеннымъ уничтоженіемъ бытія по душѣ и по тѣлу. Но не только христіанину свойственно вѣровать, даже большая часть язычниковъ вѣровала и доселѣ вѣруетъ, что за временною жизнію слѣдуетъ другая, вѣчная. Итакъ, если есть двѣ жизни, одна временная, другая вѣчная, то есть и два рожденія, изъ которыхъ одно полагаетъ начало временной жизни, другое вводитъ въ жизнь вѣчную. Последнее обыкновенно называется смертію. Да не подумаетъ кто, что это игра въ слова. Нѣтъ, древніе христіане смерть христіанина обыкновенно называли рожденіемъ и день смерти—днемъ рожденія. Многихъ надгробныхъ памятникахъ, находимыхъ въ древнѣйшихъ подземныхъ усыпальницахъ, встрѣчаются надписи въ родѣ слѣдующей: „такой-то жилъ пять лѣтъ и родился въ мирѣ въ идѣ февраля“ *). *Родился въ мирѣ*, сказано вмѣсто того, чтобы сказать по нашему: почилъ въ мирѣ. Возврънемъ на смерть, какъ на рожденіе, объясняется то, почему художники изображаютъ душу, въ минуту разлученія ея отъ тѣла, въ видѣ новорожденнаго младенца. Въ такомъ, напримѣръ, видѣ на иконѣ Успенія Богородицы представлена душа ея, вверху надъ почившимъ ея тѣломъ. Нѣтъ сомнѣнія, что, называя смерть рожденіемъ, древніе христіане имѣли въ виду сходство между рожденіемъ и смертію. Это сходство состоитъ впрочемъ не въ томъ только, что какъ чрезъ рожденіе, такъ и чрезъ смерть начинается новая жизнь, о чемъ мы уже сказали, но еще въ послѣдствіяхъ того и другаго явленія.

Такъ, съ минуты смерти для души начинается жизнь независимая отъ тѣла, какъ и со времени рожденія младенецъ начинаетъ жить независимо отъ жизни матери. Жизнь утробнаго младенца неразрывно связана съ жизнію матери: онъ дышетъ ея дыханіемъ, питается ея соками. Рожденіе на свѣтъ разрываетъ эту связь, пола-

*) Dictionnaire Martigny, p. 480.

гаетъ начало самостоятельной жизни младенца, которую онъ можетъ продолжать и по смерти матери, дѣйствуя независимо отъ нея собственными органами питанія, дыханія и движенія. Въ подобную самостоятельную жизнь вступаетъ душа отрѣшившаяся, путемъ смерти, отъ узъ тѣла. Покуда она обитаетъ въ тѣлѣ, неразрывно соединена съ нимъ, она большею частію находится въ полнѣйшей зависимости отъ него. Такъ она зависитъ отъ него въ своихъ познаніяхъ о внѣшнемъ мірѣ, ибо эти познанія приобретаются посредствомъ тѣлесныхъ чувствъ. Безъ ихъ средства она ничего внѣ себя не можетъ ни видѣть, ни слышать, ни вообще ощущать. Съ расстройствомъ чувственныхъ органовъ расстраивается ея жизнь и дѣятельность. Поврежденіе въ мозгу обыкновенно сопровождается лишеніемъ сознанія. Не даромъ древніе говорили: здоровый умъ присутствуетъ въ здоровомъ тѣлѣ. Даже высшія, чисто-духовныя стремленія души нашей, направленныя къ міру горнему, напримѣръ стремленіе къ общенію съ Богомъ въ молитвѣ, въ размышленіи о Его совершенствахъ, вызываются и поддерживаются въ насъ наблюденіемъ, при помощи тѣлесныхъ чувствъ, надъ проявленіями совершенствъ и силы Божіей во внѣшнемъ мірѣ. Но иногда стремленіе къ богообщенію въ иной благочестивой душѣ такъ бываетъ сильно, что она уже не удовлетворяется тою пищею, которую чрезъ тѣлесныя чувства она можетъ получить для себя отъ внѣшняго міра: она стремится къ непосредственному соединенію съ Богомъ, но встрѣчаетъ препятствіе къ сему въ тѣлѣ, въ которомъ заключена, какъ младенецъ въ утробѣ матери. вмѣстѣ съ добрыми впечатлѣніями отъ внѣшняго міра, какъ созданія Божія, къ ней приражаются чрезъ тѣло впечатлѣнія суеты и зла, господствующихъ въ мірѣ. Вотъ почему великіе ревнители духовной жизни, ангелы во плоти, тяготились тѣломъ, желали скорѣйшаго разрѣшенія отъ узъ его и непосредственнаго соединенія со Христомъ, и пламенно молили о томъ Бога. Смерть разрушаетъ союзъ души съ тѣломъ и

тѣмъ освобождаетъ ее отъ условій тѣлеснаго бытія, подобно тому какъ рожденіе освобождаетъ отъ условій утробной жизни. Разрѣшившаяся отъ тѣла душа вступаетъ въ новую область бытія, входитъ въ общеніе съ безплотными, приближается къ лицу Божію, вообще начинаетъ непосредственно созерцать то, что закрыто было отъ нея завѣсою плоти, подобно тому какъ новорожденный начинаетъ видѣть то, что недоступно было ему въ утробѣ матерней.

Жизнь младенца въ первую минуту по его рожденіи проявляется въ плачѣ. Равно и первыя ощущенія души, разлучившейся отъ тѣла, даже весьма благочестивой и святой души, не могутъ быть радостныя, или вполне радостныя. Очувтившись въ новой области бытія, доколѣ пелѣдомой, она не можетъ не испытывать на первыхъ порахъ чувства страха. Самое чувство радости, если и возникаетъ въ ней, будетъ бороться съ чувствомъ скорби. Она возрадуется, когда увидитъ на одной сторонѣ близъ себя свѣтлыхъ ангеловъ, и смутится, когда узритъ на другой сторонѣ полкъ мрачныхъ демоновъ, порывающихся завладѣть ею.

Вообще, въ какихъ бы преклонныхъ лѣтахъ ни скончался человѣкъ, душа его, вдругъ увидѣвши себя въ новомъ мірѣ, среди новой обстановки, будетъ испытывать состояніе новорожденного, ибо родится въ новую жизнь, и доколѣ не освоится съ нею, будетъ ощущать свою незрѣлость, хотя бы въ настоящей жизни, доколѣ пребывала въ тѣлѣ, почиталась, сравнительно съ другими, самою зрѣлою во всѣхъ отношеніяхъ и удивляла всѣхъ обиліемъ умственныхъ и нравственныхъ совершенствъ. — Не останется ли душа навсегда въ этомъ состояніи младенческой незрѣлости? Нѣтъ. Какъ душа, доколѣ соединена съ тѣломъ, постепенно развивается въ томъ или другомъ направленіи и вмѣстѣ съ тѣломъ переживаетъ возрасты, и это развитіе продолжается до самой смерти: такъ и по разлученіи съ тѣломъ новорожденной душѣ предлежитъ безконечный путь развитія, которое будетъ идти безоста-

новочно, потому что уже не будет задерживаться дѣяніями плоти. Самое блаженство души въ вѣчныхъ обителяхъ было бы не совсѣмъ понятно, было бы не полно, еслибы она стояла на одной точкѣ развитія, еслибы предъ глазами имѣла одно и тоже зрѣлище, еслибы не получала всё новой пищи для своихъ ощущений и еслибы слѣдственно не развивалась. О блаженныхъ духахъ, предстоящихъ престолу Вседержителя, сказано, что они „ни днемъ, ни ночью не имѣютъ покоя, взывая: святъ, святъ, святъ Господь Вседержитель, который былъ, есть, и грядетъ“ (Апок. 4, 8). Какъ этотъ непрерывный трудъ славословія не утомитъ ихъ? Какъ не наскучитъ имъ?—Не утомитъ и не наскучитъ потому, что совершенства Божія, составляющія предметъ ихъ славословія, раскрываются предъ ними всё въ большей славі: занимательность зрѣлища постоянно поддерживается смѣною однихъ явленій славы Божіей другими болѣе поразительными и дѣлаетъ нечувствительнымъ для пѣвцевъ славы Божіей то напряженіе, какое нужно для непрерывнаго славословія. Новыя стороны совершенствъ Божіихъ, постепенно открывающіяся предъ ними, держатъ ихъ постоянно въ возбужденномъ состояніи, и они не замѣчаютъ, какъ проходитъ время. Подобное состояніе блаженства предстоитъ душѣ благочестивой, отшедшей изъ сей жизни. Питаемая всё новыми впечатлѣніями отъ зрѣлища славы Божіей, силы ея всё болѣе будутъ раскрываться, кругъ ея познаній будетъ расширяться, любовь къ Богу возрастать,—такъ что не останется въ ней и слѣда той младенческой незрѣлости, которую началась ея жизнь по разлученіи отъ тѣла.—Спрашиваютъ часто объ умершихъ младенцахъ: „нужно ли молиться за нихъ? Нужно ли поминать ихъ? Вѣдь они не успѣли осквернить себя грѣхами, не успѣли нажить привычки къ нимъ; потому, когда умираютъ, имъ прямой путь въ рай.“—Такъ, самъ Спаситель сказалъ о дѣтяхъ, по поводу недопущенія ихъ къ Нему учениками Его: „таковыхъ есть царствіе Божіе“ (Марк. 10, 14). Но чтожь изъ этого

слѣдуетъ? Не молитесь, пожалуй, объ избавленіи умершихъ младенцевъ отъ мученій адскихъ, какъ мы молимся о взрослыхъ; но какъ же не молиться о томъ, чтобы душа младенца, отшедшая въ другой міръ съ нераскрытымъ или мало раскрытымъ сознаниемъ, раскрылась тамъ для того, чтобы понимать свое блаженство въ вѣчныхъ обителяхъ? Какъ не молиться, чтобы она больше и больше преуспѣвала въ познаніи Бога, въ разумніи Его совершенствъ, чтобы съ постепеннымъ развитіемъ духовныхъ силъ становилась способнѣе принимать участіе въ славословіи Господу и въ этомъ обрѣтать большее и большее блаженство? Младенецъ потому и младенецъ, что незрѣлъ; должно молиться, чтобы душа его дозрѣла на томъ свѣтѣ, къ его счастью.

Но младенцемъ ли, или взрослымъ умираетъ человѣкъ, во всякомъ случаѣ, повторяемъ, смерть его, какъ начало новаго образа бытія, есть рожденіе, и умершій на первыхъ порахъ новой жизни есть новорожденный, которому принадлежитъ развитіе, свойственное всякому младенцу. Это впрочемъ мы говоримъ собственно о тѣхъ душахъ, которыя переходятъ въ загробную жизнь съ задатками развитія, которыя на землѣ уготовляли себя къ небу, или по крайней мѣрѣ полагали начало обращенія къ Богу, и если не успѣли достигнуть духовнаго совершенства, показали хоть слабѣе начатки духовной жизни. Что же сказать о нечестивыхъ? И ихъ смерть можно назвать рожденіемъ, только неблагополучнымъ: это мертворожденные. Смерть ихъ есть переходъ не въ истинную жизнь въ общеніи съ Богомъ, а въ новую смерть—по душѣ. Они не утратятъ безсмертія, свойственнаго душѣ по самой природѣ, но какъ они на землѣ жили въ отчужденіи отъ Бога, въ помышленіи объ одномъ плотскомъ и слѣдственно были въ состояніи духовной смерти (Еф. 4, 18. Рим. 8, 6), или духовнаго нечувствія, такъ за гробомъ, въ удаленіи отъ Бога, источника жизни и блаженства, они будутъ жить только для ощущенія вѣчныхъ мукъ, вѣчно будутъ испыты-

тывать смертельное томленіе, не умирая однакожь. Они забывали о Богѣ при жизни, и Богъ забудеть ихъ своею милостію по ихъ смерти.

Обратимся къ предстоящему гробу. Не знаемъ, какая участь уготована новопреставленному рабу Божию Матѳію. Но знаемъ, что и въ немъ были задатки блаженной жизни въ царствіи небесномъ, и надѣемся на милость къ нему Божию. Онъ Бога боялся, отъ души вѣровалъ въ Христа Сына Божія, пришедшаго въ міръ грѣшниковъ спасти; онъ всѣмъ былъ извѣстенъ за строго-честнаго человѣка и пользовался довѣріемъ и уваженіемъ честныхъ людей. Господь нескучно надѣлилъ его земными благами. Онъ благодарилъ за нихъ Господа и дѣлился ими съ нуждающимися. Онъ былъ добрый семьянинъ, добрый родственникъ. Помолимся Господу—Судии живыхъ и мертвыхъ, чтобы его смерть была рожденіемъ для вѣчно-блаженной жизни, чтобы Господь не вошелъ въ судъ съ рабомъ Своимъ и Своимъ милосердіемъ покрылъ грѣхи его.

Примечаніе. Намъ кажется, что существующій на Руси обычай на заупокойныхъ и поминальныхъ обѣдахъ вкушать кисель съ молокомъ или медовою сѣтдою имѣетъ отношеніе къ раскрытому въ нашей повѣди воззрѣнію на смерть, какъ на рожденіе, и на новопреставленнаго, какъ на поверженнаго. Новорожденные обыкновенно питаются сначала однимъ молокомъ, а потомъ начинаютъ принимать и мягкія сѣтди, подобныя киселю. Медъ былъ также пищею младенцевъ (Ис. 7, 16). На этомъ основаніи существовалъ въ древней Церкви по мѣстамъ обычай, предлагать новокрещеннымъ, по совершеніи крещенія, молоко и медъ,—какъ младенцамъ въ духовной жизни. (У Свидера подъ словомъ: Гала). Подобно сему употребляемый на поминкахъ кисель съ молокомъ или медомъ, долженъ напоминать намъ о своего рода младенчествѣ новопреставленныхъ и располагать насъ къ молитвѣ о благополучномъ ростѣ и развитіи ихъ въ загробной жизни.

Треблаженное древо.

«О треблаженное древо, на немже распяся Христосъ, Царь и Господь, ниже паде древомъ прельстившій (черезъ которое паде оболстившій древомъ), тобою прельстився, Богу пригвоздившися плотію (былъ самъ уловленъ: пригвоздишися на тебѣ плотію Богомъ), подающему (дарующему) миръ душамъ нашимъ». Ирмосъ 5-й пѣсни канона на Воздвиженіе.

Въ семь церковномъ стихѣ изъ канона на Воздвиженіе преп. Іоаннъ Дамаскинъ воспѣваетъ славу Креста Христова, какъ орудія нашего спасенія.

О *треблаженное древо!* Крестное древо, на которомъ распятъ Христосъ Царь и Господь, стало треблаженнымъ, достойнымъ всякаго ублаженія и чести, именно по причинѣ этого распятія. До времени распятія Христова, крестное древо, какъ орудіе позорной и мучительной казни злодѣевъ, было предметомъ отвращенія и называемо было *несчастливымъ деревомъ* *). Самыя породы деревьевъ, употреблявшихся для устроенія креста, извѣстны были также подъ именемъ *несчастливыхъ и проклятыхъ*, о которыхъ говорили, что онѣ находятся подъ покровительствомъ преисподнихъ боговъ. Къ числу таковыхъ относились нѣкоторыя деревья безплодныя, дикія, колючія **). По всей вѣроятности, на одномъ изъ нихъ и былъ распятъ Господь Іисусъ, и крестъ Его по матеріалу ничѣмъ не отличался

*) Saput arbori infelici suspendito. Такъ писался приговоръ осужденному на крестную казнь.

**) Душен. Чт. 1869 г. «О деревьяхъ упоминаемыхъ въ Св. Писаніи»
Окт. стр. 195.

отъ крестовъ, на которыхъ были распяты на ряду съ Намъ злодѣи. Надлежало, чтобы Тотъ, Кто благоизволилъ вмѣняться со незаконными (Марк. 15, 28), пострадалъ и умеръ на томъ же поворномъ дрѣвѣ, на какомъ и тѣ. Св. Григорій Нисскій, на основаніи дошедшаго до него преданія, прямо свидѣтельствуетъ: „древо Креста Господня, спасительное всѣмъ человѣкамъ, есть, какъ я слышу, часть древа презрѣннаго и многихъ безчестивѣйнаго“ (Слово на Крещеніе), слѣдственно такого, на которомъ казнили были обыкновенные злодѣи. По обрѣтении, въ присутствіи равноапостольной царицы Елены, Креста Господня вмѣстѣ съ двумя крестами распятыхъ со Христомъ разбойниковъ, первый безъ чудеснаго указанія Божія не могъ быть отлеченъ отъ послѣднихъ, что едва ли могло бы случиться, еслибы онъ сдѣланъ былъ не изъ одного съ ними матеріала. Правда, у церковныхъ пѣснопѣвцевъ иногда встрѣчается выраженіе, что Христосъ распятъ на крестъ изъ драгоцѣнныхъ дрѣвъ—кипариса, кедра и пегга (Окт. въ среду 3-го гласа). Но что нѣтъ необходимости понимать эти слова буквально, въ этомъ легко убѣдимся, если посмотримъ, откуда они первоначально заимствованы. Они заимствованы изъ книги пророка Исаіи. Исаія, изображая будущую славу Иерусалима, какъ средоточія истиннаго богопочтенія для всѣхъ народовъ, между прочимъ говоритъ отъ лица Божія: „Слава Ливанова къ тебѣ (Иерусалимъ) придетъ, кипарисомъ, пеггомъ и кедромъ, вкупѣ прославити мѣсто святое мое, и мѣсто ногъ моихъ прославию“ (Исаія 60, 13). Ближайшимъ образомъ это пророчество относится къ возстановленію Иерусалима и храма послѣ вавилонскаго плѣна. Въ этомъ храмѣ, какъ и въ храмѣ Соломоновомъ, мѣстомъ ногъ Господнихъ или подножіемъ Господа, назывался ковчегъ Завета, какъ мѣсто присутствія Господа въ качествѣ царя своего народа (1 Парал. 28, 2). Какъ для Соломонова, такъ и для втораго храма, о которомъ пророчествуетъ Исаія, потребны были драгоцѣнные древесные матеріалы, каковыя действ-

тельно на построеніе его отпускаемы были въ Иерусалимъ по распоряженію Кира (1 Езд. 3, 7). Но взору пророческому предносился не одинъ ветхозавѣтный Иерусалимъ съ его обновленнымъ послѣ вавилонскаго плѣна храмомъ, а вмѣстѣ новый Иерусалимъ, или новозавѣтная Церковь, которую пророки обыкновенно изображаютъ въ чертахъ, взятыхъ отъ древняго Иерусалима. Отношеніе разсматриваемаго пророчества къ новозавѣтной Церкви явствуетъ изъ того, что оно вообще входитъ въ составъ пророческой не объ однихъ ветхозавѣтныхъ, а вмѣстѣ о новозавѣтныхъ временахъ рѣчи Исаіи. Въ ней говорится о будущемъ величій Иерусалима: *Свѣтися, свѣтися Иерусалиме... Возведи окрестъ очи твои и ожижди собранія чада твоя* и д. Въ этихъ именно чертахъ и почти тѣмъ же словами воспѣвается въ пасхальномъ канонѣ, какъ всякому извѣстно, слава новозавѣтной Церкви. Такимъ образомъ предреченіе о деревьяхъ, какія будутъ доставляемы въ Иерусалимъ для обновленія и украшенія святилища, въ приложеніи къ новозавѣтной Церкви означаетъ, что храмы новозавѣтной Христовой Церкви будутъ читателями истиннаго Бога съ такимъ богатствомъ и великолѣпиемъ созидаемы и украшаемы, какъ и ветхозавѣтное святилище. Ясно, что рѣчь идетъ не о крестѣ. Рѣчь идетъ о даряхъ усердія къ мѣстамъ богопочтенія, идущихъ отъ читателей истиннаго Бога, тогда какъ устройство креста для распятія Христова было дѣломъ не усердія къ славіи Христа, а вражды и презрѣнія къ Нему, и если есть здѣсь какое отношеніе ко Кресту Христову, то конечно не къ тому самому, на которомъ пригвожденъ былъ Христосъ, а развѣ къ подобіямъ его, устрояемымъ вѣрующими изъ разныхъ драгоцѣнныхъ веществъ. Что же теперь касается до мнѣнія о составѣ Креста Христова изъ кипариса, пегга и кедра, на которое ссылаются раскольники въ доказательство своего ученія объ исключительной важности осьмиконечнаго креста, то всего лучше согласиться съ тѣми, которые объясняютъ такой составъ Креста въ та-

инственно-поучительномъ смыслѣ. По ихъ разумѣнію, кипарисъ, певгъ и кедръ знаменуютъ силу Креста Христова: она состоитъ въ томъ, что Крестомъ или точнѣе силою Распятаго на немъ прогоняются демоны и злыя помышленія, подобно тому, какъ благовоиємъ отъ кедрѣ прогоняются змѣи. Крестомъ христіанитъ укрѣпляется въ терпѣніи скорбей, подобно тому, какъ кипарисъ сохраняетъ свою красоту и крѣпость несмотря на ужасныя порывы вѣтра. Крестомъ испѣляются душевныя болѣзни, производимыя угрызениємъ совѣсти, подобно тому, какъ певгомъ испѣляются грызенія и болѣзни внутри тѣла *).

Изъ какого бы впрочемъ вещества ни былъ устроенъ Крестъ Христовъ, во всякомъ случаѣ онъ есть трблаженное древо,—достоинъ всякаго ублаженія и чести. И кому неизвѣстно, сколь великая честь воздается Кресту въ видѣ крестнаго знаменія, безъ котораго необходимо ни одна молитва, ни одно освященіе,—въ видѣ вещественныхъ изображеній Креста съ распятіемъ и безъ распятія,—въ видѣ благоговѣйнаго поклоненія Кресту? Пусть Крестъ въ глазахъ невѣрующихъ есть несчастное, проклятое древо, и вѣра христіанина въ спасительную силу крестной смерти пусть служитъ для іудея обманомъ и для елиина безуміемъ: для насъ христіанъ распятый Христосъ есть Божія сила и Божія премудрость (1 Кор. 1, 23, 24), и потому чувствуя Христа распятаго за насъ, мы вмѣстѣ чувствуемъ орудіе Его распятія, — Крестъ Христовъ; для насъ трблаженно, какъ величайшая святина, то древо, на которомъ распятъ Царь и Господъ неба и земли, имѣющей одинаковую власть и силу съ Богомъ Отцемъ, Котораго Онъ есть едиnorodный Сынъ, благоволившій сдѣлаться человѣкомъ именно для того, чтобы въ человѣческомъ ссествіи пострадать и умереть для избавленія насъ отъ гнѣва Божія, чтобы принятіемъ на Себя позорной и облазнительной для невѣрующихъ казни спасти насъ отъ вѣчнаго осужденія.

*) „Обличеніе неправды раскольнической листъ 34 наоборотъ.“

Прославляя трблаженное древо, какъ орудіе спасительной для насъ смерти Царя и Господа, творецъ разсматриваемаго церковнаго стиха въ частности къ славі Креста относить далѣе то, что *имъ наде древомъ прельстиивый*. Кто это прельстивый древомъ? Это дьяволъ. Кого и какимъ древомъ онъ прельстилъ? Онъ прельстилъ нашихъ прародителей древомъ познанія добра и зла, обѣщавъ имъ, что они, если вкусятъ отъ плодовъ этого древа, будутъ яко божи, вѣдуще доброе и лукавое. Они повѣрили этому лживому обѣщанію и повергли себя и все свое потомство въ безчисленныя бѣдствія по душѣ и по тѣлу. Но подивимся божественной мудрости въ устроении нашего спасенія. Господь употребилъ для нашего спасенія орудіа, подобныя тѣмъ, чрезъ которыя дѣйствовала дьяволъ къ нашему погубленію. Дьяволъ чрезъ жену ввелъ въ міръ грѣхъ и смерть. Жена же въ лицѣ Дѣвы Маріи избрана была Богомъ послужить тайнѣ воплощенія Сына Божія, спасающаго насъ отъ владычества грѣха и смерти. Дьяволъ посредствомъ одного изъ райскихъ деревъ успѣлъ оболести первыхъ людей и склонилъ ихъ къ отпаденію отъ Бога. Но вотъ на древѣ же вкусилъ смерть Господъ Исусъ, чтобы избавить насъ отъ пагубныхъ слѣдствій вкушенія плодовъ съ древа райскаго. Дьяволъ древомъ обманулъ Еву, и самъ *палъ*, или потерпѣлъ поражение, *бывъ уловленъ пригвожденнымъ плотию на тебѣ* (трблаженное древо) *Богомъ*. Дѣйствительно, онъ былъ уловленъ. Онъ никакъ не предполагалъ, чтобы крестное древо послужило къ его паденію, къ низпроверженію его владычества надъ людьми. Онъ надѣялся вмѣстѣ съ единомысленными ему іудеями, что съ смертію Христа все кончится, дѣло Его разрушится, общество учениковъ Его разсѣется и самая память о Немъ несмотря на Его безчисленныя чудеса и силу Его ученія исчезнетъ. Въ этой надеждѣ дьяволъ вложилъ въ сердце Іуды Искаріота мысль предать своего Учителя и Господа врагамъ его. Но какъ жестоко дьяволъ обманулся въ своихъ расчетахъ! Онъ

уловленъ въ свои же сѣти. Къ его пагубѣ обратилось то самое древо, на которомъ пригвожденъ былъ Христосъ. Тотъ, Который пришелъ въ міръ разрушить дѣла и царство діавола, побѣдилъ его именно крестнымъ древомъ. Онъ смертію на крестѣ упразднилъ имущаго державу смерти, діавола (Евр. 2, 14),—потому что эту смерть Господь Иисусъ претерпѣлъ за грѣхи, которые вошли въ міръ завистию и кознями діавола и предали ихъ въ его власть. Власть діавола надъ людьми держалась именно грѣхами ихъ. Христосъ на крестѣ принесъ жертву за грѣхи и тѣмъ разрушилъ его власть, особенно въ области смерти, — въ адѣ. Силу своего паденія діаволъ ощутилъ преимущественно тогда, когда Христосъ сошелъ въ адъ, въ область отъ вѣка умершихъ. Онъ сошелъ туда не какъ плѣнникъ, а какъ побѣдитель смерти и ада; сошелъ не за тѣмъ, чтобы остаться съ прочими узниками, но чтобы избавить отъ узъ ада всѣхъ, которые здѣсь съ вѣрою ожидали Его пришествія. Почему же діаволъ не ожидалъ, что крестная смерть Христова могла имѣть такіа пагубна для него и спасительна для вѣрующихъ во Христа послѣдствія? Потому, что онъ не зналъ достоинства того, Кого хотѣлъ погубить крестомъ,—не зналъ, что это не простой человѣкъ, а пришедшій во плоти Богъ. Какъ ни хитръ діаволъ, онъ не могъ догадаться, что для побѣды надъ нимъ потребна была столь безпримѣрная жертва, какъ распятіе на крестѣ самого Бога, ибо надлежало для помилованія людей не только пострадать и умереть за нихъ существу ни въ чемъ неповинному предъ Богомъ, но чтобы пострадалъ и умеръ не кто другой, какъ самъ Богъ, потому что только Богъ могъ принести удовлетворительную жертву небесному правосудію за грѣхи человѣка, только—Его жертва могла равняться безмѣрной винѣ человѣка предъ Богомъ. Правда, не само Божество собственною своею природою пострадало и умерло на крестѣ,—Божеская природа не подлежащая страданію и смерти,—а только плоть, или человѣческая природа, соединенная въ лицѣ Иисуса съ Бо-

жескимъ естествомъ, претерпѣла страданіе и смерть; но эта жертва имѣетъ безпредѣльную цѣну именно по причинѣ этого соединенія, именно потому, что человѣческое естество, воспринятое въ единство Божескаго лица, стало собственностію единосущнаго съ Богомъ Отцемъ Христа Сына Божія. И этой-то тайны премудрости Божіей, открывшейся въ устройствѣ спасенія человѣка, не зналъ діаволъ, ибо еслибы зналъ, то не принялъ бы участія въ убійственныхъ замыслахъ противъ Иисуса враговъ Его, потому что это значило бы дѣйствовать во вредъ себѣ же. Не зналъ онъ, что въ лицѣ Распятаго на крестѣ онъ приравнялся къ самому Богу. Онъ торжествовалъ, видя позорную и мучительную смерть Иисуса, но посармился, когда увидѣлъ торжество Его надъ смертію и адомъ, чего никакъ не ожидалъ. Поистинѣ онъ былъ уловленъ пригвожденнымъ плотію на крестъ Богомъ, дарующимъ миръ душамъ нашимъ.

Миръ, даруемый душамъ нашимъ распятымъ на крестѣ Богомъ, есть также плодъ древа крестнаго. Грѣхъ отнялъ миръ у человѣка. Сознаніе грѣховъ тѣмъ тяжелѣе, тѣмъ беспокойнѣе для человѣка, чѣмъ яснѣе онъ понимаетъ свою виновность предъ Богомъ и безотвѣтность предъ правдою Его. *Нить мира въ костяхъ моихъ отъ лица грѣхъ моихъ* (Псал. 37, 4), говоритъ онъ съ Давидомъ. Но вотъ смущаемая грѣхомъ душа слышитъ апостольское слово, что „кровь Иисуса очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха“ (1 Иоан. 1, 7), и начинаетъ ощущать миръ.—Миръ души возмущается не только уже допущенными грѣхами, но также угрожающими опасностію грѣхопаденія искушеніями отъ міра, т.-е. отъ людей, чуждыхъ благочестія,—отъ плоти, т.-е. отъ собственныхъ немощей и страстей,—и отъ діавола. Душа чувствуетъ свою немощь для борьбы съ этими искушеніями, тревожится сознаніемъ своей немощи и готова пасть отъ напора искушеній. Но вотъ она обращается къ Распятому съ мольбою о благодатной помощи, вооружаетъ себя силою вѣры въ Него и упованія на

Него, и получивъ благовременную помощь, умиротворяется.— Немало миръ души возмущаютъ житейскія бѣды и напасти,—болѣзни, смерть близкихъ людей, неудачи по службѣ, по торговлѣ, несправедливости людскія и т. под. Подъ бременемъ этихъ испытаній, посылаемыхъ каждому изъ насъ Промысломъ для нашего вразумленія и очищенія, душа теряетъ миръ и готова сдѣлаться жертвою унынія или отчаянія. Но вотъ она вспоминаетъ Распятаго на крестѣ, и какъ подумаетъ, что ея скорби, которыя она заслужила своими грѣхами, ничтожны въ сравненіи съ тѣмъ, что претерпѣлъ за насъ ни въ чемъ неповинный Господь Иисусъ, то уже въ этомъ одномъ размышленіи почерпнетъ ободреніе и утѣшеніе; но еще больше можетъ успокоить ее молитва о помощи къ Распятому на крестѣ: Онъ „какъ самъ претерпѣлъ, бывъ искушенъ, то можетъ и искушаемымъ помочь“ (Евр. 2, 18) и водворить въ нихъ миръ и радость, невозмущаемыя среди самыхъ бѣдъ и напастей.

Помстивъ треблаженно древо Креста, дающее столь сладкіе и цѣлебные плоды.

НАКАЗУЕМЫЙ БОГОМЪ НАРОДЪ.

СЛОВО НА ВОГОРОДИЧНЫЙ ПРАЗДНИКЪ.

„Воспріять Израиля отрока своего, помянути милости, якоже глагола ко отцемъ нашимъ, Аврааму и сѣмени его до вѣка“.
Лук. 1, 54. 55.

Пресвятая Дѣва Марія въ своей восторженной послѣ, которая излилась изъ устъ Ея при свиданіи съ праведною Елисаветою, ублажившею въ ней Матерь Господа, прославляетъ Господа, сподобившаго ее столь великой милости. Она исповѣдуетъ, что эта милость явлена не ей только лично, но всему израильскому народу, къ которому она принадлежала по своему происхожденію, которому данъ обѣтованіа о явленіи въ средѣ его Христа Спасителя, и который наконецъ дождался исполненія этихъ обѣтованій: *Воспріять* наконецъ Господь въ свою любовь и милость *Израиля отрока своего*, т.-е. раба своего, когда этотъ рабъ находился въ униженномъ состояніи, подъ игомъ иноплеменниковъ. Сего мало: въ этой милости къ Израилю, дожившему до пришествія къ нему обѣтованнаго Христа, Дѣва Марія видитъ милость ко всему человѣческому роду. Она говоритъ, что „Господь помянулъ милости, якоже глагола отцемъ нашимъ, Аврааму и сѣмени его до вѣка“. Это значить, что Господь вспомнилъ обѣтованія данныя праотцамъ еврейскаго народа въ лицѣ Адама, и потомъ Аврааму и его потомству, по относившія не къ одному еврейскому народу, а ко всемъ народамъ. Ибо Адамъ, которому дано обѣтованіе о *Сѣмени жены*, т.-е. о потомкѣ, имѣющемъ родиться отъ одной

жены безъ участія мужа, и *стереть главу змія*, т.-е. вконецъ сокрушить силу и владычество діавола (Быт. 3, 15),—Адамъ былъ праотцемъ не однихъ Евреевъ, а всего человѣчества. Что касается Авраама, то хотя онъ былъ родоначальникомъ собственно еврейскаго народа, обѣтованіе о Христѣ, данное Аврааму и повторенное потомкамъ его, относилось также не къ однимъ Евреямъ, а ко всѣмъ народамъ, ибо ему сказано, что *въ Стмени его*, т.-е. о Христѣ имѣющемъ провозйти отъ него плотию, *благословятся всѣ народы* (Быт. 12, 3; 18, 18; 22, 1—18). И вотъ наконецъ эти обѣтованія исполнились,—не одинъ Израиль, но весь родъ человѣческій дождался Искупителя, Христа Сына Божія, котораго ждалъ 5508 лѣтъ. Можно ли, вслѣдъ за Богоматерію, удостоившеюся послужить тайнѣ воплощенія Христова, не прославлять эту милость Господа? Можно ли не благодарить Его, воспріявшаго Израиля, отрока своего, воспоминавшаго древнія милостивыя обѣтованія объ Искупителѣ?

Но оцѣнили ли эту милость и воспользовались ли ею сыны Израиля, для которыхъ, какъ для прямыхъ потомковъ Авраама, она ближайшимъ образомъ предназначалась? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Господь вопріялъ Израиля отрока своего, пославъ къ нему обѣтованнаго Христа; а сыны Израиля отвергли и убили Христа, и до сихъ поръ враждуютъ противъ Него и Его святой Церкви. Вражда пагубная для нихъ же! Отвергнувъ Христа, они сами отвержены Богомъ. Они до сихъ поръ несутъ наказаніе, которое накликали на себя кроваваднымъ крикомъ: *кровь Его (Христа) на насъ и на надѣжъ нашихъ*. Въ чемъ же состоитъ это наказаніе? Въ томъ, что они лишены своего отечества, Иерусалима и храма, разбѣяны по всему свѣту и гдѣ ни водворятся, вездѣ встрѣчаютъ преврѣніе и ненависть къ себѣ, какъ заклятые враги Христа.

Но дѣйствительно ли за отверженіе Христа они несутъ эти наказанія? Дѣйствительно. Самъ Христосъ Спаситель предрекъ, что Иерусалимъ будетъ разрушенъ, такъ что не

останется въ немъ камня на камнѣ, и запустѣеть, — за что? За то, что Иудеи не уразумѣли времени посѣщенія своего (Лук. 19, 44), т.-е. времени исполненія обѣтованій и пророчествъ о пришествіи Мессіи для помилованія и облаженствованія ихъ. Тоже предрекъ Онъ о судьбѣ храма. Выходя въ послѣдній разъ изъ іерусалимскаго храма, Онъ сказалъ Иудеямъ: *се оставляется домъ вашъ пустъ* (Мат. 23, 38),—разумѣя подъ домомъ храмъ, какъ мѣсто, гдѣ Иудеи, собираясь для принесенія молитвъ и жертвъ, чувствовали себя членами одного семейства, дѣтými одного Отца небеснаго. За что же этотъ домъ обреченъ Христомъ на запусѣніе? Опять за отверженіе Христа, за то, что, по словамъ Его, Иудеи не захотѣли собраться около Него, какъ птенцы собираются подъ крыло птицы,—не восхотѣли обратиться къ Нему, какъ своему Вождю и Спасителю (Мат. 23; 37).

Чтобы судить, какъ тяжело для Иудеевъ это предреченное имъ за отверженіе Его наказаніе, какъ тяжело имъ было нравиться съ Иерусалимомъ, а съ нимъ, конечно, со всею обѣтованною землею, въ которой Иерусалимъ былъ столицею, и съ храмомъ,—должно помнить то исключительное значеніе, какое въ религіозномъ отношеніи имѣлъ для нихъ Иерусалимъ и храмъ. По закону Моисееву у нихъ, въ видахъ поддержанія церковнаго единства, надлежало быть для общественнаго богослуженія только одному мѣсту, какое укажетъ самъ Господь (Втор. 12, 11, 14). Таковымъ мѣстомъ, по волѣ Божіей, сдѣлался Иерусалимъ и въ Иерусалимѣ храмъ. Въ этого мѣста принесеніе жертвъ и общественныхъ молитвъ было незаконно. Но вотъ Иерусалимъ и храмъ разрушены Римлянами, чрезъ 40 лѣтъ по вознесеніи Господнемъ; на глазахъ того самаго поколѣнія, вслухъ котораго Господь угрожалъ Иудеямъ этимъ наказаніемъ: „не придетъ родъ сей, какъ все сіе сбудется“ (Лук. 21, 32). *На святомъ мѣстѣ, т.-е. на мѣстѣ храма, поставлена Римлянами мерзость запустыня* (т.-е. языческіе идолы), по предреченію про-

рока Данила, повгоренному Христомъ Спасителемъ (Мат. 24, 15). Могло ли быть для Иудеевъ, почитавшихъ себя единственными во всемъ свѣтѣ хранителями истиннаго богочтения, другое болѣе чувствительное и тяжкое наказаніе отъ Бога, предавшаго ихъ и ихъ святиню на поправіе язычникамъ?—Впрочемъ разрушеніе и оскверненіе храма служило не только наказаніемъ Иудеямъ за отверженіе Христа, но вмѣстѣ свидѣтельствовало, что Господу Богу вообще стало негодно продолженіе ветхозавѣтнаго богослуженія, что оно сдѣлалось ненужнымъ послѣ крестной жертвы Христовой, ибо ветхозавѣтныя жертвы, какъ и весь законъ обрядовый, были, по Апостолу, только сѣнью грядущихъ благъ (Евр. 10, 1), были предъизображеніями жертвы Христовой, и потому могли законно существовать только до времени принесенія ея. Но Иудеи продолжали приносить ветхозавѣтныя жертвы и послѣ крестной жертвы, и такъ какъ это было незаконно, то надлежало лишить ихъ возможности продолжать незаконное дѣло, чтѣ и произошло съ разрушеніемъ Іерусалима: и храма. Съ этого времени для нихъ не осталось никакой надежды возстановити ветхозавѣтное богослуженіе. Правда, были попытки при Юліанѣ отступникѣ возстановити для сей цѣли Іерусалимъ и храмъ, но онѣ только показали непреклонность судовъ Божіихъ о храмѣ,—онѣ кончились вѣщнымъ посярвленіемъ враговъ Христовыхъ. Ибо, когда стали разрывать основанія іерусалимскаго храма для закладки новаго храма, изъ земли внезапно вырвались множество огненныхъ шаровъ и разогнали работающихъ. Тоже явленіе повторялось каждый разъ, какъ снова начиналась прерванная работа,—и строители храма, подобно строителямъ вавилонской башни, разсѣялись, убѣдившись, что невозможно идти противъ воли Божіей. Да еслибы и удалось имъ возстановити храмъ, не могло бы быть, во всякомъ случаѣ, возстановлено ветхозавѣтное богослуженіе. Совершать его имѣли право только лица левитскаго происхожденія. Но гдѣ ихъ было найти въ это

время? Иудеи, разсѣянные по всему свѣту, смѣшались и позабыли, кто къ какому колену принадлежить.

Разсѣянніе Иудеевъ по всему свѣту также имѣетъ значеніе наказанія ихъ за отверженіе Христа. Еще Моисей предсказалъ, что „если они перестанутъ слушаться Господа и исполнять Его заповѣди, то Господь разсѣетъ ихъ по всѣмъ народамъ, отъ края земли до края земли, и что между этими народами они не успокоятся, и Господь дастъ имъ трепещущее сердце“ (Второз. 28, 15, 64). Одна изъ главныхъ заповѣдей требовала отъ Иудеевъ, чтобы они, когда возстанетъ изъ среды ихъ пророкъ подобный Моисею, слушались его (Второз. 18, 15). Этотъ пророкъ есть Іисусъ Христосъ (Дѣян. 3, 22; 7, 37). Онъ одинъ изъ всѣхъ пророковъ подобенъ Моисею, ибо есть не только пророкъ, но вмѣстѣ законодатель и посредникъ между Богомъ и людьми. Иудеи не только не послушались этого подобнаго Моисею пророка, хотя Онъ безчисленными дѣлами явилъ въ себѣ предъ ними достоинство истиннаго посланника Божія, но еще убили Его,—и вотъ до сихъ поръ въ наказаніе за отверженіе Его они живутъ въ разсѣяніи, о чемъ вслѣдъ за Моисеемъ ясно предсказалъ и самъ Христосъ. „Отведутся изъ плѣнъ во всѣ народы“ (Лук. 21, 24), сказалъ Онъ объ Иудеяхъ, прозирая грядущіе на нихъ, именно за отверженіе Его, дни отмищенія.

Навсегда ли продлится отверженіе Иудеевъ? Нѣтъ. Апостолъ Павелъ удостовѣряетъ, что Богъ не отвергъ народа своего, что наступитъ время, когда Иудеи обратятся къ вѣрѣ во Христа, и тогда Богъ снова восприметъ въ свою любовь и милость нѣкогда возлюбленнаго, потомъ отверженнаго Израиля отрока своего. „Не хочу васъ оставить въ неувѣдѣніи о тайнѣ, говоритъ Павелъ, что ожесточеніе произошло въ Израилѣ отчасти, до времени, пока взойдетъ (въ Церковь) полное число язычниковъ, и такимъ образомъ весь Израиль спасется, какъ написано: придетъ отъ Сіона Избавитель и отвратитъ нечестіе отъ

Иакова" (Рим. 11, 22, 26): Не мудрено, что тогда народъ Божій, разсѣянный повсюду, снова соберется и вступитъ въ обладаніе землею обѣтованною и Иерусалимъ снова сдѣлается его столицею. И не на это ли указываетъ пророкъ Іезекіиль, когда говоритъ: „такъ сказалъ Господь Богъ: Я возьму васъ изъ среды народовъ, соберу васъ отъ странъ, по которымъ вы разсѣяны, и введу васъ въ землю вашу, и очищу васъ и дамъ вамъ сердце новое... и вы будете Моимъ народомъ, и Я буду вашимъ Богомъ" (Іез. 36, 24—28). (Самъ Христосъ Спаситель даетъ намъ право заключать, что продолжающееся доселѣ жалкое состояніе Иерусалима, есть временное, когда говоритъ: „Иерусалимъ будетъ попираемъ язычниками, доколѣ не окончатся времена язычниковъ" (Лук. 21, 24). Мы видимъ, что до сихъ поръ Иерусалимъ попирается язычниками. Во время земной жизни Христа до равноапостольнаго Константина онъ былъ подъ властію языческихъ римскихъ императоровъ; потомъ послѣ краткаго владычества въ немъ христіанскихъ римскихъ же царей, онъ былъ подъ властію народовъ невѣрныхъ — Персовъ и Арабовъ, и наконецъ подпалъ владычеству Турокъ, которые до сихъ поръ попираютъ святой городъ. Но рано или поздно эти времена язычниковъ кончатся, Евангеліе проповѣдано будетъ всей твари, все народы сдѣлаются христіанскими, — тогда и Израильяне не захотятъ остаться одинокими, примкнутъ къ обществу спасаемыхъ вѣрою въ Христа Іисуса, и что мудренаго, повторяемъ, если по приведенному пророчеству Іезекіилеву, они снова соберутся въ свою родную землю и водворятся въ Иерусалимъ, исконномъ достояніи своемъ?

Указанная нами судьба Іудейскаго народа весьма поучительна для насъ, братія. Прежде всего она возбуждаетъ благоговѣніе къ путямъ Божиимъ въ домостроительствѣ чловѣческаго спасенія. Для пріготовленія людскіхъ къ принятію Искупителя, надлежало изъ всего чловѣческаго рода избрать одинъ народъ и сдѣлать его хранителемъ обѣтованій и пророчествъ о Мессіи, пока въ средѣ

этого народа не явится жена, которая по нравственнымъ совершенствамъ обрѣтетъ особенную благодать предъ Богомъ и содѣлается достойною быть матерью по плоти Сына Божія. Вся предшествующая исторія народа избраннаго имѣла цѣлію очистить и воспитать то племя, изъ котораго должна была произойти эта святая жена и отъ нея то благословенное Сѣмя, о которомъ еще въ первомъ обѣтованіи сказано: *Сѣмя жены соотретъ главу змія.* Цѣль эта была наконецъ достигнута. Избранный народъ отслужилъ свою службу, далъ міру Спасителя міра, но поелику самъ не вошелъ въ царство Христово, отвергъ Христа, то подвергся отверженію отъ Бога, и служить для насъ доселѣ только памятникомъ путей Божиихъ въ устроеніи нашего спасенія. Съ благоговѣніемъ подвигаясь этимъ путемъ, но вмѣстѣ возблагодаримъ Господа, въ настоящемъ состояніи Іудеевъ дарующаго намъ осязательное доказательство божественнаго достоинства Христовой вѣры, потому что въ судьбѣ ихъ мы видимъ оправданіе предсказаній Христовыхъ. Угрозы Христа, что они въ наказаніе за отверженіе Его будутъ лишены Иерусалима и храма, будутъ изгнаны изъ святой земли и расточены по всему свѣту, буквально исполнились. Значитъ Тотъ, Кто иврекалъ эти угрозы, есть истинный пророкъ, истинный посланникъ Божій; значить все, что Онъ говорилъ и дѣлалъ для насъ, непреложно-истинно и свято. Такимъ образомъ Іудеи, съ которыми мы, особенно въ послѣднее время, такъ часто сталкиваемся въ житейскихъ дѣлахъ, съ которыми такъ недружелюбно всюду обращаются, — суть ходячая проповѣдь истины Христовой, суть вѣсьмъ въ глаза кидующая подвижная выѣска, на которой крупными, всему міру видными буквами начертана истинѣ, что нѣтъ иного имени подъ небесемъ, о немже подобаетъ спасенія, кромѣ имени Христова, что Христосъ есть краеугольный камень, отверженный Іудеями и ставшій во главу угла зданія вселенской Церкви. Благодареніе Господу, что мы, бывшіе нѣкогда въ лицѣ предковъ язы-

чниками, безбожниками въ мірѣ, чуждыми завѣтовъ обѣтованія, даннаго Израилю. (Еф. 2, 12), теперь по вѣрѣ во Христа стали чадами Авраама, наследниками данныхъ ему обѣтованій о Христѣ. Но чѣмъ счастливѣе наше положеніе въ семь отношеніи, тѣмъ заботливѣе оно должно быть охраняемо нами. Мяжійся стояти, блюдишь, да не упадешь. Не глумитесь надъ Иудеями, отвергшими Христа и отверженными за сіе. Судьба ихъ должна быть для насъ предостереженіемъ и вразумленіемъ. По выраженію апостола Павла, они несмотря на свое отверженіе суть вѣтви святаго корня; они отложились отъ масличнаго дерева (возвращеннаго и воспитаннаго Господомъ съ заботливостію садовника), а язвичики, какъ дикая маслина, привились къ этому дереву на мѣсто отсѣченныхъ вѣтвей и стали питаться соками его. Но если Богъ,— продолжимъ слова и мысли Апостола,—не пощадилъ природныхъ вѣтвей, то смотри, пощадить ли и тебя (Рим. 11, 16—21).

Такъ, Онъ не пощадить и насъ, братія, и отсѣчетъ отъ Своей благодати, если и мы будемъ ходить путями Иудеевъ. Они не увѣровали во Христа; мы вѣруемъ въ Него, но если вѣра наша бесплодна, не оживляется дѣлами любви къ Богу и ближнимъ, то она также не угодна Богу, какъ и невѣріе.—Иудеи распяли Христа; но не распинаютъ ли Его вторично многіе христіане, живущіе нераскайнно и безпечно и отвергающіе всѣ средства благодати къ своему спасенію?—Про Иудеевъ всѣ говорятъ, что они крайне жадны до користи и ради ея прибѣгаютъ къ безчестнымъ средствамъ. Не мало ли и между христіанами людей съ подобнымъ жидовскимъ користолюбіемъ, которые главною цѣлію жизни поставляютъ обогащеніе и для достиженія сей цѣли не брезгаютъ никакими средствами, которые готовы ближняго пустить по міру, чтобы самимъ только хорошо пожить?—Всѣхъ удивляетъ духовное ослѣпленіе Иудеевъ и то упорство, съ какимъ они продолжаютъ враждовать противъ Евангелія. Но вина въ этомъ не падаетъ

ли частію и на христіанъ? По слову Апостола, „съ паденіемъ Иудеевъ пришло спасеніе язычникамъ, чтобы возбудить въ нихъ (въ Иудеяхъ) ревность“ (Рим. 11, 11. 14), то-есть, чтобы примѣромъ вѣры во Христа бывшихъ язычниками возбудить въ Иудеяхъ желаніе искать спасенія въ тойже вѣрѣ во Христа Сына Божія. Но такова ли наша вѣра, такъ ли она жива и дѣйствена, такъ ли плодотворна, чтобы могла служить примѣромъ для Иудеевъ и возбудить въ нихъ ревность къ усвоенію ея? Не скорѣе ли мы отталкиваемъ ихъ отъ Христа тѣмъ, что именуясь христіанами, рассуждаемъ и живемъ не похристіански, а поязычески? Мы желаемъ, чтобы они сдѣлались христіанами, а своею жизнію отдаляемъ предсказанное Апостоломъ время ихъ всеобщаго обращенія ко Христу.

Таковы, братія, мысли навѣяныя на насъ судьбою Иудеевъ, воспріятыя нѣкогда въ особенную милость Божію и потомъ отверженныхъ Богомъ. Да позволено будетъ надѣяться, что слушающіе насъ раздѣлятъ съ нами эти мысли и извлекутъ изъ нихъ для себя гоучительный урокъ той спасительной бдительности, съ какою каждый изъ насъ долженъ держать себя въ сторонѣ отъ того пути, какой привелъ Иудеевъ къ паденію.

О С А М О Л Ю Б И И.

СЛОБО ВЪ ДЕНЬ ПРАЗДНОВАНІЯ ДЕВЯТИЛѢТІЯ БРАТСТВА СВЯТИТЕЛЯ
НИКОЛАЯ *).

„Будуть челоѣвцы самолюбцы“.
(2 Тим. 3, 2).

Господь Иисусъ Христосъ, изображая признаки послѣднихъ дней міра и времени своего втораго пришествія, говоритъ, что тогда „за преумноженіе беззаконія изсякнетъ любви многихъ“ (Мат. 24, 12). На тотъ же признакъ послѣднихъ временъ указываетъ ап. Павелъ, когда о нравственномъ состояніи людей тѣхъ временъ говорить между прочимъ: *будуть челоѣвцы самолюбцы*. Слово Апостола впрочемъ должно понимать не въ томъ смыслѣ, что самолюбіе свойственно будетъ людямъ исключительно послѣднихъ дней міра, — оно господствовало всегда и господствуетъ теперь, — а въ томъ, что въ послѣдніе дни грѣхъ самолюбія усилится до крайней степени и будетъ такимъ зломъ, которое по своей чрезмѣрности уже не можетъ быть терпимо долге и вмѣстѣ съ другими беззаконіями приблизить время втораго пришествія Христова и послѣдняго суда.

Бдите, сказалъ Господь Иисусъ, *яко не вѣсте дне, ни часа, въ оноеже Сынъ челоѣвскій придетъ* (Мат. 25, 13). Для чего же однако въ Словѣ Божіемъ указаны признаки втораго пришествія Христова, если по нимъ нельзя съ точностію угадать время этого пришествія? Для того, что-

*) Произнесено 20 октября 1874 г. въ Братской Николаево-явленской церкви за литургіей, которую совершалъ высокопреосвященнѣйшій Пякокетій митрополитъ московскій.

бы мы напередъ знали, съ какой стороны угрожаетъ намъ опасность быть застигнутыми врасплохъ Женихомъ грядущимъ въ полночи, и въ какую сторону должна быть направлена наша духовная бдительность для избѣжанія этой опасности. И намъ извѣстно, что она угрожаетъ намъ, между прочимъ, со стороны самолюбія, о которомъ и поведемъ нашу рѣчь.

(Самолюбіе есть превратное направленіе любви къ себѣ, которая сама по себѣ есть певинное и законное чувство. Въ Словѣ Божіемъ мѣрою любви къ себѣ самому даже опредѣляется мѣра любви къ ближнему: *возлюбими искренняго твоего, яко самъ себе* (Мат. 22, 39). Ап. Павелъ, заповѣдая мужьямъ любить своихъ женъ, даятъ замѣтить, что это также естественно и законно, какъ лкбовь къ самимъ себѣ. *Любви союу жену*, говоритъ онъ, *себе самого любить*. *Никтоже бо когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ и* (Еф. 5, 28. 29). Намъ свойственно любить себя не по безотчетному только побужденію, но и по ясному сознанію того, за что можемъ и должны любить себя. Въ самомъ дѣлѣ, какъ намъ не любить себя, когда мы знаемъ, что созданы по образу Божію и достоинствомъ нашей природы превознесены надъ всѣми земными тварями и многими чѣмъ умалены предъ ангелами? Какъ не любить себя, когда мы такъ дороги въ очахъ Божіихъ, что для нашего спасенія употреблено такое чрезвычайное средство, какъ воплощеніе и крестная смерть самого Сына Божія, когда наша челоѣвческая природа въ лицѣ Его, со времени облеченія Его въ нашу плоть, превознесена выше ангеловъ и обожена? Какъ не любить себя, когда Христосъ называетъ насъ братією (Евр. 1, 11), когда мы, какъ искупленные Христомъ и освященные благодатію Св. Духа, именуемся чадами Божіими, сонаслѣдниками Христовыми, храмами Св. Духа, причастниками божественнаго естества (Рим. 8, 16. 17. 1 Кор. 6, 15.)? Сознать въ себѣ столь высокія достоинства и не любить себя значило бы не цѣнить ихъ. — значило бы

быть неблагодарными къ Богу, даровавшему ихъ,—значило бы лишити себя одного изъ сильнѣйшихъ побуждений любить ближнихъ, обладающихъ тѣмъ же достоинствами,—значило бы отнять у себя не менѣе сильное побужденіе къ собственному духовному преслѣпанію, ибо какъ наслѣдники высокихъ родовыхъ преимуществъ стараются соответствовать имъ личными достоинствами, чтобы не унижить своего происхожденія, не наложить покура на свой родъ, такъ и сознающимъ въ себѣ высокія достоинства своей души по ея сотворенію и искупленію свойственно упражняться въ соответствующихъ имъ подвигахъ благочестія и добродѣтели.

Къ сознанію, любви къ себѣ, внушаемая каждому природою и освящаемая указанными высокими и святыми побужденіями, несмотря на все это можетъ принять правильное направленіе. Правильная любовь къ себѣ соединяется съ любовью къ Богу и ближнимъ и съ смиреніемъ, которое предохраняетъ насъ отъ пристрастной любви къ себѣ при помысленіи о свойственныхъ каждому изъ насъ недостаткахъ и грѣхахъ. Но безъ любви къ Богу и ближнимъ и безъ смиренія любовь къ себѣ неправильна и называется самолюбіемъ. Самолюбивый человѣкъ единственно себя, свою особу, дѣлаетъ предметомъ любви,—въ своихъ мысляхъ, словахъ и поступкахъ имѣетъ въ виду не славу Божию, не благо ближнихъ, а единственно личную свою выгоду, честь и удовольствіе и по пристрастію къ себѣ или совсѣмъ не замѣчаетъ своихъ недостатковъ и грѣховъ, или снисходительно смотритъ на нихъ.

О тяжести грѣха самолюбія можно судить по тому, что оно есть корень всѣхъ грѣховъ. Отъ чего произошло паденіе перваго ангела, сдѣлавшагося сатаной? Не отъ самолюбія ли и гордости? Не отъ того ли, что по самолюбію онъ сталъ тяготиться зависимостію отъ Бога и помыслилъ о сверженіи ея? Чѣмъ диаволь склонилъ первыхъ людей къ нарушенію заповѣди Божіей? Тѣмъ, что возбудилъ въ нихъ самолюбіе, убѣдивъ ихъ, что они

сами могутъ сдѣлаться равными Богу. — Возьмите любой грѣхъ, въ каждомъ изъ нихъ есть доля самолюбія или самоугодія, потому что каждый грѣхъ есть порожденіе злой личной воли, идущей наперекоръ закону Божію, стремящейся все поставить на своемъ.

Коснемся частныхъ проявленій самолюбія. — Самолюбивый человѣкъ можетъ быть вѣрующимъ человѣкомъ, покорнымъ сыномъ Церкви и богомольнымъ. Но все это только до тѣхъ поръ, пока онъ здоровъ, наслаждается внѣшнимъ довольствомъ и съ успѣхомъ ведетъ житейскія дѣла. Съ перемѣною благоприятныхъ обстоятельствъ на неблагоприятныя, съ наступленіемъ тяжелыхъ болѣзней и вселескихъ невзгодъ, въ немъ упадаетъ, если не совсѣмъ исчезаетъ вѣра въ Бога, преданность Его святой волѣ, расположеніе къ молитвѣ. Онъ ропщетъ на Бога и даже готовъ хулить Его, за то что Онъ поступаетъ по своей волѣ, а не по человѣческому усмотрѣнію. Онъ готовъ отнестись къ Богу съ тѣмъ же нечестивыми словами и душевными расположеніями, на какія диаволь почиталъ способнымъ Іова, отнимая у него, по попущенію Божію, имущество, дѣтей, здоровье. Диаволь обманулъ въ Іовѣ,— Іовъ не поколебался въ вѣрѣ въ Бога, въ упованіи на Него, потому что искренно былъ благочестивъ. Но самолюбивый въ положеніи Іова не устоялъ бы противъ коварней диавольскихъ. Въ немъ нѣтъ искреннаго благочестія. Онъ неспособенъ также къ ревности о славіи Божіей. Онъ равнодушно слушаетъ кощунство и глумленіе адвѣрою, разсуждая: это до меня не касается.

Самолюбивый человѣкъ, вращаясь въ области узкихъ личныхъ интересовъ, не сочувствуетъ общественнымъ нуждамъ, равнодушно смотритъ на бѣдствія ближнихъ, всегда бываетъ недоволенъ, когда ему напоминаютъ объ этихъ нуждахъ и бѣдствіяхъ съ цѣлью вызвать его участіе, и если дѣлаетъ кому одолженіе, то развѣ для того, чтобы отдѣлаться отъ докучливыхъ напоминателей и просителей, или для корыстныхъ и честолюбивыхъ цѣлей, направль

для того, чтобы прослыть благотворителем, получить награду и т. п.

Самолюбие иногда проявляется подъ видомъ дѣйствій любви. Такъ иная мать живетъ и дышетъ любовью къ своему сыну, сосредоточивая на немъ всѣ помыслы и надежды, заботы о его здоровѣ и спокойствіи простираетъ до самоотверженія, избавляетъ его отъ трудовъ, ни въ чемъ ему не отказываетъ, никогда не потревожитъ его сна съ дѣлюю напимѣръ подпять его къ ранней церковной службѣ, — въ случаѣ его болѣзни страдаетъ за него больше, чѣмъ онъ самъ, готова со всего свѣта собрать врачей къ постелѣ его. Какая повидимому примѣрная мать! Но съ такою же ли заботливостію она относится къ его нравственному воспитанію? — Нѣтъ, она сквозь пальцы смотритъ на его шалости, терпитъ его капризы и даже потворствуетъ имъ, не всыскиваетъ съ него за ложь, за буйство, за лѣность въ ученіи, и даже не допускаетъ отца и воспитателей всыскивать съ него за проступки — и все это изъ жалости и любви къ сыну! Но на самомъ дѣлѣ тутъ не любовь, а одно самолюбіе, самое пагубное для мальчика. Эта любящая мать только губитъ его потворствомъ ему во всемъ, равнодушіемъ къ его добродушному христіанскому воспитанію, — и незамѣчаетъ этого только потому, что слишкомъ занята *личнымъ* удовольствіемъ, которое доставляетъ ей зрѣлище ненагляднаго сына: она обманывается, думая, что любить его, — въ немъ она любитъ только себя.

Возьмемъ другой подобный примѣръ. — Иная вдова убивается по своему мужу, провожая его въ могилу, — неутѣшно плачетъ и вопитъ; но вслушайтесь въ ея вопли, — она повторяетъ одно: на кого ты меня покинулъ? Что это значить? Во многихъ случаяхъ это значить, что плачущая вдова жалѣетъ больше себя, чѣмъ мужа. Напрасно вы стали бы уговаривать ее искать утѣшенія въ молитвѣ за мужа, напрасно стали бы внушать ей, что молитва за него была бы лучшимъ выраженіемъ любви къ нему, что душа его, начавшая странствованія по воздушнымъ матеріямъ, пре-

вмущественно нуждается теперь въ молитвенномъ соупствіи. Кому бы скорѣй откликнуться на эти внушенія, какъ не той, которая была спутницею его земной жизни? И чья молитва за него должна бы быть усерднѣе и горячѣе, какъ не ея? — Но она не слушаетъ никакихъ внушеній и совѣтовъ: ей не до молитвы за мужа, не до спасенія его души, — она вся поглощена *своимъ* горемъ, занята *собою одной*. Свидѣтели ея неутѣшнаго плача говорятъ другу другу: „смотрите, какъ она убивается по мужу, — по всему видно, что горячо любить его“. — Нѣтъ, она не его, а себя любитъ, въ ней плачетъ не любовь къ нему, а самолюбіе, огорченное утратою нужнаго для *ней* существа.

Скажемъ наконецъ, какъ въ самолюбивомъ человѣкѣ проявляется недостатокъ смиренія. Онъ любитъ, чтобы всѣ кланялись ему, хвалили его, трубили всюду про него, и въ самодовольствѣ не замѣчаетъ въ похвалахъ ему грубой лести. — Онъ крайне снисходительно смотритъ на свои грѣхи и пороки, извиняетъ ихъ не только предъ другими, но и предъ своею совѣстію. Для другихъ совѣсть — неподкупный судія, а въ немъ она давно подкуплена живыми разсужденіями, и уже ни въ чемъ не обличаетъ его. Онъ не любитъ никакихъ обличеній и противорѣчій, какъ бы они ни были благонамѣренны и правдивы, и раздражается отъ малѣйшаго противорѣчія. Вообще самолюбіе и раздражительность немислимы одно безъ другой.

Таковъ грѣхъ самолюбія въ своихъ проявленіяхъ. Спросимъ теперь о его послѣдствіяхъ. Что выигрываетъ самолюбивый человѣкъ, когда личное свое благо ставитъ выше всего на свѣтѣ и пристрастие къ своей особѣ простираетъ до забвенія обязанностей любви къ Богу и ближнимъ и обѣгаетъ смиренномудрія? — Изгнавъ изъ своего сердца любовь къ Богу, онъ самъ теряетъ право на любовь къ нему Господа. Только любящихъ Его любитъ Господь, и ищущіе Его обрѣтаютъ въ Немъ благодать. — Не имѣя любви къ ближнимъ, самолюбивый самъ встрѣчаетъ съ ихъ стороны нерасположеніе къ себѣ и въ случаѣ

несчастія съ нимъ никто его не пожалѣеть. Самолюбіе никому не любь.— Самолюбивый не имѣетъ обычая оказывать услугъ другимъ, и самъ хочетъ всѣхъ подчинить своимъ видамъ. Но какъ часто онъ жестоко обманывается въ своихъ расчетахъ! Онъ легко поддается лести, и льстецы, непримѣтно для него самого, забираютъ его въ свои руки и управляютъ имъ, какъ хотятъ.—Онъ гордится независимостію своего положенія, не замѣчая, что находится въ самомъ унижительномъ рабствѣ;— въ рабствѣ похотей корыстолюбія, сластолюбія и честолюбія, въ удовлетвореніи которымъ полагаетъ главное свое благо. Онъ находится въ положеніи блуднаго сына евангельской притчи, начавшаго, по удаленіи изъ отчужаго крова, жить на всей своей волѣ и кончившаго позорною зависимостію отъ хозяина свиного стада.

Грѣхъ самолюбія врачуетъ самоотверженіемъ. Самолюбіемъ человекъ отпалъ отъ Бога, и потому не иначе можетъ возвратиться къ Богу и получить отъ него помилованіе, какъ отбѣченіемъ самолюбія, или пристрастія къ собѣ, отреченіемъ отъ своей воли и всецѣлымъ преданіемъ себя волѣ Божіей. Тяжело это, но спасительно. Сберегши душу свою, потеряетъ ее, а потерявшій душу свою ради Меня, сбережетъ ее“, сказалъ Господь Иисусъ (Мат. 10, 39), т.-е. вслѣски, по животному чувству самосохраненія, оберегающей себя отъ разныхъ неприяностей здѣшней жизни, и успѣвающей въ этомъ, подвергается опасности погубить себя въ жизни вѣчной; напротивъ, кто ради Христа безъ жалости къ себѣ упражняетъ себя въ подвигѣхъ самоотверженія, тотъ угождаетъ себѣ спасеніе въ жизни вѣчной.— Самоотверженіе христіанина простирается такъ далеко, что иногда приходится принести въ жертву любви къ Богу и ближнему высокіе духовные интересы, такъ что отказаться отъ такой жертвы значало бы впасть въ грѣхъ самолюбія. Напримѣръ желаніе удалиться въ монастырь для достиженія духовнаго совершенства не должно быть удовлетворяемо, если ис-

полненія этого желанія соединено съ нарушеніемъ обязанностей въ отношеніи къ семейству, къ службѣ и т. п. Что невинныя и святые, повидимому, духовно-литературныхъ занятій? Но вотъ преп. Іоанну Дамаскинъ долженъ былъ, изъ послушанія своему руководителю-старцу, отказаться отъ нихъ и когда безъ его позволенія возвратился къ нимъ для утѣшенія одного внока, огорченнаго смертію брата, то былъ наказанъ старцемъ за это, какъ за тяжкій грѣхъ и не скоро могъ получить отъ него прощеніе. Видно грѣхъ самолюбія и самоугодія очень тяжекъ въ очахъ Божіихъ, когда для уврачеванія его потребны иногда такіе чрезвычайные подвиги самоотверженія.

Къ сожалѣнію, сила самолюбія такъ велика, что въ наше время многіе не только не признаютъ его за грѣхъ, но еще почитаютъ необходимымъ условіемъ всякой частной и общественной дѣятельности. По ихъ мнѣнію, что бы ни дѣлалъ человекъ, онъ долженъ быть лично заинтересованъ въ томъ, безъ личнаго интереса ни за что не слѣдуетъ приниматься, ни къ какому общепользному предпріятію присоединяться. Всякому до себя, каждый знай себя, отстаивай себя,— другихъ выстѣхъ, не личныхъ побужденій, не должно быть и въ поминѣ. Что же касается до ближнихъ, то они сами пусть поступаютъ такъ же, и если не успѣютъ достигнуть того же, чего вамъ удалось достигнуть, жалѣть ихъ не стѣитъ. У кого нѣтъ силъ отстоять себя въ борьбѣ за существованіе, пусть гибнетъ въ этой борьбѣ и остаются одни сильные. Такимъ образомъ по этой теоріи выходитъ, что для людей нѣтъ другаго закона жизни, кромѣ того, какой существуетъ для животныхъ плотоядныхъ, поддерживающихъ свою жизнь истребленіемъ другихъ, слабѣйшихъ. Въ обширныхъ размѣрахъ эта дикая теорія будетъ примѣняема въ послѣднія времена міра, когда будутъ *человѣки самолюбцы*. Тогда повторится тоже явленіе, какое было незадолго до всемірнаго потопа. Известно, что предъ всемірнымъ потопомъ господствовали исполины, которые не знали другаго права, кромѣ права

силы и силою своею пользовались для распространения повсюду нечестия и разврата. Крайность нечестия и разврата вызвала судъ Божій, открывшійся въ потопѣ. Новая теорія борьбы за существованіе, проповѣдуемая новыми людьми, есть теорія допотопныхъ исполиновъ и будетъ имѣть тѣже послѣдствія, какъ и преобладаніе исполиновъ,—т.-е. приблизить страшный судъ.

Скоро ли наступитъ время страшнаго суда, не знаетъ, но то по крайней мѣрѣ утѣшительно, что въ наше время помянутое дикое ученіе, основанное на отрицаніи христіанской заповѣди о безкорыстной любви къ ближнимъ, особенно немощнымъ, и о самоотверженіи, покуда не имѣетъ обширнаго круга защитниковъ. Оно встрѣчаетъ отпоръ со стороны здраваго смысла, просвѣщеннаго Евангелиемъ. Какъ бы наперекоръ этому ученію въ наше время не только не сокращаются, а все умножаются учрежденія благотворительныя, къ числу которыхъ принадлежатъ и то, которое водворилось подъ свѣцію сего св. храма, и 9-ю годовщину котораго сегодня празднуемъ. Что доказываетъ это празднество и самое процвѣтаніе этого учрежденія, какъ не то, что среди насъ еще продолжаетъ господствовать ревность къ исполненію евангельской заповѣди о любви къ Богу и ближнимъ, во имя которой существуетъ наше Братство, и что въ нашемъ обществѣ еще не изсякла любовь къ святой Церкви, ибо оно поддерживаетъ своимъ сочувствіемъ и вещественными средствами Братство, существующее для помощи бѣднымъ служителямъ Церкви въ содержаніи и воспитаніи ихъ дѣтей, готовящихся быть также служителями Церкви? — Не будемъ, братья, ослабѣвать въ этомъ святомъ сочувствіи и въ этой готовности продолжать безкорыстную помощь Братству. Не допустимъ овладѣть нашимъ сердцемъ тому пагубному самолюбію, которое будетъ господствовать въ послѣдніе дни міра и привлечетъ на самолюбцевъ праведное осужденіе на страшномъ судѣ Христовомъ, отъ чего да спасетъ насъ всѣхъ Господь Своею благодатію.

О НЕБЛАГОДАРНОСТИ КЪ БЛАГОДѢТЕЛЯМЪ.

Многіе изъ христіанъ, слѣдуя ученію Христа Спасителя (Мат. 6, 1), творятъ благодаренія втайнѣ, для избѣжанія людской благодарности. Они тяготятся ею и желаютъ получить награду за доброе дѣло отъ единаго Бога.

Но хотя можно благодарить безъ расчета на благодарность и хотя похвалою избѣгать ея, тѣмъ не менѣе благодарность есть непремѣнная обязанность каждаго, получившаго благодареніе. Никто не обязанъ искать благодарности и принимать ее, но всякій обязанъ благодарить благодѣтелей не только за явное, но и за тайное одолженіе, — по крайней мѣрѣ молитвою за благодѣтелей.

Благодарность за оказанныя услуги и одолженія требуетъ естественнымъ долгомъ справедливости. Какъ въ отношеніи къ Богу было бы крайне грѣшно прибѣгать къ Нему только въ нуждѣ и бѣдствіи, и забывать Его, когда нужда удовлетворена и бѣдствіе миновало: такъ крайне грѣшно и неблагородно пользоваться услугами ближняго и ничѣмъ не благодарить за нихъ, — ни словомъ, ни молитвою, ни взаимною услужливостію. И безсловесныя животныя выражаютъ своего рода благодарность хозяину, который къ нимъ ласковъ, ихъ кормитъ и поитъ. Неблагодарный человѣкъ хуже безсловеснаго животнаго.

Долгъ благодарности требуетъ не только естественнымъ чувствомъ справедливости, но имѣетъ религиознымъ побужденіями и общительностію между людьми. Благодаренія, какія мы получаемъ отъ людей, это Божіи благодаренія. Люди, дѣлающіе намъ добро, это орудія Божія о насъ промышленности. Богъ могъ бы непосредственно, об-

хода людей, безъ ихъ участія, являть къ нимъ свои милости. Но Ему угодно благотворить однимъ черезъ другихъ, для того чтобы дать намъ возможность и удобство къ упражненію въ исполненіи заповѣди о любви къ ближнимъ, и чтобы одолженіями однихъ и благодарностію другихъ скрѣпить братскій союзъ между нами. Неблагодарный идетъ наперекоръ этимъ намѣреніямъ Божиимъ. Если людскія благодѣянія должно относить къ Богу, то и благодарностію благодѣтелямъ свидѣтельствуется благодарность къ Богу, любовь къ Нему, смиреніе предъ Нимъ. Неблагодарный показываетъ, что онъ не имѣетъ ни того, ни другаго, ни третьяго. Если одолженіями однихъ и благодарностію другихъ скрѣпляется братскій союзъ между тѣми и другими, то неблагодарный показываетъ, что онъ не дорожитъ этимъ союзомъ, что онъ руководствуется въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ однимъ самолюбіемъ, и самолюбіемъ самаго грубаго свойства. Никогда самолюбіе не будетъ доходить до такой дерзости, какъ въ послѣднія времена, предъ вторымъ пришествіемъ Христовымъ, которыхъ отличительнымъ признакомъ будетъ крайнее оскудѣніе любви. Потому между признаками послѣднихъ дней міра св. Апостолъ поставляетъ неблагодарность. „Въ послѣдніе дни, говоритъ онъ, люди будутъ самолюбивы, сребролюбивы... неблагодарны“ (1 Тим. 3, 2).

Скоро ли наступитъ послѣднія времена міра, съ точностію неизвѣстно. Но грѣхъ неблагодарности, свойственный преимущественно послѣднимъ временамъ, доселѣ есть обыкновенное явленіе между христіанами, столь обыкновенное, что даже образовались такіа поговорки: „не вспоя, не вскормя, не наживешь врага“. „У Бога выслужившись, у людей никогда“. Даже въ международныхъ отношеніяхъ встрѣчаются примѣры возмутительной неблагодарности. Есть одна держава, которая во время возмущенія противъ нея венгерскихъ подданныхъ спасена была отъ паденія единственно русскими войсками, и потомъ объявила, что она удивить міръ своею неблагодарностію, — и дѣйствительно

удивила, приставъ во время восточной войны къ нашимъ врагамъ; но и наказана же эта держава за свою неблагодарность, ибо вскорѣ принуждена была уступить требованіямъ Венгровъ, въ борьбѣ съ которыми получила помощь отъ Россіи, и принять унижительное для ея достоинства положеніе въ отношеніи къ нимъ. — А въ житейскомъ быту неблагодарность встрѣчается на каждомъ шагу. Дѣти, неблагодарны къ родителямъ, подчиненные къ начальникамъ, вообще облагодѣтельствованные къ благодѣтелямъ, — обыкновенное явленіе. Между ними есть такіе, которые не только не цѣнятъ сдѣланнаго имъ добра, но еще огорчаютъ грубостями своихъ благодѣтелей, и что всего возмутительнѣе, даже оправдываютъ свою неблагодарность и грубость. Спросите иного сына, почему онъ неблагодарно ведетъ себя въ отношеніи къ родителямъ, которые употребили всѣ усилія, отказывали себѣ въ необходимомъ, чтобы только его воспитать, образовать и пристроить, — почему онъ не платитъ имъ за это услужливостію, ласковостію, почтительностію. Онъ грубо отвѣтитъ вамъ: не за что благодарить ихъ. Все, что они сдѣлали для меня, они должны были сдѣлать. Они родили, они же должны были воспитать и пристроить меня. Они исполнили свой долгъ и вмѣстѣ удовлетворили естественной потребности своего сердца: никакой заслуги тутъ нѣтъ въ отношеніи ко мнѣ. — Такъ разсуждаютъ нѣкоторые дѣти въ оправданіе своей неблагодарности къ родителямъ и тѣмъ свидѣлствуютъ о своемъ нечестіи, ибо разсуждаютъ вопреки волѣ Божіей, выраженной въ заповѣди о воздаваніи родителямъ должнаго (1 Тим. 5, 4), — о своемъ преступномъ самолюбіи, которое до того возобладало надъ ними, что они только твердятъ о родительскихъ обязанностяхъ и ничего не хотятъ знать объ обязанностяхъ дѣтей въ отношеніи къ родителямъ, — о своей противояственной безсердечности, — ноистипѣ противоположной, потому что идутъ вопреки голосу сердца, требующаго почтенія и благодарности къ родителямъ: они

насилъственно заглушили этотъ голосъ фальшивыми разсужденіями, легкомысленно нахватаанными изъ современныхъ нечестивыхъ ученій. Это поистинѣ чужденныя растенія, живущія насчетъ другихъ растеній, истощающія ихъ соки, а сами ничего не дающія имъ.

Иногда неблагодарность происходитъ отъ невѣжества, отъ непониманія важности благодаренія, оттого, что благодареніе не признаютъ благодареніемъ. Въ иномъ сельскомъ приходѣ нашелся добрый человѣкъ—священникъ, или помѣщикъ. И вотъ этотъ добрый человѣкъ на свой счетъ устраиваетъ школу для крестьянскихъ дѣтей и учить ихъ безмездно, даже книгами снабжаетъ ихъ безмездно. Какое великое благодареніе! Но всегда ли сго дѣлать родители крестьяне? Случается, что они не только не дѣлать его и не благодарятъ за него, но еще ропщутъ на благодѣтеля, зачѣмъ онъ отвлекаетъ ихъ дѣтей отъ работы, и готовы съ него же требовать себѣ вознагражденія за то, что позволяютъ своимъ дѣтямъ ходить въ его школу. Не возмутительно ли?

Иногда неблагодарность бываетъ послѣдствіемъ гордости. Завнается человѣкъ на высоту, на которую попалъ изъ униженнаго состоянія, и забываетъ тѣхъ, съ которыми былъ близокъ прежде, и отъ которыхъ пользовался услугами. Такъ виночерпій, которому Іосифъ предсказалъ освобожденіе изъ темницы, — когда получилъ освобожденіе, позабылъ Іосифа и просебу его походатайствовать предъ фараономъ объ освобожденіи и его отъ темничнаго заключенія (Быт. 40, 23).

Иногда неблагодарность и даже ропотъ на благодѣтелей происходитъ отъ своеврвія. Дѣлай иному множество одолженій, — онъ доволенъ, благодаритъ за нихъ; но не угоди ему одинъ разъ, — онъ позабываетъ все прежнія ваши благодаренія, какъ бы совсѣмъ ихъ не было, и ропщетъ на благодѣтеля за одну послѣднюю его неудачу угодить ему. Такъ Израильтѣяне, получившіе множество благодареній отъ Бога чрезъ Моисея, не разъ роптали и возмущались противъ Моисея

по случаю напримѣръ недостатка въ водѣ, забывая въ лицѣ Моисея достоинство посланника Божія и многочисленныя опыты самоотверженія, съ какимъ онъ заботился о ихъ благѣ. Есть и теперь на свѣтѣ народъ, извѣстный легкомысліемъ, съ какимъ онъ такъ часто мѣняетъ правительства. Онъ до небесъ превозноситъ избраннаго имъ же главу государства, готовъ за него идти въ огонь и воду, доколѣбъ ему удается внутреннимъ управленіемъ поддержать и увеличить его внутреннее благосостояніе, и военными успѣхами возвысить внѣшнюю славу его. Но вотъ постигла этого главу государства одна-другая неудача въ томъ и другомъ отношеніи, и легкомысленный народъ уже не прощаетъ ему этой неудачи, и съ безчестіемъ низвергаетъ того, предъ кѣмъ прежде съ благоговѣніемъ преклонялся: изъ-за одной неудачи онъ уже ни во что ставитъ все прежнія благодаренія, какія получалъ отъ него. Не мудрено, что у такого народа не могутъ быть правители, которые бы относились къ нему съ сердечною привязанностію. Они знаютъ непрочность своего положенія, знаютъ, что одинъ неосторожный шагъ будетъ имъ стѣнѣ власти, что народъ на нихъ однихъ свалитъ вину, напримѣръ, неудачной войны, не раздѣлитъ съ ними горя пораженія, а накажетъ ихъ за неудачу, и потому опасеніе неблагодарности естественно охлаждаетъ ихъ симпатію къ народу.

Иногда неблагодарность является слѣдствіемъ честолюбія. Такъ Авессаломъ по этому побужденію возсталъ противъ своего отца Давида.

Иногда причиною неблагодарности бываетъ зависть. Такъ Саулъ, который былъ обязанъ Давиду побѣдою надъ Филистимлянами, былъ недоволенъ тѣмъ, что еврейскія жены по случаю этой побѣды превознесли предъ нимъ Давида, и по зависти къ нему сдѣлался врагомъ его (1 Цар. 19, 28).

Иногда къ неблагодарности располагаетъ корыстолюбіе. Поразительный примѣръ въ этомъ отношеніи представ-

ляетъ Иуда, за 30 сребренниковъ предавшій своего Учителя и Господа.

Но отъ чего бы ни происходила неблагодарность къ благодѣтелямъ, она во всякомъ случаѣ есть тяжкій грѣхъ, какъ мы видѣли, противъ естественной справедливости, противъ вѣры и благочестія, противъ людской общительности. Грѣхъ этотъ, какъ противный природѣ человѣка, осуждается даже язычниками. „Я ужасаюсь преступленія неблагодарной души: нѣтъ ничего дурнаго, чего бы въ немъ не было“, сказалъ Цицеронъ (ad Attic. 8). Сенека рассуждаетъ: „Неблагодарнаго человѣка должно избѣгать какъ лютаго злодѣя. Ничего нельзя представить пагубнѣе, ничего чудовищнѣе неблагодарности“ (De beneficiis). Тяжести грѣха неблагодарности соотвѣтствуетъ тяжесть наказанія, какимъ Господь угрожаетъ неблагодарному. „Кто за добро платитъ зломъ, отъ дома того не отойдетъ зло“, сказалъ Духъ Божій устами Соломона (Прит. 17, 13), имѣя въ виду то, что неблагодарный наказывается Богомъ не только самъ, но и въ лицѣ потомковъ своихъ, или за подражаніе его примѣру, или въ предостереженіи отъ подражанія.

Пусть же каждый страшится грѣха неблагодарности и противоположную ему благодарность пусть выражаетъ въ молитвѣ за благодѣтелей, въ теплыхъ словахъ любви и уваженія къ нимъ, въ готовности заплатить имъ взаимною услужливостію и добрымъ употребленіемъ полученнаго благодѣянія.

ЖЕЗЛЪ ОТЪ КОРНЯ ІЕССЕЕВА.

„Жезлъ изъ корене Іессеева, и цвѣтъ отъ него, Христе, отъ Дѣвы прозяблъ еси; изъ горы, Хвальный, пріосвѣщенный чащю, пришелъ еси воплощся отъ Неискусомужныя, Невещественный и Боже. Слава силъ Твоей Господи!“ (Ирмосъ 4 й пѣсни 1-го канона, на Рождество Христово.)

Этотъ стихъ (ирмосъ) входитъ въ составъ канона на Рождество Христово, написаннаго св. Космою, епископомъ Маюмскимъ, жившимъ въ VIII вѣкѣ. Св. пѣснопісецъ прославляетъ въ семъ стихѣ Иисуса Христа, указывая въ Немъ исполненіе ветховѣстныхъ пророчествъ о происхожденіи Его по плоти отъ рода Іессеева отъ неискусомужной Дѣвы.

Вотъ русскій переводъ стиха: „Христе,—отрасль отъ корня Іессеева и цвѣтъ отъ него,— проizrасъ Ты отъ Дѣвы; отъ горы, освѣщенной чащю, пришелъ Ты, Препрославленный, воплотившись отъ Безмужной, Невещественный и Боже. Слава силъ Твоей, Господи“.

Первая половина разсматриваемаго стиха составлена на основаніи пророчества Исаи о Христѣ: „Изыдетъ жезлъ изъ корене Іессеева и цвѣтъ отъ корене его изыдетъ“ (Исаи 11, 1). Далѣе пророкъ свидѣтельствуетъ, что на семъ Жезлѣ, или Отрасли отъ корня Іессеева, почіетъ Духъ Божій со всею полнотою Своихъ даровъ (— 2); что при семъ потомкѣ Іессеевомъ водворится необыкновенный миръ и распространится повсюду истинное богопознаніе (— 6—9); что на Него язычники будутъ уповать (— 10); что при Немъ соберутся разсыянные чада Из-

раиля (— 11—13) и одержаны будутъ необыкновенныя побѣды надъ языческими народами (— 14—16). Все это такія черты, по которымъ не только христіане (Рим. 15, 12), но также Иудеи относятъ пророчество о Жезлѣ отъ корня Иессева къ одному Мессіи, ибо только о Мессіи можно сказать, что Онъ исполненъ даровъ Св. Духа въ несравненно большей степени предъ прочими духовными мужами, что власть Его распространится на всѣ народы, что царство Его будетъ царствомъ истинной вѣры и всеобщаго мира.

Церковный пѣнописецъ, указывая на исполненіе пророчества Исаи въ лицѣ Иисуса Христа, вслѣдъ за пророкомъ называетъ Его Жезломъ, или Отраслью отъ корня Иессева. Кто такой былъ Иессей? Уроженецъ Вилеема, отецъ царя и пророка Давида. У Иессея, кромѣ Давида, было еще шестеро сыновей. Иисусъ Христосъ произошелъ отъ Иессея чрезъ Давида; потому какъ у пророковъ Мессія называется сыномъ или потомкомъ Давидовымъ, такъ и въ Евангеліи Иисусъ Христосъ называется сыномъ Давидовымъ. Что дѣйствительно Давидъ былъ однимъ изъ предковъ Иисуса Христа, это видно изъ родословной Иисуса Христа въ Евангеліяхъ Матвея и Луки. Обыкновенно въ Писаніи Христосъ называется сыномъ Давидовымъ, помимо другихъ Его предковъ по плоти, въ обозначеніе, что Онъ есть не только потомокъ Давида, но и наследникъ той царственной власти, которая съ него началась въ его родѣ. Потому архангелъ Гавріиль, благовѣствуя Дѣвѣ Маріи о томъ, что отъ Нея родится Христосъ, сказалъ о Христѣ, что „Ему Господь Богъ дастъ престолъ Давида отца Его“ (Лук. 1, 32). Рѣчь архангела не о наследованіи Христомъ мірскаго царства, а о томъ, что во Христѣ, какъ вѣчномъ царѣ духовнаго царства, или святой Церкви,—исполнится обѣтованіе, данное Давиду, что престолъ его будетъ управленъ до вѣка (2 Цар. 7, 16). Потому Архангелъ присовокупилъ, что царствію Христову не будетъ конца (Лук. 1, 33), какъ и Самъ Христосъ сказалъ, что Церкви, которую Онъ пришелъ

основать, не одолѣютъ врата адавы (Мат. 16, 18), и что Онъ пребудетъ въ ней до скончанія вѣка (Мат. 28, 20). Но если въ Писаніи наименованіе Христа сыномъ Давидовымъ есть самое употребительное, то почему не оно дано Ему въ приведенномъ нами пророчествѣ Исаи и въ разсматриваемомъ церковномъ стихѣ? Почему въ томъ и другомъ сказано о Христѣ, что Онъ есть Отрасль отъ корня Иессева, а не Давидова? Что хотѣлъ сказать этимъ пророкъ и вслѣдъ за нимъ церковный пѣнописецъ?— Мысль у того и другого та, что Христу надлежало родиться, и Онъ дѣйствительно родился, во время крайняго упадка царственнаго дома Давидова, когда потомки Давида уже давно утратили свои царственныя права и возвратились въ то незнатное состояніе, въ какомъ находился Иессей, отецъ Давида, до вступленія послѣдняго на престолъ. Въ этомъ отношеніи знаменательно самое наименованіе этого состоянія *корнемъ Иессеевымъ*. Это значитъ, что родъ Давидовъ или Иессеевъ, когда отъ него родился Христосъ, пересталъ походить на величественное дерево, что этотъ родъ, прославившій себя непрерывнымъ рядомъ происходившихъ изъ него царей отъ Давида до вавилонскаго плѣна, со времени этого плѣна сравнялся съ обыкновенными родами и былъ въ неизвѣстности въ продолженіи 400 лѣтъ до Рождества Христова, что это величественное дерево ударомъ судьбы Божіихъ срублено, и остался отъ него только корень, или, по еврейскому тексту пророчества Исаи, пень, едва поднимающійся отъ земли. Но нельзя же было вконецъ погибнуть роду Иессею, пока не явится изъ среды его, по обѣтованію, Мессія. Именно ради Мессіи надлежало сохраниться этому роду. И вотъ хотя этотъ родъ дошелъ до того униженнаго по внѣшнему виду состоянія, по которому онъ походилъ на оставшійся отъ срубленнаго дерева пень, но это не сухой пень: въ немъ сохранились еще жизненныя силы или соки. Въ избранной части потомства Иессея, подъ конецъ ветхозавѣтной исторіи, сохранился живой духъ

вѣтры и благочестія, питаемый надеждою на пришествіе Мессіи, тѣмъ болѣе крѣпкою, тѣмъ менѣе было утѣшительно вѣдшее положеніе этого потомства и вообще всего избраннаго народа, давно утратившаго государственную самостоятельность. И вотъ, когда наступило время пришествія Христова, уже готова была среда въ потомствѣ Давидовомъ, способная въ лицѣ Дѣвы Маріи послужить воплощенію Сына Божія. И такимъ образомъ отъ нея Иессеева произростала Отрасль, которая подобно древу жизни, посаженному въ рай, должна была соками своими и плодами своими оживотворить и обновить все человѣчество, избавить его отъ смерти духовной и вѣчной. Соки этой благословенной Отрасли, т.-е. самого Христа, обновляющіе и оживотворяющіе людей, это кровь Христова, пролитая за насъ на крестѣ. Плоды отъ этой Отрасли, питающіе и укрѣпляющіе людей въ жизни духовной,—это многообразная благодать Св. Духа—просвѣщающая, очищающая, освящающая,—подаваемая вѣрующимъ въ искушительную силу крови Христовой. На эти спасительные плоды благословенной Отрасли Иессеевой указываетъ и то, что въ разсматриваемомъ церковномъ стихѣ, вслѣдъ за пророкомъ, сказано о возникновеніи отъ корня Иессеева не только отрасли, но и цвѣта на ней. *Жезлъ отъ корене Иессеева, и цвѣтъ отъ него, Христе, прозблг еси.* Извѣстно, что цвѣтъ есть та часть растенія, которая рождастъ плодъ и сѣмя.

Вторая часть разсматриваемаго церковнаго стиха составлена на основаніи пѣсни пророка Аввакума (гл. 3). Аввакумъ въ этой пѣсни, въ виду бѣдствій, грядущихъ на Иудеевъ отъ Халдеевъ, молитъ Господа помануть древнія милости Его къ избранному народу и изображаетъ угрожающее Халдеемъ наказаніе чертами, заимствованными отъ чудесныхъ событій, въ которыхъ проявились милости Божіи къ этому народу при изшествіи его изъ Египта, при странствованіи его въ пустынѣ и при завоеваніи ханаанской земли. „Богъ отъ юга придетъ, и Святый отъ горы,

пріосѣненной чащею“,—говоритъ пророкъ, прозвѣвая въ будущемъ суды Божіи надъ Халдеями и грозное шествіе Бога для совершенія сихъ судовъ, подобно тому, какъ Онъ въ столпѣ облачномъ шель отъ Синайской горы, знаменуя свой путь непрерывными чудесами милости къ Израилю и гнѣва на враговъ его. Св. Церковь сказанное пророкомъ о величественномъ изшествіи Господа на спасеніе Израила и на пагубу врагамъ его примѣняетъ къ воплощенію Сына Божія, для спасенія людей, для побѣжденія исковыхъ враговъ ихъ—грѣха, смерти и діавола. Словами пророка Аввакума въ большей части ирмосовъ четвертой пѣсни каноновъ Церковь обыкновенно прославляетъ это воплощеніе подъ образомъ пришествія Господа съ юга *), отъ горы, осѣненной чащею, какъ и въ разсматриваемомъ нами стихѣ, и называетъ этою горою Дѣву Марію **). Въ какомъ смыслѣ должно понимать это названіе? Въ томъ, что Пресвятая Дѣва превознесена надъ всѣми женами въ мірѣ, какъ одна изъ всѣхъ избранная быть Матерію по плоти Сына Божія. Она превознесена предъ всѣми женами въ мірѣ также въ томъ отношеніи, что содѣлалась Матерію Сына Божія неускусомужно, за-

*) Югъ—страна, откуда дуютъ теплые вѣтры. Въ примѣненіи къ Пресв. Дѣвѣ шествію Господа съ юга не означаетъ ли, что со времени воплощенія отъ Ней Господа должна наступить въ жизни человечества духовная весна, что эта жизнь, согрѣваемая теплыми лучами Солнца правды—Христа, должна раскрыться плодородно въ духовномъ отношеніи?

**) Напримѣръ на Рождество Богородицы: „Пророкъ Аввакумъ умныма очима провидѣ, Господи, пришествіе Твое, гѣтъ и вопіаше: отъ юга придетъ Богъ“.—Въ недѣлю Ваій: „Христосъ гряди явственно Богъ нашъ, придетъ и незаоспитъ отъ горы пріосѣненной чащи, Отроковичи рождающіи неускусомужныя, пророкъ древле глаголетъ“.—Въ другихъ ирмосахъ 4-хъ пѣсней каноновъ изъ пѣсни пророка Аввакума берутся другія черты для изображенія пришествія Христова. Напримѣръ выраженія этихъ ирмосовъ: „Внегда прити гѣтомъ, познастися, внегда прити времени, покажешися“,—„Вѣтъ еси на кони, апостоли Твои, Господи“,—„Твою услышахъ Господи силу, яко вся снасти помазанія Твоя пришедъ еси“,—заимствованы изъ Аввакумовой пѣсли, стг. 2. в. 13

чавъ Его во чревѣ единственно по наитію на Нее Св. Духа. Этой безпримѣрной высотѣ соответствовала въ Ней высота личных нравственныхъ достоинствъ, въ каковомъ отношеніи Она именуется не просто Святою, но Пресвятою. По достоинству избранія въ Матерь Божию, Она превознесена не только предъ всѣми людьми, но и предъ всѣми ангелами: Она явилась честнѣйшею херувимовъ и славнѣйшею безъ сравненія серафимовъ. По отношенію къ нимъ Иисусъ Христосъ есть только Господь, предъ Которымъ они предстоятъ съ трепетомъ; а по отношенію къ Ней Онъ есть не только Господь, но и Сынъ, къ Которому Она имѣетъ матернее дерзновеніе. Во всѣхъ показанныхъ отношеніяхъ Она поистинѣ есть гора, достоинствами и честію превосходящая всякую тварь.—Но въ какомъ смыслѣ сказано, что эта гора пріосѣнена чащею? Въ томъ, что Пресвятая Дѣва не только возбуждаетъ наше благоговѣніе высотой Своего достоинства, но привлекаетъ къ себѣ наше сердце доступностію къ намъ, готовностію помогать всѣмъ, прибѣгающимъ къ Ея покрову. Подъ Ея осѣненіемъ палимые зноемъ грѣховъ найдутъ прохладу, труждающіеся и обремененные скорбями житейскими—успокоеніе, алчущіе и жаждущіе правды—удовлетвореніе. Что можетъ быть отрадиѣе для путника, истомленнаго трудными переходами по знойной пустыни, какъ не отдыхъ подъ сѣнію густолиственныхъ деревьевъ лѣсной чащи? Что можетъ быть отрадиѣе для грѣшниковъ и страдальцевъ, какъ не покровъ Пресвятыя Дѣвы,—пріосѣненной чащею Горы? Обильною благодатію, которою сама осѣнена, она пользуется для того, чтобы подъ тѣнію ея укрывать, успокаивать и спасать всѣхъ, притекающихъ къ Ней съ вѣрою въ Ея всемогущее заступленіе предъ Сыномъ Ея и Богомъ, Который, преклонивъ небеса, гдѣ внималъ непрерывнымъ славословіямъ горныхъ Силъ (*Хвалитый*), сошелъ на Нее, какъ роса на лѣсную чащу, и во чревѣ Ея, будучи *Неещественнымъ*, облекся

въ вещественную плоть, будучи *Богомъ*, воспріялъ отъ Ней человѣческую природу.

Слава силѣ Твоей, Господи, восклицаетъ въ заключеніе своей пѣсни свщ. пѣснописецъ, благоговѣнно преклоняясь предъ величествомъ силы Божіей, проявленной въ дѣлахъ нашего искупленія, совершеннаго Воплотившимся Богомъ. Ибо чтобы искупить насъ, требовалось больше силы, чѣмъ создать насъ. Въ послѣднемъ случаѣ нужно было одно божественное всемогущество, а въ первомъ всемогущей силѣ надлежало дѣйствовать такъ, чтобы не убить свободной воли, чтобы привлечь насъ къ пріятію спасенія безъ нарушенія произволенія. Въ чемъ же можетъ состоять участіе свободной воли по отношенію къ дѣлу спасенія, для совершенія котораго Сынъ Божій содѣлался Отраслью отъ корня Іессеева, воплотившись отъ Дѣвы Маріи? Въ ревности исканія и сохраненія благодати Божіей, даруемой каждому истинно вѣрующему въ Иисуса Христа. Всѣ мы, рожденные отъ христіанскихъ родителей, уже съ самаго рожденія взысканы благодатію Божіею и введены въ общеніе со Христомъ въ таинства крещенія, привились къ Нему, какъ къ Древу жизни, выросшему отъ благословеннаго корня Іессеева, будучи по природѣ древами дикими, бесплодными, или неспособными къ принесенію доброкачественныхъ плодовъ. И это привитіе совершилось безъ нашего вѣдома, по вѣрѣ родителей и восприемниковъ, тогда какъ приступающіе къ благодати крещенія въ зрѣломъ возрастѣ должны самолично, свободнымъ произволеніемъ, взыскать ея. Но въ томъ и другомъ случаѣ обрѣтенное сокровище должно быть каждымъ бережно охраняемо—и крещенными въ младенчествѣ, когда въ нихъ раскроется разумѣніе, и крещенными въ зрѣломъ возрастѣ. Безъ этого охраненія духовное преспѣваніе также невозможно, какъ невозможно правильное ростъ привитаго дерева безъ тщательнаго ухода за нимъ садовника. Если садовникъ привитое имъ дерево броситъ на произволъ судьбы, не станетъ поливать

его, оберегать отъ мороза, отсѣкать отъ него чужеродныя паросты и сухіе сучья, окапывать его и питать хорошимъ удобреніемъ, оберегать его отъ бури, отъ нападенія животныхъ, то оно погибнетъ. Подобной опасности подвергается душа христіанская, привитая ко Христу, но оставленная безъ попеченія. Пещись о ея преслѣваніи въ благочестіи и добродѣтели приставлены въ саду Христовой Церкви духовные садовники—пастыри Церкви, также родители и воспитатели; но ни тѣ, ни другіе, ни третьи ничего не могутъ сдѣлать для ея спасенія безъ самодѣтельнаго ея участія въ дѣлѣ спасенія, безъ труда самовоспитанія. Сама она должна заботиться о томъ, чтобы не изсушила ее зной страстей, не лишило ее духовной теплоты самолюбіе, чтобы не укоренились въ ней дурныя привычки; сама она должна поддерживать въ себѣ духовную жизнь трудами покаянія, самоотверженіемъ въ борьбѣ съ грѣховными искушеніями, благочестивыми упражненіями, общеніемъ таинствъ. Только при такихъ условіяхъ задатки духовной жизни, положенныя въ ней со времени привитія ея, чрезъ крещеніе, къ Древу жизни—Христу, могутъ уцѣлѣть и плодоносно раскрыться.